

Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Павлодарский государственный педагогический институт

КАЗАХИ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Омск
Издательство Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Павлодар
Издательство Павлодарского
государственного
педагогического института

2016

УДК 39+82.0+929+902
УДК 94 (574) (082)
ББК 63.3 (5 каз)
К 14

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Н.А. Томилов (гл. ред.), канд. ист. наук Ш.К. Ахметова (отв. ред.), канд. ист. наук А.А. Ильина (отв. ред.), канд. ист. наук И.В. Толпеко (отв. ред.), канд. ист. наук С.Н. Корусенко, канд. ист. наук А.Г. Селезнев, Т.Н. Смагулов.

К 14 Казахи Евразии: история и культура: сб. науч. трудов / [гл. ред. Н.А. Томилов ; отв. ред.: Ш.К. Ахметова, А.А. Ильина, И.В. Толпеко]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф.М. Достоевского ; Павлодар: Изд-во Павлод. гос. пед. ин-та, 2016. – 314 с.
ISBN 978-5-7779-2047-8 (ОмГУ им. Ф.М. Достоевского). – ISBN 978-601-267-410-1 (Павлод. гос. пед. ин-т)

В сборник научных трудов вошли статьи, написанные по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию города Омска и 150-летию со дня рождения А.Н. Букейханова (Омск, 19–20 октября 2016 г.), проведенной по инициативе и поддержке Региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мәлдiр». В книге представлены работы, посвященные различным проблемам истории и культуры казахов Евразии.

Для историков, археологов, этнографов, культурологов, политологов, музейедов и всех интересующихся историей и культурой Казахстана и России.

УДК 39+82.0+929+902
УДК 94 (574) (082)
ББК 63.3 (5 каз)

ISBN 978-5-7779-2047-8
(ОмГУ им. Ф.М. Достоевского)

ISBN 978-601-267-410-1
(Павлод. гос. пед. ин-т)

© Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского, 2016
© Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН, 2016
© Павлодарский государственный
педагогический институт, 2016

Omsk Division of Institute Archaeology and Ethnography SB RAS
Dostoevsky Omsk State University
Pavlodar State Pedagogical Institute

**KAZAKHS OF EURASIA:
HISTORY AND CULTURE
COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS**

**Omsk
Dostoevsky Omsk State University
Publishing House**

**Pavlodar
Publisher of Pavlodar State
Pedagogical Institute**

2016

УДК 39+82.0+929+902
УДК 94 (574) (082)
ББК 63.3 (5 kaz)
К 14

Editorial team:

Dr.hist. *N.A. Tomilov* (ex. ed.), cand. hist. *Sh.K. Ahmetova* (ex. ed.),
cand. hist. *A.A. Ilyina*, cand. hist. *I.V. Tolpeko* (ex. ed.), cand. hist. *S.N. Korusenko*,
cand. hist. *A.G. Seleznev*, *T.N. Smagulov*.

- K 14 **Kazakhs of Eurasia:** history and culture: collection of scientific papers / [ex. ed.: Sh.K. Akhmetova, A.A. Ilyina, I.V. Tolpeko, N.A. Tomilov]. – Omsk : Dostoevsky Omsk State University Publishing House ; Pavlodar: Publisher of Pavlodar State Pedagogical Institute, 2016. – 314 p.
ISBN 978-5-7779-2047-8 (Dostoevsky Omsk State University). – ISBN 978-601-267-410-1 (Pavlodar State Pedagogical Institute)

The collection of scientific papers includes articles written on the materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 300th anniversary of Omsk city and the 150th anniversary of A. Bukeikhanov (Omsk, 19–20 October 2016), on the initiative and support of regional public organization «Siberian center of Kazakh culture «Moldir». The book presents various historical and culture problems of the Eurasian kazakhs.

For historians, archaeologists, ethnographers, culture experts, political scientists, museum and all those interested in the history and culture of Kazakhstan and Russia.

УДК 39+82.0+929+902
УДК 94 (574) (082)
ББК 63.3 (5 kaz)

ISBN 978-5-7779-2047-8
(Dostoevsky Omsk State
University)

ISBN978-601-267-410-1
(Pavlodar State Pedagogical
Institute)

© Dostoevsky Omsk State University, 2016
©Omsk Division of the Institute
of Archaeology and Ethnography
of Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, 2016
© Pavlodar State Pedagogical
Institute, 2016

А.Б. Алдашева
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан
Г.Т. Телебаев
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

КАЗАХИ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье проведен анализ формирования казахской диаспоры в Кыргызстане. На основе исторического материала делается вывод о трехэтапном процессе формирования диаспоры. Особый акцент сделан на проблеме определения границ расселения казахского и кыргызского населения в дореволюционный период. Проанализировано влияние важных политических событий XX в. на процесс формирования казахской диаспоры (восстание 1916 г., голод 1920-1930-х гг., репрессии). Рассмотрена динамика развития диаспоры в постсоветский период и перспективы ее дальнейшего пребывания в стране. Сделан вывод о желательности сохранения диаспоры как для Кыргызстана, так и для Казахстана.

Ключевые слова: казахская диаспора, казахи в Кыргызстане, политические события XX в., диаспоральная политика Кыргызстана.

A.B. Aldasheva
Balasagyn Kyrgyz national university,
Bishkek, Kyrgyzstan
G.T. Telebayev
Gumilev Euroasian national university,
Astana, Kazakhstan

KAZAKHS IN KYRGYZSTAN: HISTORY AND MODERNITY

The analysis of the Kazakh Diaspora formation in Kyrgyzstan is made in given article. Based on the historical material the work offers conclusion about the three-stage process of Diaspora formation. Particularly here is emphasized the problem of defining the boundaries of settling the Kazakh and Kyrgyz population in the pre-revolutionary period. The paper analyzes impact of XX century's important political events on the process of Kazakh Diaspora formation (the uprising of 1916, the hunger 20-30-ies, repression). Moreover there is considered the dynamics of Diaspora development in the post-Soviet period and the prospects for its further stay in the country. There is made conclusion about the desirability of preserving the Diaspora as for Kyrgyzstan, and Kazakhstan.

Key words: Kazakh Diaspora, Kazakhs in Kyrgyzstan, the political events of the twentieth century, Diaspora policy of Kyrgyzstan.

Численность казахов в Кыргызстане, по данным Республиканского статистического комитета, составила в январе 2013 г. 33400 человек, в то время как по переписи 2009 г. их было 33 200 [6, с. 48]. Прирост является совсем небольшим, однако важна тенденция: остановился процесс уменьшения казахского населения в Кыргызстане, который начался в 1990-е гг.

Рассмотрим исторические обстоятельства формирования и роста казахской диаспоры в Кыргызстане. Однако прежде необходимо обратить внимание на то,

что часть казахского населения Кыргызстана является не диаспорой, а ирридентой (впрочем, также как и часть кыргызского населения приграничных с Кыргызстаном территорий Казахстана). Как свидетельствуют многочисленные исторические факты, современные границы между двумя странами не проходят (да и не могли проходить в принципе) по границе проживания представителей того или другого этноса. Вернее будет сказать: проживание двух этносов было в местах соприкосновения настолько тесным, что «за границей» оказывались и кыргызы, и казахи, жившие в этих местах испокон веков. Значительное влияние на это оказывал, конечно, кочевой образ ведения хозяйства.

Вместе с тем, весьма сложно определить численность и расселение казахов на территории Кыргызстана в дореволюционный период. Дело в том, что в материалах Первой всероссийской переписи населения 1897 г. в томе, посвященном населению Семиреченской области (в которую входили населенные как казахами, так и кыргызами Верненский, Пишпекский и Пржевальский уезды), «распределение населения по родному языку» (так определялась этническая принадлежность) выглядит так: «великорусский, малорусский, белорусский, польский, остальные славянские, литовско-латышский, романские, немецкий, остальные индо-европейские, турецко-татарские: татарский, башкирский, мещеряцкий, чувашский, турецкий, туркменский, киргиз-кайсацкий, сартский, узбекский, таранчинский, кураминский,...») [5, с. 52-53] и другие. Как видим, казахи и кыргызы объединены в одну группу, для которой родным является «киргиз-кайсацкий» язык.

Это подтверждает и В.В. Бартольд в статье «Киргизы. Исторический очерк»: «Русская перепись 1897 г. признавала киргиз или, как тогда говорили, кара-киргиз только в одной Ферганской области, где их насчитывалось 201579 душ (в других областях кара-киргизы или, как их еще называли в XIX в., «дикокаменные киргизы» объединялись вместе с казахами под общим названием «киргизы»)» [1, с. 65-80].

Вернемся к формированию казахской диаспоры. По нашему мнению (основанному на многочисленных архивных данных и публикациях ученых) можно выделить три главных этапа формирования казахской диаспоры Кыргызстана.

Первый этап – в период и после восстания 1916 г. Как свидетельствуют архивные данные: «События 1916 года в бывшей Джетысуйской области или так называемое «киргизское восстание» вначале закончилось тем, что масса киргизского населения бежала за границу, в сопредельное государство Китай. Каракольский уезд бежал из волостей почти весь; из Нарынского – 5 волостей, т.е. большая часть. Из Пишпекского уезда бежала громадная Сарыбагизская волость и большая часть соседних – Шамсинская и Тыкаевская. Точно также бежало киргизов из Алма-Атинского, Джаркентского, Лепсинского и Копальского уездов. Точную цифру бежавших после событий 1916 г. установить не представляется возможным, но по приблизительным данным она не менее 100000 чел. Все эти 100000 чел. бежали в Западный Китай, в два района: Илийский – в район китайского города Кульджи и Кашгар-Учтурфанский – в районе китайских городов: Кашгар-Уч-Турфан и Ак-Су. По докладу уполномоченного, командированного в китайские пределы в Илийский район, по данным А. Салтанаева, насчитывается казахов в Илийском районе так: Лепсинских – до 300 семей, Копальских – до 150 семей, Джаркентских – до 400, семей, Каракольских – до 210 семей и Пишпекских – 8 семей. Итого – до 1068 семей» [7, л. 136-136 об.].

Второй этап – в годы массового голода, в 1921-1922 и 1932-1933 гг. Особенно массовым был исход казахов в Китай, Монголию, Россию, Узбекистан, Кыргызстан, далее в Иран и Афганистан. По данным профессора З.К. Курманова: «В общей сложности в миллионный Кыргызстан, который сам едва пришел в себя после массовых потерь во время жестокого подавления национально-освободительного восстания 1916 г., прибыло около 125 тыс. казахских беженцев» [2].

Третий этап – в годы массовых репрессий в 1920-1950-е гг. XX в. В исследовательской литературе по этой теме сложилось устойчивое представление о том, что в Казахстане «за 33 года с 1920 по 1953, около 110 тысяч человек было подвергнуто политическим репрессиям, около 18% всей казахстанской партийной организации было объявлено врагами народа» [3].

После бурной первой половины XX в. численность казахов в Кыргызстане к 1950-м гг. стабилизировалась и росла в основном за счет естественного прироста населения.

В 1999-2009 гг. численность казахов уменьшилась с 42700 до 33200, причем уменьшение произошло только за счет миграции, поскольку естественный прирост составил 5200 чел., а миграционная убыль – 7900 [4, с. 82].

Расселение казахов в Кыргызстане остается стабильным и имеет исторические корни, которые были рассмотрены выше. Так, больше всего казахов было и остается в трех регионах Кыргызстана: Чуйской области (с Бишкеком), Иссык-Кульской и Таласской областях. По данным переписи 2009 г. доля казахов по месту проживания составляла: в Чуйской области – 38,6%, в г. Бишкеке – 27,1%, в Иссык-Кульской области – 19,5% и в Таласской области – 9,2%.

В заключение полагаем возможным сделать следующие выводы:

– казахская диаспора Кыргызстана хорошо интегрирована в кыргызское общество благодаря языковой и культурно-исторической близости к кыргызам, межэтническим бракам;

– для властей Кыргызстана наличие лояльной диаспоры является позитивным фактором в качестве модели построения межэтнических отношений, прежде всего, между тюркоязычными этносами страны;

– для Казахстана наличие диаспоры в соседней братской стране также имеет положительное значение как с точки зрения экономических интересов, так и в силу геополитических факторов необходимости дальнейшей интеграции центрально-азиатских государств;

– миграционный потенциал диаспоры, на наш взгляд, исчерпан или почти исчерпан, политика обоих государств должна быть направлена на сохранение казахской диаспоры в Кыргызстане.

Источники и литература:

1. Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. М., 1963. Т. II. Ч. 1 С. 65-80.

2. Курманов З.К. О голоде в Кыргызстане и Казахстане в 1932-33 годах, «Алаш» и других парадоксах истории [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «PR.kg». URL: www.pr.kg (дата обращения: 15.08.2016).

3. Массовые политические репрессии в Казахстане [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Библиотекарь. Ру. URL: <http://www.bibliotekar.ru/gulag/6.htm> (дата обращения: 15.08.2016).

4. Население Кыргызстана в начале XXI века / под редакцией М.Б. Денисенко. Бишкек.: 2011. 330 с.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под редакцией Н.А. Тройницкого. LXXXV. Семиреченская область. СПб., 1905.

6. Статистический ежегодник Кыргызской Республики / под редакцией А. Осмоналиева / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Бишкек, 2013. 435 с.

7. ЦГА РК. Ф.847. Оп.1. Д. 27.

УДК 394

Б.Б. Алимбаева

*Оренбургский государственный аграрный университет,
Оренбург, Россия*

КАЗАХСКИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОРЕНБУРЖЬЯ (ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ)

События 80-90-х гг. XX в. стали катализатором роста национального самосознания, самоидентификации народов России. Актуализировалась потребность в изучении родного языка, сохранении национальных традиций, что привело к созданию национальных общественных организаций.

Ключевые слова: казахи, самосознание, развитие, родной язык, культурно-просветительское общество, национальная газета.

B.B. Alimbaeva

*Orenburg State Agrarian University,
Russia, Orenburg*

KAZAKH NATIONAL-CULTURAL PUBLIC ORGANIZATIONS OF THE ORENBURG REGION (THE HISTORY OF)

Event 80-90s of the twentieth century became a catalyst of national identity, identity of the peoples of Russia. Actualized the need for studying the native language, preservation of national traditions, which led to the establishment of the national public organizations.

Ключевые слова: kazakhs, consciousness, development, native language, cultural-educational society, a national newspaper.

В Оренбургской области казахские активисты первыми создали и оформили национально-культурные организации. Согласно переписи 1989 г. в Оренбургской области было зарегистрировано более 80 национальностей, среди них 114 477 казахов, что составило 5,1%¹ [4]. Традиционно местами компактного проживания казахского населения являлись приграничные с Казахстаном районы: Адамовский, Акбулакский, Беляевский, Домбаровский, Новоорский, Первомайский, Соль-Илецкий, Ясненский.

В конце 1980-х гг. в районах компактного проживания казахского населения стали открываться факультативные группы по изучению родного

¹Согласно данным переписи 2002 г., численность казахов возросла до 125 680 чел. (5,7%).

языка. В 1989 г. в Домбаровском, Илецком (совхоз Димитрово), Акбулакском р-нах и г. Орске начали работать местные культурно-просветительские общества.

Следующим шагом стал созыв в июле 1990 г. областной учредительной конференции, на которой был принят Устав, избрано руководство, заложены основы для создания Областного казахского культурно-просветительского общества «Казак тіле». Первым председателем избрали Мурзатая Бисембаевича Тасмурзина, уроженца Адамовского района, учителя математики, директора школы с 40-летним стажем. Он возглавлял общество с 1990 по 1994 гг.

Давлет Гильмутдинович Фахрутдинов¹ – один из активных участников просветительского движения, выступая на конференции, обратился к собравшимся на казахском языке, призывая оренбургских казахов поддержать созданное общество. Д.Г. Фахрутдинов руководил казахской национально-культурной автономии с 1997 г.

Люди, стоявшие у истоков создания культурно-просветительских обществ, трудились в сфере образования. Это были учителя, директора школ, заведующие отделами образования (многие из них получили образование на казахском языке, свободно владели литературным казахским языком). Они прекрасно понимали необходимость просветительской работы, ездили по районам области, встречались с казахами. Им рассказывали о своих чаяниях, высказывали пожелания, в частности, получать информацию о происходящих событиях на страницах печатных изданий. Это совпадало с намерением руководства общества «Казак тіле» иметь собственный печатный орган для поддержания связи с казахами из отдаленных уголков Оренбургской области, для просвещения и воспитания молодого поколения на традициях предков [3].

Руководители культурно-просветительского общества «Казак тіле» и местных казахских организаций обратились к редакциям районных газет с просьбой публиковать материал на страницах своих изданий. Газета должна была помочь читать и понимать печатное слово на казахском языке, пропагандировать возрождение языка, традиций, обычаев.

Редакции откликнулись и стали оформлять вкладыши на казахском языке внутри районных газет, это вызвало интерес и понимание читателей, получило широкий общественный резонанс. Так появились однополосные газеты «Достық» в Акбулаке, «Бірлік» в Адамовке. На страницах изданий публиковали материал о народных традициях, обычаях, появилась рубрика «Изучение родного языка». Однако возникли трудности: отсутствие материальных ресурсов, подготовленных кадров полиграфистов и творческих сотрудников редакций. Одной из проблем стала малочисленная читательская аудитория (ведь многие казахи уже не владели своим родным языком на литературном уровне². Всё это отражалось на коэффициенте отдачи. После первых неудачных опытов около двух с половиной лет наблюдалось затишье в издании казахских газет.

¹ Будучи татарин по национальности, он жил среди казахов, учился в школе, затем в педагогическом училище на казахском языке, был учителем, возглавлял Домбаровский районный отдел образования (Личная встреча автора статьи с Д.Г. Фахрутдиновым и его супругой К.М. Мирмановой в августе 2006 г.).

² На территории Оренбургской области последние казахские школы и педагогические училища были закрыты в 1960-е гг. в связи с невостребованностью, т.к., преимущественно, казахское население оставалось жить, учиться и работать в России, в РСФСР отсутствовали ссузы и вузы с обучением на казахском языке.

Потребность в печатном органе оставалась. Зимой 1991 г. областное казахское культурно-просветительское общество «Қазақ тіле» взялось за издание газеты. Как вспоминал председатель общества М.Б. Тасмурзин: «Пришлось, засучив рукава, взяться за газету» [5]. Долго обсуждали название, обратились к историческим фактам. Как известно, в начале XX в. в Оренбурге издавалась газета «Қазақ», а в г. Троицке в 1911-1915 гг. журнал «Айкап», его издателем и редактором был Мухамеджан Сералин¹. Остановились на названии «Айкап»² («Взгляд»).

После длительных поисков кандидата в редакторы газеты (обязательным требованием было знание литературного казахского языка и желание сменить местожительство, переехать в г. Оренбург), нашли подходящую кандидатуру. Им оказался Нурманов Аяган Туребекович, учитель литературы сельской школы Адамовского р-на. В течение трех лет он жил вдали от семьи, в общежитии «Юность». Аяган Туребекович возглавлял газету с 1991 по 1996 гг.

Соучредителем газеты была администрация Оренбургской области, и долгожданный первый номер газеты увидел свет 16 мая 1991 г., тираж составил 2500 экземпляров. 2 июля 1991 г. газета «Айкап» получила свидетельство о регистрации.

На страницах газеты «Айкап» публиковали материалы о выдающихся личностях; истории казахского народа, обычаях, традициях; современных событиях, происходящих в стране и области; социальном самочувствии, национальной самоидентификации. В газете была рубрика «Изучаем родной язык». В ней читателей знакомили с грамматикой, рассматривали правила, предлагали задания на закрепление, расширяли словарный запас. Газета публиковала материал на двух языках: русском и казахском.

1991 г. был плодотворным и результативным – в декабре была зарегистрирована и Оренбургская областная общественная организация казахов «Ақ Жайық». Она сформулировала основные цели и задачи, важные для всех организаций, входящих в «Ақ Жайық». Это, прежде всего, возрождение и дальнейшее развитие родного языка среди населения казахской национальности, его старинных национальных обычаев, традиций, духовного наследия и национальной психологии, необходимость содействия в изучении казахского языка в общеобразовательных школах и других учебных заведениях народного образования в различных формах - в виде отдельной учебной дисциплины,

¹Мухамеджан Сералин (1872-1929 гг.), казахский поэт и публицист, его заместителем и секретарём редакции был Еркем Алимов (1892-1913 гг.) – двуязычный татаро-казахский поэт (сын татарина и казашки), чьи произведения печатались на казахском языке в журнале «Ай-Кап» и на татарском – под псевдонимом «Шала татар» на страницах «Акмолла».

На 20 страницах выходил журнал «Ай-Кап», освещая самые разнообразные темы: национальная культура (исследовательские публикации по фольклору, этнографии казахов); пантюркистское движение (пропаганда мусульманского образования, строительство мечетей), проблемы аграрных и товарно-денежных отношений в казахском ауле, эмансипация казахской женщины и т.п.«Ай-Кап» внёс значительный вклад в развитие литературы и оформление казахского литературного языка. В сентябре 1916 г. после выпуска 88-го номера власти закрыли журнал, т.к. в 1916 г. после объявления о мобилизации жителей Центральной Азии на тыловые работы, встреченного народом крайне отрицательно (казахи были освобождены от воинской повинности, её стали отбывать с осени 1928 г.), «Ай-Кап» призывает к вооружённому восстанию против царского правительства [1; 2].

²В переводе с казахского языка восклицание: «Ай-кап» означает «сожаление», дословно – «как бы не опоздать». Существует и иной перевод: «Айкап» – «взгляд», «отражение».

кружков, факультативов, организация художественной самодеятельности на казахском языке; поддержание связи с казахскими филармониями и театрами, общественными объединениями; помощь в пополнении библиотечных фондов книгами на казахском языке; организация подписки на газеты и журналы, издаваемые на казахском языке [6].

Движение по созданию обществ активизировалось, к осени 1992 г. существовало уже 14 районных и городских обществ.

Областная администрация поддерживала деятельность национальных культурно-просветительских организаций. Доказательством служит «Целевая комплексная программа поддержки развития национальных культур народов Оренбуржья на 1994-1995 годы», представляющая собой систему взаимосвязанных мер, направленных на обновление и развитие национальной жизни представителей каждого народа, населяющего территорию области. Одним из примеров практического воплощения данной программы является участие администрации Оренбургской области в качестве соучредителя первой казахской газеты «Айкап».

Сохранение родного языка, народных традиций возможно в процессе общения и обучения. Возник вопрос о преподавании казахского языка в населённых пунктах с компактным проживанием казахов. В 1990-х гг. многое делалось энтузиастами, прежде всего, учителями, получившими образование на казахском языке в школах и педагогических училищах Оренбургской области и Казахстана, которые свободно владели литературным казахским языком. Затем были организованы поездки в Казахстан на курсы повышения квалификации.

Я неслучайно останавливаюсь на бытовых моментах, это еще раз подчеркивает, что у истоков культурно-просветительской деятельности казахского населения Оренбургской области стояли неравнодушные люди, энтузиасты, патриоты.

Конкретным примером является учительская династия семьи Дияровых, живущих в Беляевском р-не в с. Жанаталап, что в переводе означает «Новая надежда». «Главная учительница» – Асия Турабаевна, ей за 80 лет, она бодра и энергична. Её детская мечта стать учительницей осуществилась. В 1950-х гг. Асия Турабаевна поступила в Акбулакское казахско-русское педагогическое училище, а заканчивала уже Оренбургское, т.к. в Акбулаке училище закрыли. В период педагогической деятельности, с 1960 по 2001 гг., она преподавала казахский и русский язык, литературу. Асия Турабаевна в течение 10 лет вела занятия, собирала материал, вместе с коллегами, учениками, их родителями и всеми жанаталапцами готовила и проводила праздники, прежде всего, Наурыз. В 2001 г. Асия Турабаевна ушла на заслуженный отдых, проработав более 40 лет (рис. 1).

Рис. 1. Асия Турабаевна Диярова

Рис. 2. Марсель Каирович Дияров

В 1950 – 1960-х гг. в селах с казахским населением школьники учились на родном языке, но из года в год количество национальных школ уменьшалось, т.к. продолжить обучение в средне-специальных и высших учебных заведениях на казахском языке можно было лишь в Казахстане, и родители стали определять своих детей в русские школы. Спустя три десятилетия оказалось, что молодое поколение плохо владеет родным языком. В конце 1980-х – начале 90-х гг. стали открывать классы, факультативы, кружки для изучения казахского языка и истории.

Жанаталапская основная школа тому наглядный пример. В 1991 г. здесь начали факультативно изучать историю казахского народа, родной язык. В школе создали музейный уголок, отражающий жизнь казахов. Здесь можно увидеть келе¹, дермен² и другие экспонаты, переданные жителями посёлка.

В родной школе работает и возглавляет её Марсель Каирович Дияров (рис. 2) – сын Асии Турабаевны. Он не только бережно хранит историю села, школы, национальные традиции, обычаи, но и активно пропагандирует, будучи руководителем районного национального общества «Казак тілі», созданного в 1998 г. С особой гордостью Марсель Каирович рассказывает о юрте, подаренной Ассоциацией казахов Оренбуржья. Это жилище юрта, приобретенная у казахов, переехавших из Монголии. Её видели все участники областного Наурыза, проходившего в Беляевке в 2000 г. Юрта популярна не только в Беляевке, но и за её пределами. С легкой руки Марселя Каировича в ней проводят свадебный обряд «Беташар». Желающих совершить «Беташар» именно в юрте очень много.

Еще одна учительская семья – неутомимые Каншаим Мирмановна Мирманова (рис. 3) и Давлет Гильмутдинович Фахрутдинов - преподавали в Домбаровском районе, ввели факультативы, затем уроки по изучению казахского языка (рис. 4). В последующем Д.Г. Фахрутдинов руководил Домбаровским культурно-просветительским обществом «Казак тіле», а с 1997 г. - казахской национально-культурной автономией.

Рис. 3. Каншаим Мирмановна Мирманова проводит занятия в здании мечети поселка Домбаровский Оренбургской области

¹Ступа, в которой перетирали тарэ (просо).

²Жернов, в нём перемалывали тарэ.

Рис. 4. Занятия в мечети

Таким образом, у истоков создания национально-культурных организаций Оренбуржья стояли люди, которых без преувеличения можно назвать пассионариями.

Огромная работа была проделана в 1980-1990-е гг.: созданы районные, городские, областное культурно-просветительские общества «Казак тілі», Оренбургская областная общественная организация казахов «Ак Жайык», издавались однополосные районные газеты, учреждена областная газета «Айкап», в школах и Домах культуры созданы творческие коллективы.

Активная жизненная позиция представителей старшего поколения, их искренняя заинтересованность в сохранении родного языка, истории своего народа позволили передать молодежи посыл – быть продолжателями заложенных традиций.

Примечание:

Фотографии предоставлены Л.И. Лариной – кандидатом исторических наук, доцентом МГУ им. М.В. Ломоносова, руководителем этнографической экспедиции 2006 г. по местам компактного проживания казахского населения Оренбургской области

Источники и литература:

1. Алимбаева Б.Б. Развитие национального движения казахов Оренбуржья // Вестник ОГУ. Оренбург. 2006. № 6. С. 321-327.
2. Алимбаева Б.Б. Роль печати в культурном развитии казахского народа // Этнополитические процессы в трансформирующемся российском обществе: мат-лы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург. 2005. С. 158-162.
3. Давлеталинова Г. С первого дня ... и по четверть века // Жана Айкап (Новый взгляд). 2016. № 7 (18 июля).
4. Данные Всероссийской переписи населения 1989 г. // URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fistmat.info%2Ffiles%2Fuploads%2F17594%2Fnaselenie_ussr_po_dannym_vsesoyuznoy_perepisi_naseleniya_1989g. (дата обращения 28.06.2016).
5. Тасмурзин М.Б. Айкап – газета казахов Оренбуржья // Айкап. 1996. № 9 (31 мая).
6. Устав областной общественной организации казахов «Ак-Жайык».

Г.А. Алпыспаева, Ш.Н. Саяхимова
Казахский агротехнический университет им. С.Сейфуллина,
Астана, Казахстан

ОМСК КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЦЕНТР В БОРЬБЕ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В АКМОЛИНСКОМ КРАЕ

В статье рассматривается проблема установления советской власти в г. Акмолинске и Акмолинской области. На основе архивных источников анализируется значение города Омска как организационного центра борьбы за власть советов в регионах Центрального Казахстана в 1917-1918 г. В условиях Акмолинска борьбу за власть, в которой переплелись классовые, национальные и политические интересы разных слоев населения, вели различные политические силы. При организационной поддержке из Омска большевикам удалось взять инициативу в свои руки и нейтрализовать попытки противников советской власти к сопротивлению.

Ключевые слова: советская власть, Омск, Акмолинск, уездный центр, большевики.

Г.А. Alpyspayeva, Sh.N. Sayakhimova
Seifullin Kazakh Agro Technical University,
Astana, Kazakhstan

OMSK AS ORGANIZATIONAL CENTER IN THE STRUGGLE FOR SOVIET POWER ESTABLISHMENT IN AKMOLA REGION

The problem of the establishment of Soviet power in Akmolinsk town and Akmola region is considered in the article. On the basis of archival sources the value of Omsk as the organizational center in the struggle for Soviet power in the regions of Central Kazakhstan in 1917-1918 is analyzed. In Akmolinsk the struggle for power in which class, national and political interests of different strata of the population entwined, was carried out by the various political forces. With organizational support from Omsk the Bolsheviks were able to take the initiative in their own hands and attempts to neutralize the resistance of the enemies of the Soviet power.

Keywords: Soviet power, the Bolsheviks, Omsk, Akmola, the county town.

С конца XIX в. г. Акмолинск и Акмолинский уезд одноименной области стали одним из эпицентров социальных потрясений в Центральном Казахстане в силу того, что в край проникали революционные идеи. Несмотря на отдаленность от центра, уездный г. Акмолинск был местом ссылки русских революционеров еще с 80-х гг. XIX в. С 1882 по 1906 гг. в городе отбывали ссылку около 50 человек [1, л. 23].

Под влиянием событий в России в начале XX в. в городе формируется первая социал-демократическая группа, в которую входили местные обыватели и интеллигенты. Хотя она и считалась самостоятельной, но деятельность свою осуществляла под непосредственным руководством автономной группы Омского комитета РСДРП, находившейся в г. Петропавловске. Следуя указаниям центра,

группа занималась распространением брошюр и прокламаций политического содержания, вела агитационную работу среди горожан, пытаясь использовать возможные способы воздействия на власти для решения проблем переселенческого крестьянства [5, л. 2].

Первые политические волнения начались в городе и области в годы первой русской революции; это были выступления служащих Акмолинской почты, рабочих Успенского завода, а также шахтеров карагандинских угольных копий. Массовый и упорный характер выступлений заставил правительство прибегнуть к крайней мере – объявить Акмолинскую и Семипалатинскую области на военном положении.

В годы первой русской революции (1905-1907) влияние омской областной социал-демократической организации на политическую обстановку в Акмолинском крае было еще более активным. В своем рапорте от 12 февраля 1907 г. Акмолинский уездный начальник писал: «В воскресенье, 28 января во многих местах Акмолинска по улицам и площадям были разбросаны прокламации РСДРП. Они были четырех видов: 1 – «К избирателям», 2 – «Для чего социал-демократия идет в Думу», 3 – «Черносотенные партии», 4 – «Самодержавие прежде и теперь» [7]. Появление листовок в городе не было случайным. Как раз в тот день, 28 января, проходили выборы выборщиков от городского населения для предстоящего избрания в г. Омске представителя от Акмолинской области в Государственную Думу. Разбрасывание прокламаций было, по-видимому, делом рук членов упомянутого кружка. Оно имело результат; от Акмолинской области в Государственную Думу депутатом прошел большевик, кандидат Омской организации РСДРП А.Виноградов.

Своеобразной формой выражения политических взглядов среди местных горожан было неожиданное появление в общественных местах политических масок антиправительственного характера. Так, на новогодний городской бал 3 января 1908 г. один из участников социал-демократической группы явился в маске «Крестьянский вопрос». Маска наглядно демонстрировала всю остроту проблемы бедственного положения крестьянства и настоятельную необходимость решения аграрного вопроса. Одним из организаторов таких политических маскарадов на балах городской элиты в 1908 г. был местный мещанин О. Павлов. Еще с 1895 г., находясь на военной службе, он вел агитацию среди солдат, а с переездом семьи в Акмолинск вел революционную пропаганду в городе. Павлов был достаточно образованным человек, много занимался самообразованием. Вращаясь в кругу богатых горожан, он собирал информацию. В 1917 г. за организацию очередного маскарада на новогоднем балу у известного местного купца М. Кубрина он был арестован и отсидел месяц в городской тюрьме. Когда в городе была создана партийная большевистская организация, Павлов вступил в нее и организовал подпольную типографию у себя на квартире. Погиб, как и многие акмолинские большевики, в годы гражданской войны в вагонах смерти атамана Анненкова по пути в г. Омск [4, л. 6].

5 марта 1917 г. в г. Акмолинск пришла телеграмма от Исполнительного комитета Государственной Думы о падении самодержавия в российской империи. Но весть о свержении монархии в городе была объявлена лишь через три дня. Уездный начальник Иванов, опасаясь волнений, умышленно задержал объявление ее содержания. Опасения оказались не напрасными, февральские события 1917 г. в центре всколыхнули город. Интеллигенция города, мещане, солдаты местного

гарнизона с восторгом встретили сообщение о революции. Началась подготовка к перевыборам городского самоуправления и избранию уездного Исполнительного комитета. В 20-х числах марта из г. Омска в г. Акмолинск прибыл комиссар Временного правительства прапорщик Петров, назначенный на должность уездного комиссара.

Между тем, после февральской революции 1917 г. классовое размежевание в стране приняло более жестокие формы. Этому во многом способствовала своеобразная политическая ситуация, возникшая после февральской революции и характеризующаяся системой двоевластия. Временное правительство спешило воспользоваться политической победой, приступив к созданию на местах своих органов управления – комитетов. Вышли из подполья большевики и уже в новых условиях приступили к собиранию своих сил. В городах образовывались большевистские комитеты и мобильные группы, взявшие на себя инициативу оформления легальных организаций, подготовку и проведение организационных собраний. В условиях постепенного нарастания классового противостояния поиски мирных путей захвата власти разными политическими силами стали практически невозможными.

Уездный г. Акмолинск не стал исключением. Проявлением политического оживления обстановки в городе стали сразу несколько событий, произошедшие в мае 1917 г. В здании городского кинотеатра «Прогресс» проходил Съезд крестьянских депутатов Акмолинского уезда, на котором присутствовало 159 депутатов. На нем были заслушаны и обсуждены вопросы политического, хозяйственного и культурного характера. Съезд избрал специальную комиссию для согласования интересов казахского и русского населения, в нее вошли по 18 человек от каждой стороны. В области народного образования было принято решение ввести в уезде всеобщее начальное образование за счет государства и земства. Что касается земельного вопроса, на тот момент актуального и злободневного, было решено, что «подробный земельный закон устанавливается только Учредительным собранием». В целом, решения съезда были направлены на поддержку политики Временного правительства [3, л. 4].

19 мая 1917 г. были проведены выборы в уездный Исполнительный комитет (исполком). В него избрали 25 человек: по 3 представителя от русских и казахских волостей, 4 человека – от г. Акмолинска, 1 кандидат – от офицеров гарнизона и солдат местной команды, 1 кандидат – от жителей казачьей станицы Акмолинска. Комитет возглавил городской врач Благовещенский. Исполнительный комитет Временного правительства, поддерживаемый Акмолинским областным комиссаром, обладал реальной властью в городе. Но, несмотря на то, что в составе нового органа власти преобладали сторонники Временного правительства, внутри комитета не было единства взглядов.

Среди участников съезда выделялись радикально настроенные солдаты, рабочие и крестьяне, что привело к образованию двух блоков: правого и левого. Между ними началась острая борьба за политическое влияние. Первые, а их было большинство, выступали в поддержку Учредительного собрания. Левый блок возглавили солдаты Акмолинского гарнизона Ф. Кривогуз и Н. Монин, позже выступившие организаторами Акмолинской уездной партийной организации и ставшие членами первого советского большевистского правительства в городе. Они боролись за передачу власти в руки Советов.

В составе Исполнительного комитета значительную группу составляла казахская интеллигенция. В ее рядах также не было единства, шли дискуссии по вопросам политической борьбы. Часть интеллигенции выступила сторонниками алашских идей автономии казахов, пропагандируя среди масс коренного населения сепаратистские настроения, призывая казахов к борьбе за самоопределение. Эти идеи находили поддержку со стороны большей части казахского населения. В период подготовки выборов в Учредительное собрание они группировались вокруг списка №5. Другая часть национальной интеллигенции, проявлявшая более радикальные настроения, группировалась вокруг списка №11. В их числе была и группа казахских интеллигентов, объединившихся в составе молодежной организации «Жас казах», лидером которой был С. Сейфуллин. В деятельности организации активно участвовали местные национальные лидеры: А. Бирмухамедов, А. Асылбеков, К. Кемеңгеров, Р. Дюсембаев. [3, л. 6]. Через издаваемую газету «Тиршилик» они боролись против злоупотреблений администрации, открыто поддерживали большевиков и высказывались за переход власти к Советам.

Анализ политической ситуации в городе в хронологическом промежутке между февралем и октябрём 1917 г. дает основание предположить, что в период двоевластия в Акмолинске борьбу за власть вели несколько политических сил. Кроме вышеназванных политических блоков, в борьбе за власть в городе принимала участие еще одна политическая сила – земства, оформившиеся летом 1917 г. после утверждения постановления о введении земств в Степных областях. Создание земств предполагалось как в русских, так и казахских волостях, но в последних они так и не были введены. Для проведения выборов и организации работы земств были выделены немалые средства, израсходованные на закупку литературы, рассылку инструкций и разъяснений. Злоупотребления при выборах в земские управы подрывали авторитет и престиж этих организаций. Тем не менее, в ходе обострившейся борьбы за власть земства, представленные в основном интеллигенцией города, имели влияние среди определенной части населения города.

Кроме того, в ходе размежевания политических сил, в мае 1917 г. в городе возникла большевистская группа, в которую входили Н. Монин, Ф. Кривогуз, Т. Бочок и другие. Руководимые Омским отделением РСДРП, акмолинские большевики повели свою линию политической борьбы за власть.

Обстановка в городе летом и осенью 1917 г. характеризовалась нарастанием классового противостояния. Отношения между разными политическими силами строились сложно. Основная линия борьбы наметилась между комиссаром Временного правительства прапорщиком Петровым и большевиками. Об этом свидетельствуют письма и донесения инструктора по подготовке Учредительного собрания большевика Ф. Казаченко в Центральный комитет РСДРП. Он сообщал, что Петров препятствует распространению большевистской литературы в городе, клеветает на большевиков, дискредитирует их в глазах народа и требовал от однопартийцев принять меры против последнего. С другой стороны, вызывала раздражение деятельность земской управы. Областной комиссар, поддерживавший Исполнительный комитет, неоднократно подавал в суд на управу за превышение ею своих полномочий.

Осенью политическая ситуация в городе еще больше обострилась. В октябре 1917 г. в Акмолинске был создан «Союз трудящихся мусульман»,

объединивший в своих рядах не только представителей национальной интеллигенции, но и широкие слои коренного казахского населения города. Понимая, насколько важна поддержка трудящегося народа коренной национальности, большевики смогли подчинить их лидеров своему влиянию. На одном из городских митингов лидер акмолинских большевиков Н. Монин заявил: «За нами стоит «Союз трудящихся мусульман». Опираясь на них, мы организуем советскую власть» [3, л. 11]. В условиях жестокого классового противостояния и в интересах победы большевики боролись за расширение социальной базы своего движения.

Обострению политической обстановки в городе способствовало прибытие в Акмолинск в конце ноября – начале декабря 1917 г. солдат-фронтовиков. По приказу Военно-революционного комитета из Петрограда в Акмолинскую область в ноябре 1917 г. было направлено 50 матросов Балтийского флота [3, л. 6]. Непосредственно в Акмолинск для организации советской власти прибыли матросы Зимин и М. Авдеев. По заданию центра они развернули работу по организационному размежеванию с меньшевиками и другими демократическими партиями и организациями. Сколотив вокруг себя группу сторонников большевистского списка №3 на выборах в Учредительное собрание, они разоблачали меньшевистских агитаторов, раскрывали антинародную сущность политики Временного правительства. Впоследствии эта группа возглавила борьбу за установление советской власти в городе и уезде. Ко времени прибытия матросов местная команда солдат, среди которых вели агитацию Н. Монин и Ф. Кривогуз, уже была на стороне большевиков. Стремясь нейтрализовать их влияние на солдат, прапорщик Петров добился отправки Монина и Кривогуза на фронт, но вскоре они вернулись вместе с другими солдатами, привезя с собой инструкции Омского совдепа.

В декабре 1917 г. в Омске проходил третий Западносибирский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласивший советскую власть в Сибири и Северном Казахстане. Решения съезда в определенной мере способствовали мирной победе советской власти в Акмолинске, так как Омский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (совдеп) и Омский комитет партии оказывали организационную поддержку большевикам Акмолинска. Решением Омского комитета туда были направлены опытные большевики: Г. Дризге, А. Ищуков, П. Тимошенко и Ф. Казаченко.

В ходе борьбы и окончательного раскола с меньшевиками 25 декабря 1917 г. оформилась Акмолинская организация большевиков [4, л. 8]. Первым коммунистам города выдавали билеты, отпечатанные в местной типографии. В тот же день большевики провели свое первое собрание и создали революционный комитет, в который вошли Н. Монин, Ф. Гривогуз, С. Сейфуллин, Б. Серикпаев, А. Асылбеков, Т. Бачок, З. Катченко и др. Революционный комитет, опираясь на солдат местного гарнизона, фронтовиков и рабочих-мусульман, 27 декабря объявил об установлении в городе власти Советов. Комитет принял решение об аресте членов администрации Временного правительства, но прапорщик Петров, переодевшись в костюм казаха, тайно сбежал из города.

Объявление власти Советов вызвало в городе политическое оживление. 29 декабря 1917 г. в г. Акмолинске состоялась многолюдная демонстрация казахских трудящихся. Местная буржуазия, кулачество и интеллигенция назначили созыв земского съезда на первые числа января. На съезд съехались делегаты из сел и

аулов Акмолинской области. Работой съезда руководил местный ветеринарный врач Чернов. На съезде рассматривался вопрос о подготовке к Учредительному собранию и об организации провала на выборах в собрание большевистского списка №3.

Инициативная группа большевиков тоже времени зря не теряла. Поставив задачу сорвать земский съезд, группа большевиков, среди которых были С. Сейфуллин и Н. Монин, неожиданно для всех явились на съезд и, прервав выступление председателя съезда Чернова, рассказала о происходящих в центральных районах России событиях, о победе большевиков и установлении власти Советов. Выступая перед делегатами земского съезда, Монин подчеркнул, что отныне все дела в городе и уезде будет решать первый съезд Советов, назначенный на 15 февраля 1918 г. Растерянные депутаты земского съезда вынуждены были покинуть здание кинотеатра «Прогресс» и разъехаться по домам.

Чтобы закрепить свою власть в городе и распространить ее на близлежащие районы, большевики решили созвать в феврале 1918 г. уездный съезд Советов и на нем провозгласить установление власти Советов в уезде. С этой целью был создан временный совет депутатов (совдеп), выборы в который проходили открытым голосованием за каждого депутата в отдельности с разбором его биографии. Кроме названных выше активистов в состав совдепа вошли также Б. Бекмухамедов, Х. Гизатуллин, В. Грязнов, Т. Мынбаев, А. Райфшнейдер. Члены совдепа проводили политическую агитацию среди горожан, выпускали воззвания, в которых разъяснялись цели и задачи советской власти.

Для подготовки своего съезда совдеповцы в январе-феврале 1918 г. разъехались по селам и аулам, где проводили собрания, агитировали население, организовывали волостные советы и избирали делегатов на уездный съезд. Меньшевики и эсеры предприняли ответную попытку сорвать проведение съезда, распространяя провокационные слухи о якобы готовящемся восстании. Но она не удалась, и уездный съезд советов рабочих, крестьянских, солдатских и мусульманских депутатов 15 февраля 1918 г. начал свою работу в здании городского кинематографа «Прогресс».

На уездный съезд прибыло 224 делегата, представлявшие в основном крестьянские волости [6, л. 1]. Открыл съезд и произнес торжественную речь Т. Бачок, он же был избран председателем съезда. В первый день работы был заслушан доклад о текущем моменте. Участники съезда послали приветственные телеграммы от членов местного совета, делегатов местных организаций, в том числе трудового акмолинского казачества, в адрес Омского областного совдепа.

Главным вопросом съезда стало избрание уездного Совета рабочих, крестьянских, солдатских и мусульманских депутатов. Выборы состоялись на второй день работы съезда. В совет избрали 79 человек: 30 депутатов от русских волостей, 24 – от казахского населения, 20 членов – от города, из них 5 от городского пролетариата, 5 от «Союза увечных и раненых воинов». Председателем совета избрали З. Катченко, его заместителем (товарищем) стал Т. Бачок, секретарем Ф. Кривогуз. Депутатами от казахских волостей были избраны Б. Серекпаев, Б. Адилев, С. Сейфуллин, А. Малдыбаев, А. Асылбеков, Б. Смагулов, Д. Нуркин, Тналинов, А. Байгарин. От русских волостей в совет вошли А. Олейников, И. Гниненко, З. Катченко и др. [6, л. 5].

Между большевистскими лидерами шла борьба за влияние в совдепе, поэтому имели место частые перемещения. Так, вскоре после съезда, в апреле, на пленарном заседании исполкома совдепа председателем будет избран Бачок, а Катченко перейдет на должность военного коменданта города и председателя военного отдела.

Противники новой власти всеми средствами пытались сорвать работу съезда, распространяя порочащие большевиков слухи. Провокация была организована даже во время съезда большевиков – в печь был брошен кирпич, разрушивший трубу. Раздавшийся грохот вызвал временный переполох в зале, но съезд продолжил работу. В ответ на провокацию после окончания съезда большевики спилили и уничтожили главный символ старой власти – столб с гербом, стоявший напротив Акмолинской городской управы. «Этим самым мы открыто начнем разрушать старый прогнивший насквозь империалистический строй», – заключили они [2, л. 12].

Съезд обсудил большой круг вопросов, связанных с политической и хозяйственной жизнью уезда, рассмотрел нужды трудящихся и дал подробный наказ советам, состоящий из 42 пунктов. «По-революционному» был решен вопрос о наделении пахотной и удобной луговой землей всех хлеборобов, обеспечении крестьян семенами, кормом для скота, сельскохозяйственным инвентарем, об уничтожении отрубных участков. Было принято решение о контроле над частной торговлей, о борьбе со спекуляцией, алкоголизмом, воровством. Съезд постановил произвести конфискацию «большого капитала и крупного капиталистического имущества» [6, лл. 6-8]. В качестве первоочередных задач съезд наметил организацию сети ветеринарных учреждений, введение всеобщей трудовой повинности и 8-часового рабочего дня. Интересы казахского населения, связанные с возвратом казахам изъятых в процессе колонизации земель, не нашли отражения в документах съезда.

Победа советской власти в уездном центре г. Акмолинске привела к кардинальному изменению политической ситуации в регионе. Но реальным политическим господством большевики обладали лишь в пределах города, в то время как в волостях, и особенно в казахских, влияние новой власти было формальным.

Таким образом, борьба за установление власти советов в г. Акмолинске тесно связана с политическими событиями в Западной Сибири, административным центром которой был г. Омск. Установление советской власти в г. Акмолинске и Акмолинском уезде не всегда вписывалось в общую схему революционных событий в стране. Борьбу за власть вели разные политические силы, в ней переплелись классовые, национальные, политические интересы, столкнулись центробежные и центростремительные силы. Перевес в политическом противостоянии оказался на стороне большевиков, сумевших осенью-зимой 1917 г. при организационной поддержке из г. Омска взять инициативу в свои руки, нейтрализовать попытки политических противников к сопротивлению и захватить власть без применения вооруженного насилия.

Источники и литература:

1. ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 362. Оп. 5. Д. 51.
2. ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 407. Оп. 1. Д. 183.

3. ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 407. Оп. 1. Д. 184.
4. ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 407. Оп. 1. Д. 186.
5. ГУ «Государственный архив города Астаны». Ф. 407. Оп. 1. Д. 188.
6. КУ ИсА. Ф. 284. Оп. 1. Д. 107.
7. Семенов Л. Вдохновляющие идеи // Индустриальная Караганда. 1963. 3 августа.

УДК 323.1(470+571)

Д.А. Аманжолова
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА И А.Н. БУКЕЙХАНОВ

Рассматривается деятельность А.Н. Букейханова как активного участника российского политического процесса в связи с трагическими событиями 1916 г. Подчеркивается его конструктивная роль в самоорганизации казахского общества и диалоге с властью, социальной поддержке тыловых рабочих. Предлагается учитывать закономерную связь деятельности казахских интеллектуалов с общегосударственными и региональными политическими доминантами.

Ключевые слова: А.Н. Букейханов, Казахстан, Россия, восстание, революция, политика, этноэлита.

D.A. Amanzholova
Institute of the Russian history of RAS,
Moscow, Russia

THE 1916 YEAR REVOLT AND ALIKHAN N. BUKEYKHANOV

The author considers the work of A.N. Bukeikhanov as an active participant in the Russian political process in connection with the tragic events of 1916. It emphasizes a constructive role in self-organization of the Kazakh society and the dialogue with the authorities, supporting logistics workers. It is proposed to consider the logical relationship of the activities of Kazakh intellectuals with national and regional political dominants.

Keywords: A.N. Bukeikhanov, Kazakhstan, Russia, uprising, Revolution, politics, ethnic elite.

А.Н. Букейханов (1866-1937) стал ярким представителем динамично формировавшейся в конце XIX – начале XX вв. этнополитической элиты народов Российской империи. В составе казахской национальной демократии Букейханов был, пожалуй, единственным действующим политиком, прямо участвовавшим в наиболее важных событиях той эпохи, начиная с реформы политической системы страны в ходе революции 1905-1907 гг. и заканчивая созданием национально-государственных образований в составе СССР, когда Казахстан стал субъектом

советской федерации. Его биография (наиболее активно пропагандируемая сегодня любителями конъюнктурной политизации прошлого) позволяет проследить основные этапы и коллизии этнополитического развития и консолидации казахского общества вокруг наиболее популярных сто лет назад идей, революционных и реформаторских проектов, грандиозное столкновение которых произошло в условиях мировой войны, революции и гражданского противоборства.

Фундаментальная общеобразовательная, культурная и экономическая подготовка, опыт научно-исследовательской работы, журналистской практики и тесных политических контактов с представителями разных демократических сил российской политической оппозиции составили основу и стали стимулом для быстрого и вполне успешного включения Букейханова в развернувшееся партийно-политическое строительство и формирование первого парламента – Государственной Думы. Пересечение партийно-политических «активов» в сложном этносоциальном пространстве на территории современного Казахстана сопровождалось, как и по всей стране, острым противоборством идей, структур, персонажей с непрогнозируемыми результатами и последствиями. Накопленный Букейхановым в конце XIX– начале XX вв. опыт оказался чрезвычайно ценным, когда в разных регионах Степного края и других областях современного Казахстана вспыхнули протесты против призыва коренного населения на тыловые работы. Сегодня, в связи со столетием трагических событий, развернулись оживленные и порой острые дискуссии по разным вопросам – причины и предпосылки, роль чиновников разных уровней управления в организации призыва, провоцировании конфликта или его усмирении, правомерность тех или иных мер правительства в подавлении мятежников, численность жертв и потерь среди представителей коренного населения и переселенческого крестьянства, последствия и внешнеполитические факторы восстания [1; 5; 6; 10; 11; 12; 13; 14].

Позиция казахской интеллигенции и ее лидера – А.Н. Букейханова – в 1916 г. рассматривается попутно, в т.ч. в многочисленных изданиях, посвященных 150-летию лидера «Алаш». Между тем его деятельность в 1916-1917 гг. – сотрудничество с общероссийскими гражданскими организациями, прежде всего Земгором, и правительственными учреждениями по организации социальной защиты тыловиков, работа в качестве комиссара Временного правительства в Тургайской области – служит важным примером конструктивной практики достаточно искусного переговорщика и политического лоббиста, открывавшего окно возможностей для диалога власти и общественности.

1916 г. вскрыл значительные сложности во взаимоотношениях светски образованных, встроившихся в общероссийскую социально-культурную жизнь казахских интеллектуалов с традиционной этносоциальной элитой, из которой во многом и вышли казахские «западники», а также малочисленными приверженцами большевизма. Открытая поддержка будущим лидером движения «Алаш» и его единомышленниками патриотической идеи защиты многонационального Отечества, активная агитация против антиправительственных выступлений сегодня воспринимаются как логичная и граждански выверенная позиция. Однако в советской историографии она оценивалась как предательская, поскольку якобы означала отказ от национально-классовой борьбы казахских трудящихся против всяческих эксплуататоров. Современные казахстанские авторы лишь констатируют факт поддержки интеллигенцией «колониаторской

царской» власти, как бы не решаясь отказаться от советского наследия, клеймившего алашордынцев за служение «антинародным» режимам царизма и Временного правительства и тем самым вступая в противоречие с утверждением о равнозначной колониальной сущности всех этапов казахской истории в составе российского и советского государств. Это утверждение доминирует в актуальном национальном дискурсе, в т.ч. в работах об истории восстания.

Стоит напомнить, что еще в декабре 1915 г. казахские деятели начали обсуждение вопросов о воинской службе казахов в газете «Казах» (№№ 166, 168, 177, 178, 179, 184). Большинство склонялось к желательности организации кавалерийских частей из казахов призывного возраста. Одной из причин активной поддержки этой идеи было стремление таким образом уравнивать права казахов и казачества, в т.ч. в отношении земли. Все настойчивые требования национального равенства, которые казахский политический класс во главе с Букейхановым отстаивал весьма последовательно, свидетельствовали о прямой связи их целей с общим политическим процессом в рамках единого российского государства. Представители национального движения предвидели одну из основных трудностей, которые могли возникнуть при непосредственной организации призыва, на деле оказавшуюся после царского указа наиболее болезненной, - отсутствие у казахов метрических свидетельств о дате рождения. При составлении списков для определения количества призывников на этой почве массовыми стали различные махинации и злоупотребления со стороны местной администрации и зажиточных слоев населения. Газета «Казах» 9 февраля 1916 г. предложила направить делегацию представителей всех областей для «переговоров с правительством, Думой и передачи им мнения казахского народа», чтобы в случае решения о призыве инородцев провести мобилизуемых через мусульманские органы для их метрической регистрации, разрешить проходить службу только в кавалерии и уравнивать казахов и казаков в вопросах воинской службы и землепользования. В итоге в Петроград направилась инициативная группа – А. Букейханов, А. Байтурсынов и Н. Бегимбетов, которые при поддержке председателя бюро мусульманской фракции Думы Б. Тевкелева добились обсуждения вопроса на совещании кадетов, депутатов из Сибири и мусульманской фракции.

Активисты, писавшие в газету «Казах» в апреле 1916 г., предполагали, что обсуждавшийся 25 марта на закрытом заседании Думы при рассмотрении сметы Генштаба вопрос о призыве ранее не состоявших на службе народов может быть положительно решен в ближайшее время. В начале апреля общественность Каркаралинского уезда Семипалатинской области направила запрос губернатору о проведении во время Кояндинской ярмарки 18-20 июня 1916 г. специального съезда для обсуждения «вопроса о выборе вида службы в армии с точки зрения полезности государству». После указа от 25 июня представители 7 волостей Семипалатинского уезда на собрании 31 июля приняли обращение к губернатору области передать императору «верноподданнические чувства киргизского народа, с радостью и готовностью подчиняющегося» указу, и просить о разрешении отбывать воинскую повинность в казачьих частях, отрицая в то же время «приписываемое киргизам желание сопротивляться призыву». Красноречивая риторика была традиционным средством толкования конфликтных ситуаций в кочевом обществе, что отчасти объясняет активность в печати и обращения всех сколько-то значимых националов в центр.

7 августа 1916 г. в Оренбурге по инициативе и под председательством А. Букейханова состоялось известное совещание делегатов Тургайской, Акмолинской, Уральской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Они констатировали, что «корень всех... недоразумений и трений» в связи с призывом на тыловые работы – «в неподготовленности населения и в чрезвычайной поспешности, местами – грубости и злоупотреблениях в действиях властей». Участники, в частности, решили ходатайствовать перед правительством о мерах по предотвращению эскалации конфликта в регионе. Предлагалось включить в приемные мобилизационные комиссии по два уполномоченных от каждой волости, объединить мобилизованных в артели по 30 чел. и обеспечить их переводчиками и муллами (при каждой один переводчик и на 10 артелей - один мулла), организовать медицинское обслуживание тыловиков наравне с ранеными воинами, передать мобилизованных рабочих в ведение учреждений Земского и Городского Союзов и др. Протокол совещания А.Н. Букейханов направил главе Земско-Городского Союза (Земгор) Г.Е. Львову, а также министру внутренних дел и военному министру. В итоге удалось добиться передачи в ведение Земгора 30 тыс. призванных на тыловые работы инородцев [2, с. 114-115, 239; 4, с. 38; 7, с. 57-68; 8; 15].

Руководство Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне, министерств военного и внутренних дел стремилось предусмотреть масштабы и сроки призыва, организацию транспортировки, питания, оплаты труда инородцев, условия освобождения или отсрочки от участия в тыловых работах, а также службы в армии, возможности привлечения общественности для социально-психологической и иной поддержки призывников, этнорегиональные и конфессиональные аспекты и др. 20 августа, под давлением казахской интеллигенции, причем ее предложения распространялись на тыловиков всех национальностей, межведомственное совещание обсудило согласование их перевозки по железной дороге со сроками призыва и санитарными мероприятиями, что осложнялось в т.ч. из-за психологических, культурных барьеров и стереотипов призывников [3, с.83-85].

22 августа межведомственное совещание при Главном штабе обсудило 23 вопроса о привлечении инородцев на тыловые работы и государственную оборону в районах армии и внутри страны. Они были прямо связаны с предложениями казахской интеллигенции – потребность, количество и возраст призываемых, возможности отсрочки для отдельных районов, права и обязанности тыловиков, снабжение их зимней одеждой, оплата труда, категории освобождаемых от призыва и др. Социальная направленность решений проявилась в вопросе о категориях инородцев, подлежащих освобождению или отсрочке. По настоянию казахской интеллигенции решили «предоставить киргизским обществам право и возможность послать на места работы на фронте своих уполномоченных, знающих русский язык и людей развитых, дабы они служили переводчиками и посредниками между рабочими и наблюдающими за работами». Минимальная гарантированная зарплата была установлена 1,2 руб. в сутки. Из прибывающих на фронт формировались дружины по 2250 чел. «с необходимым кадром офицерских и нижних чинов, а также мулл и переводчиков». Старшие и переводчики набирались из реквизируемых [3, с.89-90]. Совещание по ряду вопросов уступило националам, однако это касалось лишь положения инородцев в тылу действующей армии, на строительстве

оборонительных сооружений, на предприятиях и т.п. Наряду со стремлением правительства учесть возможные и уже возникшие трудности организации призыва, проявились архаичность и взрывоопасность установленной сверху этноконфессиональной стратификации населения, за которую столь упорно держалась власть. Негативную роль играла низкая продуктивность аппаратных мероприятий, плохо совмещавших общегосударственные интересы и потребности с динамичной и противоречивой социальной практикой. Как правило, неготовность бюрократии на разных уровнях искать разумный компромисс с национальным активом лишь усугубляла ситуацию и исключала возможность предотвратить или уменьшить насилие.

В марте 1917 г. при Комитете Союза на Западном фронте в Минске во многом благодаря Букейханову был создан инородческий отдел (сначала им заведовал сам Букейханов, затем до августа 1917 г. - А. Кенжин), наблюдавший за условиями жизни и работы, питанием и лечением рабочих, помогавший «в сношениях с родиной» и удовлетворении религиозных потребностей. Учащиеся и студенты, привлеченные в отдел, использовались также для эвакуации рабочих на родину летом 1917 г. 11 октября 1916 г. военный министр Д.С. Шуваев издал приказ об утверждении положения о приеме в казачьи части добровольцев из инородцев, подлежащих мобилизации на тыловые работы по указу от 25 июня 1916 г., что можно считать успехом национальной общественности. Однако 14 марта 1917 г. Временное правительство приостановило мобилизацию инородцев, а 24 апреля приняло решение о демобилизации. 5 мая появилось постановление о возвращении тыловиков на родину [3, с. 72-80, 100-102].

Общенациональная газета «Казах» усилиями Букейханова и его соратников превратилась в центр защиты интересов тыловых рабочих на русско-германском фронте и в других местах их работы. Казахская интеллигенция заняла конструктивную позицию в отношении власти для минимизации последствий социально-политических и межэтнических конфликтов и организации помощи тыловикам. Именно она стала посредником между властью и обществом, и опыт компромисса, несмотря на ограниченность его применения и результатов, имел большое значение для политического поведения лидеров этносоциальной демократии. Наиболее влиятельная ее часть не случайно выступала сторонницей компромисса с властью и всячески стремилась найти средства для снятия напряжения в обществе, в т.ч. в межэтнических отношениях, укрощения стихийного насилия. При этом основное внимание казахские интеллектуалы уделяли отношениям с центральной властью, хорошо представляя распространенность коррупции и низкую эффективность местных органов управления, ничтожное влияние последних на решение судьбоносных вопросов. Характерными чертами политического поведения интеллигенции были приверженность легитимным способам деятельности, компромиссу с институтами государства и общероссийскими политическими структурами, прагматизм и реализм. Более того, в сравнении со среднеазиатской общественностью казахский образованный класс был гораздо сильнее вовлечен в научные, культурные, социальные, общемусульманские организации, политические партии России. Их действия, социально-политические и пропагандистские усилия, публицистика были нацелены на формирование представлений о неразрывности интересов казахов и других народов России, стимулирование консолидирующих ориентиров в отношении этносообщества к своему месту в общегосударственном гражданском пространстве.

Это особенно ярко проявилось в 1916 г. Не случайно с началом балканских войн в газете «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. А.Н. Букейханов писал: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. ...Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет...». Казахские интеллектуалы не отделяли себя от страны. В воззвании «К гражданам Алаша» они писали: «Соотечественники – русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»[9].

Кроме того, в перспективе эта наиболее значимая часть казахской интеллигенции рассчитывала таким образом повлиять и на отношение власти к степному социуму. Его ясная, сознательная и выраженная в практических действиях солидарность со всей страной в военной ситуации должна была укрепить позиции тех сил в органах власти и политическом классе в целом, которые могли поддержать главные инициативы движения «Алаш». Среди них – введение (и возвращение) избирательного права азиатским народам, организация земства на востоке России, предоставление казахам права служить в армии по примеру казачьей кавалерии и др. Добиваясь равенства прав всех народов России, казахская интеллигенция и Букейханов как ее лидер, по сути, доказывали свою приверженность единому социально-политическому поликультурному сообществу россиян. Однако 1916 г. ускорил разочарование казахской интеллигенции в способности падающей центральной власти ответить на запросы окраин, что и превратило следующий 1917 г. в решающий для ее политической мобилизации и консолидации всех граждански ответственных сил этносообщества.

Крах империи и создание переходной власти, подготовка выборов в Учредительное собрание придали новый импульс национальной демократии. Надежды участников движения «Алаш» были связаны с достаточно активными попытками правительства добиться урегулирования сложного социально-политического, экономического и межэтнического конфликта в Центрально-Азиатском регионе при активном участии этнополитических элит. От февраля до октября 1917 г. А.Н. Букейханов целенаправленно действовал вместе с Временным правительством, возлагая серьезные надежды на демократические трансформации в стране под руководством хорошо знакомых ему лидеров российского конституционализма. Именно в 1917 г. создаются казахские комитеты и интернациональные органы местного самоуправления (гражданские комитеты, советы и земства – участие в них национальный политический актив считал своей важной задачей), проводятся общекзахские съезды. Интеллигенция обеспечила свою победу на выборах в Учредительное собрание от коренного населения края, ее целенаправленными усилиями форсировано конструируется партия, а затем автономия. Тогда же Букейханов на короткое время стал государственным служащим, комиссаром Временного правительства – представителем центральной власти в Тургайской области – одним из наиболее крупных очагов восстания 1916 г. Здесь он вновь проявил себя как гражданин и патриот, противник политического радикализма и любого экстремизма, в т.ч. религиозного.

В этом контексте достаточно привести слова Букейханова при закрытии Тургайского казахского и крестьянского съезда 28 апреля 1917 г., когда мировая

война была еще далека от завершения: «... без мирного труда в тылу мы не укрепим завоеванную свободу. Это помните, крестьяне и киргизы. В тылу сохраните мир, на фронт дайте продовольствие. Киргизы, дайте скот. Русские, дайте хлеб». В мае, в связи с земельным конфликтом в одной из волостей, имевшим межэтнический характер, он призывает казахов «не ссориться с русскими, жить в ладу. ...В настоящее переходное время в интересах государства и закрепления завоеванных свобод необходимо, чтобы все граждане России без различия партий, национальности и вероисповедания, жили между собой в ладу, помогая по силе возможности друг другу» [подчеркнуто мной – Д.А.]. Вместе с тем он выступал против частной собственности на землю, за общинное пользование ею при условии, что «ни один киргиз не может быть без земли». Значительное место в работе Букейханова на посту комиссара правительства заняли защита прав казахских женщин в вопросах брака и образования, в т.ч. против Шура-и-Исламия, противодействие попыткам мулл присвоить различные религиозные сборы, предназначенные на благотворительность, с применением строгих мер в случае выступления «против народных общественных интересов в корыстных целях, идущих вразрез новому строю». Он осуществлял контроль за реализацией принципа пропорционального национального представительства при организации местного самоуправления, выступал против «партизации» местных властей и требовал, чтобы все расходы по партийной деятельности лиц, входящих в них, несли сами общественные организации; вмешивался в деятельность Совета крестьянских и казахских депутатов в связи с вымогательством денег за освобождение от мобилизации на тыловые работы одним из депутатов [3, с. 112-113].

Несмотря на противоречивые оценки разных групп социальных верхов казахского общества той позиции, которую занял Букейханов в 1916 г. вместе с единомышленниками, ему удалось, используя актуальные для того времени информационные технологии, социальные сети, партийно-политические контакты и готовность определенных кругов в разных структурах власти к диалогу, обеспечить движению «Алаш» приоритетное место в политическом пространстве Степи. Лидеры «Алаш» не отделяли себя и судьбу своего народа от общероссийской. Они использовали все возможности, чтобы включиться в наиболее значимые политические и общественные организации и события, связывая этнополитическую консолидацию и нациестроительство казахов с доминантами российской истории. Ценность данного опыта и в том, что за исключением немногочисленной группы казахов, в огромном регионе практически отсутствовала светски образованная и встроенная в общероссийскую социально-культурную систему интеллигенция, которая, как показывает пример Букейханова, могла сыграть важную роль в налаживании обратной связи и компромисса с властью и в миротворческом влиянии на массы. Именно такие сюжеты представляют наибольший интерес с точки зрения того, как образование и культура становятся действенными факторами межнационального согласия и формирования гражданских, консолидирующих смыслов и моделей поведения национальных элит. В 1916-1917 гг. лидеры казахской интеллигенции предпринимали разные попытки противостоять конфронтации на этносоциальной основе, поиска способов укрепления гражданской солидарности на трудовой, соседской и экономической почве. Они не смогли противостоять доминирующей силе всеобщего кризиса, что совсем не умаляет историческое значение

предпринятых усилий. Более того, современные коллизии борьбы за власть и драматический опыт «цветных революций» придают новый смысл ценностным ориентирам и идейно-нравственным основам политической деятельности А.Н. Букейханова.

Источники и литература:

1. Абдуллаев К.К. 100-летию восстания 1916 года: Заметки историка [Электронный ресурс]. 2016.12 мая // Информационное агентство «Фергана.Ру». URL: www.fergananews.com/articles/8964 (дата обращения: 15.05.2016).
2. Асфендиаров С.Д. Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата, 1936. 150 с.
3. Аманжолова Д.А. Партия Алаш: история и историография. Семипалатинск, 1993. 136 с.
4. Брайнин С., Шафиро Ш. Очерки по истории Алаш-Орды. Алма-Ата: Казгосиздат, 1935. 149 с.
5. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914-1917 гг. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.
6. Ганин А.В. Последняя полуденная экспедиция Императорской России: Русская армия на подавлении туркестанского мятежа 1916-1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 5. М., 2008. С. 152-214.
7. К истории восстания киргиз в 1916 году // Красный архив. Т. 3 (16). М. – Л., 1926. С. 57-68.
8. Казах. 1916. 9 февраля, 9 марта, 8, 30 апреля.
9. Казах. 1916. 11 августа.
10. Котюкова Т.В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 8. С. 98-126.
11. Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии» 20-21 мая 2016 года. Программа и тезисы статей. Бишкек, 2016; Morrison A. The 1916 Central Asian Revolt // The Ninth ICCEES World Congress August 3 – 8, 2015 Makuhari Preliminary Program (September 18, 2014). Makuhari, 2014. P. 71.
12. Тілеубаев Ш.Б. Жетісу облысындағы қазақ және қырғыз халықтарының 1916 жылғы ұлт-азаттық көтерілісі. Алматы, 2010. 26 с.
13. Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии). Сб. докл. Межд. науч.-пр. конф., г. Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2016. 211 с.
14. Шодмонова С. Нарушение прав и свобод человека через призму истории: Семиреченская трагедия на страницах Туркестанской периодической печати // Отан тарихы. 2007. №3. С.33-44.
15. Юлдуз (Казань). 1916. 15 февраля.

А.М. Ауанасова
Институт истории государства,
Астана, Казахстан

Б.М. Ауанасова
Южно-Казахстанский государственный
университет им. М. Ауэзова,
Шымкент, Казахстан

АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА – КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, МИРА И СОГЛАСИЯ

Ассамблея народа Казахстана является казахстанской моделью межэтнического взаимодействия, мира и согласия. Сформированная в начале 90-х гг. XX в., она выступала одной из опор казахстанской государственности, действенным инструментом единения общества, формирования казахстанского патриотизма, укрепления атмосферы доверия и согласия в обществе. Ассамблея предоставила возможность этнокультурным объединениям страны наладить цивилизованные формы и процедуры взаимодействия на основе совместного поиска взаимоприемлемых решений и соблюдения оптимального баланса по согласованию их позиций. Год от года упрочение позиций и повышение роли Ассамблеи народа Казахстана в сфере публичной политики отвечает широкому общественному запросу, интересам народа Казахстана.

Ключевые слова: Ассамблея народа Казахстана, этносы, межэтническое взаимодействие.

A. M. Auanassova
Institute of the State History,
Astana, Kazakhstan

B. M. Auanassova
Auezov South Kazakhstan State University,
Shymkent, Kazakhstan

KAZAKHSTAN PEOPLE ASSEMBLY –MODEL OF INTERNATIONAL COLLABORATION, PEACE AND HARMONY

Assembly of People of Kazakhstan is the Kazakhstan's model of interethnic interaction, peace and harmony. Formed in the early 90-ies of XX century, it is performed one of Kazakhstan's statehood supports an effective tool for social cohesion, the formation of Kazakhstan patriotism, strengthening of trust and harmony in society. Assembly provided an opportunity for the country's ethnic and cultural associations to establish civilized interaction and procedures on the basis of a joint search for mutually acceptable solutions and respect for an optimal balance to harmonize their positions. Year by year, the consolidation of the positions and the role of public policy of the Assembly of People of Kazakhstan meets the broad public demand, the interests of the people of Kazakhstan.

Keywords: Assembly of People of Kazakhstan, ethnic groups, interethnic interaction.

Эффективная модель межнационального и межконфессионального мира сегодня служит необходимым условием и опорой процесса ускоренной модернизации Казахстана и его вхождения в число наиболее конкурентоспособных стран мира. Духовный мир и согласие выступают факторами консолидации народа республики в единую гражданскую общность, мобилизуя его потенциал.

Общность исторических судеб этносов Казахстана – это целый комплекс исторических явлений и процессов, пережитых ими вместе и вызывающих у них общее к ним отношение. Эта общность многократно проверялась на прочность на «крутых поворотах» истории, во время депортации народов в Казахстан в годы массовых политических репрессий, Великой Отечественной войны, в годы распада Советского Союза и, наконец, становления суверенного Казахстана [5, с. 18].

В начале 1990-х гг. многие эксперты полагали, что Казахстан не сможет выстроить устойчивую государственность. По их мнению, сложная этноконфессиональная структура и геополитическое положение страны должны были стать непреодолимыми препятствиями на пути к этой цели. В этот драматический для страны момент Президент Казахстана акцентировал внимание граждан на главном источнике стабильности и процветания – исторической традиции межнационального диалога и взаимопонимания. Он всегда напоминал соотечественникам, что «наш народ во все времена проявлял стремление жить в мире, согласии и добрососедстве с другими народами. Умел сплотиться и быть единым в минуту опасности. Именно благодаря этому он не исчез в потоке истории и через десятилетия смог восстановить свою государственность» [2, с. 126-127]. Благодаря его убежденности в необходимости поиска компромиссов и твердой воле в отстаивании своих убеждений, Казахстан смог пройти сквозь опасные рифы в первые годы независимости.

На заре независимости в стране с ярко выраженным полиэтническим и поликонфессиональным составом населения достижение и укрепление социальной стабильности, гармонизации интересов личности, отдельных социальных групп были тесно связаны с задачей поиска оптимальных форм взаимодействия этнических общностей, укрепления межнационального и межконфессионального согласия, повышения культуры межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, профилактики экстремизма и ксенофобии.

В декабре 1992 г. идея создания Ассамблеи согласия и единения народов Казахстана (АНК) как неполитической и неправительственной организации была озвучена Нурсултаном Назарбаевым на Форуме народов Казахстана. Свое логическое продолжение она получила в Указе Президента от 1 марта 1995 г., когда АНК была преобразована в консультативно-совещательный орган при Главе государства. Орган должен был стать регулятором структуры казахстанской системы межнациональных отношений. Сложность задачи, поставленной перед АНК, заключалась в необходимости формирования равных возможностей различных этнических групп в реализации языковых, культурных и религиозных потребностей в условиях сложнейшего социально-экономического кризиса переходного периода. В этой связи АНК предстояла долгая и кропотливая работа, нацеленная на повышение культуры межэтнического диалога и взаимопонимания. Начавшийся активный процесс возрождения национальных культур привел к созданию 22 республиканских и региональных национально-культурных центров, которые объединяли 470 областных, городских и районных организаций. В

Казахстане были созданы условия для свободной реализации этносами права изучения своих родных языков, культур, обычаев и традиций. Государственная поддержка оказывалась развитию национальных школ, языковых программ, СМИ, театров. Благодаря такому подходу в республике действуют более 100 этнических школ, 170 воскресных языковых центров, где изучаются 23 родных языка этносов республики. В школах национального возрождения работают 29 отделений по изучению 12 языков. На финансовую поддержку этих школ Правительство страны выделяет ежегодно 12 млн. тенге. Кроме того, им оказывается помощь и из местного бюджета. Стали выходить в эфир передачи на 11 языках, в том числе на украинском, польском, немецком, корейском, уйгурском, турецком, дунганском и др. В Казахстане начали издаваться 4 республиканских и 15 региональных национальных газет, стали работать 6 национальных театров (казахский, русский, немецкий, уйгурский, корейский и узбекский). Ежегодно в свет выходят десятки новых книг на языках этнических групп. Стали традиционными ежегодные массовые народные праздники Наурыз, Масленица, Рождество и другие [1, с. 68].

На первых порах в своей деятельности Ассамблея смогла активно приступить к работе и поставить межэтническую политику страны на системную основу. АНК смогла аккумулировать конструктивные инициативы и созидательные устремления общества и направить их в единое русло развития и прогресса. С момента своего создания она стала надежным и эффективным проводником стратегического курса и многочисленных инициатив Президента по поддержанию и укреплению межнационального мира и согласия в стране. Глава государства неустанно реализует политику укрепления единства, дружбы и взаимопонимания между представителями всех этносов и конфессий. Этот фундаментальный принцип находит свое отражение в принимаемых решениях Нурсултана Назарбаева. Предложенная модель межнационального согласия во многом является определяющим фактором модернизации Казахстана, становится гармоничным условием эффективной реализации Плана нации «100 конкретных шагов 5-ти институциональных реформ».

В результате политическое значение Ассамблеи в сохранении и укреплении национального согласия, стабильности многократно усиливается. Она выступает одной из опор государственности, действенным инструментом единения общества, формирования казахстанского патриотизма, укрепления атмосферы доверия и согласия в обществе. В этой связи упрочение позиций и повышение роли Ассамблеи народа Казахстана в сфере публичной политики отвечает широкому общественному запросу, интересам народа Казахстана [3, с. 95-100].

Ассамблея предоставила возможность этнокультурным объединениям страны наладить цивилизованные формы и процедуры взаимодействия на основе совместного поиска взаимоприемлемых решений и соблюдения оптимального баланса по согласованию их позиций. В определенной степени это обусловило возможность открытия новых перспектив для дальнейшей политической демократизации. Общественные функции Ассамблеи интегрировались в политическую систему страны. Она эволюционировала от консультативно-совещательного до конституционного органа.

Введение выборности депутатов Мажилиса от Ассамблеи народа Казахстана в рамках конституционной реформы 2007 г. вывело этнополитику государства на качественно новый уровень. Помимо Мажилиса, АНК теперь

представлена и в Сенате. Таким образом, казахстанский парламент стал основой более эффективного развития межэтнического согласия и диалога.

На современном этапе предметное рассмотрение и конкретное решение наметившегося круга проблем Ассамблеей представляют исключительную важность. Ее эффективное функционирование способно упреждающе воздействовать на потенциальные межэтнические конфликты, несущие серьезную угрозу стабильности страны.

Обновленное общество требует консолидации нового типа, основанного на осознании своего единства перед лицом изменившегося мира. Выбранная модель, как никакая другая, позволяет укрепить основы национального единства Казахстана, а ее статичность - чутко реагировать на происходящие изменения в стране и мире. Исходя из стремления к созданию равных возможностей и достойных условий жизни для всех граждан Казахстана, Н.А. Назарбаев постоянно проводит работу в этом направлении, заботясь о судьбе нации и государства.

Созидавая и укрепляя национальную государственность, изложенную в Декларации о государственном суверенитете, Конституционном законе о государственной Независимости и Конституции РК в 2010 г., Н.А. Назарбаев поддержал разработку Доктрины национального единства Казахстана. Этот документ представлял собой концентрированное выражение всех конструктивных предложений граждан, институтов гражданского общества и государства сплотиться перед вызовом времени. Нурсултан Назарбаев видел, что реализация Доктрины давала возможность направить активизацию и мобилизацию человеческого, интеллектуального потенциала страны на ускорение, достижение достойного уровня жизни каждого гражданина, соблюдение и защиту гарантированных Конституцией прав и свобод граждан. Президент считает, что вместе со Стратегическим планом развития РК до 2020 г., Доктрина сможет стать инструментом процесса консолидации казахстанского общества в рыночных условиях [4, с. 343].

Прагматизм Главы государства позволил республике продвинуться вперед и продемонстрировать альтернативную диалектику развития либерального общества. Как он отметил, «казахстанский путь развития подтверждает не только возможность конструктивного взаимодействия различных этнокультурных и религиозных ценностей: он демонстрирует, что такое взаимопроникновение способно быть генератором динамичного роста всех сфер общественной жизни»[1, с. 58].

Ассамблея, опираясь в своей работе на положения Доктрины, доказала, что она не исчерпала свой ресурс. Наоборот, актуальность и перспективность деятельности АНК возрастает в связи с необходимостью дальнейшего совершенствования национальной модели межэтнического согласия для продолжения модернизации и обеспечения конкурентоспособности нации. На современном этапе она является центральным звеном в системе гармонизации межэтнического взаимодействия и способна играть значительную роль в поддержании политической стабильности и упрочении общественного согласия и мира в стране, стать фактором ускоренной модернизации Казахстана. Последний, как постоянное стремление к обновлению, увеличивает шанс Казахстана стать конкурентоспособным государством в XXI в.

Источники и литература:

1. Казахстан: территория мира и согласия. Астана: Казахстанская правда, 2010. 368 с.
2. Нурсултан Назарбаев: идея мира и общественного согласия / Е.Л. Тугжанов, А.А. Абдакимов, Н.П. Калашникова, В.Г. Коченов, С.В. Селиверстов, Н.Ж. Шаймерденова. Астана: «Ақарман-медиа», 2010. 258 с.
3. Назарбаев Нурсултан Абишевич – основатель независимого Казахстана / Гл. Ред. Жакып Б.О. Алматы: ТОО «Қазақ энциклопедиясы», 2010. 248 с.
4. Роль личности Президента республики Казахстан в формировании казахстанского патриотизма. В помощь кураторам студенческих групп. 1 книга. / Под ред. Акад. НАН РК А.М. Газалиева. Караганда: КГТУ, 2011. 133 с.
5. Современная история Казахстана: Хрестоматия / Сост. А. Ауанасова, А. Сулейменов. Алматы: Раритет, 2010. С. 343.
6. Тугжанов Е.Л., Кан Г.В., Коробков В.С., Шаяхметов Н.У. Ассамблея народа Казахстана: исторический очерк. Алматы: Раритет, 2010. 304 с.

УДК 396.5+746.11

Ш.К. Ахметова

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН
Омск, Россия*

ПРОЩАЙ АЛАША: К ПРОБЛЕМЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ КОВРОТКАЧЕСТВА У КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье рассматривается проблема исчезновения ковроткачества у казахов Западной Сибири. Одной из причин этого явления стало постсоветское разрушение сельского хозяйства, которое повлекло снижение поголовья овец в личных подворьях казахов. Наряду с ускоренными темпами модернизации и развития рыночных отношений это привело к значительному сокращению домашнего производства у казахов Западной Сибири. Домотканые и войлочные ковры уступили место фабричным изделиям. Исчезновение домашнего производства ковровых изделий из шерсти повлекло утрату не только культурных традиций, но и высокого духовного наследия народа, формировавшегося на протяжении многих столетий. В настоящее время эти традиции используют для показательных мероприятий заведующие клубами и руководители казахских культурных центров.

Ключевые слова: алаша, зооморфные мотивы, орнамент, ковры, ковроткачество, кошқар мүйіз, раппорт, төртқұлақ.

**FAREWELL WITH ALASHA:
OVER PROBLEM OF DISAPPEARANCE CARPET WEAVING
OF WESTERN SIBERIAN KAZAKHS**

In article the problem of disappearance of rug weaving at Kazakhs of Western Siberia. One of the reasons for this phenomenon has been the destruction of the post-Soviet agriculture, which led to decrease in the number of sheep in personal farmsteads Kazakhs. Along with the accelerated pace of modernization and development of market relations, this led to a significant reduction of kazakh carpet weaving in Western Siberia. Homespun rugs and felt carpets gave way to factory products. Disappearance of house production of carpet products from wool entailed loss not only cultural traditions, but also high spiritual heritage of the people created throughout many centuries. Now these traditions are used for indicative actions by managers of clubs and heads of the Kazakh cultural centers.

Keywords: alasha, zoomorphic motifs, ornaments, carpets, carpet weaving, koshkar muiz, rapport, tortkulak.

Центрально-азиатские ковры ручной работы высоко ценятся среди знатоков и коллекционеров. Казахские женщины ткали ковры только для собственных нужд, творчески подходя к подбору цветов и орнамента, экспериментируя с окрашиванием нитей. У каждой мастерицы был свой наработанный уникальный опыт передачи через цветовую гамму и орнамент ковра свое настроение и мироощущение. Поэтому ковровые изделия отличались не только высоким качеством из-за использования натуральной шерсти и красок, но и самобытностью, неповторимостью и эксклюзивностью [2].

Но постсоветское разрушение сельского хозяйства отразилось не только в целом на отрасли овцеводства, но и повлекло снижение поголовья овец в личных подворьях казахов. Наряду с ускоренными темпами модернизации и развития рыночных отношений это привело к значительному сокращению домашнего производства у казахов Западной Сибири. Домотканые и войлочные ковры уступили место фабричным изделиям.

Данная работа посвящена народному творчеству казахов Омской области в сфере домашнего производства тканых ковровых изделий. В его основу легли материалы казахских этнографических и археолого-этнографических экспедиций Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, проведенных под руководством автора в 2000-е гг. Также были использованы материалы Региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр».

Исчезновение домашнего производства тканых и кошемных изделий повлекло утрату не только связанных с ним культурных традиций, но и высокого духовного наследия народа, формировавшегося на протяжении многих столетий. Через орнаментальные символы из поколения в поколение передавались веками накопленные знания о мироздании. Ощущая себя частью макрокосмоса, казахи создавали систему микрокосмоса в своем быту. Это отражено в конструкции и оформлении юрты. Орнаментированные вещи и предметы обладали не только прикладным, но и сакральным характером. Они таили в себе сокровенный смысл,

который в настоящее время доступен не каждому носителю этой культуры. Кроме того, символы орнамента обладали функцией защитительной и охранительной магии. Современные казахские мастерицы, как и в далеком прошлом их предки, при выборе узоров орнамента черпают вдохновение из природы и окружающего мира, совмещая новые узоры с магическими обрядовыми знаками [8, 12, 13, 14].

Исследователи выделяют в казахском орнаменте космогонические, зооморфные, растительные и геометрические мотивы. Их можно свободно соединять и трансформировать до неузнаваемости. Часто их путают, принимая зооморфные за геометрические, космогонические или растительные. Происхождение зооморфных мотивов А.Х. связывал со стилизацией древнего «звериного стиля». Определенную роль в этом сыграл запрет ислама на изображение живых существ. Эти мотивы являются самыми распространенными в казахском орнаменте [6, с. 83]. Основными узорами как в целом в Западной Сибири, так и в Омской области, были *қошқар мүйіз* – бараньи рога и различные их вариации: *қос мүйіз* – парные рога, *қыңыр мүйіз* – кривые рога, *сыңар мүйіз* – один рог, *сынық мүйіз* – сломанные рога, оленье рога (*бұғы мүйіз*), маральи рога (*марал мүйіз*), а также мотивы в виде следов верблюда (*түйе табан*), собаки (*ит із*), щенка (*күшік із*), птиц (*құс табан*), верблюжьей шеи (*түйе мойын*), гусиной шеи (*қаз мойын*), крыльев птицы (*құс канат*), сокола (*лашын канат*), орла (*бүркіт канат*) и др. [4, с. 142; 6, с. 84-85; 16, с. 59]. А.Х. Маргулан отмечал ритуальное значение узоров в виде бараньих рогов и следов животных [6, с. 84]. По мнению У. Джанибекова бараньи рога, верблюжий след, птичьи крылья и паук имели некогда значение оберегов [4, с. 142]. Очень часто встречается узор *төрт құлақ* - крестовина из бараньих рогов или позвоночника (*омыртқа*). Орнаментальный мотив *төрт құлақ* известен с глубокой древности. В виде аппликации на настенном войлочном ковре он был обнаружен в пятом Пазырыкском кургане [6, с. 85]. Төртқұлақ широко представлен на войлочных (*тұс киіз*) и, выполненных методами аппликации или инкрустации тесьмой или шнуром по ткани, настенных (*тұс кілем*) и постилочных коврах у казахов Омской области. Часто его вырезают в виде части позвоночного столба, украшенного сверху трилистником, или крыльями сокола или орла, или ветвистыми оленьими рогами.

У. Джанибеков относит *төрт құлақ* к космогоническим мотивам казахского орнамента наряду с солярным кругом (*дөңгелек*) и спиралью (*шымай*), символизирующими еще с сакского периода четыре стороны света, мировое пространство и вечное движение [4, с. 142]. Символика солярного круга также связана с культом солнца, которому, наряду с культом предков и огня, поклонялись саки [4, с. 142; 6, с. 84]. К космогоническим мотивам относятся также символы звезд (*жұлдыз*), луны (*ай, айгүл*), полумесяца (*айшық*), солнечных лучей (*шұғыла*), нескончаемой спирали (*бітпес*) [6, с. 83; 16, с. 37].

В коврах казахов Омской области растительные мотивы представлены узорами дерева (*ағаш*), листьев (*жапырақ*), трилистника (*үшжапырақ*), цветов (*гүл*) и др. Повтор и чередование элементов растительных узоров образуют разнообразные вариации пальметт. Из растительных мотивов наиболее распространен трилистник, гармонично сочетающийся с другими элементами. Н.А. Баженова трактует трилистник как символ Триединства, выражающий идею древних кочевых народов о трехчастной структуре Мироздания, что в свою очередь подводит к идее Мирового Древа, вмещающего в себе три состояния бытия: Небо – Мир Высший, мир земной, человеческий и мир подземный – мир предков [1].

В геометрических узорах, состоящих из ромбов, квадратов, многогранников (*шаршы*), зигзагов (*су, ирек*), треугольников (*тұмарша*), двойных треугольников (*қос тұмарша, сызықты тұмарша*), *шынжыр* (цепь), *балдақ* (костыль) и др., сибирские мастерицы зашифровывают свои благопожелания. Треугольники и ромбы в казахском орнаменте означают плодородие и умножение рода. Поскольку треугольники интерпретируют как женское начало, то их соединение, образующее ромб, выражает пожелание потомства. Зигзаги являются символом воды и жизни [5]. Исследователи отмечали, что казахский орнамент легко поддается не только интерпретации, но и преобразованию одних мотивов в другие, что позволяет создавать ритмическое единство всей орнаментальной композиции [4, с. 143]. Геометрические фигуры легко переходят в зооморфные и космогонические. В частности узор *ботакөз* (верблюжий глаз) изображается как ромб внутри другого ромба. Солнце, луна и звезды также образуются сочетанием элементов, состоящих из треугольников и квадратов [5]. Зооморфные фигуры также легко трансформируются в растительные мотивы. Рогообразные завитки часто преобразуются в листья, бутоны, ветви и т.п. Парные спирали могут читаться как стилизованные парные рога. Причем разнообразие мотивов и композиций образуется комбинациями небольшого числа элементов. Особенно ярко богатство и поливариантность орнаментации проявились в казахских тканых коврах.

Тканые изделия по технологии разделяют на ворсовые и безворсовые ковры. В Западной Сибири распространено безворсовое ткачество. Тканые безворсовые постилочные ковры называются *алаша* (пестрый). Их ткют на узконавойном горизонтальном станке плотного плетения *өрмек*. Станок состоит из стоек – *ағаш*, основы (продольных нитей) – *жип*, утка (поперечных нитей) – *арқау*, ремзок – *адарғы*, треноги, которая в разных аулах имеет свое название: *мосы*, *мосағаш* (треножник), *қос* (стан), *шатыр* (крыша), *үш аяқ* (три ноги), *үш тармақ* (три ответвления, вилки), *күрке* (шалаш, навес), нитченок – *күзеу*, деревянного приспособления для поднимания и опускания нитей основы – *серу*, плоской деревянной планки клиновидной формы – *қылыш*. *Қылыш* часто еще называют *қалақ*, *қалақша* – лопатка, плоская дощечка [7, 9, 14, 15].

Приготовление основы начинается с очерчивания круга диаметром от 6-7 м и более. По окружности забивают много колышков, на которые наматывают по очереди клубки нитей. Каждый клубок весом в 1-1,5 кг имеет определенный цвет. Затем устанавливают *мосы*, который собирают из трех кольев, соединенных вместе в виде высокой треноги. К нему подвешивают *адарғы* и нитченки – *күзеу*, состоящие из двух горизонтально установленных, деревянных, круглых в сечении палочек, между которыми закрепляются нити. Намотанные по кругу на колышки разноцветные нити по очереди пропускают в петли *күзеу*. В результате нити основы оказываются разделенными на верхнюю и нижнюю части. Между двумя частями основы вставляется еще одна деревянная планка длиной в 50-60 см – *серу*, которая переплетается нитью – *серужип*. В эти переплетения продергиваются с небольшими промежутками по две нити верхней половины основы. Колышки убираются, в землю вбивают с разных сторон две основные прочные стойки – *ағаш*, между которыми растягиваются нити основы, разделенные *адарғы* на верхнюю и нижнюю разноцветные части. *Серу* поднимает *жип*, в образовавшееся между ними отверстие, называемое в профессиональной терминологии зевом, пропускают *арқау* – челнок и продергивают утковую нить,

которую сразу же для уплотнения прибавляют *қылышем*. В процессе ткания *мосы* передвигается вперед, при этом сотканное остается внизу, а нити наверху. В отличие от продольных нитей (*жiпi*) поперечные нити могут быть любого цвета и качества. Вместо шерстяной нити могут использовать хлопковую или синтетическую. Но нити основы и утка должны быть одинаковой плотности [7].

В ауле Кудук Чилик в этом году нам посчастливилось наблюдать процесс установки *өрмекс* начатой полосой алаша. Когда-то в аулах это было событием для женщин, приходивших на помощь хозяйке. Процессы приготовления к ткачеству всегда сопровождались песнями, шутками и угощением [8,9,10,11,12,13]. В данном случае также не обошлось без шуток, смеха и угощения. Песни исполнялись по нашей просьбе. Ткацкий станок с начатым изделием принадлежит К.Т. Бакиной - активистке Казахского центра «Мерей», созданного при клубе аула Кудук Чилик его заведующей Ж.К. Карамановой. Эту полосу алаши ткут уже не один год только для того, чтобы показывать на районных, областных, казахстанских мероприятиях и знакомить местных детей с традиционной культурой предков. В быту сельчане предпочитают использовать фабричные ковры.

Приготовление основы началось с вбивания колышков на расстоянии 8-10 м напротив друг от друга. Пространство между ними покрыли старыми половиками и полиэтиленовой пленкой. На одинокий колышек - *қазық* с одной стороны надели нити основы с уже продетыми между двумя частями основы *серу*, *адарғы* и *кузеу*. С противоположной стороны в нити основы, разделенные на две части, продели шест. Его положили на землю поперек стоек. С двух сторон к жерди привязали длинные веревки, которые сильно натянули и закрепили на двух стойках с противоположной стороны станка. Это позволило растянуть нити основы. Затем установили *мосы*, к передней жерди которого подвесили деревянную планку - *адарғы*. К середине треножника подвесили *кузеу*, состоящего из двух круглых в сечении палочек (рис. 1) [15].

Рис. 1. Установка *өрмекс* в ауле Кудук Чилик Азовского района Омской области, 2016 г.

Количество нитченок определяется переплетением. На изготовление алаша без узоров нити основы делятся на две равные части, поэтому достаточно одного *күзеу* для создания простого полотняного переплетения. Изготовленные таким способом паласы в Омской области называют *қақпа* (от слова *қағу* – ударять, бить) *алаша*, в Кулундинском р-не Алтайского края и некоторых р-нах Казахстана его называют *тақта* (полоса) *алаша* [7, 8, 9]. *Қақпа* или *тақта алаша* состоят из разноцветных полос без узора. Орнаментированные паласы называются *терме* (импровизация) *алаша*. Их отличает высокая плотность ткачества, рельефность фактуры и сложность орнамента. Для их изготовления требуется несколько нитченок и *қылыш* поменьше и намного тоньше. Используется столько катушек цветной пряжи, сколько цветов будет задействовано в паласе [7].

Алаша обычно ткали из шерстяных ниток домашнего прядения. Использовали шерсть весенней стрижки (*жабағы жүн*), которую легче прядь. В старину их окрашивали пигментами естественного происхождения. Желтый краситель получали из настоя корней ревеня – рауагаш, коричневый цвет из коры сосны карагая, более светлые золотистые оттенки коричневого цвета получали из настоя хны. Для прочности красок раньше добавляли соль, позже уксус. Нити основы окрашивали в разные цвета, а нити утка оставляли в натуральном виде или окрашивали в один цвет, потому что их не видно [7]. В старину цвета орнамента несли важное смысловое содержание. Голубой и синий символизировали Великое Небо – *Таңир*, красный воплощал огонь, энергию жизни и страсти, белый – чистоту и невинность, желтый – солнце, черный – землю, зеленый – возрождение и плодородие [6, с. 87]. Ковроткачеством занимались женщины, передавая секреты мастерства из поколения в поколение.

С первой половины XX в. наблюдаются отклонения от традиционной технологии, проявляющейся в использовании нитей и красок промышленного производства. Применение синтетических красок привело к утрате естественного благородства ковровых изделий. Краски новых изделий поначалу чрезмерно яркие, но со временем цвета сильно тускнеют. При использовании натуральных красителей ковры с течением времени становятся только лучше вследствие приобретения более мягких и теплых оттенков в тонах [2, 3]. В последней четверти XX в. использовали также нити тракторного маслофилтра, которые окрашивали, как и нити домашнего прядения, красками промышленного производства [8].

Для изготовления простых и сложных алаша ткют сначала узкие дорожки, которые разрезают на равные части, измеряя расстоянием между руками, вытянутыми в разные стороны. Эта мера длины называется *құлаш*, поэтому и дорожки называются так же. Одна дорожка состоит из трех рядов, выполненных в разной цветовой гамме. К примеру, нити основы алаша, изготовленного в 1966 г. в ауле Каскат Исилькульского р-на Омской области, были окрашены в синий, желтый, красный, коричневый цвета, нитки утка в голубой [17, с. 278]. Дорожки соединяются петельным швом – *шалма* или простым швом – *жөрме* – большими стежками через край по цвету полос теми же нитями, что использовались при тканье паласа. Края алаша отделяют тканью, в основном вельветом или плюшем [8].

Орнаментальные узоры алаша представлены различными вариациями *қошқар мүйіз*, ромбами – *төрт құлақ*, треугольниками – *тұмарша*, полосками – *тақта*, *ұш жапырақ* – трилистниками, елочками – *таңдай*, волнистыми линиями,

зигзагами для обозначения воды, реки, течения – *су, ирек* [8, 9]. В алаше идет чередование широких и узких орнаментированных полос, между которыми проходит еще более узкая граница с косыми черточками или зигзагами. На *терме алаша* Б.Е. Жылкыбаевой серовато-зеленый фон широкого ряда заполнен красным раппортом из мотива *тұмарша*, элементами мотива *балдақ* (якорь, костыль). На желтом фоне более узкого ряда расположен серо-голубой раппорт из элемента *сыңар өкше* (сломанный каблук). Их разделяет с одной стороны линия с чередующимися косыми черными и белыми полосками, с другой петельный шов (рис. 2а).

а

б

Рис. 2. Фрагменты *терме алаша*. Автор Б.Е. Жылкыбаева, аул Коянды Русско-Полянского р-на Омской области

Терме алаша этого же автора орнаментировано раппортом из комбинации мотивов *қошқар мүйіз* и *қос мүйіз* (рис. 2б). Орнаментированные паласы К.Л. Жумабековой состоят из полос с раппортом мотивов *өрмекші* (паук) и *тұмарша*, элементов мотива *балдақ*. Дорожки разделены раппортом мелких узоров *қарға тұяқ* (когти вороны). Цветовое решение выдержано в ярких оранжевых, красных, желтых, коричневых и розовых тонах. Цветовая игра фона и узора создает объемный рисунок, состоящий из двух похожих, но разных мотивов (рис. 3б).

а

б

Рис. 3. Фрагменты терме алаша. Автор К.Л. Жумабекова, с. Новосанжаровка Русско-Полянского р-на Омской области.

Некоторые мастерицы сочетают методы *қақпа* и *терме алаша* [16].

Рис. 4. Фрагмент алаша. Автор М.С. Кабульдинова, аул Байдалин Таврического р-на Омской области.

Орнаментированные полосы на паласе М.С. Кабульдиновой соединены петельным швом с широкими простыми дорожками (рис. 4). Интересен палас, сотканный Б.Е. Жылкыбаевой для приданого своей дочери Ботагоз. На простых дорожках местами расположены отдельные фрагменты из разных мотивов: *құс табан* (птичьи следы), зигзаги, горизонтальные полосы, *ботакөз* (верблюжий глаз), цветочки, солнце и звезды, вышито имя дочери (рис. 5). Символы говорят сами за себя. Мать подобным образом выразила всю свою нежность кединственной дочери и пожелание ей счастья [13]. Жаль только, что дочь не оценила трудов матери, с такой любовью готовившей ей приданое. В ее доме были расстелены синтетические паласы фабричного производства. Когда мы были у них дома в Русской Поляне в 2009 г., и Багдат Есеркеповна по нашей просьбе начала нам показывать свои творения, ковры, сложенные на шкафу, оказались побитыми молью. На многих алаша и сырмаках мать выткала и вышила имя своей дочери Ботагоз.

Рис. 5. Фрагмент алаша. Автор Б.Е. Жылкыбаева, аул Коянды Русско-Полянского р-на Омской области.

В целом можно констатировать, что казахское ковроткачество в Западной Сибири уже практически стало историей. Хотя в аулах Омской области еще есть мастерицы, их творчество уже не пользуется спросом у казахского населения региона. В настоящее время эти традиции используют для показательных мероприятий заведующие клубами и руководители казахских культурных центров.

Источники и литература:

1. Баженова Н.А. Символика триединства в народном прикладном искусстве казахов и некоторых других народов Азии // Вехи истории культуры: от эпического миропонимания к космическому мышлению. Материалы Международной общественно-научной конференции. Бишкек – Москва, 2011. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.goerich.kz/publication/Bajenova.htm>), свободный (дата обращения: 27.01.2013).
2. Бейсенбаева А. Посольский фонд США возродит казахское ковроткачество // Сайт Республиканской газеты «Новое поколение» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.nr.kz/index.php?newsid>, свободный (дата обращения: 11.05.2013).
3. Гафур Ж. «Голос Америки»: США помогают Казахстану возродить ковроткачество [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st>, свободный (дата обращения: 11.05.2013).
4. Джанибеков У. Эхо... По следам легенды о золотой домбре. Алма-Ата: Издательство «Өнер», 1991. 304 с.
5. Каирбекова А.Р. Казахское ковроткачество // Деловой Усть-Каменогорск. 2005. №6. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.silkroadadventures.net/ru/Kazakhstan/13Culture/13Culture-12.html>, свободный (дата обращения: 11.05.2013)
6. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: Издательство «Өнер», 1986. Т. 1. 256 с.
7. Материалы автора, г. Омск, 2013 г. Инф. С.С. Жусанова 1953 г.р.
8. КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2002 г., аул Большой Искак Шербакульского р-на Омской области.

9. КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2003 г., с. Керей Кулундинского р-на Алтайского края.

10. КЭЭ ОФ ОИИФФ СО РАН, 2004 г., аул Байгамыт Благовещенского р-на, аул Куатовка Славгородского р-на Алтайского края.

11. МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2006 г., аул Баимбет Называевского р-на Омской области.

12. МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2007 г., аул Караман Нововаршавского р-на Омской области.

13. МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2009 г., р.п. Русская Поляна Русско-Полянского р-на Омской области.

14. МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2013 г., с. Белосток Одесского р-на Омской области.

15. МКЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2016 г., аул Кудук Чилик Азовского р-на Омской области.

16. КЭЭ РОО «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір», 2013 г.

17. Томилов Н.А., Ахметова Ш.К. Казахи аула Қасқат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. Омск: Издат. дом «Наука», 2013. 392 с.

УДК394:725.945.5

Ш.К. Ахметова¹

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

И.В. Толпеко

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Омск, Россия

**ЖИВАЯ ПАМЯТЬ
(О РАЗВИТИИ ТРАДИЦИИ УСТАНОВКИ ПАМЯТНЫХ ЗНАКОВ
У КАЗАХОВ АЗОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ И КЫЗЫЛ-
АСКЕРОВСКОМ СЕЛЬСОВЕТЕ)**

Традиция установки стел на местах переставших существовать аулов у казахов Омской области появилась в 2001 г. в Таврическом районе и была не только быстро подхвачена казахским населением других районов, но и получила дальнейшее развитие. Казахи стали ставить мемориальные комплексы, посвященные сразу всем аулам, входившим в один сельсовет, с перечислением не только аулов, родов, но и ветеранов Великой Отечественной войны. Стелы начали воздвигать на родовых кладбищах. В Азовском немецком национальном районе инициативу казахского населения не только поддержали, но и предложили продолжить эту традицию установлением памятников возле каждого некрополя с именами всех ветеранов ВОВ, похороненных там. В статье также исследуется история Кызыл-Аскеровского сельского совета.

Ключевые слова: исчезнувшие аулы, казахи, аулсовет, сельсовет, мемориал, стела, памятный знак.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036)

Sh.K. Akhmetova
Omsk Division of Institute Archaeology and Ethnography SB RAS
I.V. Tolpeko
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

**THE LIVING MEMORY (OF DEVELOPMENT TRADITIONS MEMORIAL
SIGNS OF KAZAKHS FROM AZOVSKY DISTRICT OF OMSK REGION AND
ABOUT THE KYZYL-ASKEROVSKY VILLAGE HALL)**

The tradition of installation of steles on places, the auls which have ceased to exist, at Kazakhs of the Omsk region has appeared in 2001 in the Taurian district. Also was not only it is picked quickly up by the Kazakh population of other areas, but also has gained further development. Kazakhs began to establish the memorial complexes devoted at once to all auls entering into one Village Council with transfer not only auls, childbirth, but also veterans of the Great Patriotic War. Steles began to put also at patrimonial cemeteries. In the Azov German national district the initiative of the Kazakh population not only was supported, but also have suggested to carry on this tradition establishment of monuments near each necropolis with names of all veterans of the Second World War buried there. In article the history of Kyzyl-Askerovsky village council is also investigated.

Keywords: ceased to exist auls, Kazakhs, aulsovet, village council, a memorial stele, memorial sign.

Спустя почти полвека после ликвидации неперспективных населенных пунктов, уроженцы некоторых прекративших существование аулов решили увековечить память о своей малой родине. В 2001 г. на месте исчезнувшего аула Кожан-Бекен Таврического района на высоком постаменте был уставлен памятный знак. Эту инициативу быстро подхватило казахское население Омской области. Традиция стала стремительно развиваться. Памятные знаки и стелы начали устанавливать не только на местах исчезнувших аулов, но и на старых кладбищах [3]. В Азовском и Таврическом р-нах стали воздвигать коллективные памятники, посвященные сразу всем аулам, входившим в один сельсовет. В 2002 г. на территории Таврического р-на был установлен памятный знак двенадцати аулам Стахановского аулсовета. В 2003 г. в Азовском р-не поставили общий памятник 11 аулам Буденовского сельсовета. В Таврическом р-не пошли еще дальше, воздвигнув мемориальный комплекс пяти исчезнувшим аулам и их уроженцам, погибшим в Великой Отечественной войне [4; 5] и т.д.

В ходе проведения экспедиция 2016 г. были выяснены новые интересные факты о развитии этой традиции. Жители аула Сегизбай Азовского р-на захотели увековечить память всех участников Великой Отечественной войны, ушедших на фронт из Кызыл-Аскеровского сельского совета. Главным организатором был Е. Бетыкеев. Инициативу казахов поддержала администрация Азовского немецкого национального района. В ауле Сегизбай, на территории школы, был построен мемориал, посвященный всем участникам Великой Отечественной войны Кызыл-Аскеровского сельского совета (рис. 1). Он состоит из пяти прямоугольных плит из черного полированного камня, заключенных в раму из красного кирпича. Верхняя часть сделана из двух узких горизонтальных плит из того же камня. Слева вырезана крупными буквами надпись «Ветеранам ВОВ», справа «Кзыл-Аскеровский С\С». Кирпичная рама украшена пирамидальным выступом, к

которому прикреплена большая красная звезда. Нижняя часть рамы выложена из желтого кирпича. В ее правом углу сделана выемка, в которой расположена табличка из черного камня с надписью «Фонд Азово». На плитах вырезаны фамилии и инициалы фронтовиков. На правой стороне переднего фасада рамы укреплена еще одна мемориальная доска небольшого размера, на которой размещен дополнительный список из десяти имен, которые первоначально не вошли в основной перечень. Мемориал установлен на низком постаменте из кирпича и светлой плитки, из которой также выложена дорожка.

Рис. 1. Мемориал ветеранам ВОВ Кызыл-Аскеровского сельсовета в ауле Сегизбай Азовского района Омской области. Фото И.В. Толпеко.

Список участников войны помог составить районный военкомат. Спонсором выступил Региональный общественный фонд содействия национально-культурному развитию немцев Омской Области «Азово» (директор В.Ф. Гасперт). Часть средств на памятник была собрана жителями и уроженцами Сегизбая и других аулов Кызыл-Аскеровского сельского совета. Они принимали и непосредственное участие в возведении памятника. После окончания рабочего дня люди специально приезжали из г. Омска и других мест, чтобы заняться укладкой дорожек к памятнику, перевозкой материалов, сооружением постамента. 9 мая 2011 г. состоялось торжественное открытие мемориала памяти ветеранов Великой Отечественной войны Кызыл-Аскеровского сельского совета с участием районной и сельской администрации, спонсоров и районного военкомата. Со всех концов области и из г. Омска приехали в аул Сегизбай односельчане и потомки ветеранов войны. После митинга состоялись праздничный концерт в сельском Доме культуры и банкет [9; 15].

В ходе проведения исследовательских работ в Азовском районе, как неоднократно и ранее относительно других мест, на первый план вышла проблема соотношения памятных знаков, установленных казахским населением Омской области, с конкретными населенными пунктами, и выявление месторасположения последних. В качестве одного из характерных примеров рассмотрим историю Кызыл-Аскеровского сельского совета. Многих аулов, входивших в него, нет уже давно. В памяти людей остались только их названия и места расположения. Из населенных пунктов в настоящее время существуют только старый Сегизбай и Березовка, которая появилась вначале 1930-х гг. в виде маленького поселка.

Остальные аулы, по мере укрупнения сельских поселений, постепенно исчезли. Помимо этого, вследствие административно-территориальных преобразований на протяжении почти всего советского периода сельские советы, районы и даже населенные пункты неоднократно переименовывались и меняли свою административно-территориальную принадлежность. По этой причине пришлось обратиться к истории, чтобы разобраться в топонимике территории Азовского района в целом, и Кызыл-Аскеровского сельсовета в частности.

В период гражданской войны в 1919 г. постановлением ВЦИК был создан Сибирский революционный комитет, который в 1920 г. расформировал Акмолинскую область и образовал Омскую губернию [12, с. 169]. В результате рассматриваемые селения были отнесены к Омской волости Омского уезда Омской губернии. В этот период происходило и создание аульных и сельских советов. В Омской губернии из 252 волостей образовали 52 района, которые так и не были утверждены ВЦИК из-за громадных размеров. В Новинском районе было 29 сельсоветов [6], среди которых – Кара-Кудукский аульный совет №5.

С 1922 г. началась работа по укрупнению волостей и сельсоветов, завершившаяся в 1924 г. 173 волости Омской губернии, соответствующих современной территории области, объединили в 31 район. Согласно новому территориальному делению, аулы вошли в состав Сосновского р-на. В мае 1925 г. был образован Сибирский край, куда наряду с четырьмя другими губерниями и Ойротской автономной областью вошла и Омская губерния. В октябре этого же года уезды и губернии упразднили и образовали 16 округов. Омская губерния была поделена на три округа. Сосновский район, вместе с 20 другими, вошел в Омский округ Сибирского края. В тот период в Сосновский р-н входили 20 сельсоветов и 144 сельских населенных пункта [13, с. 821]. В составе района были 3 казахских аульных сельских совета: №4 с центром в а. Бийбатыр, №5 с центром в а. Кара-Кудук, №8 с центром в а. Желборыс. В аулсовет №5 входили аулы Айтансык, Алике, Бейсекей, Жетпыс, Жетпысбай, Жусуп, Кабыл, Канафия, Караул, Самрат, Сегизбай, Секербай, Тлеуберды, Тук, Чунай [14, с. 198].

В 1929 г. Сосновский р-н, в числе десяти других районов, упразднили. Были созданы Новоомский и Омский районы Сибирского края [12, с. 171]. Казахские аульные советы №4 (центр в а. Бийбатыр) и №5 (центр в а. Кара-Кудук) вошли в Новоомский р-н, аулсовет №8 (центр в а. Желборыс) вошел в Шербакульский р-н. В 1930 г. Сибирский край разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. В этот же год была ликвидирована окружная система административно-территориального деления в Западно-Сибирском крае. Районы стали подчиняться непосредственно крайисполкому. Постановлением ВЦИК от 10 апреля 1933 г. административный центр Новоомского р-на г. Новоомск и г. Омск были объединены в один город. В сентябре 1933 г. Новоомский р-н был упразднен [12, с. 171]. 14 сельсоветов, в том числе казахские аулсоветы, стали подчиняться Омскому горсовету.

На американской военной карте «Омск» 1933-1934 гг. обозначены аулы Муса, Канафья (Канапия - *Ш.А., И.Т.*), Казанский (Казанкап - *Ш.А., И.Т.*), Бельдубай, Айтансык, Чунай, Сегизбай, Жетпысбай, Жусул (Жусуп - *Ш.А., И.Т.*), Самрат, Жумбай, Жунус, Бакбасар, колхозы Бейсекей, Ебешке и Кырык Кудук. Аулов Секербай, Тлеуберды, Тук, Алике, Кабыл, Кара-Кудук на карте нет. По словам информаторов, аула Кара-Кудук не существовало. Они считают, что произошло искажение названия аула Крык-Кудук [9]. В материалах по киргизскому землепользованию Омского уезда 1901 г. числится зимовка Дюйсена Ешкебака в урочище Крык Кудук [10]. Эта же зимовка и урочище Крык Кудук

упоминаются в Поаульной таблице повторного исследования Омского уезда в 1908 г. [7, с. 150 (26)]. Однако в списке сельсоветов и населенных пунктов Сосновского р-на Омского округа Сибирского края этой зимовки и аула Крык-Кудук нет. Зато там есть аул Кара-Кудук – центр Аульного сельсовета №5, объединявшего 15 выше перечисленных казахских аулов и один татарский – а. Бельдубай. В а. Кара-Кудук были сельсовет и школа [14, с. 198]. Этот аул мы нашли также на советской военной карте 1960 г. Он расположен между аулами Ханапя (Канапия – Ш.А., И.Т.) и Кызыл Чилик, недалеко от а. Кабыл. На карте также обозначены места расположения аулов Сарказах, Альке, Бельдубай, Жетпысбай, Сегизбай, Секербай, Тук, показаны развилки Мусса, Жуман, Жусуп, Чунай. На американской военной карте, упоминавшейся выше, обозначен колхоз Крык-Кудук. Он расположен между аулами Жетпысбай и Самрат. Сравнив эти две военные карты, можно убедиться в том, что аулы Кара-Кудук и Крык-Кудук – это разные населенные пункты. Кара-Кудук располагался за а. Кабыл, между аулами Канапия и Кызыл Чилик. Но, возможно, все же правы информаторы. По словам А.М. Отаршинова эти места были тупиковыми из-за отсутствия дороги. Можно предположить, что произошла путаница в официальных документах и на советских картах из-за искажения названия а. Карауыл, находившегося рядом с а. Канапия. В 2014 и 2015 гг. уроженцы этих исчезнувших аулов поставили стелы на своей малой Родине. Два памятных знака установлены у кладбища аулов Кабыл, Карауыл и Канапия отдельно аулам Карауыл и Канапия. Стелы выполнены из черного полированного камня в едином стиле и поставлены на некотором удалении от кладбища и друг от друга – поближе к местам расположения аулов, территории которых на сегодняшний день распаханы. На мраморной плите а. Карауыл сделана надпись на казахском языке: «Памятник посвящен аулу Карауыл рода монтык карауыл, поставили его потомки родов карауыл и канжигалы в 2015 г.». Сверху изображена эмблема из трех вписанных друг в друга кругов с орнаментом и надписью по кругу на казахском языке: «Средний жуз, карауыл, род монтык». Черная стела с постаментом установлена на невысокой светлой мраморной плите.

Рис. 2. Стела аула Карауыл. Установлена в 2015 г. Фото И.В. Толпеко

Стела а. Канапия выполнена также. Разница фиксируется только в тексте и цвете нижнего постамента. Надпись на казахском языке гласит, что «Памятник посвящен аулу Канапия. В этих окрестностях жили косайдар кыпчаки, сункарбек кыпчаки. Примерно 200 лет стоял аул. Установили потомки Жангонак, Байгонак,

Байболат, Тасболат в 2014». Верхняя часть стелы декорирована такой же эмблемой, как и стела а. Карауыл, только надпись немного изменена. По кругу на казахском языке начертано «Средний жуз, кыпчак, род ойбас». Оба памятника окружены металлическими оградками.

Рис. 3. Стела аула Канатия. Установлена в 2014 г. Фото И.В. Толтеко.

Аул Крык-Кудук находился рядом с а. Самрат и современной Березовкой, которой тогда еще не было. На месте Березовки вначале 1930-х гг. появился поселок рабочих 8-го отделения Сосновского зерносовхоза. Потом там организовали семенное хозяйство «Семхоз», из которого в дальнейшем и выросло село. Название а. Крык-Кудук связано с географическими особенностями территории его расположения. В урочище Крык кудук («40 колодцев») грунтовые воды расположены очень близко к поверхности земли. В настоящее время там растет лес, за которым находится котлован, в котором бьют 40 ключей. За ним и располагался а. Крык-Кудук. Перед лесом - действующее кладбище трех аулов: Крык-Кудук, Самрат и Майкантока. В 2 км от кладбища располагался аул косайдар кыпчаков Самрат. На территории современной Березовки, за кирпичным заводом, был а. Майкантока, основанный переселенцами из Казахстана в период голодомора. В основном это были кыпчаки и канжигалы [9].

В 1935 г. постановлением ВЦИК «Об организации новых районов Омской области» был образован Азовский р-н- частично из территорий Шербакульского р-на и части сельских советов, подведомственных Омскому горсовету [1;12, с. 172]. В 1936 г. Азовский р-н включал в себя 3 казахских сельских совета. В апреле 1936 г. облисполком принял постановление о переименовании номерных аульных Советов, в соответствии с которым аулсовет №5 переименовали в Кызыл-Аскеровский. Центр Кызыл-Аскеровского аулсовета из а. Кара-Кудук перенесли в а. Бастандык. В 1938 г. центром Кызыл-Аскеровского аулсовета стал а. Сегизбай, а

в апреле 1941 г. а. Секербай [1]. Аул Бак-Басар вошел в состав Азовского сельского Совета вместе с с. Азово (колхоз «16 лет Октября»), д. Бердянка (колхоз Коммунар»), с. Привальное (колхоз им. Шевченко), с 1940 г.- дд. Ягодное и Южное [8, лл. 113, 117]. До укрупнения в 1950-е гг. в Кзыл-Аскеровский сельский совет, по словам информаторов, входили 16 аулов. В 1951 г. они были разделены. Кзыл-Аскеровский сельский совет перестал существовать. Аулы Секербай, Сегизбай, Жетпысбай, Тук, Айтансык, Бейсекей, Самрат, Крык-Кудук, Майкантока были включены в колхоз им. Жданова. В колхоз им. Ленина вошли аулы Кабул (Куттаяк), Канапия, Караул, Сарказак, Альке, Казанкап, Чунай [9]. В 1953 г., в результате очередного укрупнения, Азовский сельсовет объединили с Руслановским и Пахомовским в один сельский совет с центром в с. Азово. Затем, в 1957 г., на территории сельского совета был организован Азовский совхоз, куда входили 8 отделений. Отделения №№6 и 7 состояли из колхозов им. Ленина и им. Жданова, образованных из аулов Кзыл-Аскеровского сельсовета. 8-м отделением был Семхоз (будущая д. Березовка), который раньше относился к Ульяновскому сельсовету [2; 9]. В 1950-е гг. а. Майкантока попал под укрупнение и объединился с аулом Крык-Кудук [9]. В 1963 г., по решению облисполкома от 15 декабря 1962 г. «Об укрупнении сельских районов», Азовский р-н упразднили, а его территорию присоединили к Таврическому р-ну [1]. В 1964 и 1965 гг. были снова организованы ряд районов, в числе которых был и Марьяновский. В марте 1965 г. Отделения №№6, 7 и 8 вошли в Новоазовский совхоз Марьяновского р-на. Аулы Сегизбай, Крык-Кудук, с прилегающими территориями укрупненных аулов, были объединены в Березовский сельский совет Марьяновского р-на с центром в с. Березовка [9; 12, с. 173; 13]. И, наконец, в 1992 г. был образован Азовский немецкий национальный район, куда и вошли территории исчезнувших аулов Кзыл-Аскеровского сельсовета: Бакбасар, Бейсекей, Самрат, Крык-Кудук, Майкантока, Айтансык, Тук, Жетпысбай, Секербай, Альке, Казанкап, Сарыказак, Кугаяк, Кабул, Кара-Кудук, Канапия, Чунай, Болекбай и др.

В 2010 г. глава Березовской сельской администрации А.И. Горбов пригласил аксакалов и сказал им, что есть указание сверху установить стелы с перечислением поименно ветеранов ВОВ, похороненных на сельских кладбищах, и попросил сообщить об этом в Сегизбай и другие аулы. Население отнеслось с пониманием к этому предложению. Аксакалы, поддержавшие инициативу властей, начали сбор средств [9]. В 2011 г. был поставлен памятный знак рядом с кладбищем аулов Крык-Кудук, Самрат и Майкантока. Памятник сделан из желтого кирпича, установлен на невысоком постаменте и защищен низкой металлической оградой. Сверху он увенчан мусульманским полумесяцем на длинном металлическом стержне. К стеле прикреплены две мемориальные доски из черного гладкого камня. На верхней плите вырезана надпись: «На этом кладбище захоронены участники Великой Отечественной войны, защищавшие свободу и независимость нашей Родины» с перечислением далее фамилий и инициалов ветеранов. Впоследствии выяснилось, что указаны не все ветераны. На нижней большой плите сделана надпись на казахском языке о том, что памятник посвящен односельчанам из Крык Кудука, Майкантока и Самрата.

Рис. 4. Памятный знак ветеранам ВОВ, похороненным на кладбище аулов Крык-Кудук, Самрат и Майкантока. Установлен в 2011 г. Фото И.В. Толпеко.

Таким образом, традиция установки памятных знаков у казахов Омской области продолжает развиваться и трансформироваться. Стали появляться памятные стелы со списками участников ВОВ, и даже мемориальные комплексы, посвященные только воинам ВОВ. Еще одним новшеством стало то, что сформировавшаяся народная традиция обратила на себя внимание местных администраций. Представители последних и ранее принимали некоторое участие в установке памятных знаков, в частности, в праздниках их открытия. Теперь же зафиксирован случай инициации такого мероприятия со стороны местных органов власти. В плане же дальнейшего изучения памятных знаков казахов Омской области одной из актуальных проблем становится идентификация исчезнувших казахских аулов.

Авторы выражают благодарность агроному АО «Новоазовское» Арману Макеновичу Оторбаеву за помощь при проведении экспедиционных исследований и сборе материалов.

Источники и литература:

1. Азовский район // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Азовский_район_\(Омская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Азовский_район_(Омская_область)) (дата обращения: 02.09.2016).
2. Азовский сельский совет народных депутатов Азовского немецкого национального района Омской области и его исполнительный комитет, с. Азово // Сайт: Исторический архив Омской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://iaoo.ru> (дата обращения: 02.09.2016).
3. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Памятные комплексы как дань предкам у казахов Таврического района Омской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2014 год. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 330-334.

4. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Память о малой Родине в мемориальной архитектуре казахов Омской области // Маргулановские чтения: материалы междунауч.-практ. конф., посвященной 110-летию академика А.Х. Маргулана. Алматы-Павлодар, 2014. С. 494-501.
5. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Стелы памяти: новая грань в культуре предков казахов Омского Прииртышья // Казахская диаспора Центральной Азии: история – культура – памятники: матер. Междунар. науч. конф. (г. Алматы, 5 декабря 2014 г.). Алматы: «Елтанымбаспасы», 2014. С. 389-393.
6. Жизнь Сибири. 1924. №5-6 (21-22). 272 с.
7. Киргизское хозяйство в Акмолинской области. СПб.: Тип. СПб.акц. об-ва «Слово», 1910. Т.2: Омский уезд. Повторное исследование 1908 года. 282 с.
8. КУ ИсА. Ф. 437. Оп. 14. Д. 1467.
9. Материалы МАЭЭ ОФ ИАЭТ СО РАН, 2016 г.
10. Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Омск: Тип. Штаба Сиб. воен. округа, 1902. Т. 11: Акмолинская область. Омский уезд. 355 с.
11. Ново-Омский район // Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ново-Омский_район (дата обращения: 31.08.2016).
12. Омская область Административно-территориальное деление. Справочник. Омск, 1991. – 176 с.
13. Поселения Азовского района // Сайт Азовского немецкого национального района [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://azov.omskportal.ru/ru/municipal/localAuthList/3-52-201-1/poseleniya/berezovskoe.html> (дата обращения: 25.08.2016).
14. Список населенных мест Сибирского края. Т. 1: Округа Юго-Западной Сибири. Новосибирск: Совет. Сибирь, 1928. 840 с.
15. Ушедшие благодарны за память // МК.RU Омск [Электронный ресурс]. Режим доступа URL: <http://omsk.mk.ru/articles/2011/05/16/589259-ushedshie-blagodarnyi-za-pamyat.html> (дата обращения: 02.09.2016).

УДК 811.512.122:323.1 (470.56)

К.Н. Балтабаева
РОО «Всемирная ассоциация казахов»,
Алматы, Казахстан

КАЗАХИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 2010 ГОДА)

По данным переписи 2010 г. численность казахов уменьшилась в семи субъектах РФ: в Оренбургской, Саратовской, Курганской, Челябинской, Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае. Казахи сохранили четвертое место среди тюркских народов. Уменьшилось доля сельских жителей из числа лиц казахской национальности в РФ. По численности казахского населения Оренбургская область занимает второе место после Астраханской области.

Увеличился показатель по владению казахами РФ русским языком. Поэтому основной этнокультурной проблемой российских казахов можно считать проблему родного (казахского) языка.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, казахи, казахский язык, этнокультурные контакты, национально-культурная автономия

K.N. Baltabayeva

*«The World Association of Kazakhs» Republican Public Association
Almaty, Kazakhstan*

KAZAKH PEOPLE OF ORENBURG PROVINCE (ACCORDING TO CENSUS 2010)

In 2010 year the population of Kazakh people decreased in seven regions of Russian Federation including: Orenburg, Saratov, Kurgan, Chelyabinsk, Novosibirsk, Omsk and Altay region. Kazakh people are holding the 4th place among the population of Turkic nations. The percentage of rural population among Kazakh people in Russia has also decreased. Orenburg province is taking the 2nd place after Astrakhan province by the population of Kazakh people there.

The index of Kazakh people in Russia speaking Russian has increased in recent years. That is why the problem of native language of Kazakh people living in Russia is the most important ethnic-cultural problem.

Keywords: Kazakhstan, Russia, Kazakhs, Kazakh language, ethnic-cultural contacts, national-cultural autonomy

Республика Казахстан и Российская Федерация – государства, имеющие самую протяженную в мире непрерывную сухопутную границу. Из 14 областей Казахстана – семь граничат с 12 регионами РФ. В России проживает четвертая по численности после Казахстана, Китая и Узбекистана общность казахов [5, с. 118].

Если по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. в России проживало 653962 казаха, то в 2010 г. – 647732 [2, с. 297, 308]. Численность казахов уменьшилась в семи субъектах РФ: в Оренбургской, Саратовской, Курганской, Челябинской, Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае [2, с. 338, 343, 345, 346, 347].

Казахи сохранили четвертое место среди тюркских (после татар, башкир, чувашей) народов, остались в группе «наиболее многочисленные национальности», но в связи с уменьшением численности белорусов, переместились с одиннадцатого на десятое место среди двадцати двух наиболее многочисленных народов Российской Федерации.

По сравнению с 2002 г. уменьшилась доля сельских жителей из числа лиц казахской национальности в РФ, с 67,46% до 63,12% в 2010 г. [3, с. 13]. Женщины-казашки преобладают как в городе, так и в сельской местности.

Казахи проживают во всех без исключения областях, автономных республиках и автономных округах РФ. Районами их компактного проживания являются Астраханская, Оренбургская, Омская, Саратовская, Волгоградская, Челябинская, Курганская области, Алтайский край и Республика Алтай. Казахи этих территорий не причисляют себя к диаспоре, в отличие от казахов Москвы, Санкт-Петербурга. Они живут на землях своих предков, являются коренным населением, сохранили традиционный уклад жизни. В этом – специфика казахов

России в отличие от других народов России, например, корейцев, немцев, турок и других [9, с. 257-265]. И в этом – общность истории казахов России с историей казахов Китая и Узбекистана.

Однако ни в одном регионе, имеющего выход на Казахстан, казахи не представляют этнического большинства. Так, доля казахов от общего населения Оренбургской обл. составляет 5,92% [2, с. 97]. Если за межпереписной период с 1989 г. по 2002 г. численность казахов в Оренбургской обл. увеличилась до 125568 человек [10, с. 5], то в 2010 г. зафиксировано уменьшение до 120262 человека. По численности казахского населения Оренбургская обл. занимает второе место после Астраханской обл. РФ, где проживает 149415 казахов.

Оренбуржье – один из самых привлекательных и благоприятных регионов в плане экономического развития и социально-политической, межнациональной стабильности. Географическая особенность Оренбургской области связана с тем, что на северо-западе проходит граница с Республикой Татарстан, на севере – с Республикой Башкортостан, на востоке и юге – с Республикой Казахстан. Формирование народонаселения Оренбуржья проходило в условиях активных миграций населения извне и непрерывных этнокультурных контактов. Оренбург, наряду с Казанью, стал культурным центром российских мусульман, в том числе – первой столицей советского Казахстана. Сегодня в Оренбурге функционирует уникальный культурный комплекс «Национальная деревня». Его главное предназначение – дать возможность поближе узнать культуру, нравы и обычаи народов области. В августе 2007 г. в рамках Дней Актюбинской обл. в Оренбуржье состоялась церемония открытия казахского подворья.

Казахи в Оренбургской обл. являются третьим этносом после русских (1 519 525 чел., 74,74%) и татар (151 492 чел., 7,45%) [2, с. 98]. Среди тюркских и мусульманских народов Оренбуржья казахи занимают второе место после татар. Среди казахов области лица моложе трудоспособного возраста составляют 21,77%, трудоспособного – 66,53% и старше трудоспособного – 11,70%) [2, с. 503].

В условиях демократических преобразований с конца 1980-х гг. консолидация казахов и создание на общественных началах казахских культурных обществ проходили в узких рамках одного аула (села), города, или области той или иной страны. Так было, например, в России, Германии, Турции, Узбекистане, Монголии. Инициатором и ядром объединений и консолидации стала национальная интеллигенция: ученые, педагоги, работники культуры, государственные служащие. В соответствии с Федеральным законом «О национально-культурной автономии» (1996 г.) национально-культурные общества (ассоциации) казахов созданы практически во всех регионах РФ.

В 2014-2015 гг. 25-летие своей деятельности отметили Казахские культурные общества: питерский «Атамекен», омский «Молдир», московский «Мурагер», астраханский «Жолдастык», Оренбургская Региональная казахская национально-культурная автономия. Лидерами и активистами принимались и принимаются меры по налаживанию деловых контактов с местной властью, этнической консолидации, изданию периодики, сохранению культуры, традиций, обычаев казахского народа, его языка.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в России, по сравнению с 2002 г., увеличился показатель по владению казахами русским языком: с 98,3% до 98,6% [3, с. 352]. Если в 2002 г. в Оренбургской обл. русским

языком владели 98,77% казахов [4, с. 80-81], то в 2010 г. этот показатель увеличился до 99,37% [2, с. 97]. Такой высокий показатель владения государственным языком страны проживания не могут продемонстрировать казахи других стран. Как известно, в РФ русский язык – государственный, 37 государственных языков функционируют в республиках РФ, более 15 языков с официальным статусом, в том числе казахский язык в Республике Алтай, который используется в официальных сферах в местах компактного проживания его носителей. В Республике Алтай есть школы с казахским языком обучения, поэтому знание родного языка казахами здесь достаточно высокое, как и в Астраханской области (См.: табл. 1).

Таблица 1.

Владение казахским языком казахами РФ
[2, с. 181, 182, 198, 200, 203, 205, 207, 209, 210, 213, 216]

Субъекты РФ	Численность казахов	Указавшие владение языками	В том числе казахским языком	% указавших владение казахским языком
Республика Алтай	12524	12382	11138	89,95
Астраханская область	149415	149130	126498	84,82
Омская область	78303	77808	36931	47,46
Самарская область	15602	15501	7262	46,85
Тюменская область	19146	19086	8812	46,17
Курганская область	11939	11909	5444	45,71
Новосибирская область	10705	10680	4640	43,45
Челябинская область	35297	35195	15028	42,70
Алтайский край	7979	7965	3369	42,30
Республика Калмыкия	4948	4922	2046	41,57
Волгоградская область	46223	45895	19024	41,45
Оренбургская область	120262	119765	47464	39,63
Саратовская область	76007	75518	28367	37,56
Ямало-Ненецкий автономный округ	1532	1529	547	35,78
Ханты-Мансийский автономный округ	4382	4372	1545	35,34

Из общего числа российских казахов, указавших владение языками, 52,2% владеют казахским языком [2, с. 145]. Казахский язык занимает вторую позицию после русского языка (99,09%), затем следуют английский (2,04%), немецкий

(1,02%), татарский (0,92%), алтайский, башкирский, узбекский и др. языки [2, с. 145, 151, 157]. В разрезе субъектов РФ наши расчеты приведены в табл. 1.

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.в числе родных языков казахи России указали 63 языка из 149 языков(таблица 8 Всероссийской переписи населения - «Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку»). Казахский язык в качестве родного языка назвали 466232 человека, затем в порядке убывания указаны русский, татарский, башкирский, ногайский, алтайский, калмыцкий, уйгурский, киргизский, якутский и др. языки [2, с. 233].

Таблица 2.

Казахское население РФ по родному языку
[2, с. 181, 182, 198, 200, 203, 205, 207, 209, 210, 213, 216]

Субъекты РФ	Указавшие родной язык	В том числе указавшие языки		% указавших казахский / русский языки как родной
		казахский	русский	
Республика Алтай	12505	11745	604	93,92 / 4,83
Республика Калмыкия	4942	4346	461	87,94 / 9,32
Астраханская область	148468	125994	22210	84,86 / 14,95
Омская область	78146	63554	14539	81,33 / 18,60
Оренбургская область	119944	88740	30974	73,98 / 25,82
Самарская область	15532	11097	4390	71,45 / 28,26
Тюменская область	19098	13318	5686	69,74 / 29,77
Курганская область	11925	7970	3917	66,83 / 32,85
Волгоградская область	46117	30236	15839	65,56 / 34,35
Саратовская область	75782	49122	26609	64,82 / 35,11
Челябинская область	35242	21433	13653	60,82 / 38,74
Новосибирская область	10681	6362	4217	59,56 / 39,48
Алтайский край	7978	4249	3721	53,26 / 46,64
Ханты-Мансийский автономный округ	4368	2296	2016	52,56 / 46,15
Ямало-Ненецкий автономный округ	1531	755	760	49,31 / 49,64

Если в 90-х гг.прошлого века 20% казахов Оренбуржья считали родным языком русский язык [1, с. 87], то в 2010 г. этот показатель увеличился до 25,82% [2, с. 276-277].Среди родных языков фигурируют шесть, в том числе татарский, башкирский, азербайджанский и узбекский языки (табл. 3).

Таблица 3.

Казахи Оренбургской области по родному языку
[2, с. 276-277]

Указавшие родной язык	Всего, чел.	%
		119944
В том числе указавшие языки:		
Казахский	88740	73,98
Русский	30974	25,82
Татарский	149	0,12
Башкирский	73	0,06
Азербайджанский	2	-
Узбекский	2	-
Другие языки	4	-
Не указавшие родной язык	318	-

В целом по РФ, численность лиц казахской национальности, указавшая родной язык, больше численности лиц, указавших владение языками. Более или менее синхронизированы эти показатели по Республике Алтай и Астраханской области. Так, в Республике Алтай доля лиц, указавшая на владение казахским языком, составляет 89,95%, а доля лиц, избравших казахский как родной, больше – 93,92%. Эти два показателя почти совпадают – 84,82% и 84,86% – среди казахов Астраханской области. Лишь в Ямало-Ненецком автономном округе среди казахов незначительно преобладают лица, для которых родным языком стал русский язык (табл. 4). В остальных субъектах РФ указавших на казахский язык как родной в 1,25-2,1 раза больше указавших на владение казахским языком. Так, в Оренбургской области 73,98% из числа указавших родной язык выбрали казахский язык в качестве родного языка, однако всего 39,63% указали на знание казахского языка. Хотя не все казахи России владеют казахским языком, однако при выборе родного языка предпочтение все же отдано ими именно казахскому языку. Поэтому основной этнокультурной проблемой российских казахов можно считать проблему родного (казахского) языка.

Таблица 4.

Сравнительные данные по владению казахским языком и родному языку казахов России

Субъекты РФ	% указавших владение казахским языком	Родной язык, в том числе	
		% указавших на казахский язык	% указавших на русский язык
Республика Алтай	89,95	93,92	4,83
Республика Калмыкия	41,57	87,94	9,32
Астраханская область	84,82	84,86	14,95
Омская область	47,46	81,33	18,60
Оренбургская область	39,63	73,98	25,82

Сравнительные данные по владению казахским языком и родному языку казахов России

Самарская область	46,85	71,45	28,26
Тюменская область	46,17	69,74	29,77
Курганская область	45,71	66,83	32,85
Волгоградская область	41,45	65,56	34,35
Саратовская область	37,56	64,82	35,11
Челябинская область	42,70	60,82	38,74
Новосибирская область	43,45	59,56	39,48
Алтайский край	42,30	53,26	46,64
Ханты-Мансийский автономный округ	35,34	52,56	46,15
Ямало-Ненецкий автономный округ	35,78	49,31	49,64

Как показывают социологические опросы, казахи, владеющие языком своей национальности в инонациональной среде, не придают языковому фактору существенного значения в консолидации этноса, только 26,5% назвали его. Для национального единства 57,4% опрошенных казахов выделили наличие и передачу из поколения в поколение традиций и обычаев народа [1, с. 87]. Не случайно, что самую высокую осведомленность об обычаях своих народов продемонстрировали оренбургские казахи и башкиры. Как подчеркивает саратовский историк и общественный деятель Г.А. Ташпеков: «Несомненно, язык есть один из важнейших атрибутивных признаков, но мы убедились, что утрата его отдельными лицами не означает автоматического «отпадения» от родословного этнического древа. Напротив, есть случаи, когда данное обстоятельство становится фактором, мобилизующим волю и желание индивида акцентировать свою деятельность на этнических проблемах» [11, с. 268].

Отсутствие полноценной образовательной вертикали на казахском языке, языковая ассимиляция – важнейшие показатели ухудшения качественной характеристики казахского населения во всех регионах России. Казахский язык катастрофически уменьшил свои образовательные и коммуникативные функции. Язык как часть культуры вытеснен в бытовую сферу, в конечном итоге, утрачен молодым поколением. Казахский язык теряется быстрее, чем этническая самоидентификация казахов в инонациональной, поликультурной и поликонфессиональной среде [8, с. 70].

Проведенное в 2009 г. Всемирной ассоциацией казахов исследование «Казахская диаспора в России: современное состояние и перспективы родного языка» свидетельствует: «Воспитанные на идеях приоритетности русской культуры, инструментально используя русский язык, российские казахи, имеют, в большинстве своем, размытую культурно-этническую основу. Национальное чувство хранится только в глубинных тайниках их души, поэтому их души очень адаптированы к освоению иных этнокультурных ценностей и им не присущи этническая кичливость, неуживчивость, изоляционность. Поэтому, актуальны задачи поддержания близости человека к своим истокам и интересам этноса, содействия росту национального самосознания, интереса к своим историческим корням» [6, с. 126].

Наш вывод подтверждает и московский исследователь О.Б. Наумова: «Процесс утраты родного языка у российских казахов зашел так далеко, что кажется необратимым. Он является составной частью общего процесса аккультурации и русификации российских казахов. Однако угрозы этнической ассимиляции казахов в России, на наш взгляд, не существует. Российские казахи обладают глубоким этническим самосознанием и четкой этнической идентификацией» [7, с. 71].

Казахи Оренбуржья, как и другие народы края, настроены на позитивный культурный диалог и в этом большая заслуга местных государственных органов и национально-культурных автономий. Тем не менее, не теряют своей актуальности вопросы удовлетворения их культурных, в том числе языковых, запросов, дальнейшего укрепления взаимопонимания и межэтнической стабильности, тем более в приграничной зоне, в условиях активной миграции населения.

Источники и литература:

1. Амелин В.В., Виноградов Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов России (Реальность и представления граждан в зеркале этносоциологии). М.: ЦИПО, 1998. 352 с.

2. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т.4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. 847 с.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 11: Сводные итоги. 579 с.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. 945 с.

5. Балтабаева К.Н., Мамашев Т.А., Ермекбай Ж.А., Баймагамбетова А.Ж. Казахская диаспора и репатриация. 1991-2012. Алматы: Елтаным, 2015. 568 с.

6. Казахская диаспора России: современное состояние и перспективы родного языка. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2009. 158 с.

7. Наумова О.Б. Казахская диаспора в России: этническое самосознание и миграционное поведение // Этнографическое обозрение. 2000. №3. С. 60-73.

8. Балтабаева К.Н. Национальное образование казахов в Российских регионах: общее и особенное // Казахстан и Россия: Научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана; Омск: полиграфия «Enter Group», 2013. С. 61-70.

9. Мусаев К.М. О проблемах функционирования казахского языка в Российской Федерации // Мусульмане Омского Прииртышья на пороге тысячелетий. Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. С. 257-265.

10. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года по Оренбургской области (распределение населения по национальности). Экспресс-информация. Оренбург: Облкомстат, 2004. 33 с.

11. Ташпеков Г.А. Саратовские казахи: История и современность. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2015. 284 с.

К.Н. Балтабаева
РОО «Всемирная ассоциация казахов»,
Алматы, Казахстан

**НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАЗАХОВ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» от 17 октября 2003 г. была ратифицирована Китайской Народной Республикой в августе 2004 г. В марте 2005 г. в Китае был составлен реестр национальных памятников нематериального культурного наследия и началась масштабная работа по их исследованию, в том числе и среди национальных меньшинств. Казахи Китая в своем нематериальном культурном наследии емко и глубоко выражают суть национального своеобразия, культурно-цивилизационную и этническую идентичность.

Ключевые слова: Казахстан, Китай, казахи, нематериальное культурное наследие.

K.N. Baltabayeva
«The World Association of Kazakhs» Republican Public Association
Almaty, Kazakhstan

**INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE KAZAKHS OF XINJIANG
AUTONOMOUS REGION OF PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA**

UNESCO Convention «On protection of intangible cultural heritage» of 17 October 2003 was ratified by the People's Republic of China in August 2004. In March 2005, roster of national monuments of intangible cultural heritage was compiled in China and large-scale work on research has begun, which included ethnic minorities as well.

Kazakhs of China profoundly express core of national singularity, cultural-civilizational and ethnic identity in its intangible cultural heritage.

Keywords: Kazakhstan, China, Kazakhs, Intangible Cultural Heritage.

Закон Китайской Народной Республики о нематериальном культурном наследии был принят на 19 сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей 11-го созыва 25 февраля 2011 г. Он опубликован и вступил в силу с 1 июня 2011 г. [1]. Закон включает шесть глав:

Глава I. Общие положения.

Глава II. Исследования нематериального культурного наследия.

Глава III. Каталог предметов нематериального культурного наследия.

Глава IV. Наследование и распространение нематериального культурного наследия.

Глава V. Юридическая ответственность.

Глава VI. Дополнительные положения.

Данный Закон «разработан с тем, чтобы унаследовать и развивать традиционную культуру китайского народа, способствовать строительству социалистической духовной цивилизации и укреплять защиту и сохранение нематериального культурного наследия» [1].

Статья 2 Закона определяет термин «нематериальное культурное наследие» (НКН), используемый в этом Законе, и он «относится к различным культурным проявлениям, передаваемым по наследству людьми всех национальностей от поколения к поколению, и рассматриваемым в качестве части их культурного наследия, и предметами и местами, относящимися к традиционной культуре, включая:

- 1) традиционные устные литературные произведения и язык, на котором они передаются;
- 2) традиционные искусства, каллиграфию, музыку, танцы, драму, народные искусства и акробатику;
- 3) традиционные технологии, медицину и календарь;
- 4) традиционные ритуалы, фестивали, и другие народные обычаи;
- 5) традиционные народные виды спорта и развлечений;
- 6) другое нематериальное культурное наследие.

Статья 6 Закона КНР о нематериальном культурном наследии определяет обязанности народных правительств уровня района и выше. Так, они «должны включать статьи по защите и сохранению НКН при планировании социально-экономического развития на своем уровне и включать средства, предназначенные для защиты и сохранения НКН, в свои финансовые бюджеты. Государство предоставляет помощь в защите и сохранении НКН в регионах населенных национальными меньшинствами, отдаленных и пограничных регионах и в экономически бедных районах» [1].

К национальным меньшинствам Китайской Народной Республики относятся и казахи, которые в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) по численности занимают третье место после уйгуров и ханьцев. По данным переписи населения 2010 г. здесь проживало 1 418 278 казахов [7, с. 24]. Численность казахов Китая за десятилетний межпереписной период, 2000-2010 гг., выросла с 1 250 458 человек до 1 462 588 человек. По нашим подсчетам, казахи составляют 0,1097% от общей численности населения Китая, занимают восемнадцатое место, а среди национальных меньшинств этой страны – семнадцатое место. Из двенадцати крупных неханьских этнических групп Синьцзяна только шесть (уйгуры, казахи, киргизы, таджики, узбеки, татары) составляют большинство (в пределах 91-99%) данного этноса, проживающего в Китае.

В Китае казахи в основном сосредоточены в сельской местности – 76,91% от их общей численности. В СУАР число сельских казахов составляет 1 105 310 человек, или 98,3% от общей численности сельских казахов страны. В сельской местности, в горах и предгорьях казахи занимаются в основном отгонным животноводством, земледелием, рыболовством и лесным хозяйством.

Таблица 1.

Расселение казахов в СУАР КНР, 2010 г. [7, с. 11, 1342–1344]

Регион	Численность, чел.	Удельный вес в казахском населении СУАР, %	Численность мужчин, чел.	%	Численность женщин, чел.	%%
СУАР	1 418 278		725 515	51,20	692 763	48,80
В том числе:						
Или-Казахская автономная область	534 398	37,70	274 234	37,80	260 164	37,55
Алтайский округ	328 153	23,14	167 084	23,03	161 069	23,30
Чугучакский (Тарбагатайский) округ	240 890	17,0	123 970	17,09	116 920	16,88
Санджи-Хуэйская автономная обл.	133 286	9,4	69 213	9,54	64 073	9,24
Городской округ Урумчи	68 076	4,79	33 531	4,62	34 545	4,98
Хамийский округ	51 201	3,61	26 131	3,60	25 070	3,62
Боротала-Монгольская автономная обл.	44 417	3,13	22 649	3,12	21 768	3,14
Городской округ Карамай	11 620	0,81	5 711	0,79	5 909	0,85
Баинголэн-Монгольская автономная обл.	1 091	0,07	555	0,07	536	0,07
Аксуйский округ	555	0,03	327	0,04	228	0,03
Турфанский округ	399	0,02	255	0,03	144	0,02
Кашгарский округ	306	0,02	188	0,02	118	0,01

Расселение казахов в СУАР КНР, 2010 г. [7, с. 11, 1342–1344]

Кызылсу-Киргизская автономная обл.	88	0,006	51	0,007	37	0,005
Хотанский округ	85	0,005	59	0,008	26	0,003
Города прямого подчинения правительству СУАР (Шихэцзы, Арал, Уцзяцуй)	3 713	0,26	1 557	0,21	2 156	0,31

СУАР – самая большая по площади административно-территориальная единица Китая – 1 664 897,14 кв. км., занимает шестую часть площади страны. Мною были посещены города Урумчи, Куйтунь, Мори – административный центр Мори-Казахского автономного района, казахские населенные (сельские) пункты Урумчийского р-на, Буыршинского р-на Алтайского округа и Санджи-Хуэйской (Дунганской) автономной обл., г. Инин (Кульджа) – административный центр Или-Казахской автономной области, за пределами СУАР – издательство Национальностей в Пекине, в котором функционирует казахская редакция. Состоялись встречи и беседы как с лицами казахской национальности, так и ханьцами.

Согласно Закону КНР о нематериальном культурном наследии отделы культуры народных правительств провинций, автономных регионов или муниципальных образований могут назначать полномочного представителя предметов НКН с выдачей соответствующего свидетельства. Имя полномочного представителя оглашается в средствах массовой информации, и он должен удовлетворять следующим условиям: хорошо владеть той частью НКН, которую он представляет; иметь влияние и авторитет в определенной области; должен активно заниматься развитием наследия. Кроме общественного признания и поддержки со стороны соответствующего отдела культуры, полномочный представитель имеет обязанности, за выполнением которых наблюдает тот же отдел культуры. В частности, полномочный представитель работает по распространению наследия и выращиванию тех, кто будет далее хранить это наследие. Он обязан надлежащим образом хранить предметы и материалы, сотрудничать с государственными структурами при проведении исследования в области НКН и участвовать в общественных мероприятиях.

В Законе прописаны и обязанности отделов культуры народного правительства уровня уезда и выше по поддержке наследования и расширения деятельности полномочного представителя предметов НКН:

- предоставлять необходимое место для наследования;

- предоставлять необходимые средства для финансирования их деятельности по обучению последователей, передачи умений, обмену;
- поддерживать их участие в общественных мероприятиях и т.п. [1].

Демонстрация элементов НКН казахов СУАР организована отделами культуры с участием знатоков и носителей (полномочных представителей) НКН в специальных этнопарках (этноаулах). Большие по площади этнопарки с развитой инфраструктурой в кооперации с туристическими компаниями работают с апреля по октябрь для иностранных и местных туристов. Например, этнопарки «Көк-Қора» Санжи-Хуэйской (Дунганской) автономной области СУАР (райцентр – г. Фукан), «Ақ күнгейті» Буыршинского р-на Алтайского округа, «Гүл-Текше» аула Гангу Урумчийского р-на, в населенном пункте Jiangdenyu (Жалдын уй) Буыршинского р-на Алтайского округа. Культурный туризм стал разновидностью активного отдыха, включающее приобщение к культурным ценностям национальных меньшинств и природе того или иного региона Китая.

Многие казахи в СУАР, свободно владеющие китайским языком, вовлечены в культурный туризм именно по пропаганде нематериального культурного наследия своего народа. Например, этнопарк «Ақ күнгейті» Буыршинского р-на Алтайского округа удачно расположен в предгорье, по пути следования туристов из аэропорта «Канас» на живописное оз. Канас. Более 800 туристов из внутренних провинций Китая посетили в мое присутствие этнопарк за один день. Основные центры обслуживания: казахские юрты с внутренним убранством, выставка изделий народных ремесел, ремесленный цех, ресторан с казахскими блюдами, концертный зал, гостиница, магазины и автостоянка. Территория украшена балбалами, тамгами 43 казахских родов. Здесь выставлена модель большого котла – тайказана. Для гостей предусмотрены участие в казахских национальных играх, конные прогулки, демонстрация мастерами изготовления ремесленных изделий. Туристы могут понаблюдать за валянием войлока, изготовлением казахских народных музыкальных инструментов, молочных продуктов, седла (ер-токым), ножей, плетением камчи и подпруги, вышиванием на кошме (сырмак), вырезанием посуды из дерева.

По информации директора Рахата Абдикадырулы, с достопримечательностями этнопарка, традициями, обычаями и национальной кухней казахов ознакомились многие туристы из Японии, США, Тайваня, Гонконга, Макао, Тайланда, России, Казахстана (Алматы, Астана, Шымкент, Усть-Каменогорск) и провинций Китая, в том числе городские и сельские казахи СУАР. Этноархеологи России здесь изучали каменные скульптуры балбалы. В дни моего пребывания этнопарке «Ақ күнгейті» находились казахи из городов Алтай, Мори и Урумчи.

Казахи очень стремились показать ханьцам, да и нам, казахам-казахстанцам, казахскую культуру, с искренним удовольствием встречая гостей и рано утром, с семи часов, демонстрируя гостям образцы казахской этнической культуры: *кыз куу*, *кокпар*, танцы, песни, национальную кухню. Искренний интерес к казахской культуре проявляли и ханьцы: они были не только зрителями на стадионе, но и танцевали, а некоторые и самостоятельно взбирались на лошадь и под одобрительные возгласы соотечественников скакали по полю. Глядя на них, но уже в сопровождении казахских юношей и девушек, езду на лошади апробировали и женщины, и дети. А в этнопарке Көк-Қора Санжи-Хуэйской (Дунганской) автономной области туристы с удовольствием катались на

верблюдах, а одна из китаянок, надев национальное платье казахской невесты, добровольно участвовала в демонстрации обряда *қыз ұзарту* (проводы невесты).

Из поколения в поколение переданы и сохранены синьцзянскими казахами дастаны, песни, танцы, конноспортивные и национальные игры, обычаи и традиции, мастерство изготовления домбры, юрты и ее внутреннего убранства, празднование Наурыза, исполнение кюев на домбре, кобызе и т.п. Многие предпочитают национальную одежду, или ее отдельные элементы присутствуют в деловом и повседневном костюме и платье.

В Китае список нематериального культурного наследия ведется на уровне автономии (например, СУАР) и на государственном уровне. В последнем случае решение по той или иной номинации НКН принимает Государственный совет в Пекине. Определяется и очередность поддержки НКН. Согласно статье 19 Закона КНР о нематериальном культурном наследии народное правительство провинции, автономного региона или муниципального образования, находящееся в непосредственном подчинении Центрального правительства, может выбрать предмет из своего каталога предметов НКН и рекомендовать отделу культуры при Государственном совете включение данного предмета в каталог предметов НКН национального значения и предоставить в поддержку рекомендации следующие материалы:

1) представление предмета, в том числе название, историю, статус-кво и ценность предмета;

2) представление его наследия, включая масштабы наследия, происхождение наследия, квалификацию его представителей и общественное значение наследия;

3) требования к защите, включая цели, которые необходимо достичь, меры, которые следует предпринять, шаги и правила управления;

4) аудиовизуальные материалы и другие материалы, которые помогают описать предмет» [1].

Так, по инициативе казахской интеллигенции СУАР, под защиту государства в 2007 г. взяты казахские дастан (повествование легенд, рассказов, эпических поэм, баллад) и терме, мастерство игры на казахской домбре, исполнение кюев, сыбызговая музыка, цикл танцевально-музыкальных произведений «62 коныра», мастерство изготовления домбры, юрта и мастерство ее установления, мастерство изготовления цветной кошмы (сырмак) и национальной одежды синьцзянских казахов, исполнение танца «Аю биі» («Танец медведя») в местности Барколь и округе Алтай, прикладное искусство (узоры), проведение древнего обряда «қырқынан шығары» («40 дней от роду младенцу»). Они были включены в первую очередь в список нематериального культурного наследия Синьцзяна на уровне Синьцзян-Уйгурского автономного р-на.

Казахи Китая по сей день говорят, что «ханьцы знают свою историю по книжной летописи, а казахи знают свою историю из уст акына». Казахские героические эпосы очень популярны среди казахов Китая, они изданы в 20-ти томах. Как показали мои опросы, казахи хорошо знают такие эпосы, как Алпамыс батыр, Кобыланды батыр, Ер таргын, Камбар батыр, Ер Жанибек, Абылай хан, Сатбек батыр, Богенбай батыр, кабанбай батыр, Аркалык батыр. Из лирико-эпических поэм они отметили «Кыз Жибек» и эпическую поэму «Қорқыт Ата кітабы» («Книга Крқыт Ата»).

В 2008 г. казахский айтыс был в первую очередь включен в список нематериального культурного наследия Синьцзяна на государственном уровне. В том же году казахская юрта и мастерство ее установления, а также мастерство пошива национальной одежды казахов во вторую очередь были включены в список НКН на государственном уровне. Для сравнения отметим, что к этому времени Республика Казахстан не ратифицировала еще Конвенцию ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. Особо подчеркнем, что среди зарубежных казахов именно казахи Китая первыми смогли сохранить для народа бесценное нематериальное культурное наследие в области народной (традиционной) медицины. В СУАР в государственную категорию в 2015 г. вошли народная (традиционная) медицина алтайских казахов Китая и конноспортивные игры.

Носители нематериального культурного наследия всячески поддерживаются в Китае. Для них установлены специальные гранты и премии, оформляются свидетельства, охранительные сертификаты, созданы условия для занятия традиционными ремеслами, внедрены различные поощрительные звания, проводятся конкурсы, состязания, издаются книги и альбомы, готовятся кадры. Эта огромная работа широко освещается в СМИ, в том числе и в Интернете. Созданы специализированные государственные структуры по нематериальному культурному наследию. Государство выделяет финансирование, целенаправленно, оперативно и при широкой опоре на массы, проводит в жизнь Конвенцию ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия.

В качестве положительного опыта Китая отметим также, что шедевры культуры и нематериального культурного наследия национальных меньшинств Синьцзяна красочно изданы на рабочих языках ЮНЕСКО, что также способствует демонстрации народного наследия и его широкой презентации за пределами государства. Не остались в стороне и казахи Китая [6].

Рассмотрим более подробно некоторые элементы НКН на примере Или-Казахской автономной области СУАР.

Или-Казахская автономная область – это единственная в Китае национально-территориальная область, статус которой выше, чем у «обычной» области и округа, но ниже, чем у пяти провинций. В период, когда Куйтунь был областным центром, в городе было создано и действует поныне Илийское Народное издательство, специализирующееся на выпуске книг на казахском языке. Здесь также был открыт педагогический институт с казахским отделением. Бросаются в глаза многочисленные вывески на казахском языке, которых нет в Кульдже – нынешнем центре Или-Казахской автономной области.

Город Куйтун – своего рода логистический центр между Урумчи и Хоргосом, инкубатор ИТ-технологий СУАР. Именно в этом городе, где проживает всего 5,5 тыс. казахов [7, с. 1342-1344], находится единственный за пределами Республики Казахстан Центр исследования казахского айтыса.

Центр исследования казахского айтыса был создан в 2006 г. при Профессионально-техническом институте. Акимат г. Куйтун выделил 35 млн. юаней (более 5,7 млн. долларов США) на строительство его здания. Центр обладает уникальными видео-аудиозаписями айтысов казахов Китая, которые он намерен издать. В его копилке – двухтомный коллективный труд «Қазақ айтысының тарихы» («История казахского айтыса»), который переведен на китайский язык [2]. В семи томах издано собрание казахского айтыса «Қазақ

айтысының жинағы». Центр подготовил к изданию в Пекине четырехтомное собрание сочинений народного акына, Үздік халық ақыны (Лучшего народного акына), члена Всекитайского общества фольклористов Курманбек Зейтингазыулы (13.12.1941 – 05.08.2011) [3]. Он также готовится к публикации четырехтомного исследования его творчества [4].

Благодаря заграничным гастролям Курманбека, с традицией казахского айтыса была ознакомлена общественность Монголии, Турции, Германии, Франции и Голландии. Его айтысы с Мейрамхан вошли в учебник по казахской литературе для восьмого класса школы, айтысы с Жамалхан – для девятого класса. Изданы его айтысы с Кулян, Изет, Батимой, Кален, Мадихан, Ляззат, Аклимой, Ханшой и Еркином. Он двенадцать раз выходил победителем айтысов разного уровня и имел также звания Еңбек сіңірген халық ақыны, Жұлдегер ақын по результатам участия в айтысах СУАР с 1999 по 2005 гг. Его перу принадлежат песни, многочисленные статьи, песни-посвящения (толғау өлендер), книга «Жылып өткен жылдар-ай», изданная на китайском языке. Многогранному творчеству Курманбека посвящен первый том серии «Ақындар айтысы», вышедший в Куйтуне.

Центр исследования казахского айтыса занимается также переводом содержания выступления акынов на китайский и английский языки. Он выступил одним из организаторов научной конференции 2012 г. на тему «Қазақ халқының айтыс өнерін зерттеу және дамыту» («Исследование искусства айтыса казахского народа и его развитие») с участием Министерства культуры КНР и ученых Казахстана из Алматы и Астаны. В декабре 2014 г. в Дурбульдзинском р-не Тарбагатайского округа СУАР Центр провел своего рода мастер-классы по ознакомлению населения с различными жанрами казахского айтыса, восстанавливаемого по изданным книгам и устной истории аксакалов. Среди них, например, древний *бәдік айтыс* с элементами шаманизма; *шаригат айтыс* на религиозные темы; *наурыз айтыс* – состязания в знаниях о природе и истории 12-ти летнего животного цикла, традиционного календаря казахов; *кыз-жігіт айтыс*; *жар-жар айтыс* исполняется на свадьбах; *қайым айтыс* объединяет четырех участников, которые поочередно исполняют одну строку куплета; *жұмбақ айтыс* – айтыс загадка. *Тәмсілдік айтыс* олицетворяет в поэтическом жанре айтыс человека с животным, исполнителя и умершего человека, зимы и лета: *мал мен адамның айтысы, өлі мен тірінің айтысы, жаз бен қыстың айтысы*.

С 2008 г. Центр работает в самом тесном контакте с Синьцзянским обществом казахского айтыса. Совместно они создают архивы современных акынов – участников айтысов, планируют издать книги по истории казахского айтыса с 1949 г. по настоящее время. Делегации из Казахстана, Германии и Японии посещали этот уникальный Центр, ознакомились со специалистами, приняли участие в айтысе в качестве гостей и подписали Протоколы о намерении творческого сотрудничества.

Казахский айтыс – это уникальное явление импровизации акынов в песенном состязании, выявляющее знания, мудрость, остроумие и находчивость. Айтыс в своей публичной форме сохраняет высокую востребованность и развитие в СУАР. Не случайно в 2010 г. Правительство СУАР предложило Министерству культуры Республики Казахстан подготовить в ЮНЕСКО совместную заявку на включение айтыса казахов Китая и Казахстана в Репрезентативный список

нематериального культурного наследия человечества. Но к тому времени Казахстан еще не ратифицировал Конвенцию ЮНЕСКО 2003 г. об охране нематериального культурного наследия. Эта работа была завершена по всем международным процедурам только 28 марта 2012 г.

Казахстанско-кыргызстанская номинация «Айтыс – искусство импровизации» была включена в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО 2 декабря 2015 г.

К сожалению, в Казахстане, как правило, айтысы приурочиваются лишь к определенным, большим праздникам, таким как День независимости, или 550-летие Казахского ханства. В Китае казахи айтысы проводят в обязательном порядке. Установлена их периодичность: один раз в год – на районном уровне; один раз в два года – на аймачном уровне; один раз в три года – на областном уровне; один раз в пять лет – на уровне СУАР. Появилась новая форма пропаганды и развития казахского айтыса в Китае – студенческий айтыс периодичностью один раз в три года. Айтыскеры, как правило, хорошо знают обычаи и традиции, генеалогию и историю.

Победителям айтыса в Китае выдается не только одноразовая премия, но и устанавливается постоянная стипендия, тем самым поощряется устная передача знаний и навыков молодому поколению, не прерывается многовековая традиция казахского народа в словесном поэтическом состязании. Традиционно казахские айтысы проходят между мужчинами и женщинами. Очень редко в Китае встречаются айтысы между мужчинами.

Участник айтыса (айтыскер) – эта новая профессия в СУАР среди казахов. Первые 40 студентов в Куйтуне были набраны в специализированный класс при большом творческом конкурсе еще в 2004 г. Через шесть лет на филологическом факультете Илийского педагогического института (г. Кульджа) также началась подготовка специалистов-акынов из числа талантливой молодежи. Как отдельная специальность «бакалавр айтыса» со сроком обучения четыре года была признана государством в 2011 г. По этой специальности выдается лицензия Министерства образования Китая. Выпускники вуза трудоустраиваются в сфере культуры.

Причем в Китае технология вовлечения сообщества и отдельных людей в нематериальное культурное наследие с целью сохранения преемственности самая разнообразная. При этом обеспечен охват аулов и городов, где проведена сплошная инвентаризация культурного наследия, всячески поощряется инициатива снизу, выделяется финансирование и идет пропаганда через СМИ. Казахи Китая гордятся возможностью воссоздания, сохранения и демонстрации многовековых ценностей и культурного наследия своего народа.

Нематериальное культурное наследие казахов Китая является основой национального самосознания, укрепляет духовную связь поколений и эпох, несмотря на не закреплённость какими-либо межгосударственными актами. Передаваемое от поколения к поколению, нематериальное культурное наследие постоянно воссоздается самими сообществами и группами, формируя у казахов чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека.

При этом важнейшим критерием казахской идентичности был и остается язык, также выступающий в качестве носителя нематериального культурного наследия. Казахи общаются друг с другом исключительно на казахском языке и не демонстрируют в обществе знание китайского языка. Они заинтересованно

обсуждают темы, связанные с историей, культурой и традициями казахского народа, в том числе мировой казахской диаспоры. При этом язык в качестве носителя нематериального культурного наследия стоит на первом месте. В целом, в обществе формируется установка на сохранение традиции.

Подтверждаю наблюдения казахстанских этнологов о том, что в быту китайских казахов, «особенно в сельской местности, предметов традиционной культуры, намного больше, чем у среднестатистического казахстанского казаха. Казахи Алтая всячески стремятся подчеркнуть свое своеобразие, свою принадлежность к казахскому этносу» [5, с. 277–278]. В Казахстане и среди казахской диаспоры в разных странах популярностью и спросом также пользуются музыкально-певческая, видео- и кинопродукция казахов Китая.

Казахи Китая, сохраняя объективные индикаторы этнической принадлежности, уверенно демонстрируют широкую профессионализацию народного творчества и при поддержке государства принимают активные меры по сохранению нематериального культурного наследия.

В отличие от Казахстана, где традиционная культура востребована только у определенных слоев населения, в Китае именно традиционная культура представляет объединяющую ценность для казахов. Эта культура дает им чувствовать себя Казахом, представителем единого казахского народа, ощущать свою этнокультурную идентичность.

Имея перед собой пример мощной национальной идентичности ханьцев, казахи Китая стремятся сохранить объективные индикаторы своей этнической принадлежности, прочный фундамент эмоциональной и рациональной общности человека со своим народом. Неустанная пропаганда собственных этнокультурных ценностей – норма поведения среди казахов. Они ориентируются в первую очередь на собственную культуру.

При этом мощный генетический ресурс народной культуры в Китае сосредоточен как в городской, так и в сельской местности. Казахи Китая имеют четкие намерения сохранить, возродить и передать новым поколениям бесценное культурное наследие нашего народа. Их духовная жизнь насыщена любовью к своему народу, родному языку и культуре предков. И нам надо брать пример с них и не ограждаться «Великой китайской стеной».

Казахи Китайской Народной Республики – последние кочевники этой страны – являются важнейшим многоплановым объектом междисциплинарного историко-этнографического, демографического, этносоциологического, этноархеологического и культурологического исследования.

Источники и литература:

1. Закон КНР о нематериальном культурном наследии [Электронный ресурс] // Бизнес в Китае. URL: <http://www.asia-business.ru/law/law3/cultural/> (дата обращения: 07.02.2015).

2. Қазақ айтысының тарихы: Автор ұжымы / жауапты ред. Жәлел Нұрпейісұлы. Үрімжі: Үрімжі Халық баспасы, 2009. 330 бет. (қытайша, қазақша төте жазу).

3. Құрманбек туралы зерттеу: 4 т. / құраст.: Гүлнар Шанбаева, Шолпан Коксегенқызы. – Бейжің: Ұлттар баспасы, 2013. 1 том. 314 бет; 2 том. 290 бет; 3 том. 447 бет; 4 том. 463 бет. (қазақша төте жазу).

4. Құрманбек шығармалары: 4 т. Бейжің: Ұлттар баспасы, 2013. 1 том. 351 бет; 2 том. 422 бет; 3 том. 430 бет; 4 том. 300 бет. (қазақша төте жазу).

5. Орынбаева Г.У. Проявления этнического самосознания у казахов Китая// Казахстан и зарубежные казахи : Материалы междунар. научн.-практ. конф. Алматы, 12 октября 2012 г. Алматы: Всемирная ассоциация казахов, 2012. С. 277–280.

6. Шедевры культуры Синьцзяна: нематериальное культурное наследие СУАР / ред. Хоу Ханьмин; перевод Му Тун. Алматы: Достық көпірі, 2012. 207 с.

7. Zhongguo 2010 nian Renkou pucha fen minzu renkou ziliao. Beijing, 2013. 1044 p.

УДК 312

А.М. Балыкова

*Западно-Казахстанский инновационно-технологический университет,
Уральск, Казахстан*

О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1959-1989 гг.

В статье дается характеристика социально-демографических и миграционных процессов по материалам переписей 1959-1989 гг., а также прослеживаются направления миграционных потоков и тенденции их развития.

Ключевые слова: языковая ассимиляция, статистические органы, естественный прирост, этнодемографический состав.

А.М. Balykova

*West Kazakhstan Innovational-Technological University,
Uralsk, Kazakhstan*

THE 1959-1989 YEARS POPULATION OF KAZAKHSTAN ACCORDING TO CENSUS

The article describes the socio-demographic and migration processes according to the census 1959-1989, and traced the direction of migration flows and trends of their development.

Keywords: language assimilation, statistical agencies, natural increase, ethnodemographic composition.

Великая Отечественная война многое изменила в методах организации и программах статистических работ. В марте 1941 г. Управление народнохозяйственного учета Казахской ССР было переименовано в Статистическое управление Казахской ССР, а в конце 1943 г. оно же было объединено с аппаратом Уполномоченного Госплана при СНК СССР по Казахской ССР и стало именоваться «Управление статистики Уполномоченного Госплана при СНК СССР по Казахской ССР», что означало вывод статорганов республики из подчинения и влияния местных органов власти в связи с военным положением в стране. Так, в военные и послевоенные годы проводились только строго

централизованные работы, при этом большое значение придавалось срочным единовременным учетам и переписям, которые часто проводились через местные статистические органы.

После войны, почти вплоть до середины 1950-х гг., организованное переселение в Казахстан проводилось слабо. Наиболее крупный миграционный поток в республику произошел в связи с освоением целинных и залежных земель, которое по времени проходило одновременно с крупным промышленным строительством. На освоение целинных и залежных земель в Казахстан в 1954-1962 гг. прибыло около 1,7 млн. чел., в основном из европейской части страны [2, с. 121]. По межреспубликанскому организованному набору рабочей силы для промышленного строительства и транспорта в 1954-1965 гг. в Казахстан прибыло почти 0,5 млн. человек, это составляло почти 80% всего оргнабора. Большинство оргнабора приходилось на Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию и Литву. Все это еще более усилило разрыв между численностью и удельным весом коренного населения, с одной стороны, и пришлого населения – с другой, в 1959 г. удельный вес русских достиг 42,7%, а казахов упал еще на 8 пунктов по сравнению с 1939 г. и составил всего 30% [3, с. 94]. Удельный вес других этнических групп резко не изменился. Миграционный поток в Казахстан, хотя и в несколько ослабленном виде, продолжался и позднее, но уже с начала 1970-х гг. сформировался в отрицательное сальдо.

Однако эти материалы долгое время оставались в фондах Центрального статистического управления (ЦСУ) Госкомстата. С марта 1946 г. Советы Народных Комиссаров как в центре, так и в союзных республиках были преобразованы в Советы Министров СССР и союзных республик. В связи с этим Управление статистики Уполномоченного Госплана при СНК СССР по Казахской ССР вновь переименовывается в Управление статистики Уполномоченного Госплана при Совете Министров СССР по Казахской ССР. Такое положение со статусом статистических органов Казахстана, как и всей тогдашней страны, продолжалось до 1948 г. Однако строго централизованные методы деятельности статорганов не отвечали новым требованиям мирного строительства. Поэтому под предлогом и с целью улучшения государственной статистики и устранения недостатков в деятельности ранее действовавших статистических органов, а также для повышения роли государственной статистики в управлении и планировании народного хозяйства, постановлением Совета Министров СССР от 10 августа 1948 г. ЦСУ Госплана СССР преобразовали в Центральное Статистическое Управление при Совете Министров СССР. В соответствии с этим решением Управление статистики Уполномоченного Госплана при Совете Министров СССР по Казахской ССР было преобразовано в Статистическое Управление при Совете Министров Казахской ССР с соответствующими местными статистическими органами в областях, районах и городах. Подобное положение со статусом республиканских органов госстатистики, фактически полностью подчиненных ЦСУ СССР, продолжалось до распада Союза ССР, несмотря на то, что за эти годы статуправления в республиках преобразовывались в Центральные Статистические Управления, затем в Государственные Комитеты по статистике, и они имели статус министерства (ведомства) союзной республики.

Тем не менее, именно в 1959-1970 гг. начался перелом в демографическом развитии казахского народа, который произошел в силу ряда таких факторов, как сравнительно высокий естественный прирост, снижение эффективности

миграционной экспансии и последовавшее за этим складывание отрицательного миграционного сальдо. Наметилась тенденция неуклонного роста не только общей численности казахов, но и их удельного веса в составе населения республики. Удельный вес казахов непрерывно падал в 1897-1959 гг. с 81,8% до 30%, абсолютная численность казахов в республике выросла в 1959-1970 гг. на 1 446,9 тыс. человек, т.е. на 51,9%.

Тем самым в 1960-е гг. были заложены основы для быстрого естественного прироста казахов и превращения их в перспективе в наиболее многочисленный этнос на территории Казахстана.

В СССР проживало 5 298 818 казахов, в том числе в РСФСР – 477820 чел., в Узбекской ССР – 476310 чел., Казахской ССР – 4 234 166 чел., в Киргизской ССР – 21 998 чел., в Таджикской ССР – 8 306 чел., в Туркменской ССР – 68 519 чел. [4, с. 27]. В программе Всесоюзной переписи населения 1970 г. вопросы о национальности и языках были сформулированы так: «Национальность. Для иностранцев указать также гражданство» и «Родной язык. Указать также другой язык народов СССР, которым свободно владеете». Инструкция переписи населения требовала, чтобы в ответе на вопрос о национальности записывалась «национальность, которую указывает сам опрашиваемый» и в ответе на вопрос о родном языке записывался язык, «который сам опрашиваемый считает своим родным языком». Наряду с родным языком записывался также другой язык из числа языков народов СССР. Национальность детей в семьях в затруднительных случаях определялась по национальности матери. Эта инструкция соблюдалась в переписях 1939, 1959 и 1970 гг. [7, с. 218].

17 января 1979 г. была проведена очередная Всесоюзная перепись населения. Население переписывалось в течение 8 дней – с 17 по 24 января по месту жительства, а не по месту работы и службы. Счетчики со слов опрашиваемых вели регистрацию ответов на 12 часов ночи с 16 по 17 января, включая временно проживающих. Из числа постоянно проживающих записывались также временно отсутствующие.

Программа переписи содержала 16 вопросов, из них на 11 вопросов ответы были получены от сплошной переписи и на 5 вопросов – от 25% постоянного населения (выборочная перепись). Для обеспечения полноты и правильности учета населения в переписи и после нее осуществлялись контрольные мероприятия: составлялись контрольные бланки, выдавались справки о прохождении переписи, проводились выборочные контрольные обходы. В программе переписи 1979 г. уточнена формулировка вопроса о возрасте по году рождения и количеству исполнившихся лет. Перепись включала следующие вопросы: отношение к главе семьи, категория населения (постоянное или наличное), пол, возраст, состояние в браке, национальность, родной язык народов СССР, которым свободно владеет, образование, обучение, источник средств существования. Выборочная перепись содержала дополнительные вопросы: о месте работы, занятии, общественной группе, миграции, числе рожденных женщиной детей. Последняя информация была необходима для изучения и прогнозирования процессов формирования семей, брачности, рождаемости [9, с. 3]. Данные о национальном составе в сочетании со сведениями о числе рожденных детей, брачном состоянии и другими данными позволяют изучить этнические факторы воспроизводства населения. Изучение материалов переписи населения по родному языку необходимы были политическому руководству

СССР для управления этническими процессами, в том числе состояние языковой ассимиляции нерусских народов. Вопрос о национальности записывался по указанию самого опрашиваемого. Национальность детей определяли родители.

При разработке материалов переписи сведения по выборочному обследованию были распространены на все население. Для предотвращения неохвата населения, для избежания двойного учета выдавались справки о прохождении переписи. И все же неохваченным оказалось около 0,12% населения страны, сведения о которых были внесены. Программа переписи была расширена для оперативной обработки материалов переписи, использовались ЭВМ и запись на магнитную ленту.

Показатель роста численности русских и русскоязычных во всех бывших союзных республиках по переписи населения в 1979 г. достиг апогея. По итогам переписи сложилась следующая картина: в Узбекистане численность неузбеков составила 31,3%; в Казахстане неказахов – 64,0%; в Грузии негрузин – 32,2%; в Кыргызстане некыргызов – 52,1%; в Таджикистане нетаджиков – 41,2% [6, с. 28-30].

Население Казахстана, по переписи 1979 г. составило 14 684 293 чел. Из них казахов – 5 289 349 чел. (36%); русских – 5 991 205 чел. (40,8%); немцев – 900 207 (6,2%); украинцев – 897 964 чел. (6,1%); татар – 313 460 чел. (2,2%); узбеков – 263 295 чел. (1,8%); белорусов – 181 491 чел. (1,2%); уйгуров – 147 943 чел. (1,0%); корейцев – 91 984 чел. (0,6%); азербайджанцев – 73 345 чел. (0,5%); представителей других национальностей – 534 040 чел. (3,6%) [9, с. 228]. Все это явилось закономерным результатом целенаправленной переселенческой политики Российской империи и тоталитарного Союза по миграции. В то же время по данным этой переписи населения в самой РСФСР граждане нерусского происхождения составили всего лишь 17,4% [10, с. 106]. Хотя очень «радикально» и «прогрессивно» мыслящие ученые-интеллигенты открыто не выражали своих взглядов в официальной печати, однако появлялись намеки об изменении статуса и переименовании Казахской и Кыргызской республик, где коренное население численно уже не преобладало.

Вместе с тем еще одну любопытную картину мы можем увидеть с позиций сегодняшнего дня из материалов этой переписи. Так, по данным, полученным при проведении той переписи, общий прирост населения за 1970-1979 гг. составил 1 млн. 676 тыс. человек (13%). Этот прирост сложился за счет естественного прироста. Наибольший прирост дали казахи – 1055 тыс. (25%); узбеки – 47,0 тыс. (22%); уйгуры – 27,1 тыс. (22%) и азербайджанцы – 15,6 тыс. (27%). Наименьший прирост дали восточнославянские этносы: численность русских выросла на 469 тыс. чел. (8,5%), а украинцы и белорусы сократили свою численность на 35,5 и 16,8 тыс. чел. соответственно. Убыль украинцев и белорусов представляла собой начало общего процесса «вымывания» европейского населения из Казахстана в результате превышения оттока над притоком. Быстрый рост численности казахов в Казахстане объяснялся высоким естественным приростом, а также возвращением казахов из Узбекистана, Туркмении и России.

12 января 1989 г. была проведена последняя перепись населения СССР. Она проводилась посредством опроса людей по месту их фактического жительства. Опрос вели счетчики переписи, прошедшие специальную подготовку. Страна была разделена на счетные участки, счетчик должен был обойти дома не менее двух раз (первый раз накануне переписи, во время предварительного

обхода он предупреждает о переписи, выясняет удобное время для второго (основного) обхода). Полноту обхода и точность произведенных записей гарантировал инструктор-контролер. Организаторы переписи 1989 г. четко определяли единицу наблюдения – семью, понятия «родство», «совместное проживание», отдельно проживающих членов семьи, одиночек. Перепись регламентировалась «Инструкцией о порядке проведения Всесоюзной переписи населения 1989 г. и заполнения списков в помещении и переписных листов» [10, с. 18, 20-23]. Перепись 1989 г. проводилась в государстве, где существовал строгий (разрешительный) паспортный режим. Это облегчало полноту охвата населения, однако не обеспечивало репрезентативность ответов. Перепись 1989 г., программа переписи, методика производства переписи соответствовали рекомендациям ООН.

В демографическом плане перепись 1989 г. практически не отличалась от переписи 1979 г. Сравнимость и сопоставимость с данными прошлой переписи дает возможность масштабного анализа за 1979-1989 гг. Из 18 вопросов, включенных в переписной лист, 7 относились к жилищным условиям населения. Обследования жилищных условий были задачами переписей населения 1926, 1979 и 1989 гг. К числу недостатков этой переписи можно отнести неоперативное издание материалов переписи, неупорядоченное переименование улиц (некоторым улицам не присвоено наименования, отсутствовала нумерация домов), в сельской местности неудовлетворительно обстояло дело с учетом в похозяйственных книгах, не велись записи о временно отсутствующих, обучающихся в ВУЗах, техникумах или о работе на предприятиях, в организациях, расположенных в отдаленных от сельских Советов местах, а также в отношении лиц, призванных в армию и направленных в места лишения свободы [8, с. 18, 20-23]. Методически не оправданно было привлечение органов МВД для осуществления выборочных проверок.

В инструкции «О порядке проведения всесоюзной переписи населения 1989 г. и заполнения списков проживающих в помещениях и переписных листов» дается подробное разъяснение с многочисленными примерами. Удачно разъяснены вопросы, касающиеся брака. Состоящими в браке люди считаются вне зависимости от того, зарегистрирован брак или нет. Разъяснено понятие «одиночка»: лица, не имеющие родственников, а также имеющие родственников, но живущие постоянно отдельно от них и не имеющие с ними общего бюджета или регулярной материальной связи. Указанная категория отличается от членов семьи, живущих отдельно, которые проживают отдельно временно и поддерживают с семьей регулярную материальную связь. К числу неудачных сторон программы переписи 1989 г. следует отнести такие казусы: некоторая часть казахов назвала родным другие языки народов СССР, вместе с тем указала, что владеет казахским. Вопросы, связанные с определенным источником существования, должны были бы быть поставлены в закрытой форме.

Численность населения республики на начало 1989 г. по материалам Всесоюзной переписи населения составляла 16 млн. 464 тыс. человек. Численность наиболее крупных этносов в 1989 г. выглядела следующим образом: казахи – 6535 тыс. чел. (39,7%), русские – 6228 тыс. чел. (37,8%), украинцы – 896 тыс. чел. (5,4%), немцы – 957 тыс. чел. (5,8%), татары – 328 тыс. чел. (2,0%), узбеки – 332 тыс. чел. (2,0%), белорусы – 183 тыс. чел. (1,1%), уйгуры – 185 тыс. чел. (1,1%), корейцы – 103,3 тыс. чел. (0,6%), азербайджанцы – 90 тыс. чел. (0,5%)[5, с. 46-71].

Динамика этнодемографического состава за 1979-1989 гг. была такова: общий прирост по всему населению Казахстана составил 1 780 181 чел., или 12%. И хотя в абсолютных цифрах количество населения увеличилось, показатель его удельного веса в составе СССР сократился на 0,8 пункта. Однако, сравнивая показатели роста численности жителей в целом по бывшему Советскому Союзу, следует отметить более высокие темпы его прироста по Казахстану (прирост по Советскому Союзу составил за этот период всего 0,6%). В абсолютных цифрах население выросло во всех областях. Однако удельный вес их был не одинаков. Эти различия обусловлены общими темпами роста экономики областей и прежде всего промышленности. Более высокие темпы роста численности населения наблюдались в Южном и Западном экономических районах. Самые низкие темпы были отмечены в Восточно-Казахстанской и Семипалатинской областях, составляющих Восточный экономический район.

Самые высокие темпы роста были у казахов. В межпереписный период рост численности казахов составил 1245 тыс. чел. (23,5%), а доля их в общем приросте населения к 1989 г. составила 70,0%. В Южном экономическом районе этот прирост составил более половины (53,9%). Относительно низкие темпы роста численности коренного населения (15,1%) были зафиксированы в Восточном экономическом районе.

В целом прирост казахов обеспечивался за счет высокого естественного прироста и возвращения казахов из России, Узбекистана, Каракалпакстана, Туркменистана. Прирост остальных тюркоязычных этносов происходил исключительно за счет естественного прироста. Высокие темпы роста численности были у узбеков, уйгуров, турок: в 1970-1979 гг. – 9,1%, в 1979-1989 гг. – 15%. Это же можно сказать и об азербайджанцах.

В 1980-е гг. наблюдается сокращение украинского населения: в 1979-1989 гг. – на 0,2%, что было вызвано как низким естественным приростом, так и их ассимиляцией русским этносом при межнациональных браках. В таких русско-украинских или украинско-русских семьях большинство подростков осознавало себя русскими, что подтверждено рядом специальных исследований в различных регионах республики [1, с. 43-47]. Белорусы оставались на прежнем уровне. Невысокими были темпы роста и немецкого населения: в 1970-1979 гг. – 4,9%, в 1979-1989 гг. – 6,4%. На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся с замедлением этнической ассимиляции.

Таким образом, демографическое развитие Казахстана в советский период было обусловлено бурными социально-политическими, экономическими процессами и событиями этого времени. Весь советский период можно охарактеризовать как время широкомасштабной миграционной экспансии, которая оправдывалась особой миссией Казахстана как индустриально-сырьевого придатка в задаче превращения страны из аграрной в индустриальную, а при решении этой задачи – в форпост военно-промышленного комплекса СССР. Именно в результате осуществления этих задач в годы Великой Отечественной войны сюда были передислоцированы многие отрасли промышленности и эвакуированы огромные людские ресурсы, были осуществлены грандиозные по своим масштабам миграционные мероприятия в годы целинной эпопеи и строительства индустриальных гигантов. Это привело к резкому сокращению коренного населения, многократному росту некоренного, в основном европейского, особенно – русского населения. Но к концу 1980-х гг. ситуация меняется, казахский этнос имеет высокий удельный вес молодежи, половина

которого постоянно живет, учится, работает в городах и проходит городскую ступень социализации индивида. Важно, чтобы социализация привела к росту образовательного и профессионального уровня, успешной адаптации к условиям крупного города без срывов и конфликтов, сползания к социальному и национальному радикализму. В 1990-е гг. в республике имеется четкая тенденция этнодемографического доминирования: происходит выравнивание и постепенное преобладание удельного веса казахского и стабилизация русского, восточнославянского населения.

Источники и литература:

1. Асылбеков М.Х. О социальной, политической и этнической структуре Казахстана // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1991. №3. С. 43-47.
2. Асылбеков М.Х., Галиев А.Б. Социально-демографические процессы в Казахстане (1917-1980). Алма-Ата: Гылым, 1991. 190 с.
3. Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР: (Национальный аспект). Алма-Ата: Казахстан, 1987. 156 с.
4. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Сборник статей под ред. Г.М. Максимова. М.: Статистика, 1976. 286 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1989 года. М., 1990. 110 с.
6. Всесоюзная перепись населения – всенародное дело. М., 1979. 70 с.
7. Гладышева Е.Н. О взаимовлиянии миграции и национального состава населения: (на материалах Казахстана)// Статистика миграции населения. М., 1973. С. 218-237.
8. Инструкция о порядке проведения Всесоюзной переписи населения 1989 года и заполнения списков проживающих в помещении и переписных листов. М., 1988. 45 с.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года по Казахской ССР. Алма-Ата: Казахстан, 1981. 396 с.
10. Население СССР. М., 1987. 439 с.

УДК 303.446.4:341.322.6 (045)

А.Ж. Габдулина
Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина,
Астана, Казахстан

КАЗАХСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЗИМБАЯ ЛЕКЕРОВА)

В статье рассматриваются исторические процессы 30-х гг. XX в., связанные с периодом политических репрессий казахской национальной интеллигенции, на примере жизни и деятельности первого экономиста Казахстана Азимбая Лекерова, стоявшего во главе народного хозяйства республики в лихие годы тоталитарного режима.

Ключевые слова: тоталитарный режим, политические репрессии, национальная интеллигенция, Азимбай Лекеров, народное хозяйство.

A.Zh. Gabdulina
Seyfullin Kazakh Agro Technical University,
Astana, Kazakhstan

THE BEGINNING OF THE XX CENTURY KAZAKH INTELLIGENCIA (ON THE EXAMPLE OF AZIMBAY LEKEROV)

The article deals the historical processes of the 30s of the XX century, associated with the period of political repression Kazakh national intelligents, on example, the life and work of the first Kazakh economist Azimbay Lekerov, standing at the head of the national economy in the period of totalitarian regime.

Keywords: totalitarian regime, political repression, the national intelligents, Azimbay Lekerov, the national economy.

Межэтническое согласие является главным оплотом безопасности, стабильности, поступательного экономического, политического, социокультурного и духовного развития Казахстана. Согласие и мир между казахами и всеми этносами в республике – это и есть реалии Казахстана – государства, где каждому представлены равные возможности. Толерантность, диалог культур, поликультурность, глобальность ныне в большей степени, чем когда бы то ни было в истории, не просто отвлеченные терминологические понятия философии, а реальные условия развития формы межэтнических и межконфессиональных отношений. Это предполагает необходимость формирования у граждан, и прежде всего у подрастающего поколения, высоких нравственных, морально-психологических и этических качеств, среди которых огромное значение имеет реальный патриотизм населения, гражданская позиция, ответственность за судьбу Родины и готовность к его защите.

Огромные изменения, происшедшие в последние годы, новые проблемы, связанные с воспитанием подрастающего поколения, обусловлены переосмыслением сущности патриотического воспитания, его места и роли в общественной жизни. Патриотическое воспитание выступает неотъемлемой частью всей деятельности в Республике Казахстан. Независимость нашего государства является ярким символом нашей идентичности. Высокое и священное понятие независимости выступает основой единства и общенациональной идеи Казахстана, призванной объединить наш народ, и станет бесценным достоянием потомков, которым предстоит дальнейшее созидание устремленной в будущее страны.

Патриотизм не рождается на пустом месте. Его истоки – в глубоком знании истории страны, в понимании и уважении деятельности тех поколений, усилиями которых обеспечивалась борьба за независимость. Такими деятелями были представители казахской интеллигенции в начале XX в.

20-е – 30-е гг. XX в. – одна из самых страшных страниц в истории СССР. Было проведено столько политических процессов и репрессий, что еще долгие годы историки не смогут восстановить все детали страшной картины этой эпохи. Эти годы обошлись стране в миллионы человеческих жертв, причем жертвами, как правило, были талантливые люди, руководители, ученые, писатели, интеллигенция.

В 1930-е гг., особенно во второй их половине, были обвинены в шпионаже и измене Родине виднейшие деятели государства, такие как: Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, С. Ходжанов, У. Кулумбетов, О. Исаев, О. Жандосов, А. Досов, А. Асылбеков, Ж. Садвакасов, С. Сафарбеков, Т. Жургенов и многие другие. Репрессированы были и виднейшие деятели культуры и науки – А. Бокейханов, А. Байтурсунов, М. Дулатулы, А. Ермеков, Х. Досмухамедулы, М. Тынышбайулы, М. Жумабай, С. Сейфуллин, И. Жансугуров, Б. Майлин, С. Асфендияров, Ж. Шанин, К. Кеменгеров и многие другие.

Тоталитарная власть практически уничтожила весь слой казахской национальной интеллигенции, элиты Казахстана, а поводом к репрессиям служили нелепые обвинения: в связях с японской разведкой, попытке отделения Казахстана, в восстаниях 1920-1930-х гг., кризисе аграрного хозяйства и т.д. Так, Магжан Жумабаев приводил пример педагогического воспитания детей Японии, когда изучение всех предметов велось на японском языке и только после десятилетнего возраста школьники начинали изучение других языков. Он предлагал эти педагогические методы перенять у Японии. И это стало причиной абсурдного обвинения в японском шпионаже.

В союзных республиках Азии число репрессированных насчитывало в десятки тысяч человек меньше, тогда как в Казахстане было больше сотни тысяч осужденных. В республике проходили показательные открытые процессы над «врагами народа», однако большая часть их была осуждена внесудебными органами. Число арестованных в 1937 г. по Казахстану достигло 110 тысяч человек, из них 22 тысячи были расстреляны.

Суровым наказаниям подвергались не только сами репрессированные, но и их семьи, дети. Таким образом, к трагедии крестьянства прибавилась трагедия интеллигенции, став тем самым трагедией и горем всего казахского народа. На сегодняшний день, конечно, в республике реабилитированы десятки тысяч жертв сталинского террора. Возвращены народу добрые имена А. Байтурсынова, М. Жумабаева, Ж. Аймауытова, А. Букейханова, М. Дулатова, М. Тынышпаева, С. Асфендиярова, А. Лекерова и многих других деятелей Казахстана.

Имена многих, расстрелянных в 1930-е гг. в мясорубке репрессий, были возвращены народу: о них писали в учебниках, их именами называли центральные улицы городов Казахстана, школы. Но есть выдающиеся личности, чьи имена были напрямую связаны с деятельностью «Алаш-Орды» и на многие годы были преданы забвению. Одним из таких деятелей являлся Азимбай Лекеров.

Азимбай Лекеров родился в местности Кызыл-Чилик, Чарского района Семипалатинской области, там же, где и мой отец. Лекеровы являлись нашими родственниками по роду, и папа часто рассказывал об их семье, о том, как он, будучи мальчиком, прожил у родных брата Лекерова около года, когда учился в первом классе. Ему, соответственно, многое рассказывал и отец и родственники, в частности, генерал-лейтенант Шаймарданов Шамен, который долгие годы собирал материалы о жизни Лекерова. Рассказывали они и о страшных событиях тех лет, когда арестовали Азимбая и его семью, когда все остальные родственники отвернулись от жены и детей Азимбая, и они вынуждены были жить практически впроголодь.

Огромную роль в возвращении забытого имени Лекерова сыграла его дочь, Айседора Лекерова, которая по крупицам собирала чудом сохранившиеся документы, сведения об отце, и, конечно, неоценимая заслуга сохранения памяти

о Азимбае Лекерове принадлежит его супруге, Халиде Елькибаевой, которая всю жизнь посвятила возвращению доброго имени своего мужа.

Сохранилось свидетельство о смерти Лекерова, относящееся к 1943 г. Семья получила его лишь в 1957 г., также как Гульбахрам, жена Сакена Сейфуллина, до последнего верившая, что ее муж жив и находится в лагерях. Семья Лекерова до конца верила, что их отец и муж жив. В действительности, также как и многие Алашордынцы, Азимбай был расстрелян 26 февраля 1938 г., и прах его лежит в месте массового захоронения под Жаналыком, вместе с такими же безвинно расстрелянными государственными и общественными деятелями, попавшими в жернова тоталитарного режима.

Во время великих репрессий обычным делом НКВД было уничтожение всех документов и фотографий арестованных. Но их родные всеми силами пытались сохранить хоть какие-то сведения о них, и, рискуя своей жизнью, прятали фото или документы. Как, например, последнее фото Магжана Жумабаева, чудом сохранившееся – оно было спрятано его женой под портрет Ленина, ведь при обыске никто и думать не посмел дотронуться до портрета коммунистического идола. Таким же примерно образом сохранились несколько фотографий Ликерова: бабушка пришила их в подкладку одежды на спине.

Невозможно переоценить вклад Ликерова, который он внес во многие сферы развития Казахстана. Азимбай Ликеров работал с С. Сейфуллиным, С. Асфендияровым, Ж. Аймауытовым, М. Ауэзовым, А. Ермаковым, Н. Нурмаковым и был, несомненно, выдающейся личностью своего времени.

Семья Азимбая была большой, у него было 5 братьев, но отец видел рвение Азимбая к знаниям, учебе и больше всех поощрял стремления сына. Благодаря отцу Азимбай учил чтение, письмо, арабскую и латинскую грамоту, русский язык и получил начальное образование в училище в Семипалатинске. Закончив учебу, Азимбай поступил в восьмилетнюю гимназию для мальчиков, но не успел ее закончить, так как в начале 1920 г. установленная Советская власть призвала его и многих других молодых людей начать работу в Военревкомитете.

После окончания курсов инструкторов 19-летнего Азимбая направили в Зайсанский уезд для восстановления работы местных органов после гражданской войны. Он сумел выполнить возложенную на него задачу, за что был награжден именным маузером, который у него изъяли незадолго до ареста в июле 1937 г. С 1921 по 1926 гг. Лекеров был председателем исполнительного комитета Каркаралинского и Павлодарского уездов Семипалатинской губернии, а затем Букеевской и Актюбинской губерний.

В истории Казахстана особое внимание уделяют голоду 20-х – 30-х гг. XX в. И это справедливо. Мы с особой памятью выделяем величайший голод, искусственно созданный геноцид казахского народа, унесший миллионы жизней, но мы мало говорим о голоде в степи в период гражданской войны и разорениях, которые несли как белые, так и красные.

В 1923 г. Лекеров был назначен на работу в Букеевскую губернию, где он занял пост Председателя Исполнительного Комитета и стал избранным кандидатом в члены ЦИК СССР. Это было тяжелейшее время для Казахстана, особенно для его западных с Россией рубежей, испытавших все тягости жизни: падеж скота, гибель урожая, и как следствие, надвигающийся из глубин России голод со вспышкой эпидемий. Конечно, Азимбай Лекеров понимал всю трагедию народа и, возглавив народное хозяйство Казахстана в опасных для него

политических условиях, пытался изменить положение к лучшему, внося в это дело более чем весомый вклад [2, с. 27].

Когда был создан Совет национальностей, Лекеров стал кандидатом в члены его Центрального комитета. Через несколько месяцев работы в Комиссариате просвещения он был назначен председателем Центрального совета народного хозяйства Казахской ССР. Фактически эта должность была приравнена к народному комиссару. Лекеров руководил разработкой первого пятилетнего плана развития промышленности Казахстана 1927-1932 гг., решал вопросы национальных кадров, впервые поднял вопрос о долгосрочном кредитовании промышленности и открытии банка.

В период 1926-1927 гг. Лекеров посвятил себя вопросам промышленного развития республики. Одной из предлагаемых им идей, которую Лекеров не успел реализовать, было строительство Южно-Сибирской железнодорожной магистрали, которая бы соединила запад Казахстана через его центральную часть и уходила бы на север и восток, в промышленные регионы.

В 1927 г., после утверждения пятилетнего плана, Азимбай смог поехать на годовые курсы при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И.В. Сталина. С 1928 по 1932 гг. он учился в Институте красной профессуры и успешно получил диплом финансиста и экономиста-плановика. Он скучал по своей Родине, родным и не пожелал остаться в Москве, а отправился менять к лучшему свою Отчизну.

В книге Айседоры Лекеровой «Первый экономист-профессор Азимбай Лекеров» есть воспоминания ее матери Халиды Елькибаевой, где рассказывается о «Письме пяти», подписанном Г. Мусреповым, М. Габдулиным, М. Давлет-галиевым, Е. Алтынбековым, К. Куанышевым: «...Азимбай был инициатором текста письма Сталину о голоде и массовой гибели казахов в результате насильственной коллективизации и перевода их на оседлый образ жизни. Все это сохранилось у меня в памяти, так как проходило у нас на даче Госплана. Собиралось человек двенадцать. Муж под письмом не подписался. Вероятно, там приводились цифры и факты, которые были известны только ему, как первому заместителю председателя Госплана. Письмо не успели отправить: кто-то доложил первому секретарю Казкрайкома ВКП (б) Филиппу Голощекину. Над мужем устроили судилище, хотели исключить из партии, но затем ограничились вынесением партвыговора с предупреждением. Азимбай вернулся домой подавленный. Сел на стул и зарыдал как ребенок. Все твердил: «Как можно за правду, за желание предотвратить голод и гибель казахов наказывать человека?». Еще большим ударом стало поведение вчерашних единомышленников, подписавшихся под «Письмом пяти»: они отказались от своей подписи и обвинили Лекерова в том, что он оказал на них давление» [2, с.167].

Ф.И. Голощекин, один из участников расстрела семьи Романовых, пришедший к власти в Казахстане в 1925 г., начал свою диктатуру с устранения оппозиции, куда входили деятели казахской и советской интеллигенции. С 1925 по 1933 гг. Голощекин, проведя в Казахстане полномасштабную кампанию по насильственной советизации, коллективизации, насильственному оседанию кочевых аулов, разжег в степи голод, следствием которого стали восстания, которые жесточайшим образом подавлялись властями.

В 1933 г. Ф.И. Голощекин уехал, а его место занял Левон Мирзоян. Он снял с Лекерова выговор и просил продолжить работу директором в Казахском

научно-исследовательском институте марксизма-ленинизма. Однако позднее в записке Сталину Мирзоян указал Лекерова среди участников «разветвленной национал-фашистской организации, связанной с правыми и троцкистами» [1, с. 85]. Среди названных – Дивеев, Кенжин, Кошенбаев, Джаманмурунов, Султанов, Тогжанов, Гатаулин и многие другие. Все они занимали высокие посты в республике. По обвинению в национал-фашизме арестовали более 400 человек – работников промышленности, транспорта, различных учреждений. Лекерову не простили жесткой позиции во время голода, его противостояния в кадровых вопросах.

В определении Военной коллегии Верховного суда СССР от 1957 г. указано: «Лекеров осужден необоснованно» [1, с. 87]. Но об этом родные узнали только в 1993 г., когда была открыта часть документов секретного архива из его личного дела.

Таковы некоторые факты политических репрессий в Казахстане конца 1930-х гг. в условиях тоталитарного режима тех лет, которые подтверждают вывод о том, что масштабы репрессий в Казахстане были очень велики. Новая власть не церемонилась с представителями казахской интеллигенции, чьи взгляды ее не устраивали. Это проявилось в волне массовых репрессий, прокатившихся по стране в конце 20-х – 30-х гг. XX в., которые практически уничтожили всю казахскую интеллигенцию, сформировавшуюся в конце XIX – начале XX вв.

Источники и литература:

1. Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 708. Центральный Комитет Коммунистической партии Казахстана. Ф.708. Оп.1. Д. 33. Л.24-27. //Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сборник документов. Алматы: Казахстан, 1998. С. 85-87.

2. Лекерова А. Первый экономист-профессор Азимбай Лекеров. Алматы, 2013. 280 с.

УДК 371

Т.Т. Далаева

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан*

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ОМСКА В ПОДГОТОВКЕ КАЗАХСКИХ ЧИНОВНИКОВ ДЛЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ (XIX В.)

Задача кооптации казахов в состав чиновников Российской империи привела к необходимости обучения их в российских учебных заведениях с целью лучшей интеграции в состав местного аппарата управления. В учебных заведениях г. Омска казахам была предоставлена возможность для получения образования на русском языке, начиная с Омской Азиатской школы, Омского кадетского корпуса, и заканчивая казачьими фельдшерскими школами в последней трети XIX в.

Ключевые слова: Омская Азиатская школа, Омский Кадетский корпус, казачьи фельдшерские школы, казахские чиновники, местное управление.

EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE OMSK IN PREPARING OF KAZAKH OFFICIALS FOR LOCAL CONTROL (XIX C.)

The task of co-optation of the Kazakhs to the officials of the Russian Empire led to the need to teach them in the Russian educational institutions with a view to their better integration into the local control. Kazakhs were given the opportunity to receive education in Russian schools in Omsk, beginning from the Omsk Asian school, the Omsk Cadet Corps, ending Cossack medical school in the last third of the XIX century.

Keywords: the Omsk Asian school, the Omsk Cadet Corps, the Cossack medical schools, Kazakh officials, the local control.

В последней четверти XVIII – начале XIX вв. начинается процесс формирования бюрократического аппарата управления в пограничной зоне с Казахской степью между внутренними и внешними территориями Российской империи. Были созданы Пограничные суды (в г. Оренбурге – 1786 г. в г. Петропавловске – 1800 г.), в юрисдикцию которых стали входить и прилинейные казахи. В состав этих Пограничных судов для несения службы были привлечены и представители казахского населения. Этот факт, несомненно, повлиял на необходимость подготовки профессиональных кадров из числа казахов для исполнения служебных обязанностей. Как отмечает исследователь К.В.Барина: «Из документальных источников первой половины XIX века мы видим, что большое значение уделялось образованному, воспитанному и подготовленному человеку, и карьера чиновника зависела на 31% от образования и только на 18% от социального происхождения»

Основываясь на материалах Государственного архива Омской области (с 2015 г. – Исторического архива Омской обл.) РФ, К.В. Барина сообщает следующее: «Интересна история одного из старейших учебных заведений Сибири конца XVIII века, которое было одним из первых учебных заведений города Омска. Это Омская азиатская школа. Идея об учреждении данного учебного заведения принадлежала основателю второй Омской крепости, командиру Сибирского корпуса, генерал-поручику И.И. Шпрингеру, а реализовал её через 18 лет после смерти И.И. Шпрингера генерал-майор Штандман. Омская азиатская школа была открыта 25 (26) апреля 1789 года. За время своего существования она носила разные наименования: Омская «Азиатская школа», Омское азиатское училище и русско-киргизское училище в Омске, Омское училище азиатских языков»[1, с. 242-247].

Первоначально Школа готовила специалистов из детей линейных казаков Сибирского корпуса, например, осуществлялась подготовка и обучение специалистов восточных языков, переводчиков и толмачей, топографов. В XVII-XIX вв. переводчиками называли специалистов письменного, а толмачами – устного перевода.

Особенно возрос спрос на выпускников школы после 1822 г., когда была осуществлена административная реформа в Сибири. Тогда впервые приступили к административному подчинению внешней территории за р. Иртыш, населенной казахами Среднего жуза. По «Уставу о сибирских киргизах (казахах – Т.Д.)»

1822 г. предполагалось организовать внешние округа с разделением их на волости и аулы, в каждом из этих административных звеньев создавалось соответствующее управление. Для службы в должности письмоводителей при казахских султанах, секретарей в Приказах – центрах управления внешним округом, а также при волостных султанах на местах, были направлены ученики Омского азиатского училища. Так, уже к 1825 г. были организованы два внешних округа – Каркаралинский (1824 г.) и Кокчетавский (1824 г.). В списке присутствующих в окружных приказах прочим чиновникам и толмачам, определенным в вышеозначенные округа в 1825 г. перечислены 10 учеников: в Каркаралинском внешнем окружном приказе – Прохор Власов, Марко Петров, Николай Михайлов, Леонтий Федоров, Аристарх Даншилин; в Кокчетавском внешнем окружном приказе – Трофим Упоров, Егор Губкин, Степан Губин, Никита Елчин, Василий Пирожков [5, с. 88-89].

«С 1821 по 1828 годы школа подготовила и выпустила 12 переводчиков-толмачей, владеющих разговорным казахским языком, знакомых также «самою малую частью» с татарским языком. Подготовленные специалисты направлялись на службу в Тобольскую губернию, Усть-Каменогорскую, Николаевскую, Железинскую, Петропавловскую, Бухтарминскую, Семипалатинскую, Ямышевскую крепости» [1, с. 244]. Толмач – это устный переводчик, однако очень часто, вследствие нехватки переводчиков во внешних окружных приказах, толмачи выполняли их функции, например, переводили поступавшие от казахов прошения.

В 1828 г., по приказу генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова, Омскую Азиатскую школу соединили с училищем Сибирского линейного казачьего войска. Помимо детей линейных казаков в Школу, теперь уже в училище, принимали детей казахских султанов и старшин, приступивших к службе в качестве чиновников в волостях и Приказах внешних и внутренних округов, а также детей тех казахов, которые к этому времени имели обер-офицерские или штатские чины, полученные им в награду за преданность и усердие в признании подданства Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв.

Окончательное упразднение Азиатской школы произошло 17 января 1837 г. по указу императора Николая I. К тому времени в школе преподавали персидский, арабский, татарский и монгольский языки. В октябре 1845 г. «существующее в Омске училище Сибирского линейного казачьего войска приемлет название Сибирского Кадетского корпуса» [13, с. 87]. В 1870 г., в связи с административной реформой 1868 г. в Казахской степи, отделение переводчиков и толмачей восточных языков было упразднено, а её воспитанники были обращены в писари.

О приеме детей казахов в войсковое училище Сибирского линейного казачьего войска можно говорить с начала 1830-х гг. 9 января 1830 г. Омскому областному начальнику господину генерал-лейтенанту и кавалеру Де Сент-Лорану поступило прошение от казаха Петропавловского внутреннего округа старшины Бектемира Байбарокова, о том, что он состоит в подданстве с 1811 г. и желает отдать двоих сыновей Мужана 10 лет и Чукая 8 лет в учебное заведение научить российской грамоте, чтобы по получении в оном нужного образования обратить их в государственную службу [9, л. 1– 1 об., 4]. В сентябре 1830 г. начальник штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-майор С. Броневский

уведомил Омского областного начальника: «... его высокопревосходительство (генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов – *Т.Д.*) предписал с сим вместе о причислении их в Сибирское линейное казачье войско с определением для образования в войсковое училище...» [9, л. 13 об.]. Очевидно, что первоначально дети казахов могли поступить на обучение при условии их причисления к казачьему линейному войску. Согласно Уставу 1822 г. § 248: «Каждый киргиз (казах- *Т.Д.*) имеет право сына своего поместить в учебные заведения, внутри империи находящиеся, на общих правилах» [4, с. 105].

В том же 1830 г., в марте, поступила просьба к омскому областному начальнику от ханши Айганым Валиевой, вдовы хана Уали (Вали), о принятии ее сына Чингиса в Омское училище. «Верноподданный правительству России сын мой султан Чингис Валиев желает заняться по-русски читать писать...» [6, л. 2]. Согласно Уставу 1822 г. § 246 казахов из внешних округов полагалось принимать на казенное содержание «в военно-сиротские отделения» [4, с. 105.]. Из донесения омского областного начальника генерал-лейтенанта Де Сент-Лорана генерал-губернатору Западной Сибири И.А.Вельяминову от 22 апреля 1830 г. № 608 об определении султана Чингиса Валиханова на обучение: «... к ходатайству сему я ... более побуждаюсь, что от успеха в образовании Валиева, как члена значительнейшей в Средней орде фамилии, можно ожидать полезных последствий, как в отношении спешествования (старорус. слово, имеет значение «содействие») намерениям правительства по устройству степи, так и примера для родовичей его к поступлению в наши училища» [6, л. 4]. Расходы на продовольствие обучаемого в Омске султана Чингиса Валиханова были отнесены на счет Кокчетавского приказа.

В сентябре 1833 г. Кокчетавский приказ сообщает Омскому областному начальнику, «...ханша Валиева отозвалась о том, что сын ее Чингис придя в совершеннолетие не может уже более продолжать в азиатском училище наук и она намерена его женить, а сверх того уваковские киргизы избирают его Чингиса волостным управителем, куда и приглашают перекочевать к себе...» [10, л. 186]. С открытием в 1834 г. Аман-Карагайского внешнего округа султан Чингис Валиханов (Валиев) будет избран и утвержден в должности Старшего султана этого округа. Помимо Чингиса ханша Айганым подавала прошение о принятии еще одного сына, Тюреджана, в Омское войсковое училище, однако он тоже не окончил полный курс обучения, и был исключен за неявку к месту учебы в декабре 1833 г.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) сохранились отрывочные сведения и о других казахах, получивших образование в г. Омске. В частности, кроме султана Чингиса Валиханова, известно, что двое сыновей казахского султана Ермека Туманова, кочевавшего внутри «линии между редутом Черным и форпостом Лебяжьим» также учились в Омском Азиатском училище. Один из них – Джан Мухамет- в октябре 1835 г. уже служит в качестве письмоводителя в Баян-Аульском внешнем окружном приказе, второй – Али - еще в это время продолжает обучение в Омске [12, л. 2].

Помимо султанов, которые по происхождению своему относились к «белой кости», на службу в Приказы внешних округов в должности заседателей были привлечены бии и старшины, почетные казахи из «черной кости». По мере открытия этих внешних округов (процесс этот длился с 1824 по 1844 гг. в Казахской степи Сибирского ведомства) конкуренцию султанам составили бии и старшины, претендуя на должности Старших султанов и волостных султанов.

Желание получить образование в Омском азиатском училище было связано, безусловно, с тем, что это был канал для казахов из «черной кости» для получения должности в окружных приказах и волостях, чтобы иметь возможность участвовать в управлении на местном уровне. Зачастую первой ступенью в карьере становилась должность письмоводителя. Так, например, в ЦГА РК есть сведения о содержании сына старшины Мандай Токтамышева – Абдулгафара - в Омском Азиатском училище из суммы, ассигнованной на заведение школ и училищные пособия во внешних округах из Омского окружного казначейства [10, л. 201]. Мандай Токтамышев занимал должность волостного управителя с 1831 г, а с августа 1845 по май 1851 гг. исполнял обязанности Старшего султана в Кокчетавском внешнем окружном приказе [3, с. 333]. Абдулгафар Мандаев начинает свою карьеру чиновника после окончания училища в 1835 г. с должности султанского письмоводителя, в 1852 г. он был избран заседателем в Приказ. Затем, так же как его отец, исправлял должность Старшего султана внешнего окружного приказа в Кокчетавском округе с 10 октября 1853 по 19 апреля 1854 гг., потом, вплоть до упразднения внешних окружных приказов в 1868 г., служил заседателем, а в 1855 г. был из губернских секретарей переименован в сотники [2, с. 607-608].

С конца 20-х гг. XIX в. на должности письмоводителей во внешних округах Западно-Сибирского генерал-губернаторства стали претендовать казахи. Нужно отметить, что в документах ЦГА РК среди письмоводителей встречаются казахи, например, в Кокчетавском приказе – Ален Джантилезов (1828-1842 гг.), Касагул Чопанов (с 1828 г.), Сухан Токтамышев (с 1842 г.), Абдулхаир Дербисалин (1842 г.), в Баян-Аульском приказе – Джан Мухамет Ермеков (1835 г.), Ахунджан Итемгенов (с 1847 г.), в Акмолинском приказе – Учтылеу Чокаев (с 1856 г.), Мухамедияр Ибрагимов (1858-1864 гг.). Вместе с тем, нельзя точно утверждать, что все они прошли обучение в г. Омске. Некоторые могли учиться в школах, организованных по прошению сначала казахских султанов, затем и старшин. Так, в хозяйственное отделение Омской казенной экспедиции были доставлены сведения 11 июня 1825 г. №120: «... мечети и школы по просьбам азиатцев строятся обыкновенно как для моления по их магометанскому закону, так и для обучения малолетних детей грамоте, каковые уже выстроены уже с высочайшего повеления на счет казны и существуют ныне у верноподданных султана Чанчара Султанмаметева по Иртышской линии в близости форпоста Подпускного и ханши Айганым Валиевой в киргизской (казахской – *Т.Д.*) степи расстоянием от крепости Пресновской в 250 верстах при горе Сырымбет» [7, л. 2]. В середине 30-х гг. XIX в. наблюдается организация школ в аулах внешних округов. Так, в Аман-Карагайском округе заседателем Табеем Барлыбаевым была организована школа на его собственные средства. Как обнаружил в ходе исчисления скота Кучебе-Киреевской волости в марте 1841 г. российский заседатель, надорный советник Патриченко: «.. заседатель Табей Барлыбаев имеет у себя училище, существующее уже седьмой год... в этом училище находится в настоящее время до 16 киргизских (казахских – *Т.Д.*) мальчиков, обучающихся грамоте татарской и арабской... он из усердия своего к русскому правительству, желает содержать на своем иждивении даже и русского учителя...» [11, л. 1 – 1 об.]. Однако от пограничного начальника сибирских казахов полковника Н. Вишневого 7 ноября 1841 г. №81 пришел ответ: «Что же касается до определения к вам русского учителя, то до некоторого времени я

нахожу это неудобным. Если бы училище у вас на зимовьях находящееся, вы могли учредить при Аман-Карагайском приказе, ... я со своей стороны готов оказать вам в этом случае всякое содействие» [11, л. 4 – 4 об.]. Открытие подобных школ в степи давало возможность подготовиться детям казахов для поступления в учебные заведения г. Омска, куда им на общих основаниях приходилось сдавать экзамены.

Среди учебных заведений г. Омска особо был известен Сибирский кадетский корпус. В 1866 г., в ходе реформы военного образования, Корпус был преобразован в военную гимназию, но в 1882 г. Гимназия вновь преобразуется в Кадетский корпус и в сентябре 1907 г. переименовывается в Омский кадетский корпус.

Ярким представителем казахской знати, окончившим Кадетский корпус в Омске, был султан Чокан Чингисович Валиханов (полное его имя – Мухаммед-Ханафия, а Чокан прозвище, данное матерью), сын упомянутого выше султана Чингиса Валиханова, внук Вали-хана и ханши Айганым, правнук Абылай-хана. Это был человек разносторонних дарований, просветитель казахского народа. После окончания обучения он поступил на службу по военному ведомству, но исполнял и различные поручения сибирской администрации. В частности в мае 1863 г., по распоряжению западно-сибирского генерал-губернатора А. Дюгамеля, он был приглашен для составления мнения о том, «какие изменения и дополнения в общих для империи основных положениях преобразования судебной части необходимо сделать при применении оных к судебным учреждениям Западной Сибири и находящимся там казачьих войск и инородцев» [8, л. 5]. В 1862 г. Ч.Ч. Валиханов участвует в выборах на должность Старшего султана Атбасарского внешнего округа, однако, несмотря на полученное преимущество в голосах, военный губернатор фон Фридрихс утвердил кандидатуру бия Ердена Сандыбаева.

Как и Чокан Валиханов, в свое время Гази Булат Валиханов закончил Кадетский корпус в Омске. «В 1853 году генерал-губернатор Западной Сибири и командир отдельного сибирского корпуса употреблял все усилия убедить султана Булата дать старшему сыну его, Гази Булатовичу, приличное образование, и старания Г.Х. Гасфорта, генерал-губернатора, увенчались успехом: девятилетний Гази был отправлен с дядей его Хан-Ходжей и 80 киргизами (казахами – *Т.Д.*) в г. Омск, где он и поступил в Сибирский кадетский корпус. Султан Гази Булатович 16-ти лет окончил обучение в корпусе, был произведен в корнеты и назначен состоять в распоряжении генерал-губернатора Западной Сибири. Генерал Гасфорт вскоре командировал молодого офицера к Черному Иртышу, где Гази Булатович старался всеми мерами повлиять на непокорные племена киргизов Семыз-Наймановского и других родов вступить в подданство России. Благодаря своему происхождению, которое не могло не действовать обаятельно на киргизов (казахов – *Т.Д.*), султан Гази вполне успел в своей миссии и заслужил еще большее расположение и внимание генерал-губернатора...» [14, с. 258]. Последнюю треть XIX в. Гази Валиханов находился далеко за пределами Казахской степи.

Начало становления ветеринарного образования в России относится к первой половине XVIII в. Ветеринарные врачи среднего звена выпускались специальными ветеринарно-фельдшерскими школами. Стационарные ветеринарно-фельдшерские школы в Сибири открылись только во 2-й пол. XIX в:

в Тобольске и Томске – в 1878 г., в Омске – в 1879 г. Они готовили ветеринарных работников для Тобольской и Томской губерний, Степного края и Восточной Сибири [6, с. 374-375]. В 1879 г. при Сибирском казачьем войске в г. Омске была учреждена ветеринарно-фельдшерская школа. В 1880 г. туда уже принимают на обучение казахов.

«Список Киргизским (казахским – Т.Д.) стипендиатам казачьей фельдшерской школы при Омском военном госпитале и войсковой ветеринарно-фельдшерской школы получившим в означенных школах звание медицинских и ветеринарных фельдшеров с отметкою, кто из них и куда по окончании курса отправлен [15, л. 103].

№	Имена и фамилии		Отметка
А) Казачья Фельдшерская школа - медицинские фельдшера			
<u>В 1880 г.</u>			
1	Божей Мыгнатов	Каркаралинский уезд	
2	Хасан Бийжанов		
3	Муса Аженов	Нарынскую волость Семипалатинской обл.	
4	Осман Дандебаев	Павлодарский уезд	
5	Джакуб Айтуганов	Омский уезд	
<u>В 1881 г.</u>			
6	Кенджеба Танабаев	Атбасарский уезд	
7	Кельдыбек Бердыбаев I	Каркаралинский уезд	
8	Курумбай Балабеков	Акмолинский уезд	
9	Ярдыс Каленов	Зайсанское приставство	
10	Дандебай Елимбаев	Устькаменогорский уезд	
11.	Коккуз Бердыбаев II		
12	Ибрагим Сарджанов	Петропавловский уезд	
<u>В 1882 г.</u>			
13	Баймурза Токтагулов	Павлодарский уезд	
<u>В 1883 г.</u>			
14	Косымджан Базаров	Устькаменогорский уезд	
15	Айбас Байтабынов	Атбасарский уезд	
Б) Войсковая ветеринарно-фельдшерская школа - ветеринарные фельдшера			
<u>В 1881 г.</u>			
16	Сеит-Касим Копин	Кокчетавский уезд	
17	Мустафа Аккозов	Омский уезд	
18	Салыкбай Байсаитов	Каркаралинский уезд	
19	Бахтияр Ерденинов	Устькаменогорский уезд	
	В 1882 году		
20	Мустафа Даирбаев	Петропавловский уезд	
21	Тастемир Джансарин		
22	Иманбай Ултамбаев	Устькаменогорский уезд	
23.	Ахтемир Тюбекпаев		
<u>В 1883 г.</u>			
24	Темирбай Байчулаков	Палодарский уезд	

В марте 1883 г. Степной генерал-губернатор генерал Г.А. Колпаковский издал «приказ по Степному генерал-губернаторству об учреждении волостных медицинских и ветеринарных фельдшеров в областях Акмолинской и Семипалатинской... Такая мера предпринята мною еще и на том основании, что волостным фельдшерам не предоставляется прав государственной службы и содержание их не обременяет государственного казначейства новыми расходами.» [15, л. 9-10]. В дальнейшем получившие образование в фельдшерской школе могли претендовать на должности волостных управителей и обладали приоритетом перед другими претендентами, так как имели образование и были грамотны на русском языке.

Задача кооптации казахов в состав чиновников Российской империи привела к необходимости обучения их в российских учебных заведениях с целью их лучшей интеграции в состав местного аппарата служащих. В учебных заведениях г. Омска казахам была предоставлена возможность получения образования на русском языке, начиная с Омской Азиатской школы, Омского кадетского корпуса, и заканчивая казачьими фельдшерскими школами в последней трети XIX в.

Источники и литература:

1. Баринаева К.В. К 220-летию Омской Азиатской школы (по материалам фондов Исторического архива Омской области) // Казахи России: история и современность: матер. междунар. научн.-практ. конф., г. Омск, 20–22 мая 2009. В 2 т. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2010. Т. 2. С. 242-247.

2. 154. Формулярный список о службе заседателя от казахов Кокчетавского внешнего окружного приказа сотника Абдулгафара Мандаева // О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. - 9 августа 1917 г. Т. VIII. Ч. 1. С. 607-609.

3. Док. №49. Формулярный список о службе старшего султана Кокчетавского внешнего окружного приказа штабс-капитана старшины Мандая Токтамышева // О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. - 9 августа 1917 г. Т. VIII. Ч. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. С. 333-334.

4. Док. №54. Устав о сибирских киргизах 1822 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата: Издательство АН КазССР, 1960. С. 93-109.

5. Док. №57. 1825 г.- Список присутствующих в окружных приказах прочим чиновникам и толмачам, определенным в Каркаралинский и Кокчетавский внешние округа // Казахские чиновники на службе Российской империи. Сб. докум. и мат. Алматы: Изд-во КазНУ, 2014. С. 87-89.

6. Жукова Н.С. Войсковая ветеринарно-фельдшерская школа Сибирского казачьего войска в документах Исторического архива Омской области (1879-1894 гг.) // Недбаевские исторические чтения. Омск, 2012. С. 374-380.

7. О доставлении сведений о строительстве мечетей и школ для обучения в пределах сибирской линии // ЦГА РК, Ф. И-338. Оп. 1. Д. 452. Л. 2.

8. О преобразовании суда в Казахской степи // ЦГА РК. Ф. И-345. Оп. 1. Д. 807. Л. 5.

9. О приеме детей султана Киреевской волости Б.Байбарокова в войсковое училище Сибирского линейного казачьего войска // ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1 Д. 535. Л.1 – 1 об., 4.

10. О просьбе ханши Валиевой о принятии ее сына Чингиса в Омское училище и увольнении Чингисова из того же училища // ЦГА РК. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 690. Л. 2, 4, 186, 201.

11. Об открытии школы Табеем Барлыбаевым в Аман-Карагайском округе // ЦГА РК, Ф. И-338. Оп.1. Д. 855. Л. 1- 1об., 4-4 об.

12. По прошению султана Ермека Туманова жены Улканы Ермековой о перечислении ее с семейством в Баян-Аульский внешний округ // ЦГА РК. Ф. И-338. Оп.1. Д. 575. Л. 2.

13. ПСЗ РИ - 2. Т. 20 (1845). №19416. С. 87-94.

14. Султан Гази-Вали-Хан // «Нива». СПб, 1891. С. 258 .

15. Учреждение должностей волостных медицинских и ветеринарных фельдшеров среди казахского населения Акмолинской и Семипалатинской областей // ЦГА РК. Ф.И-64. Оп.1. Д. 198. Л. 9-10, 103.

УДК 94(94):639.2.055(045)

К.В. Джумагалиева

*Казахский агротехнический университет им. С.Сейфуллина,
Астана, Казахстан*

КАЗАХИ НА СОЛЯНЫХ И РЫБНЫХ ПРОМЫСЛАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)

В статье на основе архивных материалов анализируется состояние соляных и рыбных промыслов Российской империи, где главной рабочей силой были казахи. Рассматриваются условия труда на промыслах, способы добычи и перевозки соли и рыбы. Показывается взаимозависимость двух промыслов.

Ключевые слова: соль, соляные озера, казахи, Степной край, Букеевская орда, добыча и перевозка соли и рыбы, торговля.

K.V. Dzhumagalieva

*Seifullin Kazakh AgroTechnical university,
Astana, Kazakhstan*

KAZAKHS DURING THE SALT-EXTRACTION AND FISHERING ON ARCHIVES MATERIALS (END OF THE XIX –BEGINNING OF THE XX CENTURIES)

In this research article provides a description of these salt pansregions and the steppe part of the population in the extraction of salt. On the basis of archival materials is characterized by of the state salt springs in the nineteenth century, the methods of production and transportation of salt. Explains the reasons for the ban on the extraction of salt from salt lakes of the Kazakh population and the reasons for the restrictions in its production.

Keywords: salt, salt lakes, the Kazakhs, the Steppe region, Bukey Horde, extraction and transportation of salt, the excise tax on the salt trade, West Siberia.

После окончательного присоединения Казахстана к Российской империи население региона начинает втягиваться в капиталистические отношения, вызванные буржуазными реформами 1860-1870-х гг. Кочевое скотоводство по-прежнему оставалось главным занятием казахов. Но в ряде регионов из-за сокращения пастбищных угодий, участившихся джутов, появляется значительное число казахского населения, которое занимается отходничеством. Большие массы казахов были заняты на рыбных и соляных промыслах. Фактически во второй половине XIX в. казахские джатаки вытеснили рабочих других национальностей и добычей соли и рыбы занимались только они.

Особую роль в Букеевской орде приобретает соляной и рыбный промыслы, приносящие государственной казне значительный доход. На р. Волге и вдоль побережья Каспийского моря на работу нанимались сезонные рабочие из казахов. Оплата труда наемных рыбаков зависела от срока найма, видов выполняемых работ, а также национальной принадлежности. Рабочие из числа казахов и калмыков получали за свою работу от 25 до 30 коп. в день, в отличие от русских ловцов, получавших на 2-3 руб. больше. Хотя во многих отчетах, имеющих в фонде «Канцелярии астраханского гражданского губернатора», отмечают казахов как «отличных моряков и ловцов» [1, л. 15 об.].

Большинство казахов были задействованы на таких рыбных ватагах как Камызяк, Увары, Иванчуг, Чаган, Богатинская, Пороховинская, Вахрамеева и др. На ватагах постоянно проживало до 55 казахов, порядка 12 дворов. В период весенней путины на работу нанималось до 750 человек, получавшие за свою работу оплату в размере 12-20 руб. за путину [2, л. 17].

Для работы с неводом требовалось крепкое здоровье, определенная физическая сила. Достаточно сильными и выносливыми были казахи и калмыки. Труд неводных рабочих был воистину каторжным. Так заработок промысловых рабочих на речных астраханских промыслах за весеннюю путину в 1896 г. был следующим (в рублях):

Уборщики рыбы: евреи – 100-300, русские – 75-100.

Неводчики – 40-50.

Неводные рабочие: калмыки – 28-32, киргизы – 24-30.

Плотовые рабочие: мужчины – 20-29, женщины – 16-18.

Итак, самой дешёвой рабочей силой на рыбных промыслах были женщины. Среди рабочих других национальностей меньше всего платили казахам.

Не менее тяжелыми были и условия проживания рыбаков. Рыбаки жили в сырых холодных землянках или шалашах. В одном и том же помещении им приходилось спать, варить пищу и здесь же сушить одежду. В 1871 г. в своем отчете доктор Н.Я. Шмидт писал: «Труд неводного рабочего - крайне тяжёлый труд, и если нет недостатка в предложении такого труда, то велика должна быть нужда, заставляющая челов. уподобляться в этой работе животному, превратиться в каторжника, весь грех которого в том, что он не имеет достаточно хлеба» [7, с. 262].

Активная добыча рыбы велась и на побережье Каспийского моря, где находилось более 150 рыболовных промыслов. Занимались здесь также отловом тюленей. Основную рабочую силу составляли казахи. На одной лодке было от 4 до 9 рабочих-казахов. Их нанимали только на сезон, в то время как русских рабочих брали на год. Если рыбакам-казахам за сезон платили 30 руб., то русским

рабочим – 60 руб. [22, с. 151]. В 1903 г. в Мангышлакском уезде на рыбных промыслах работало более 900 казахов [23, л. 71].

На территории Казахстана рыболовство было развито также на побережье Аральского моря, озерах Балхаш и Зайсан, реках Урал, Иртыш, Сыр-Дарья, Ишим, Тобол. В конце XIX в. началась разработка рыбных промыслов на Аральском море. Однако эти промыслы, в отличие от Каспийского моря, не получили здесь такого широкого развития. Причина крылась в отсутствии транспортных средств и прочных связей с российским рынком. Строительство Оренбургско-Ташкентской железной дороги несколько расширило возможности рыбных промыслов в Аральском регионе и активизировало их разработку. В начале XX в. на побережье Араланасчитывалось до 180 рыбных промыслов, среди которых постоянно действующими были только 24, остальные были сезонными [24, л. 39].

В начале XX в. на побережье Каспийского моря количество сезонных рабочих доходило до 30 тысяч человек. Из них 22 тыс. человек занимались ловом и перевозкой рыбы, 8 тыс. человек – переработкой рыбной продукции. На Арале в это время было занято до 25 тыс. человек. Основной контингент рабочих составляли казахи [24, л. 34; 25, л. 168].

Рыбаки-казахи ловили рыбу на небольших деревянных парусных судах и лодках. Они использовали в основном сети, вентера, неводы и снасти. Лов рыбы носил хищнический характер, так как часто истребляли ценные породы рыбы. При этом никого не заботил вопрос о разведении данных пород. Рыбопромышленники эксплуатировали рыбаков, применяя различные методы. Они давали рабочим в долг снаряжение, предлагали товары, денежные ссуды в счет будущего улова. Многие ловцы оказывались в полной экономической зависимости от рыбопромышленников. Они вынуждены были расплачиваться уловом и в итоге ничего не получали за свою работу [26, с. 33].

На рыбных промыслах также работали женщины и дети-подростки. Женщины солили, складировали и нанизывали рыбу. Работа была сдельной, дневная норма выработки составляла 1000 штук рыбы. Им приходилось работать по 11 и более часов. За 80 дней работы платили 18 руб., т.е. по 25 коп. в день, подросткам – 13 коп., а мужчинам – от 30 до 70 коп. Труд женщин был настолько труден, что они не выдерживали даже месяца [22, с. 161].

Киргизы работали и на зимнем - аханном рыболовстве. Рабочим-киргизам платили 20 руб., иногда рассчитывались пшеничной мукой для всей артели, из которой готовили бламык, куском сала и хлебом. За такую ничтожную плату соглашались работать только казахи, русские рыбаки отказывались [27, с. 22]. Некоторые рыбаки занимались рыболовством индивидуально. Они приобретали специальные крючковые билеты, этих рыбаков называли «кармачниками». Такие билеты в основном приобретали бедные рыбаки из крестьян, казахов и казаков. С 1 ноября 1890 г. по 1 апреля 1891 г. было продано 127 билетов, из которых 96 приобрели казахи [9, л. 30]. Так как данные билеты были недорогими, рыбной ловлей по ним занимались только бедные казахи, особенно в период джута и неурожая.

Условия проживания рабочих на рыбных промыслах были также весьма тяжелыми, даже невыносимыми. На Мангышлаке рабочие-казахи жили в рыбосольных помещениях, где не было полов. Часть казахов жили в юртах. Рабочие стояли в луже крови и грязи, руки и ноги у них были постоянно мокрыми. Лари и чаны, в которых солили рыбу, никогда не мылись. Вокруг

лежали отходы обработанной рыбы, которые в жару издавали зловонный запах. Ватаги, стоявшие на воде, все отходы сбрасывали в воду, что приводило к загрязнению водоемов [22, с. 162]. Рабочим, занимавшимся добычей рыбы в Западной Сибири, приходилось жить в полуземлянках, в которых было очень тесно. Условия, как и на других подобных рыбных промыслах, были антисанитарными. Солили рыбу в специальных сараях - «засольне». Как правило, эти сараи состояли из двух отделений, в одном из которых стояли чаны и солилась рыба, в другом она складывалась в стопы. Врачебные отчеты и доклады окружных исправников наглядно демонстрируют антисанитарные условия переработки рыбы в «засольне». В документах отмечалось, что в амбарах для засола рыбы было грязно и неопрятно, а отбросы от переработки рыбы сбрасывались рядом с помещением [20, с. 20].

В то же время в тесной экономической связи с рыбными промыслами находилась соледобыча. Соледобыча занимала следующую ступеньку после рыболовства, как по количеству занятых рабочих, так и по доходности производства. Территория Казахстана была богата соляными озерами и месторождениями. Самыми известными, где применялся труд казахов стали озера Эльтон, Баскунчак, Чапчачи, Ямышевское, Коряковское и другие. Добычей соли занимались в основном киргизы и калмыки. Труд наемных рабочих был очень тяжел, а условия жизни невыносимы. Астраханский краевед С.К. Круковская писала: «Работа на соляных озерах настоящая каторжная. Зачастую приходится стоять по пояс в соленой воде. Соль разъедает тело и на нем появляются трещины и ссадины. Иной рабочий стоит весь, как обожженный, а в свежие раны опять забивается соль». [8, с. 162]. Особенно тяжело было работать летом, так как вокруг все было белым от соли, и от яркого солнца буквально слепли глаза, поэтому многие ломщики страдали заболеванием глаз. К тому же рабочие испытывали постоянную нехватку воды. Пригодной для питья воды поблизости не было, поэтому ее привозили за несколько километров. Доставляли ее в бочках, под палящим солнцем она нагревалась и была неприятной на вкус. Но даже и эта вода была нарасхват, ее не хватало, чтобы умыться и утолить жажду [21, с. 8].

Платили же ломщикам на первых порах по 25 коп. с воза весом примерно в 60 пудов. Позже ломщики добились повышения оплаты своего труда до 1 руб. с воза. Астраханское соляное правление выдавало ломщикам специальные билеты на право выломки соли. В § 147 «Устава о соли» указывалось, что «правление снабжает по артелям печатными билетами, в коих означает: имя билетчика; число людей к билету его приписанных; условленная плата; количество выданных задатков; их обязанности» [17, с. 387]. Кроме того, выделялись «казенные инструменты с оплатой за каждую 1000 пудов соли по 15 руб.». Работали ломщики артельно, заключали с соляным правлением договор, согласно которому:

- 1) «для ломки соли должен с полным числом товарищей своих явиться на пристань непременно;
- 2) соль должен отдавать мелкую, промытую, сухую, без земли, грязи, дурного запаха;
- 3) за выломанную и перевезенную соль получать с 1000 пудов как по договорам значится по 15 рублей».

Если же рабочие не являлись на работу и не возвращали взятый задаток, то с них удерживали взятые деньги как долг и накладывали еще 6% [3, л. 6].

Жили ломщики в сырых землянках или просто в вырытых в земле ямах, покрытых сверху конусообразно камышом. Такого рода примитивные сооружения для жилья назывались «шишами». За каждый сезон соледобычи почти каждый ломщик болел по нескольку раз. Главные заболевания – рапная экзема, воспаление глаз, кишечно-желудочные заболевания, ревматизм, малярия [21, с. 9]. Вот почему одной из проблем было найти хорошего лекаря, способного лечить многочисленных больных на соляных озерах. По положению от 9 августа 1818 г. при Астраханском соляном правлении должен был быть лекарь. Но в своей работе ему приходилось испытывать определенные трудности. Так, «в осеннее время, нет возможности ездить для осмотра больных, так как ко многим соляным озерам не можно ездить не иначе как водою». [3, л. 1]. Лекарей не хватало, и не всегда рабочие получали необходимую медицинскую помощь. Вот почему многие рабочие болели хроническими заболеваниями и довольно частыми были различные эпидемии, от которых страдали люди.

Не менее тяжелой была перевозка соли. Дороги от Эльтона до Камышина и Саратова были совершенно не устроенными и безлюдными. Возчикам самим приходилось ремонтировать дороги, мостить гати, рыть колодцы по пути следования, чтобы добывать воду. На Камышинском тракте возчики выкопали 72 колодца, а по Саратовской дороге – 30. Пресной воды не хватало, возчики вынуждены были возить с собой воду в бочках.

Среди перевозивших соль по р. Волге были татары и казахи. В навигацию 1849 г. судовозчиками было перевезено 1 000 000 пуд соли. Из таблицы видно, что на своих судах возчики перевезли больше, чем это было запланировано по контракту. Однако утечки соли оказалось 1 790 пуд. Но часто это не было виной возчиков, т.к. соль, высыхая, становилась легче и отсюда ее недостача. Поэтому казна всегда учитывала «усышку» соли. Если же владелец судна не выполнял установленных контрактом условий, то обязан был уплатить штраф. Во время перевозки соли приходилось сталкиваться с рядом трудностей, таких как слабая техническая оснащенность судов, природно-климатические условия.

Таблица 1.

Перевозка соли на судах в 1849 г. с Астраханских озер (в пуд.)

[4, л.л. 5, 13а, 20, 28]

Имена судовозчиков	Запланировано по контракту	Перевезено всего	Сдано в магазин	Недостача соли
Шамагун Бактемиров	325 000	325 000	32 4403	597
Ф. Мусаев	148 365	205 100	185 288	427
Сагай Утеев	89 800	89 800	89 629	171
Сафар Али Ибраимов	74 500	74 500	74 325	175
Аджи Смаилов	74 400	74 400	74 364	33
Рафик Смаилов	56 500	65 300	65 145	155
Нияз Иреев	45 000	45 000	44 969	31
Маджит Курманалиев	32 700	32 700	32 655	45
Сухай Джумахаев	27 500	27 500	27 478	22
Наурзбай Джангуатов	26 000	26 000	25 957	43
Режеп Нураев	25 000	25 000	24 930	70
Магомед Кошаев	9 700	9 700	9 679	21
Итого:	934 465	1 000 000	978 825	1 790

В перевозке соли на Баскунчаке самое активное участие принимали казахи. Подтверждением тому служат данные о перевозке соли и заработках извозчиков, работавших на Баскунчацком соляном промысле у солепромышленника С.М. Лионозова. Так, в 1883 г. по архивным данным на вывозе соли были заняты (См. табл. 2) извозчиков 17 человек, погонщиков 20 человек казахов. Суммарный заработок извозчиков составил с июля по ноябрь 434 руб.24 коп., а заработок погонщиков за указанный период времени - 478 руб. 97 коп. Русские рабочие погонщики за тот же объем работы получали больше, чем погонщики-казахи.

Таблица 2.

Заработок рабочих, занятых перевозкой соли с о. Баскунчак в 1883 г.

[5, л.л. 9-15]

Рабочие, занятые перевозкой соли	Кол-во человек	Суммарный заработок	В среднем на 1 чел.	В среднем в месяц
Извозчики (казахи)	17	434 руб.24 коп	25 руб.54 коп	5 руб.10 коп.
Погонщики (казахи)	20	478 руб.97 коп.	23 руб.94 коп.	4 руб.78 коп.
Погонщики (русские)	5	165 руб.27 коп.	33 руб.05 коп.	6 руб.61 коп.

Из таблицы мы видим, что в основном перевозкой соли занимались только казахи, русских среди извозчиков нет. Среди погонщиков также преобладали казахи. Представленные данные еще раз подтверждают, что основной рабочей силой на промысле выступали именно казахи. Но в сравнении с русскими рабочими они получали значительно меньше.

С развитием рыбных промыслов увеличивалась потребность в добыче соли, поэтому правительство уделяло большое внимание новым соляным источникам. Залежи поваренной соли были выявлены в XIX в. в озерах около форта Александровского, Чопаната, Тузбаир (в Бузачи), Айралан, Тасурпе, Ушкempiр, Сарыкудук, Найли, в окрестностях гор Каратау. Самые крупные и лучшие по качеству месторождения соли, расположенные в окрестностях форта, комендант сразу же включил в свое ведомство. Соль из них отпускалась лишь с его разрешения, причем рыбопромышленникам – по 150 пуд. на семью, адаевским баям – по 10 пуд., остальным – по 2 пуда в год. Из других месторождений казахи могли брать соль свободно [22, с. 152]. Однако соль на этих источниках была не самого лучшего качества и практически мало пригодна в пищу.

Сам процесс добывания соли на этих озерах ничем не отличался. При добыче использовались одни и те же инструменты. Основными инструментами были железная пешня, деревянная лопата, катушки, деревянные шесты, обитые жостью, называемые «чекмарями». С помощью железных пешней выламывали соль. С помощью лопаты и катушки, которую подставляли под лопату так, «чтоб в то время, когда подденешь отколотой слой лопаткою, рукоятка оной служила ему перевесом для легкого поднимания соли», отколотые куски разбивались на мелкие части чекмарями. Соль промывалась в рапе и сгребалась в точки, весом от

1000 до 2000 пуд. Высохшую соль ссыпали в мешки, перевозилина фурах, укладывали в бугры от 100 000 до 200 000 пуд. [19, с. 82].

Но добыча соли на этих промыслах имела ряд трудностей и недостатков. Большой проблемой была перевозка соли и доставка ее в оптовые магазины народного потребления. Отсутствие должных дорог, удобных средств передвижения также препятствовали интенсивному развитию соляных промыслов. К тому же руководство промыслов не стремилось облегчить положение рабочих. Особенно ярко это проявилось после передачи промыслов в арендное содержание, так как арендаторов заботили прибыль и доходы от промысла, и гораздо меньше положение самих рабочих. Используя на промыслах дешевый труд казахов, получавших жалкую оплату, государство, а затем и арендаторы получали огромные прибыли. В то время как сами казахи, калмыки и татары, составлявшие основную рабочую силу, не имели права свободно пользоваться солью, самостоятельно добывать ее.

Казахи нанимались на работу по заключении соглашения между Ханской ставкой и соляным правлением. Выбирали одного артельщика и получали от 8 до 12 руб. за 1000 пуд. Казахи за лето по договору должны были выработать по 5 000 пуд. на человека. Эта норма выполнялась ими легко, работали значительно лучше пензенцев, «вырабатывая соли и зарабатывая денег более», чем они [12, с. 78]. Добыча колебалась между 7 и 11 млн. пуд. в год [11, с. 1397]. Достигнуто это было благодаря казахам, которые, по отзывам мелких солепромышленников, «ни разу не нарушали заключенных условий, нанимая даже рабочих от себя, если не надеялись выставить условленное количество соли» [12, с. 78]. За собранную соль «вольные ломщики получали по 2 коп., а казенные по 1 ½ коп. за пуд» [6, л. 123].

В «Литературном сборнике Волжского вестника» за 1884 г. дается описание работы казахов на соляных промыслах в Нижнем Поволжье. Приходилось работать как в дождь, так и в самую жару. Из 7 000 рабочих – 5 000 были местные казахи, остальные 2 000 – русские [16, с. 102].

Вывоз соли осуществлялся не только по суше на подводах, но и на судах по воде. Так в одном из документов на развозку соли на Коряковской пристани разрешили нанять рабочих для 8 судов по 45 человек на каждое судно. Комиссионеру Попову позволили произвести оплату «рабочим по 80 руб. каждому, кашеварам – 75 руб., кормщикам – 95, палубным по 85 руб.». Большинство нанятых рабочих составили казахи. При этом была сделана оговорка «чтобы плата им была сколь возможно понижена» [10, лл. 69 об, л. 70].

23 ноября 1880 г. был принят указ за №61.578 «Об отмене акциза и уменьшении таможенной пошлины на соль, привозимой из-за границы». В принятом указе отмечалось, что отмена акциза «не только уменьшит тяготы беднейшего населения, но и послужит к развитию скотоводства, улучшению земледелия, к дальнейшим успехам рыбных промыслов, фабричной и заводской промышленности» [18, с. 565].

После отмены соляного налога началась вольная продажа соли в степи казахами. Ранее казахи сбывали всю добытую соль казакам. В руках сибирских казаков сосредоточилось большое количество соли. Так в Николаевской станице Омского уезда в 1879 г. было 100 000 пуд. соли [13, с. 10-11]. В 1882 г. в Петропавловском и Омском уездах казахами было добыто 307 854 пуд. соли. Из этого числа казаки продали 55 296 пуд. При этом они покупали соль у казахов по 5-8 коп. за пуд, а продавали по 10-40 коп. [14, с. 17].

По особому распоряжению министра государственных имуществ от 4 августа 1881 г. все озера Акмолинской области были предоставлены в исключительное пользование казахам. С 1882 г. разработка соляных источников в области производилась теперь только казахами [15, с. 40].

Как видим, казахи долгий период времени были существенной рабочей силой на рыбных и соляных промыслах. Самую тяжелую работу выполняли именно они. Однако плодами их труда пользовались другие. Государство, арендаторы, а также рабочих других национальностей получали огромные прибыли, в то время как сами производители получали мизерную оплату за свой труд.

Источники и литература:

1. ГКУ АО «ГААО». Ф. 323. Оп. 1. Д. 620.
2. ГКУ АО «ГААО». Ф. 1. Оп. 4. Д. 290
3. ГКУ АО «ГААО». Ф. 369. Оп. 1. Д. 41. Л. 6
4. ГКУ АО «ГААО». Ф. 369. Оп. 1. Д. 750
5. ГКУ АО «ГААО». Ф. 675. Оп. 2. Д. 2
6. ГКУ АО «ГААО». Ф. 158. Оп. 3. Д. 84
7. Грицко М.Г. Из истории исследования и развития рыболовства в Астраханском крае на рубеже XIX-XX вв. // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. Астрахань: Изд-во Сорокин Роман Васильевич, 2013. Вып. V. 700 с.
8. Круковская С.К. Астраханский край. СПб, 1904. 208 с.
9. КУ ИсА. Ф. 67. Оп. 2. Д. 190.
10. КУ ИсА. Ф. 368. Оп. 1. Д. 5
11. А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Аткарск: Аткарская тип., 1902. Т. 1. Вып. 4. С. 1093-1407.
12. Никитинский Я.Я. О самосадочной соли Астраханской губернии. М.: Тип. Каткова, 1876. 143 с.
13. Обзор Акмолинской области за 1881 г. Тип. Акмолинского областного правления. Омск, 1882. 74 с.
14. Обзор Акмолинской области за 1882 г. Тип. Акмолинского областного правления. Омск, 1883. 73 с.
15. Обзор Акмолинской области за 1899 г. Тип. Акмолинского областного правления. Омск, 1900. 117 с.
16. По пути. Очерки Среднего и Нижнего Поволжья. Казань: Тип. Губернского правления, 1885 // Отдельный оттиск из Литературного сборника Волжского вестника, 1884. 121 с.
17. ПСЗ РИ. Собрание Первое. Т.35. 1818 г. СПб., 1830 г. 672 с.
18. ПСЗ РИ. Собрание Второе. Т. LIV. Отделение 1. 1879 — 18.02.1880 гг. СПб., 1881. 709 с.
19. Равинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб.: Тип. Х. Генце, 1809. 527 с.
20. Санкин Е.В. Промысловое рыболовство в Западной Сибири в XIX-начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2008. 22 с.
21. Сысоев П.С. Из истории соляного промысла Астраханской губернии. А., 1958. 29 с.
22. Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX в. Алма-Ата: Наука, 1977. 182 с.

23. ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 672
24. ЦГА РК. Ф. 196. Оп. 1. Д. 313
25. ЦГА РК. Ф. 30. Оп. 1. Д. 606
26. Чуланов Г. Промышленность дореволюционного Казахстана. Изд. АН КазССР. Алма -Ата, 1960. 105 с.
27. Юдин А. Заметки по поводу статьи «Киргизы – работники на морских рыболовствах» // Уральские войсковые ведомости. 1870. №10. С. 6-7.

УДК 37.01

А.М. Диянова
Ресурсный центр развития и сопровождения образования,
р.п. Нововаршавка, Омская область, Россия
Ш.И. Сексембаева
Каразюкская основная общеобразовательная школа,
р.п. Нововаршавка, Омская область, Россия

**РОЛЬ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
«БАЙТЕРЕК»
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
У ОБУЧАЮЩИХСЯ НОВОВАРШАВСКОГО РАЙОНА**

В статье представлен анализ и обобщение деятельности центра изучения казахского языка и культуры «Байтерек» за период с первого года своего существования. Рассмотрены целевые установки и задачи центра с позиции выполнения миссии поддержания, формирования в этническом сообществе казахов Нововаршавского района национальной идентичности. Приведена структура приоритетных для развития в рамках работы центра направлений в соответствии с долгосрочной программой развития на 2015-2018 гг.

Ключевые слова: центр изучения казахского языка и культуры, этническая идентичность, традиции, программа развития.

А.М. Diyanova
Resource center development and maintenance of education,
Novovarshavka, Omsk oblast, Russia
Sh.I. Seksembaeva
Karazyuk school,
Novovarshavka, Omsk oblast, Russia

**THE ROLE OF THE CENTER OF KAZAKH LANGUAGE AND CULTURE
«BAITEREK» IN THE KAZAKH STUDENTS NATIONAL IDENTITY
FORMATION (NOVOVARSHAVSKY REGION, OMSK OBLAST)**

The article presents an analysis and summary of the activities of the center of the study of the Kazakh language and culture «Baiterek» for the period of the first year of its activity. We have described the aims and tasks of the center from the point of view of the mission of

maintaining and supporting the formation of the Kazakh ethnic community national identity in Novovarshavsky district. There is a structure of the prior directions of the development of the center according to the long-term development program for 2015-2018 years.

Keywords: the Center of study the Kazakh language and culture, ethnic identity, traditions and development program.

Сегодня процессы глобализации и культурной унификации, размывания национальных традиций и доминирования универсальных общеевропейских ценностей являются реалиями современного общества, значительно влияющими на его развитие. Их последствия прямым образом отражаются на воспитании подрастающего поколения. Желание быть похожими на кого-то, быть в тренде молодежных тенденций приводит к формированию мировоззрения, освобожденного от понятия «этничность», «национальность». Угрожающие факты снижения языковой и исторической грамотности в молодежной среде, незнание истории, традиций, имен героев своего народа заставляют ученых искать новые подходы, предъявлять качественно иные требования и критерии к педагогическому процессу и воспитанию вообще.

Особое внимание сегодня на всех уровнях уделяется сохранению родного языка. При этом он осознается как мощное средство трансляции культуры, коммуникации, познания, социальной интеграции каждой отдельно взятой народности. Именно язык является тем связующим компонентом, на основе которого выстраивается фундамент существования любого народа, нации. Пока народ говорит на родном языке, он культурно самобытен, консолидирован и обладает самым важным богатством современного мира – этнической идентичностью. Только умение самоопределять себя с нацией способствует укреплению основ государства. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка новых подходов к воспитанию в духе национальных ценностей на основе историко-культурного наследия.

Одним из таких подходов на территории Омской области стало создание шести центров изучения казахского языка и культуры на базе образовательных организаций в мае 2015 г. согласно указу губернатора Омской области В.И. Назарова. В нашем регионе подобное событие реализуется впервые и предполагает развитие новых форм и векторов воспитания этничности.

Так, 11 сентября 2015 г. на базе Каразюкской школы Нововаршавского р-на состоялось открытие центра изучения казахского языка и культуры «Байтерек». Данная школа была выбрана в качестве базы Министерством образования Омской обл. неслучайно: МБОУ «Каразюкская ООШ» – образовательное учреждение с этнокультурным компонентом, где обучаются дети с 1 по 9 класс. Ученики школы ежегодно становятся победителями и призерами областной олимпиады по казахскому языку, что указывает на качественную подготовку в области обучения родному языку; в образовательном учреждении имеется музей, где собраны подлинные этнографические предметы второй половины XIX – начала XX вв. Музей является мощным образовательным ресурсом, на базе которого активно разворачивается научно-исследовательская деятельность обучающихся школы. Именно поэтому данное образовательное учреждение в Нововаршавском муниципальном р-не стало опорным для организации центра изучения казахского языка и культуры. Подобное функционирование центра на базе школы позволяет продолжать осуществлять обучение учащихся национальному языку и культуре, основываясь на принципах комплексности и целостности.

Сегодня продолжается работа коллектива педагогов центра согласно плану и принятым подходам, утвержденным в Программе развития на 2015-2018 гг. Необходимо отметить, что данный документ был подан на всероссийский конкурс «Учитель! Перед именем твоим...» и, пройдя экспертизу, оказался удостоен серебряной медали. Целью программы провозглашено обеспечение условий для изучения, популяризации, сохранения языкового и культурного наследия для обучающихся и населения казахской национальности на территории Нововаршавского р-на, что указывает на муниципальный характер его деятельности. Не ограничиваясь пределами одной Каразюкской школы, центр «Байтерек» призван стать этноконсолидирующим носителем и распространителем знаний о языке и культуре среди всех жителей района.

В качестве основных направлений деятельности центра обозначены:

- создание условий для изучения казахского языка обучающимися МБОУ «Каразюкская ООШ» и других школ района, где учатся дети казахской национальности;

- способствование постижению и исследованию казахской традиционной материальной и духовной культуры, в том числе через имеющийся историко-этнографический школьный музей;

- формирование творческой среды, направленной на обучение учащихся Центра навыкам национальной хореографии, вокала, инструментальной игры на домбре;

- формирование навыков научно-практической деятельности у обучающихся в области исследования национальной казахской культуры, в том числе на основе музейных собраний;

- обеспечение привлечения к работе Центра казахского населения Нововаршавского р-на;

- расширение межведомственного взаимодействия с культурными учреждениями Нововаршавского района, а также иными центрами изучения казахского национального языка и культуры Омской области и республики Казахстан.

Концентрируясь в рамках одной программы, указанные направления призваны способствовать формированию целостного интегрированного этнического мировоззрения у его воспитанников.

Анализируя программу, можно констатировать, что она объединяет два культурных кластера, которые призваны воспитывать этническое мировоззрение. Это обучение родному языку и духовной культуре казахского народа (модуль «Казахский язык» для обучающихся 2-9 классов, «Традиции и обычаи казахского народа» для обучающихся 2-9 классов, студия танца «Шанырак» для обучающихся 5-9 классов, студия казахской песни «Самал» для обучающихся 5-9 классов, «Игра на домбре» для обучающихся 2-9 классов) и деятельность школьного историко-этнографического музея в области исследования, популяризации культурного наследия через коллекции подлинных предметов (модуль «Научно-исследовательская деятельность»).

Организационно в течение года работа центра строилась на функционировании объединений, входящих в его состав, а также на проведении культурного событийного ряда. В 2015 г. культурно-образовательными событиями стали торжественное открытие центра и проведение Дня педагога школы с этнокультурным компонентом в рамках областного педагогического

марафона. Оба мероприятия были отмечены международным и региональным статусом, в них приняли участие представители казахской национальности районов Омской обл., республики Казахстан. Особенностью данных мероприятий стала широкая причастность к их организации и проведению жителей Нововаршавского р-на.

В ходе торжественной части открытия 11 сентября состоялась презентация творческих направлений центра (национальное исполнительство воспитанников на домбре, исполнение национального танца), был представлен историко-этнографический музей как культурно-образовательный ресурс с его экскурсионными возможностями, организованы этнонациональные мастер-классы, для всего местного населения проведена концертная программа казахского творчества.

В региональном событии – Дне учителя школы с этнокультурным компонентом «Функционирование русского и родных языков в условиях поликультурного региона» – центр также принимал непосредственное участие. Стоит отметить, что на данное мероприятие приехали педагоги 11 районов Омской области и коллеги из Республики Казахстан. Условно программа дня была разделена на следующие блоки: встреча гостей и регистрация, пленарная часть, мастер-классы педагогов МБОУ «Каразюкская ООШ», этнонациональные мастер-классы и театрализованная музейная экскурсия, работа секций, подведение итогов. Педагоги центра М.С. Мусабеков и А.Х. Туякбаева вместе с учащимися продемонстрировали свои творческие навыки исполнительства на домбре при встрече гостей, а также представили концертную программу на родном языке в части подведения итогов. А.М. Диянова, преподаватель центра в области научно-исследовательской деятельности, выступила на пленарном заседании с научным докладом «Образовательный туризм как инновационная межшкольная (межрайонная) программа воспитания сельских школьников», осветив данный вопрос на примере участия в проекте Каразюкской школы. Благодаря Дню учителя школы с этнокультурным компонентом центр смог публично представить свою деятельность, презентовав как профессионализм педагогов, так и первые наглядные успехи и навыки воспитанников. Тезисы докладов участников всех секций были опубликованы в трех частях сборника, выпущенного Комитетом по образованию Нововаршавского р-на.

В течение учебного года работа центра строилась по направлению занятий в объединениях (по всем направлениям занято 50 учащихся – весь количественный состав школы), реализации сетевого обучения казахскому языку в дистанционной форме через муниципальную сетевую школу «САД» («Самые Активные Дети»), подготовки к олимпиаде по казахскому языку и научно-практическим конференциям, разработки новых форм музейной педагогики и каталогизации музейных предметов.

Необходимо отметить, что благодаря сетевой реализации программы «Казахский язык для желающих» достигнут муниципальный уровень консолидации учащихся в процессе приобщения к казахскому культурному наследию. Презентация программы состоялась в ходе проведения районного межшкольного слета детей, планирующих заниматься изучением казахского языка в школе «САД». Данное событие имело целью продемонстрировать ученикам всю глубину и красоту культуры, подчеркнуть значимость владения знаниями о собственном национальном наследии, важность желания говорить на

родном языке. Ребята оказались вовлечены в обстановку казахской музыки, вокала, танцев, в работу тематических станций «Моя родословная», «Этномастеркласс», «Этнографическая экскурсия в школьном музее», увидели инсценировку обряда «Бесик салу», смогли познакомиться с правилами национальной игры в кости «Асык». Таким образом, учащиеся не только вербально воспринимали из уст педагогов информацию о важности владения своим родным языком, но и сами эмоционально проживали, наблюдали и проникались живой культурой. В то же время посредством метода наблюдения было установлено, что знания обучающихся о традициях, языке собственной национальности имеют существенные пробелы, что указывает на отсутствие системного этнического воспитания в семьях и еще раз подтверждает значимость созданного центра «Байтерек», актуализирует взятые им для развития направления.

Поддерживая научно-исследовательское направление центра в области современной этнографии, Комитет по образованию поддержал предложение педагогов создать в рамках ежегодной муниципальной научно-практической конференции отдельную секцию «Этнография и музейное дело». Это позволило объединить в рамках секции исключительно доклады с этнографической тематикой. В ходе работы данной секции приняли участие 5 воспитанников центра, трое из них стали лауреатами на муниципальном уровне, позднее подтвердив свой статус на регионе в рамках 48 научно-практической конференции «НОУ Поиск». Проблематика исследований касалась изучения современного и традиционного мировоззрения: представлений о женской красоте, традиции дарения, орнаментации предметов современной и традиционной одежды, видовой классификации оберегов, верований о дороге-пути. Все наработанные материалы стали основой тематических экскурсий для школьного музея, которые будут проведены учащимися - авторами работ.

Еще одним направлением, реализованным в этом году, стало развитие приграничного сотрудничества центра и Республики Казахстан, осуществление совместных проектов в гуманитарной сфере. Так, педагоги Северной школы Иртышского р-на Павлодарской обл. республики Казахстан принимали участие в дне педагога школ с этнокультурным компонентом. В феврале с ответным профессиональным визитом Северную школу посещали педагоги центра.

Анализируя влияние деятельности центра на население района, стоит отметить растущее желание среди местных жителей аула Каразюк, родителей школьников участвовать в исследованиях воспитанников, в мероприятиях, помогать в их организации, что указывает на приобретение им особого значения и авторитета в области формирования этнической идентичности, консолидации казахского сообщества Нововаршавского р-на. Данным процессам способствовало и позиционирование центра как площадки активной деятельности по сохранению и популяризации культурного наследия через местное СМИ – районную газету «Целинник-НВ».

Подводя итоги деятельности центра «Байтерек» в этом учебном году, стоит отметить, что все реализуемые векторы его деятельности направлены на углубленное изучение языка и историко-культурного наследия казахского народа, его актуализацию и популяризацию на территории Нововаршавского р-на Омской обл. А инновационная муниципальная межшкольная форма призвана объединить рассредоточенное по его территории казахское ученическое сообщество на основе возможности изучения своего языка, культуры и проживания общенациональных событий, организуемых центром.

Д.С. Ергалиева, М.А. Алпысбес
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ШАРГ» И ЕЕ РОЛЬ В ПОВСТАНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИНЬЦЗЯНА

В данной статье рассматривается деятельность организации Шарг, существовавшей на территории Кашгара, Кульджи, Аксу, Кучара и Урумчи, а также Семиреченской области Казахстана в начале XX в. среди тюрко-мусульманского населения. Работа организации по-началу носила просветительский характер, который позднее сменился на антироссийский, а после установления в России советской власти - на антикитайский. В статье затрагивается малоизученный вопрос участия и, возможно, руководства восстанием 1916 г. данной организацией. Статья написана на основе архивных источников.

Ключевые слова: подпольная организация, тюрко-мусульманское население, просвещение, восстание, освобождение.

D.S. Yergaliyeva, M.A. Alpysbes
Gumilev Euroasian national university
Astana, Kazakhstan

«SHARG» CLANDESTINE ORGANIZATION AND ITS ROLE IN THE REBEL MOVEMENT OF MUSLIM TURKIC PEOPLES OF XINJIANG

This article discusses the activities of the organization Sharg, which existed in the territory of Kashgar, Kuldja, Aksu, Kuchar, Urumqi and Semirechensk region of Kazakhstan at the beginning of the twentieth century among the Turkic-Muslim population. In the beginning organization focused on public education, later its interests were replaced with anti-Russian sentiments, and after establishing of soviet rule in Russia – with anti-Chinese ones. The article addresses the little-understood question of participation and possibly of the leading the rebellion of 1916 by this organization. The article is based on the archival materials.

Keywords: clandestine organization, Turkic-Muslim population, education, rebellion, liberation.

Согласно архивным документам Российского государственного архива социально-политической истории («Доклады и письма представителя Монгольской народно-революционной партии Нацовао Синьцзяне»[1]) в Синьцзяне в тюрко-мусульманской среде в начале XX в действовала подпольная организация под названием «Шарг» (что в переводе с тюркских языков означает «Восток»). В ее рядах насчитывалось до 200 членов, выходцев из таранчинцев, кашгарликов и киргиз, проживавших в городах Кульджа, Кашгар, Аксу, Кучар и Урумчи. Организация руководилась не единым избираемым центром, а тремя лидерами, располагавшимися в Кульдже и Кашгаре. Начало ее работы датируется 1903 г., местом деятельности являлся г. Джаркент. Первоначально организация носила название «Общество просвещения мусульманских масс». На этом этапе

она имела прогрессивный просветительский характер, выступая за введение новых методов обучения в школах – джадиды [2]. Своими задачами организация также считала: «создание культурно-просветительных кружков и библиотек читален среди мусульманских масс и борьба с эксплуататорской тенденцией нарождающейся туземной буржуазии» [3, с. 115].

В зону деятельности организации входила Семиреченская область, а также китайские города Кульджа и Кашгар. Деятельность организации временно прекратилась в 1907 г., когда она была ликвидирована царским правительством за излишний либерализм ее политического курса. В результате Шарг был нанесен серьезный урон, т.к. некоторые ее руководители оказались в тюрьмах, а некоторые были вынуждены скрываться. Однако в 1916 г. организация возобновляет свою работу в Кульдже со значительно изменившимся характером деятельности, определяющейся хорошо заметными панисламистскими тенденциями и планами свержения в Туркестане российской власти и последующего создания тюркского национального государства [3, с. 115].

Примечательно, что в данном документе имеются упоминания восстания казахов 1916 г. «В этом же г., она, под лозунгом создания тюркского национального государства, руководит массовым восстанием киргиз (казахов тогда называли киргизами – *Д.С. и М.А.*) Семиреченской области, произошедшем на почве недовольств призывом туземцев/инородцев/ на тыловую работу во время империалистической войны. Затем, после кровавой расправы царских войск с бунтовщиками, она центр тяжести своей деятельности окончательно переносит в пределы Западного Китая» [3, с. 115-116]. Как известно, восстание 1916 г. на казахских территориях вспыхнуло в ответ на царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации в армию на тыловые работы «инородческого» мужского населения Казахстана, Средней Азии и частично Сибири в возрасте от 19 до 43 лет [4, с. 241]. Причастность к восстанию, а тем более руководство им со стороны располагавшейся на китайской территории организации является весьма любопытной и малоизученной деталью.

В Западном Китае организацией велась тщательная работа, проводившаяся подпольно и направленная на борьбу с экспансивными тенденциями царской России и произволаместной буржуазии вплоть до октябрьской революции в России.

Интересно, что после переворота в России политический курс организации резко меняется. «Ее прежнюю неприязненность к России постепенно вытесняет идея советской власти. С этого момента всю свою деятельность направляет на борьбу за освобождение туземных народностей Синьцзяна от китайского владычества» [3, с. 116]. Также известно, что данная организация имеет отношение к ряду неудавшихся выступлений против китайских властей «среди тюрко-мусульманского населения в городах Кучар в 1918 г., в Куре в 1921 г. и т.д.» [3, с. 116].

В результате данных событий и реакции на них китайских властей происходит массовая эмиграция большого количества членов организации в Туркестанскую Республику. Здесь в 1920 г. из этих эмигрантов образуется «Союз китайско-подданных трудящихся», в составе которого насчитывалось до 80 ячеек, а общее количество членов достигало 120 000 человек. Новоявленный союз был образован Отделением Совета Интернациональной Пропаганды на Востоке и Туркбюро Коминтерна в Ташкенте. Далее в 1921 г., на первом съезде Союза в

Ташкенте организация переименовывается в «революционный союз «Уйгур» Алтышаро-Джунгарских рабочих», однако спустя какое-то время после первого съезда организация распускается. Она существовала относительно недолгий промежуток времени, однако являлась подпольной организацией, руководившей национально-освободительными настроениями тюрко-мусульманского населения Синьцзяна.

Рассмотрим социальный состав организации и степень ее политического влияния на население. В целом данная организация отражала состояние «всего антикитайского движения среди тюрко-мусульман Синьцзяна» и состояла в основном из мелких и средних торговцев и ремесленников. Также к ним присоединилась небольшая часть духовенства: «так называемые: муллы-прогрессисты, ведущие борьбу против произволов китайских властей и старого мусульманского духовенства, но старающиеся придать всему движению панисламистическую идеологическую оболочку» [3, с. 117]. Нацов отмечает, что эта организация не пользуется особой популярностью среди населения, и не может оказывать на него значительного политического воздействия. Однако он не исключает, что такое положение вызвано подпольным существованием организации в строго конспиративных условиях. В то же время необходимо учитывать весьма натянутые и напряженные отношения между тюрко-мусульманским населением Синьцзяна и китайскими властями, поскольку в этих условиях существование даже на первый взгляд малоактивной подпольной антиправительственной организации становится важным фактором. Сложившееся положение находит отражение в красочном и выразительном описании Нацова: «благодаря беззастенчивому и бессистемному колониальному господству китайцев, то, ныне из виду инертное состояние тюрко-мусульманского населения Синьцзяна, представляет в глубине своем такой вулкан, который под небольшим давлением может взорваться. И поэтому, малейший призывной клич ныне существующей подпольной организации о антикитайском движении, без сомнения найдет себе живейший отклик в толщах народной массы» [3, с. 117].

На одном из последних этапов существования организация Шарг опиралась на временную программу революционного союза «Уйгур» Алтышаро-Джунгарских рабочих, разработчиками которой являлись руководители Уйгурской Коммунистической Секции Джетысуйского Облкома КПТ Розыбакиев и др. Практическая деятельность организации опиралась на указанную программу и характеризовалась следующими чертами: «1) пропаганда идеи национально-освободительного движения; 2) вовлечение в организацию новых надежных элементов; 3) борьба колониально захватнической тенденцией английского империализма и идущими с ней рука об руку со старым мусульманским реакционным духовенством и туземной буржуазией; 4) распространение светского образования и развития сети новых учебных заведений» [3, с. 117]. Таким образом, деятельность организации координировалась органом, находившимся на советской территории. Разумно предположить, что ее интересы совпадали с советскими.

Предположительно в сентябре 1922-1924 гг. планировалось провести «первый нелегальный съезд уйгурских /тюрко-мусульманских/ революционеров», на который имелась санкция Средазбюро ЦК РКП. Значение ожидаемого съезда было велико: «на нем должно было свершиться организационное и идеологическое оформление национально-революционного движения туземных

народностей Западного Китая и образование политической партии». В рассматриваемом нами документе приводится директивное письмо, адресованное членам комфракции ожидавшегося съезда. По этому письму можно определить платформу партии, к организации которой шла подготовка [3, с. 118]. Всего она содержала 7 пунктов.

Первый пункт звучал так: «Борьба против Китайского и Английского Империализма и гнета, за национальное самоопределение и государственное отделение народов Синьцзянского Края, в форме и на началах народной советской республики, обеспечивающей интересы всех входящих в нее народностей и племен» [3, с. 118]. Антианглийская направленность в данном пункте отражает жесткую конкуренцию Советского Союза и Великобритании за влияние в Синьцзяне. Закономерно, что эта важная для Советов идея прозвучала в первом пункте документа. В 1924 г. в Советском Союзе шли процессы национально-государственного размежевания азиатских республик. Вероятно, эти процессы отразились на политике в отношении Восточного Туркестана.

Второй пункт содержал идеологические и отчасти аграрные требования: «Воспитание трудящихся масс и в первую голову ремесленных рабочих и трудовых крестьян в духе непримиримости их интересов с интересами реакционных, консервативных и эксплуататорских верхов населения, каковыми являются занги, беки, ростовщики и пр. представители крупного землевладения, включая сюда духовных лиц, захвативших в свое пользование вакуфные земли. В частности перед крестьянскими массами должна быть намечена перспектива необходимости отчуждения в их пользу земель, находящихся в пользовании нетрудовых групп населения» [3, с. 118].

Третий пункт отражал экономические интересы «Требования немедленного возобновления дипломатических и экономических сношений Синьцзянского Края с Россией, т.к. это вызывается интересами хозяйственного и культурного развития первого» [3, с. 118]. Следует заметить, что у СССР тоже имелись экономические интересы в Синьцзяне. Примечательно, что это не было отмечено в программе.

Четвертый пункт затрагивает организационные процессы: «Проявление инициативы и последовательного руководства в деле организации рабочих союзов (простейший тип профсоюзов) крестьянской кооперации и культурно-просветительных кружков» [3, с. 118]. Подобная структура должна была значительно приблизить организационную структуру Синьцзяна к советской, что в дальнейшем облегчило бы их взаимодействие.

Пятый и шестой пункты обуславливали облегчение дальнейшего сотрудничества путем внедрения светского, более современного образования в мусульманских школах.

Пункт 5: «Широкая агитация и пропаганда за постановку светского образования и воспитания на родном языке в рамках хотя бы новометодного маба/школы» [3, с. 118-119].

Пункт 6: «Агитационная работа среди студенчества духовных училищ /медресе/, направленная к воспитанию их в духе джадизма, но без панисламистического уклона». Шестой пункт содержал примечания относительно роли студенчества в двух важных вопросах: о включении светских наук в учебную программу медресе и «полной передачи вакуфных земель и имущества непосредственно на дело народного просвещения в том числе и духовного» [3, с. 119].

Пункт 7 «Установление связи с Коминтерном и революционными партиями Китая по вопросам революционной тактики» предусматривал дальнейшее сближение с Советским Союзом и революционным движением [3, с. 119].

В целом рассмотренная программа при условии своего выполнения обеспечивала серьезное политическое, экономическое и культурное сближение Синьцзяна с СССР, а на фоне обозначенного в первом пункте «национального самоопределения и государственного отделения народов Синьцзянского Края, в форме и на началах народной советской республики», масштабы данного сближения становится трудно оценить в рамках данной статьи. Однако по неизвестным причинам съезд не состоялся, и рассмотренный проект не был реализован. Нацов предполагает, что вместо запланированного съезда состоялось «небольшое совещание уйгурских ответственных работников», однако ему не удалось получить резолюцию данного совещания. Находясь проездом в г. Алматы он обратился к т. Розыбакиеву – «одному из деятельных участников», однако безуспешно, т.к. резолюция не была переведена на русский язык [3, с. 119].

Источники и литература:

1. Андреев В. Нацов (Шойжелов) Сирен // [Электронный ресурс]. URL: <http://soyol.ru/personas/figures/688/> (дата обращения: 10.07.2016).

2. Набиев Р. Ислам и исламо-христианские отношения в поликонфессиональном регионе // Гасырлар авазы – Эхо веков, 2003 3/4 // [Электронный ресурс]. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/01/01_1/ (дата обращения: 10.07.2016).

3. Доклады и письма представителя Монгольской народно-революционной партии Нацова о Синьцзяне // РГАСПИ Ф. 514. Оп. 1. Д. 48.

4. Қазақ ұлт-азаттық қозғалысы / Сост-ль проф. М.Қ. Қойгельдиев. Астана: Ел-шежіре, 2007. Т. 3: Восстание 1916 года в Средней Азии. 352 с.

УДК 351.852.14:39 (574)

Ж.А. Ермекбай

*Казахстанский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова,
Астана, Казахстан*

ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ НА РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЫСТАВКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА XX ВВ.

В статье дается краткий обзор казахских этнографических коллекций, выставленных на различных российских и международных выставках второй половины XIX –начала XX вв. Этнографические коллекции из Казахстана в виде коврово-войлочных изделий, домашней утвари, ювелирных украшений и других ценных

экспонатов кустарного производства свидетельствовали о самобытной материальной культуре казахов, одного из древних народов Центральной Азии.

Ключевые слова: коврово-войлочные изделия, этнографическая выставка, юрта, домбра, кобыз.

Z.A. Ermekbay

*Kazakhstan branch of Lomonosov Moscow State University,
Astana, Kazakhstan*

TO THE HISTORY OF KAZAKH COLLECTIONS ON THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXHIBITIONS (SECOND HALF OF THE XIX-th- BEGINNING OF THE XX-th CENTURIES)

The article provides a brief overview of the Kazakh ethnographic collections at various Russian and international exhibitions of the second half of the XIX and the beginning of the XX centuries. Ethnographic collections of Kazakhstan in the form of carpet and felt products, household goods, jewelry and other valuable pieces of handicraft production showed a distinctive material culture of Kazakhs, as one of the ancient peoples of Central Asia.

Keywords: carpet and felt products, ethnographic exhibition, yurt, dombra, kobyz.

Музейный или экспозиционный характер казахстанские предметы и коллекции старины стали приобретать на многочисленных выставках, проводимых во второй половине XIX в. в России и за рубежом, а с начала XX в. и в Казахстане. Этнографические коллекции, а это – коврово-войлочные изделия, одежда, домашняя утварь, ювелирные изделия и т.п., направлялись в выставочные павильоны наряду с образцами злаковых культур, земных пород, продуктами питания, домашним скотом и птицею и разного рода другими изделиями кустарного и промышленного производства, отражающего общий уровень социально-экономического и культурного развития национальных окраин. Как указывалось в одном из писем комитета Туркестанского отдела по подготовке к политехнической выставки в Москве (1872) на имя военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского, *«целью выставки является более полное ознакомление России с недавно присоединенными к ней окраинами на Востоке»* [19, л. 40].

По разделу животноводства был сделан отдельный запрос на имя военного губернатора Тургайской области с просьбой об отборе животных на выставку в Москве (1880), а именно – лошадей, других животных лучших пород, а также шерсти, изделий из нее, головных уборов и пр. Вместе с животными должна была предоставляться и упряжь, *«к которой скот на месте привык»* [11, л. 3; 5-6]. В начале XX в. при устройстве, к примеру, уже в Казахстане, в городе Верном, сельскохозяйственной и промышленной выставки 1913 г. схема подбора экспонатов и организация выставочного пространства в целом не изменилась. Она по-прежнему включала в себя помимо образцов сельскохозяйственной, промышленной продукции, земных пород, разделы всевозможных кустарных изделий – *«Туземные ювелирные изделия и орудия местного производства, ковры и способы их производства, туземные женские рукоделия»* [16, л. 48].

Впервые в 1866 г. в Петербурге на Этнографической выставке промысловых достижений народов России были показаны изделия казахских

умельцев, предметы народного прикладного искусства. Выставка выявила глубокий интерес к памятникам народов России и изучению их истории. На этой выставке демонстрировался указанный выше «Киргизский альбом Большой Орды и Дикокаменных киргизов» под №387 художника П.М. Кошарова.

При показе образцов народного искусства, предметов быта, орудий труда и одежды был использован комплексный метод. Он был также применен в 1867 г. на Московской этнографической выставке, имевшей широкий международный резонанс. Каждая народность представлялась на ней с помощью манекенов в окружении характерных для национального быта предметов [20, с. 210]. Среди казахских экспонатов на данной выставке наиболее ценными были вещи из Западного Казахстана, предоставленные генералами Н.А. Крыжановским и Л.Ф. Баллюзекком. Как показывает описание В.Ф. Миллера, среди экспонатов выставки были изделия из Каркаралинского округа, в частности костюм отца Абая – Кунанбая Ускенбаева [5, с. 17]. Необходимо отметить, что казахские этнографические предметы от Уральской области пополнили фонды этнографического музея при Московском университете, открытого сразу же после выставки [2, лл. 175-176].

В 1868 г., по случаю приезда в Казахстан великого князя Владимира, старшего сына царя Александра II, степными округами Сибирского ведомства была организована показательная выставка казахской промысловой культуры. Среди её экспонатов выделялись юрты акмолинца Нурмагамбета Сагнаева и атбасарца Мейрама Джанайдарова [5, с.18]. Большую часть экспонатов, всего около ста, составили дары султана Кокчетавского округа Чингиза Валиханова. Здесь же были выставлены ценные экспонаты, принесенные в дар султаном Семипалатинского округа Арынгазы Хангожиным.

Казахские художественные изделия наиболее полно были представлены на выставке Третьего конгресса ориенталистов в 1876 г. в Петербурге. Президент этого конгресса востоковед В.В. Григорьев через омского художника М.С. Знаменского обратился к Чингизу Валиханову с просьбой представить на выставку станок для обтачивания и шлифовки драгоценных камней, принадлежавших некогда хану Аблаю. Комитет конгресса просил также прислать фотографии архитектурных памятников Ботыгая на р. Нура и Алаша-хана в Улутауской степи на р. Кенгир.

Среди экспонатов, отправленных Чингисом Валихановым, были и личные вещи хана Аблая. Экспонаты Акмолинского, Атбасарского, Кокчетавского округов (ок. 400) были предварительно выставлены в Акмолинске и Петропавловске, затем в Омске. Их выставили в залах областного правления Западной Сибири. В первом зале – кожаные и шерстяные изделия, во втором зале – вооружение, в третьем зале – одежда и ювелирные изделия. В особой группе были представлены орудия земледельцев и инструменты ремесленников, ткацкий станок [5, с. 18].

Повествуя о данных выставках, нельзя пройти мимо яркой личности старейшего из депутатов Акмолинской области полковника султана Чингиза Валиханова. Видимо закономерно то, что именно благодаря его воспитанию научный мир узнал о выдающемся казахском ученом – Чокане Валиханове. Отец, как и его знаменитый сын, сделал очень многое для пропаганды казахской культуры в среде российских чиновников и ученых. Именно из его рук было суждено отпить кумыс, поднесенный на серебряном блюде, Николаю II Романову (совершавшему в качестве цесаревича в 1890-1891 гг. «путешествие по Востоку»).

О неоценимых заслугах Ч.В. Валиханова в области меценатства и популяризации предметов быта казахского народа говорят его же высказывания в письме к одному из близких друзей по поводу предстоящей выставки в Петербурге 1876 г.: *«Я к несчастью своему, в настоящее время не имею никаких вещей, которые бы могли обратить взгляд публики, чтобы познакомить с современным и древним бытом людей, населявших область кайсаков, ибо замечательные и любопытные костюмы древних кайсаков, в особенности бывшего хана, покойного отца моего Валиханова, кольчуга, шлем и прочие, были переданы мною приезжавшему сюда в степь с комиссией в 1865 г. генерал-майору Гейнсу; другие же не менее любопытные и ценные вещи доставлены были также мною на Московскую выставку, бывшую в 1867 г.»* [4, с. 22].

Необходимо отметить, что коллекция предметов быта казахов Северного Казахстана, отобранная Чингизом Валихановым для этнографической выставки в Москве 1867 г., вошла в фонды Румянцевского музея и насчитывала более сотни наименований. Позднее, в октябре 1867 г., Совет Императорского общества любителей естествознания препроводил в Главное управление Западной Сибири три свидетельства на награды, присужденные обществом – полковнику Валиханову, его помощникам Майке Сарымсакову и Тунгату Саукенбаеву, доставившим в Москву коллекции, принесенные в дар г-ном Валихановым [4, с. 22-23]. Процесс сбора экспонатов для различных российских выставок открывает также и научно-исследовательские способности Чингиза Валиханова, его неоценимый труд по классификации, этнографическому объяснению, определению ценности разнообразных предметов казахской материальной культуры. В дальнейшем он еще многие годы оставался единственным в Северо-Восточном Казахстане «поставщиком» экспонатов для научных учреждений России [4, с. 23-25].

В 1879 г. обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете была организована антропологическая выставка. Её организаторы обратились с соответствующим запросом и в Казахстан. 12 августа 1878 г. они просили военного губернатора Семиреченской области Г.А. Колпаковского собрать данные по *«историческому народонаселению»* края, так как выставка предполагала показ *«антропологии современных первобытных народов»* и в перспективе ориентировалась на открытие антропологического музея при Московском университете. Выставка подразделялась на отделы: антропологии, археологии и этнографии. Спустя некоторое время, 26 сентября 1878 г., последовал запрос канцелярии Туркестанского генерал-губернатора на имя военного губернатора Семиреченской области с просьбой *«о присылке каких-либо остатков доисторического времени и других предметов у частных лиц или уже в собраниях коллекций»*. В ответ, военный губернатор рапортовал лишь *«о высылке коллекций образцов хлебных растений и почвы от начальника Верненского уезда»* [13, лл. 1-6].

На Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке также были представлены коллекции по этнографии казахов из фондов Омского музея и собранные у населения Степного края. Довольно обширна была коллекция вещей, переданных музею волостным управителем из Акмолинского уезда Мустафой Джанибековым [3, с. 10].

Так называемые «живые экспонаты» определялись и в лице казахов-табунщиков, сопровождавших на выставки скот. Например, в реестр предметов,

отправляемых на политехническую выставку в Москву от Оренбургского казачьего войска в 1872 г., был включен *«киргиз для ухода за лошадьми и верблюдами. Вместе с одеждой будничной и праздничной, с кибиткою»* [2, лл. 206-207].

«Живые экспонаты» были затребованы и на XVI Всероссийскую выставку в Нижнем Новгороде (1896 г.). Протокол № 11 выставочного вспомогательного комитета по подготовке к выставке Тургайской области отмечал среди прочего *«возможность присутствия на выставке представителя «от киргиз», образованного и богатого, который мог бы принять на себя расходы на поездку»*. Была отмечена также важность отправки *«собрания сведений о народных врачебных средствах, образцов лекарственных средств»*. Однако данный вопрос был отложен, вследствие необходимости предварительного его исследования [17, лл. 22; 42-43].

Примечательно то, что в состав вспомогательного комитета, помимо представителей статистического комитета, сверхштатных чиновников особых поручений при военном губернаторе Тургайской области, были включены также Зауряд-хорунжий Л.Д. Беркимбаев и управитель Буртинской волости А. Нурмухамбетов, которые изъявили желание ассигновать часть средств на приобретение в прокат экспонатов. Сверх того, Беркимбаев обещал представить полный седельный набор богатой отделки, женский казахский костюм с различными принадлежностями туалета, казахский ножик в дорогой оправе – напрокат, мужские и женские сапоги, комплект ремесленных инструментов – в собственность комитета. А. Нурмухамбетов дал в свою очередь богатую кибитку с роскошным полным внутренним убранством и мужской костюм с поясом и серебряными застежками – напрокат, домбру, кобыз – в собственность комитета [17, л. 16]. В результате обещания их были сдержаны. Кибитка А. Нурмухамбетова была установлена во дворе Тургайского областного правления, осмотрена в присутствии военного губернатора и принята для отправки на выставку. Были также осмотрены манекены казахов и признаны неудовлетворительными, по причине неверной передачи их этнографического типа, однако было разрешено использование манекенов в качестве вешалок для костюмов, с замечаниями желательного их исправления. Помимо этого неинтересными были признаны рукописи казахских песен, сказок и другая литература, предоставленные талантливым русским ученым А.Е. Алекторовым [18, лл. 47-48; 55].

В Нижегородской всероссийской выставке приняла участие и казахская этнографическая коллекция, собранная Западно-Сибирским отделом РГО. От имени центрального Русского географического общества вице-президент П.П. Семенов-Тянь-Шанский поручил отделу устройство Степного павильона выставки, который должен был представить природу и население Степного края. Была проделана огромная организаторская работа по подготовке экспонатов. Большая часть этнографического материала, представлявшая на выставке быт казахского, уйгурского, русского населения восточной половины Казахстана, была собрана у населения, а затем разослана обратно. Но в ходе выставки по ее окончании часть экспонатов подарили Омскому музею [3, с. 11].

Разнообразные предметы принимались в дар и закупались для выставок не только у населения обширного края, но и у частных лиц, обладавших богатыми коллекциями. Казахстанские экспонаты и коллекции не раз премировались высокими наградами на многочисленных Российских выставках. Так,

Семипалатинский областной музей, участвуя во Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде 1896 г., был удостоен похвальных наград. По отделу XIII (Сибирь: Торговля России с Китаем и Японией) Музею был присужден диплом II разряда. По отделу XIV (Средняя Азия: Торговля России с Персией) – дипломом IV разряда [1, с. 7]. Примечательно, что премировались не только отдельно взятые экспонаты, но и кропотливая работа по их изучению. Семипалатинский подотдел Русского географического общества в своем отчете за 1902–1927 гг. указывает на то, что научно-классифицированные экспонаты Семипалатинского музея были премированы большой серебряной медалью на первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной выставке, которая проходила в Омске в 1911 г. [9, с. 175-176].

Частная коллекция литературного наследия и образцов народного прикладного искусства казахов, собранная в разные годы знаменитым казахским этнографом Мусой Чормановым, получала самую высокую оценку на выставках 1861, 1867, 1876 гг., проходивших в Москве, Париже, Санкт-Петербурге [8, с. 76]. Списки похвальных листов и награды специально разрабатывались и для местных Казахстанских выставок в начале XX в. [15].

О казахской материальной культуре во второй половине XIX в. стало известно и далеко за пределами Российской империи благодаря опять же выставкам, но уже мирового масштаба. Многочисленная и разнообразная публика зарубежных стран впервые познакомилась с прикладным и декоративным искусством, предметами быта и даже с традиционным жилищем казахов. Следует в целом отметить, что международные выставки проходили в Лондоне (1851, 1867, 1871), Париже (1867, 1876, 1878, 1889), Чикаго (1873), Филадельфии (1876), Антверпене (1869), Вене (1873), Амстердаме (1883) и других городах мира [7, с. 86]. По ряду причин не на всех из них были представлены экспонаты из Казахстана. Целью данных выставок, как и Российских, был показ достижений народного хозяйства колониальных провинций, культуры и быта народов, населявших эти регионы.

В 1878 г. в Париже были показаны наиболее ценные казахстанские экспонаты, побывавшие до этого на выставке третьего Конгресса ориенталистов в Санкт-Петербурге – уникальная юрта Алмазова, саукеле и ювелирные изделия [5, с. 19]. На всемирной выставке в Париже демонстрировались макеты некоторых деревянных построек различных народов, воссоздавались интерьеры комнат, в которых манекены в народных костюмах представляли выразительные картины из жизни людей. Здесь же можно было увидеть, как и на вышеуказанных российских выставках, в качестве «живых экспонатов» людей, занятых различными видами трудовой деятельности [20, с. 210]. Исходя из Правил об участии в выставке в каждом отделе экспонатов одной и той же нации произведения должны были распределяться по 9 группам: 1) произведения художеств; 2) воспитание, обучение, прикладное художество и музыка; 3) мебель, домашняя утварь и принадлежности жилища; 4) ткани, одежда, предметы личного употребления; 5) продукты от разных промыслов [10, лл. 13-14; 24]. Из Семиреченской области на данную выставку были отосланы и не вернулись назад образцы местных ископаемых, пожертвованные полковником В.Л. Бергером, сотником Н.С. Созонтовым и видным российским ученым П.В. Гурдэ. Программа участия в Венской всемирной выставке 1873 г., помимо других регионов, была направлена также и на имя Туркестанского генерал-губернатора, давшего

соответствующие указания военному губернатору Семиреченской области, а тот, в свою очередь, своим подчиненным. В результате чего перечень предметов для выставки, включавший национальную одежду, оружие, утварь, юрту, ювелирные изделия, был выслан от Кульджинского, Иссык-Кульского, Сергиопольского, Капальского уездов [12, лл. 1-33].

Значительным событием, поднявшим интерес к изделиям декоративно-прикладного искусства народов Востока, явилась Венская выставка восточных ковров 1890 г. Перед европейским миром открылась богатая эстетическая культура ремесел и прикладного искусства казахского и других народов Востока. Именно после Венской выставки развернулась широкая деятельность исследователей по изучению и сбору образцов коврового производства, их публикации в печати [6, с. 8].

С целью развития торговых отношений Великобритании с Россией с мая по ноябрь 1901 г. проходила международная выставка в Глазго. Хотя экспонаты от Казахстана на её устройство не были отправлены, все же просьбы об участии в ней были посланы в разные регионы Казахстана [14, лл. 1-12].

Некоторые этнографические коллекции, представленные на выставках, были переданы в дар музеям. Так, в 1878 г. Омскому музею были переданы казахские предметы, побывавшие на всемирной выставке в Париже, владельцы которых не были разысканы. К сожалению, не сохранились списки вещей и сведения об их происхождении. В 1881 г. в музей поступили две коллекции из предметов, собранных и направленных на III международный съезд ориенталистов, состоявшийся в Петербурге в 1876 г., также потерявших своих хозяев. Они были переданы в музей по распоряжению губернаторов Акмолинской области – В.С. Цитовича и Семипалатинской – Г.П. Проценко [3, с. 9]. В состав Омского краевого музея в конце 1870-х – начале 1890-х гг. вошли экспонаты с выставок, в которых участвовал и Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

В 1913 г., после окончания сельскохозяйственной и промышленной выставки в городе Верном, областной комитет направил просьбу на имя председателей отделов выставки, где в отношении предметов (образцов кустарных изделий), которые желательно было сохранить для дальнейшего ознакомления, особо настаивал: *«сдавать их при описях в областной музей на хранение»* [16, л. 92]. В целом Верненская выставка явилась настолько значительным событием в жизни Семиреченского края и собрала так много разнообразных материалов и экспонатов, что после её окончания встала острая необходимость в строительстве отдельного здания для областного музея.

Таким образом, сохранившиеся редкие и ценные вещественные экспонаты из казахских коллекций, представленных на российских и международных выставках, свидетельствуют о самобытной материальной культуре одного из древних этносов Евразии. В настоящее время эти коллекции хранятся в Российском этнографическом музее (Санкт-Петербург), Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург), Астраханском, Оренбургском, Омском историко-краеведческих музеях и других научно-образовательных центрах и музеях Российской Федерации и Республики Казахстан, а также в фондах музеев западноевропейских стран. Для исследователей они имеют уникальное научное и познавательное значение при изучении истории и этнографии казахов.

Источники и литература:

1. Адрианов А.А. Краткий исторический очерк Семипалатинского музея // Труды Семипалатинского Округного музея. Семипалатинск, 1929. Вып. 2. С. 3-9.
2. Государственный исторический архив Оренбургской области. Ф. 164. Оп. 1. Д. 27а.
3. Культура казахов в коллекциях Омского государственного историко-краеведческого музея / Отв. ред. И.В. Захарова, Н.А. Томилов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 190 с.
4. Малышева М., Познанский В. Чингис Валиханов как этнограф, собиратель казахской старины // Первые этнографы Казахстана. Алматы: Білім, 2002. 136 с.
5. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Алма-Ата: Онер, 1986. Т. 1. 256 с.
6. Муқанов М.С. Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата: Казахстан, 1979. 79 с.
7. Сотникова С.И. Музеология. Учебное пособие. М.: Дрофа, 2004. 190 с.
8. Утениязов С. Отец и сын Чормановы // Первые этнографы Казахстана. Алматы: Білім, 2002. 136 с.
9. Хроника. Двадцатипятилетие Семипалатинского отдела Русского Географического Общества // Северная Азия. 1927. № 5-6.
10. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2012.
11. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2049.
12. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 28637.
13. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38983.
14. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 49242.
15. ЦГА РК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 2; 17; 18.
16. ЦГА РК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 3.
17. ЦГА РК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 506.
18. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 19.
19. ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38604.
20. Юренева Т.Ю. Музееведение: Учебник для высш. шк. М.: Акад. проект, 2004. 588 с.

УДК 82.0

А.Т. Жаманкозова
Евразийский национальный университет им.Л.Н.Гумилева,
Астана, Казахстан

А.Н. БУКЕЙХАНОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматриваются научные работы Алихана Букейханова. Раскрывается значение работ А.Н. Букейханова в свете современной теории литературы. Результатом исследования является утверждение роли и значения литературы в воспитании личности и общества.

Ключевые слова: роман, герои, внутреннее содержание, смысловая наполненность, воспитание, теория литературы, поэзия, синкретизм искусства, интеграция науки.

ALIKHAN BUKEYKHANOV – THE FOUNDER OF THE LITERATURE THEORY

In article scientific works of Alikhan Bukeykhanov are considered. The author opens value of works of A.N. Bukeykhanov in the light of the modern of the literature theory. The statement of a role and value of literature in education of the personality and society is result of research.

Keywords: novel, heroes, internal contents, semantic fullness, life mirror, narrative form, education, theory of literature, poetry, structure, art syncretism, integration of science.

Теорию казахской литературы невозможно изучать вне работ А.Н. Букейханова. Несмотря на то, что базовое образование он получил в Санкт-Петербургском государственном лесотехническом университете им.С.М. Кирова, А.Н. Букейханов одним из первых поднял вопрос о роли и значении теории литературы в изучении истории литературы и культуры казахского народа. Особый интерес для нас представляют две научные статьи А.Н. Букейханова, в которых автор определяет функцию литературы, природу романа, синкретизм казахского словесного искусства, жанровую классификацию поэзии.

Узоровское преподавание теории литературы берет начало с «Теории словесности» Ахмета Байтурсынова, в которой автор научного труда ввел литературоведческие понятия и термины, концепции и суждения, дал многочисленные отсылки к имеющимся на тот период времени теоретико-литературным работам. Однако обсуждение общих проблем литературоведения без научных статей А.Н. Букейханова было бы, на наш взгляд, неполным.

В статье «Роман деген не?» («Что есть роман?» - А.Ж.) А.Н. Букейханов определяет жанрово-стилистические особенности романа. Автор обращает внимание на историческое время зарождения романа – 150 лет. Особое значение А.Н. Букейханов отводит внутреннему содержанию и смысловой наполненности романа. Так, он пишет: «Романның ішкі мағнасы: тіршіліктің жарық һәм күңгірт жағын бейне өзіңдей етіп сүреттеп, адамның өзіне көрсету. Роман адамзаттың өмірін, дәуірін бұлжытпай көрсетуші баға жетпес айна» [1, с. 330]. А.Н. Букейханов был твердо уверен, что роман отражает жизнь человека, общества, народа. Поэтому главной целью романа является воспитание человека, искоренение зла и невежества в обществе. Он писал: «Романның асыл мақсұды; адамзаттың мінез-хұлқын түзетпек, кемшілікті, қараңғылықты адамзаттан қуақ. Мұнан мұрад, ол адам баласына үйретінді үлгі, тәрбие бермек» [1, с. 330]. А.Н. Букейханов четко определяет назначение романа – создание художественной картины мира и при этом непосредственное обращение к насущным вопросам времени, проблемам и конфликтам, воспитание человеколюбия и человечности. Упомянув ярких романистов XVIII-XIX вв. В.Скотта, Ч. Диккенса, У. Теккерея, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и др., он отдает предпочтение творчеству Л.Н. Толстого. А.Н. Букейханов, анализируя роман-эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир», считает его ярким образцом этого литературного жанра. Широкая панорама действующих лиц романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» не просто поражает А.Н. Букейханова, она

позволяет ему сделать несколько серьезных выводов касательно жанра романа. Во-первых, роман вмещает в себя огромное количество разных героев, с разными судьбами, характерами, жизненными перипетиями. Система образов позволяет читателю видеть и узнавать в героях романа самого себя, свои достоинства и недостатки. Непринужденно и свободно осваивая реальность во времени и пространстве, роман позволяет видеть социум изнутри, внутренний мир каждого героя, его мысли и чувства. Это, безусловно, воспитание читателя. Во-вторых, роман поднимает важные вопросы бытия: добро и зло, справедливость и насилие, сила и бессилие, верность, чистота, невежество, ханжество. Все это вдумчивый читатель наблюдает в повседневной жизни, следовательно, роман, по мысли А.Н. Букейханова, есть зеркало человеческой жизни. Иначе говоря, А.Н. Букейханов достиг серьезного литературоведческого уровня: он определил функции романа – воспитание человечности в человеке и обществе, стремление к лучшему, прекрасному. Мы считаем, что А.Н. Букейханов подошел к определению, которое позже даст в своем учебнике доктор филологических наук, профессор В.Е. Хализев. Вот что Хализев пишет: «Эпическое произведение может «вобрать» в себя такое количество характеров, обстоятельств, событий, судеб, деталей, которое недоступно ни другим родам литературы, ни какому-нибудь иному виду искусства. При этом повествовательная форма способствует глубочайшему проникновению во внутренний мир человека. Ей вполне доступны характеры сложные, обладающие множеством черт и свойств, незавершенные и противоречивые, находящиеся в движении, становлении, развитии» [2, с. 299]. Соответственно, А.Н. Букейханов одним из первых выделил эстетическую и воспитательную функции романа. Кроме того, он фактически подвел нас к мысли о достоинствах повествовательной формы романа, на который укажут позже ученые-литературоведы.

В завершении темы А.Н. Букейханов обращается к казахской литературе и констатирует, что казахского романа не было вплоть до XX в. Лишь в 1910 г. появился первый казахский роман М. Дулатова «Несчастливая Жамал». Давая подробный анализ первого казахского романа, А.Н. Букейханов останавливается как на системе образов, так и на сюжетно-событийной канве произведения. Следует отметить, что Алихан Букейханов не употребляет терминов «сюжет», «образ», «герой», «фабула», но дает их качественные определения на материале романа М. Дулатова «Несчастливая Жамал».

Завершая анализ статьи А.Н. Букейханова «Что есть роман?», мы приходим к следующим выводам. Роман адресован всем людям, поэтому каждый должен не только внимательно читать романы, но, видя человеческие пороки и недостатки литературных персонажей, уметь исправлять их в себе, воспитывать себя. Человек отличается от животного разумом. Разумный человек отличается от неразумного цивилизацией и культурой. Разум, культуру и нравственность мы можем получить через воспитание. Каким бы образованным ни был человек, без воспитания он не имеет ценности. Следовательно, литература, в частности, роман воспитывает личность и общество в целом. Теория литературы дает научное определение этому процессу. Внутренний мир произведения, в котором писатель творчески перерабатывает формы «первичной» реальности и воспроизводит ее избирательно, становится понятным читателю и уясненным им. К этому тезису А.Н. Букейханов подошел интуитивно, но осознанно и исторически верно.

В статье «Ән, өлең һәм оның құралы» («Песня, поэзия и ее состав» – А.Ж.) А.Н. Букейханов раскрывает значение и роль казахской поэзии в жизни казах-степняка. Автор поясняет, что отсутствие казахского романа не есть показатель неразвитости казахской литературы. Казахская поэзия широко представлена во всех жанрах и формах. На протяжении нескольких тысячелетий степняк ценил искусство слова. Зарождение специфических жанров, в частности, *толғау* (философских раздумий о жизни) позволяет утверждать о богатом поэтическом наследии народа. Поэзия способна проникнуть в глубины человеческой души.

А.Н. Букейханов в своей статье выделяет теоретические основы казахской поэзии, природу поэзии, жанровые особенности. Он писал: «Бірге мағлұм көрнеу тұр; ән, өлең, сыбызғы, домбыра, қобызғы – бәрі бір мағынада. Адам көңілдегісін алғаш сөзбен қияды; ән салып, өлең айтып, домбыра шертіп, қобыз ойнайды – адамның жайын, сезімін, жүрегін қозғайды, тиіп өтіп елжіретеді, бусандырады, буынын алады...» [3, с. 330]. Особое значение отводит исследователь стилистике языка. Языковые средства казахского стиха представляют собой словесную ткань различных жанров поэзии, художественно-речевые средства разнородны и многоплановы. В целом, они составляют единую систему, направленную на воспитание прекрасного в сознании читателя. Безусловно, А.Н. Букейханов не выделяет в отдельные группы лексико-фразеологические средства языка, размеры и формы казахского стиха, речевую семантику в узком смысле слова: иносказания, тропы, переносные значения слов. Это будет сделано позже, в фундаментальных трудах казахских ученых-филологов. Однако несомненной заслугой Алихана Букейханова является то, что он дал научное направление для развития теории казахского стиховедения.

В рассматриваемой статье А.Н. Букейханов апеллирует к трудам Гете, Артура Шопенгауэра и Мартина Лютера. Это свидетельствует не только о разносторонности и высокой образованности А.Н. Букейханова, но и о его стремлении к интеграции науки. Сегодня невозможно заниматься литературой изолированно. Современная наука ввела понятия философии литературы, герменевтики художественного смысла. А.Н. Букейханов же интегрировал философию и поэзию 100 лет назад, на заре XX в.

Особо отмечая роль музыки в поэтическом тексте, А.Н. Букейханов подводит нас к мысли о синкретизме казахской поэзии. Интересно, что сам термин синкретизм автор статьи не упоминает. Слитность поэтического слова с музыкой на раннем этапе формирования казахской поэзии, особая роль музыки под аккомпанемент домбры, кобыза и сыбызгы отмечается А.Н. Букейхановым достаточно убедительно. Важно то, А.Н. Букейханов выделяет поэзию в односоставное искусство. Приводя слова Абая о роли и значении поэзии, А.Н. Букейханов подводит нас к выводу, что музыка выступает в роли вспомогательного искусства, тогда как словесное искусство, обретя облик литературы и обращения к письменности (поэзия Абая), отошло от синкретизма исполнения и содержания, превратившись в односоставный вид искусства.

Таким образом, в статьях «Роман деген не?» и «Ән, өлең һәм оның құралы» А.Н. Букейханов раскрыл воспитательную, эстетическую функции литературы. Он выделил жанровое своеобразие романа, раскрыл достоинства его повествовательной формы. А.Н. Букейханов первым обратил внимание на синкретизм казахской устной поэзии. Он сумел выделить жанровую классификацию казахской поэзии, языковые средства. Исследователь показал, что казахская

письменная поэзия является односоставным видом искусства и берет начало с творчества Абая. А.Н. Букейханов заложил основы для развития теории казахской прозы и казахского стиховедения. Это дает нам право считать Алихана Букейханова основоположником теории литературы.

Источники и литература:

1. Әлихан Бөкейхан. Роман деген не? // Әлихан Бөкейхан. Таңдамалы. Алматы: Қазақ энциклопедиясы. Бас редакциясы, 1995. 480 б.
2. Хализев В.Е. Теория литературы. Учебник. М.: Высшая школа, 2000. 398 с.
3. Әлихан Бөкейхан. Ән, өлең һәм оның құралы// Әлихан Бөкейхан. Таңдамалы. Алматы: Қазақ энциклопедиясы. Бас редакциясы, 1995. 480 б.

УДК 30.304.2+394

А.А. Ильина
Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омск, Россия
А.Х. Жунусова
Омская региональная общественная организация
«Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір»
Омск, Россия

ОМСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СИБИРСКИЙ ЦЕНТР КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ «МӨЛДІР»: ГРАНИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена деятельности Омской региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір», которая ведет свою работу в Омском Прииртышье уже 27 лет. Приводятся сведения из истории данного национально-культурного объединения, основных мероприятиях, в которых центр принимает участие, о выдающихся достижениях «Мөлдір» и планах на дальнейшую работу. Особое внимание уделяется научной деятельности Сибирского центра казахской культуры «Мөлдір», а также совместным научным мероприятиям Сибирского центра казахской культуры «Мөлдір» и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, являющихся давними научными партнерами.

Ключевые слова: Омская область, казахи, «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір», национальная культура, научные мероприятия.

A.A. Ilina
Omsk Division of Institute Archaeology and Ethnography SB RAS,
Omsk, Russia
A.H. Zhunusova
Omsk regional public organization
«Siberian center of the Kazakh culture «Møldir»,
Omsk, Russia

**OMSK REGIONAL PUBLIC ORGANIZATION «SIBERIAN CENTER
OF THE KAZAKH CULTURE «MØLDIR»:
FACES OF ACTIVITY, ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS**

The article is devoted to the activity of the Omsk regional public organization "Siberian center of the Kazakh culture «Møldir», which operates in the Omsk Irtysh region for 27 years. Provides information on the history of national-cultural unions of this, the activities in which the centre participates, about the outstanding achievements «Møldir» and plans for future work. Special attention is paid to the scientific activities of the Siberian center of the Kazakh culture «Møldir», as well as joint research activities of the Siberian center of the Kazakh culture «Møldir» and Omsk branch of the Institute of archaeology and Ethnography SB RAS, which is a long-standing academic partners.

Keywords: Omsk region, Kazakh, "Siberian center of the Kazakh culture «Møldir», national culture, scientific events.

Омская область по своему этническому составу – один из ярких и самобытных субъектов Российской Федерации. На ее территории проживают представители более 120 этносов. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., казахи являются вторым по численности после русских этносом Омского Прииртышья. Их численность составляет 78 303 чел., или 3,96% от всего населения региона. При этом большая часть казахов, 36 980 чел., проживает в областном центре. [13] Казахи активно участвуют в сохранении культуры, традиций, обычаев и языка своего этноса. Во всех районах компактного расселения казахов в Омской области действуют национально-культурные объединения, а также отдельные творческие коллективы. Как известно, цель деятельности национально-культурных объединений заключается в удовлетворении потребностей в общении с представителями своей национальности, сохранении и популяризации этнической культуры, восстановлении ее утраченных элементов, а также сохранении родного языка и этнической самобытности [10, с. 7]. Основными задачами национально-культурных объединений являются воспроизводство этнической культуры, а также изучение родного языка как существенного фактора приобщения к национальной культуре [9, с. 3]. В самом областном центре также действует несколько национально-культурных объединений казахов, старейшим из которых является Омская региональная общественная организация «Сибирский центр казахской культуры «Møldir» («Прозрачный»).

Сибирский центр казахской культуры «Møldir» во главе с его председателем А.Х. Жунусовой является одним из первых национально-культурных объединений в Омском Прииртышье. Центр был создан в феврале 1989 г. Изначально его целью стало возрождение и развитие национальной казахской культуры. В круг задач входило удовлетворение культурных запросов

казахского населения Омской области, пропаганда казахских обычаев, ведение просветительской работы по популяризации культуры, истории и этнографии казахов области, развитие творческого потенциала людей разных поколений [8, с. 102]. В наши дни главными направлениями деятельности Омской региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір» является изучение, развитие национальной казахской культуры, сохранение самобытности и уникальности своего народа, его языка, обычаев и обрядов. На пути достижения этой цели центр занимается просветительской работой: организует выставки, занятия по изучению казахского языка, обучению игре на домбре, хореографии, сценическому искусству, проводит конкурсные и игровые программы, концерты самодеятельных и профессиональных творческих коллективов. Он принимает активное участие в организации и проведении различных мероприятий городского и областного масштаба. Налажены тесные контакты Сибирского центра казахской культуры «Мөлдір» с общественными организациями и национально-культурными объединениями Омского региона, России, Республики Казахстан и дальнего зарубежья. «Мөлдір» инициирует создание казахских центров в Омской области и оказывает им методическую помощь. Отличительной особенностью центра является его состав, объединяющий три поколения – аскакалов, молодежь и детей [12].

В феврале 1989 г. при центре казахской культуры «Мөлдір» был образован фольклорно-этнографический ансамбль с одноименным названием. В 1998 г. ему было присвоено звание «Народный самодеятельный художественный коллектив». Ансамбль одним из первых в России начал свою работу с казахским населением по возрождению забытого наследия предков. На протяжении всего периода деятельности участниками коллектива ведется работа по сбору фольклорного и этнографического материала, реконструкции обрядов и традиций казахского народа с целью изучения и развития национальной казахской культуры, сохранения самобытности и уникальности своего народа. Солисты и участники коллектива принимали участие в международных, республиканских, региональных и областных фестивалях, конкурсах. За работу по сохранению и возрождению многонациональной российской культуры ансамбль много раз отмечен благодарственными письмами Правительства Омской области, Управления культуры и искусства Администрации Омской области, Министерства культуры Омской области, Администрации г. Омска. Коллектив стал инициатором проведения конкурса детского творчества «Анши банапан – Поющий птенец», а также областного фестиваля казахского народного творчества «Урпак-уни – Голос поколений» [11; 12].

Руководителем народного фольклорно-этнографического ансамбля «Мөлдір» является заслуженный деятель культуры Республики Казахстан А.Х. Жунусова. В 2009 г. за сохранение самобытности казахского языка и культуры и большой вклад в гармонизацию межнациональных отношений в России она была награждена почетной грамотой Министерства регионального развития Российской Федерации. За заслуги в деле возрождения казахской культуры А.Х. Жунусова отмечена Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, награждена медалью и почетной грамотой [11].

При Сибирском центре казахской культуры «Мөлдір» работают и другие самодеятельные коллективы, среди которых выделяется ансамбль казахского танца «Айгерим», с 2015 г. носящий звание образцового. Хореографический

коллектив казахского танца «Айгерим» является постоянным участником областных фестивалей, конкурсов, праздников, проводимых в рамках Областного фестиваля национальных культур «Единение» в Омском регионе, в том числе: Регионального фестиваля казахского народного творчества «Урпак уни – Голос поколений», Форума «Россия – это мы!», Межнационального фестиваля «Детства яркая палитра», Областного фестиваля национальных культур «Единение», Регионального конкурса детского казахского творчества «Анши балапан – Поющий птенец» и др.

Отметим, что культурная, общественная, спортивная, международная деятельность Сибирского центра казахской культуры «Мөлдір», осуществленная центром за первые 25 лет его работы (1989-2014 гг.), уже нашла отражение в ряде публикаций [5; 6; 7; 8]). Многие мероприятия стали для «Мөлдір» традиционными и ежегодными. Среди них можно назвать организацию и проведение народного праздника Наурыз в Омске и Омской области, участие в Форуме «Россия – это мы!», посвященном Дню народного единства (4 ноября), участие в региональном конкурсе детского творчества «Анши балапан – Поющий птенец», участие в ряде областных фестивалей, в общенародных государственных праздниках и др.

Среди последних интересных инициатив «Мөлдір» отметим следующую: благодаря усилиям Сибирского центра казахской культуры «Мөлдір» в Омске стал традиционным праздник культуры и спорта «Той Думан» («Веселый праздник»), который, как правило, приурочен к знаковым датам в истории казахского народа и направлен на пропаганду культуры и популяризацию казахских национальных видов спорта, традиций и обычаев.

Первый праздник «Той Думан» состоялся 26 июня 2011 г. и был посвящен 140-летию со дня рождения Кажимукана Мунайтпасова – знаменитого казахского борца, который неоднократно побеждал в чемпионатах мира по классической борьбе среди профессионалов и стал первым казахом, завоевавшим титул чемпиона мира по французской борьбе. В 2012 г. праздник культуры и спорта был приурочен к 20-летию создания Всемирной ассоциации казахов, в 2013 г. – к 300-летию юбилею выдающегося казахского государственного деятеля, политика, полководца Аблай-хана, в 2014 г. – к 320-летию Байбулат батыра, 300-летию Ер Жанибека батыра, Баян батыра. Пятый, юбилейный «Той Думан» прошел 14 июня 2015 г. Он был посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и 550-летию Казахского ханства. Шестой казахский праздник культуры и спорта «Той Думан» был посвящен 300-летию г. Омска, 150-летию со дня рождения А.Н. Букейханова, 150-летию со дня рождения Зукабатыра Сабитулы, 25-летию Независимости Республики Казахстан.

«Той Думан» - масштабное и зрелищное мероприятие – становится все более популярным среди омичей. Организация и проведение праздника культуры и спорта «Той Думан» предоставляет уникальные возможности для формирования у участников ценностного отношения и уважения к истории своей семьи, воспитания любви к своим предкам, малой Родине, родному краю, а также для пропаганды национальной культуры, спорта, родного языка, традиций и обычаев казахского народа. В рамках праздника традиционно проводятся спортивный турнир по казахской национальной борьбе «Казак курес», по интеллектуальной казахской игре «Тогыз кумалак», конкурс «Нарисуй свое родовое дерево «Шежире», большой праздничный концерт казахских творческих коллективов

Омской области, демонстрация казахского национального жилища – юрты, казахской национальной кухни, выставка казахской национальной литературы и предметов быта.

В рамках данной статьи хотелось бы особо отметить работу «Мөлдiр» по популяризации казахского языка, а также участие центра в научных мероприятиях в 2014-2016 гг. Среди мероприятий Сибирского центра казахской культуры «Мөлдiр», целью которых являлась популяризация и пропаганда казахского языка среди казахского населения региона, можно выделить участие «Мөлдiр» в IX Международной олимпиаде по казахскому языку (2014 г., г. Актау, Республика Казахстан), в межрегиональном фестивале «Чтение без границ», посвященном 100-летию со дня рождения выдающегося казахского поэта и прозаика И. Есенберлина (2015 г., г. Омск), организацию вечера-портрета «Признанный миром Абай», посвященного творчеству великого поэта, писателя, общественного деятеля, основоположника современной казахской письменной литературы Абая Кунанбаева (2015 г., г. Омск), а также мероприятия, посвященные Международному Дню родного языка «Мен казакша сойлеймын» (2016 г., г. Омск).

Отметим также научные мероприятия, в которых принимал участие Сибирский центр казахской культуры «Мөлдiр»:

– Республиканская научно-практическая конференция «Защитник народа – батыр Баян» (июль 2014 г., г. Павлодар, Республика Казахстан).

– Международная научная конференции «Мир и ядерная энергетика – XXI век» (август 2016 г., г. Семей, Республика Казахстан).

– Научно-практическая конференция «Национально-освободительное движение и Жанкожа батыр» (октябрь 2014 г., г. Кызылорда, Республика Казахстан).

– Международная научно-практическая конференция «Омская область – территория дружбы народов и межнационального мира» (ноябрь 2014 г., г. Омск).

– Международная научно-практическая конференция «От Казахского ханства – к суверенному Казахстану» (сентябрь 2015 г., г. Атырау, Республика Казахстан).

– Международная научно-практическая конференция «Абай в мировой цивилизации: литературное наследие и вопросы абаеведения» (ноябрь 2015 г., г. Семей, Республика Казахстан).

– Международная научная конференция «Творческое наследие Ч. Валиханова в евразийском культурном пространстве» (ноябрь 2015 г., г. Омск).

– Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы военной истории Казахстана» (ноябрь 2015 г., г. Астана, Республика Казахстан).

– Международная научно-практическая конференция «Образовательные стратегии и инициативы в этнокультурном развитии регионов Большого Алтая» (апрель 2016 г., г. Барнаул).

– Международная научная конференция «Ислам в Сибири: вызовы времени» (май 2016 г., г. Омск).

– Международная научно-практическая конференция «Пробелы в исследовании трагедии 1916 года. Определение тем для дальнейших исследований» (июль 2016 г., Кыргызстан).

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирский центр казахской культуры «Мәлдір» тесно сотрудничают в научной сфере на протяжении долгих лет. Благодаря данному сотрудничеству происходит интеграция научной и культурно-общественной деятельности, взаимопроникновение социально-культурных проблем в научную среду и наоборот. Омское научное сообщество на протяжении последних десятилетий активно занимается изучением истории и культуры казахского этноса, заметно расширяя территориальные границы экспедиционной деятельности, обследуя ареалы компактного проживания казахов в сибирских регионах России и приграничных областях Казахстана. Остановимся подробнее на совместных научных мероприятиях Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Сибирского центра казахской культуры «Мәлдір».

27 февраля 2007 г. в Омске впервые состоялась Международная научно-практическая конференция «Казахи Омского Прииртышья: история и современность», посвященная 18-летию Сибирского центра казахской культуры «Мәлдір». Организаторами этой конференции выступили Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, Всемирная ассоциация казахов, Сибирский центр казахской культуры «Мәлдір». В работе конференции приняли участие сотрудники научных и образовательных учреждений России и Казахстана: Института востоковедения министерства образования и науки Республики Казахстан, Кокшетауского государственного университета им. Ч.Ч. Валиханова, Кокшетауского университета, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, отдела национальных школ Института повышения квалификации учителей, а также – Всемирная ассоциация казахов, Сибирский центр казахской культуры «Мәлдір», отдел по национальной политике Министерства культуры Омской области, межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» (Дом Дружбы)» [3, с. 117]. В работе конференции нашли отражение следующие научные направления: «История формирования и развитие казахов Омского Прииртышья», «Роль казахов в социально-экономической и политической жизни региона», «Культура казахов Омской области», «Казахи Омского Прииртышья и Республика Казахстан: вопросы культурно-образовательного и экономического взаимодействия».

В 2013 г. Министерство культуры Омской области предоставило Сибирскому центру казахской культуры «Мәлдір» субсидию для реализации проекта «Проведение этнографического исследования среди населения аулов Омской области по современным процессам в общественной и культурной жизни казахов Омской области, сохранению народных традиций ручного ковроткачества, сбор образцов используемых орнаментов при изготовлении ковровых изделий». В рамках проекта были осуществлены поездки по аулам Омской области с целью сбора этнографических материалов. По итогам проведенных экспедиций был издан красочный буклет «Орнамент души казахского народа», посвященный орнаменту, тканым изделиям из кошмы, подготовленный к изданию кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН Ш.К. Ахметовой. В буклете нашла отражение лишь малая часть уникального богатого материального и духовного наследия казахского населения Омской области [4].

В 2014 г. в Музее народов Сибири Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН действовала выставка «Культура как космос. Юрта – космос кочевника». Основная идея проекта заключалась в том, чтобы показать традиционную культуру как способ организации мира человеком. Главным экспонатом выставки выступала казахская юрта с полным убранством. Экспозиция строилась на раскрытии семантического и обрядового значения традиционных предметов казахской культуры. Выставка носила интерактивный характер: посетители имели возможность войти в юрту, оказаться в традиционном жилище кочевника, почувствовать его атмосферу. Они могли узнать о конструкции юрты, о том, что ее каркас имеет трехчастную структуру, как и мир в рамках традиционного мировоззрения, а возведение юрты напоминает соединение трех пространств по вертикали: кереге (решетчатый остов), уык (жерди, подпирающие верхний купол), шанырак (верхний круг), в центре же оказывается бакан – столб – символ мирового дерева. Согласно древним воззрениям кочевников, юрта – это не только малый Космос, но и «большой» человек. Посетители выставки также имели возможность сесть на тор – место для почетных гостей (расположенный в противоположной от входа части юрты) на традиционные казахские ковры (кигыз, алаша, текеметы) перед низким столиком и выпить чай.

14–15 мая 2014 г. по инициативе Сибирского центра казахской культуры «Мәлдiр» Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН совместно с Всемирной ассоциацией казахов и Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского провели в Омске Международную научно-практическую конференцию «Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы», посвященную 25-летию Сибирского центра казахской культуры «Мәлдiр». В работе конференции приняли участие историки, археологи, этнографы, политологи, философы, филологи, музыковеды из Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана), Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Алма-Ата), Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алма-Ата), Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алма-Ата), Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Астана), Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Национального центра гигиены труда и профзаболеваний Министерства здравоохранения Республики Казахстан (Караганда), Павлодарского государственного педагогического института, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, Омского государственного педагогического университета, Омского областного музея изобразительных искусств им. М.А. Врубеля. Были также представлены: Всемирная ассоциация казахов (Алматы), Северо-Казахстанское отделение Всемирной ассоциации казахов (Петропавловск), Казахская региональная национально-культурная автономия г. Москвы, государственное бюджетное учреждение г. Москвы «Московский дом национальностей», Московский фонд «Казахская диаспора», Новосибирская региональная общественная организация «Центр казахской культуры «Отан», региональная национально-культурная автономия казахов Тюменской области, Тюменская областная казахская общественная организация «Достык», Казахский общественный культурный центр (Ишим), общественная организация «Казахское национально-культурное общество «Атамекен» (Сургут), Челябинская общественная областная

организация «Казахский общественный центр «Азамат», городская местная национально-культурная автономия казахов г. Томска, Международное общественное объединение «Конгресс тюркских народов» (Стамбул), общественное объединение турков Болгарии «Бултурк» (София), общественное объединение «Манас Коому» (Бишкек), Центр аналитической информации (Павлодар), Республиканская газета «Ана тілі» (Алматы). С докладами приехали 15 ученых и 19 руководителей и деятелей казахских и тюркских общественных организаций Казахстана, Киргизии, России, Турции и Болгарии [2].

На конференции были рассмотрены следующие актуальные вопросы: история и культура казахов России и сопредельных стран; казахи России в эпоху глобализации: тенденции и перспективы развития; проблемы национального образования и сохранения языка у казахов за пределами исторической Родины; современные этнические процессы; казахская традиционная культура; отражение религиозных верований и представлений в культуре казахов; культура казахов в археологических, этнографических и культурологических исследованиях; историко-культурное наследие казахов в собраниях музеев; казахские национально-культурные и общественные организации: история создания, функционирования и взаимодействия с государственными, научными, культурными учреждениями, общественными и политическими объединениями, актуальные проблемы репатриации казахов.

В 2016 г., в год 150-летнего юбилея со дня рождения выдающегося общественно-политического деятеля казахского народа А.Н. Букейханова, признанного 38-сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО «выдающимся деятелем подлинно мирового значения», представители Сибирского центра казахской культуры «Мәлдір» приняли участие в уникальном научном проекте – издании сборника исследований, публицистических статей, интервью и материалов круглых столов, посвященных жизни, многогранной общественно-политической, государственной, научной, публицистической и журналистской деятельности А.Н. Букейханова и его богатейшему наследию. Сборник «Әлихан Бөкейхан. Alikhan Bukeikhan. Алихан Букейхан» был издан Научно-исследовательским институтом «Алаш» Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева при финансовой поддержке Международного общественного фонда «Ер Жаныбек». Он включает материалы, опубликованные в периодической печати, литературных, научных журналах и интернет-порталах в период с конца 1990-х по 2016 гг. включительно [1].

Итак, Сибирский центр казахской культуры «Мәлдір» прошел путь длиной в 27 лет. Как отмечают активисты центра, в последние годы наблюдается рост количества людей, участвующих в общественной работе. Возрастает ответственность казахов Сибири за современное состояние дел в общероссийском казахском общественном движении. Возникает необходимость совершенствования координации деятельности общественных объединений, организаций, учреждений российских казахов на территории Сибири. Возрастает потребность перевода на качественно новый уровень диалога между общественностью и государственными, муниципальными органами власти регионов Сибири и Российской Федерации. Решение этих насущных проблем, а также дальнейшее этнокультурное развитие казахов Омского Прииртышья и Сибири, попытка системного анализа современного состояния казахской этнической группы в Сибири и прогноза ее дальнейшего развития, формирование атмосферы взаимоуважения в

Омском Прииртышье, упрочение добрососедских отношений с народами Республики Казахстан непременно найдут отражение в дальнейшей работе Сибирского центра казахской культуры «Мөлдір».

Источники и литература:

1. Аккулы С. Алихан Букейхан. Исследования, статьи, интервью. Алматы: Международный фонд «Ер Жанибека», 2016. 528 с.

2. Ахметова Ш.К., Томилов Н.А. Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы // Вестник Омского университета. 2014. №4. С. 214-218.

3. Ахметова Ш.К. Казахи Омского Прииртышья: история и современность // Культурологические исследования в Сибири. Омск: Издат. Дом «Наука», 2008. №4 (26). С. 217-219.

4. Ахметова Ш.К. Орнамент души казахского народа. Омск: Издательство «ЮНЗ», 2013. 40 с.: илл.

5. Жунусова А.Х. Вклад омских казахов в этнокультурное развитие Омского региона // Казахи Омского Прииртышья: история и современность. Омск: «Издатель–Полиграфист», 2007. С. 63-68.

6. Жунусова А.Х. Дорога длиной в четверть века: деятельность Омской региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір» // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию Омской РОО СЦКК «Мөлдір» (Омск, 14–15 мая 2014 г.). Омск: Амфора, 2014. С. 154-158.

7. Жунусова А.Х. Перспективы развития культурно-просветительской деятельности среди казахского населения Омской области // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сборник научных трудов. Омск: Издатель–Полиграфист, 2011. С. 254-255.

8. Жунусова А.Х. Чистый источник полон родниковой свежести // Культура. Немцы Сибири: информационно-методический бюллетень. Омск, 2010. №2 (19). Ноябрь. С. 102-107.

9. Ильина А.А. Национально-культурные объединения татар Западной Сибири: история создания и результаты деятельности (1988-2008). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 32 с.

10. Ильина А.А. Национально-культурные объединения татар Западной Сибири: история создания и результаты деятельности (1988-2008). Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2010. 363 с.

11. Народный фольклорно-этнографический ансамбль «Мөлдір» [Электронный ресурс] // Бюджетное учреждение культуры Омской области «Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» (Дом Дружбы)». URL: <http://www.dd.omsk.ru/www/dom-druzhbi.nsf/015f210e781b068d46256b80003ab141/3d9249a23be35f9f46257bac00192448?OpenDocument> (дата обращения: 10.09.2016).

12. Омская региональная общественная организация «Сибирский центр казахской культуры «Мөлдір» (Прозрачный) [Электронный ресурс] // Бюджетное учреждение культуры Омской области «Межрегиональное национальное культурно-спортивное объединение «Сибирь» (Дом Дружбы)». URL:

<http://www.dd.omsk.ru/www/domdruzhibi.nsf/015f210e781b068d46256b80003ab141/c81dacf5d9cb73b3c625792700379f5c?OpenDocument> (дата обращения: 10.09.2016).

13. Численность населения наиболее многочисленных национальностей Омской области (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: http://omsk.gks.ru/image/Region/VPN/Publik/2012/2012-08-14_po.htm (12.10.2012).

УДК 930.26/930.85

А.М. Илюшин
Кузбасский государственный технический
университет имени Т.Ф. Горбачева,
Кемерово, Россия

КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ ДЕШТ-И КЫПЧАК (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА ТОРОПОВО-7)

Публикуется обобщенная информация о результатах исследования объектов развитого средневековья на комплексе археологических памятников Торопово-7 в долине р. Касмы на территории Кузнецкой котловины. Описываются найденные артефакты и отмечаются их специфические культурные особенности. Характеризуются конструктивные особенности жилищ и семейных культовых площадок, осуществляется их сравнительный анализ с аналогичными объектами на сопредельных и удаленных территориях, которые отождествляются с культурой кочевников Дешт-и Кыпчак.

Ключевые слова: культура, Дешт-и Кыпчак, развитое средневековье, жилище, культовая площадка.

А.М. Ilyushin
Gorbachev Kuzbass State Technical University,
Kemerovo, Russia

CULTURE OF NOMADS OF DESHT-I OF KYPCHAK (ON MATERIALS OF EXCAVATION ON TOROPOVO-7)

The summarized information on results of research of objects of the developed Middle Ages on a complex of archaeological monuments of Toropovo-7 is published in the valley of river of Kasma in the territory of Kuznetsk Depression. The found artifacts are described and specific cultural features are noted them. Design features of dwellings and family cult platforms are characterized, their comparative analysis with similar objects in adjacent and remote territories which are identified with culture of nomads Desht-i Kypchak is carried out.

Keywords: culture, Desht-i Kypchak, the developed Middle Ages, the dwelling, a cult platform.

В истории и культуре казахов Евразии особое место занимает историко-культурный феномен Дешт-и Кыпчак, положивший начало формированию многих тюркоязычных этносов на степных, горностепных и лесостепных просторах Евразийского континента. Суть кыпчакского историко-культурного феномена заключается в том, что на огромной территории без образования государства сложилась этнокультурная общность, объединяемая общим названием, языком и культурой. Для изучения этого исторического явления большое значение имеют археологические материалы, которые позволяют исследовать как общие закономерности, так и специфические особенности, характерные для конкретных регионов и этносов того времени. Одним из специфических регионов Дешт-и Кыпчак выступает территория Кузнецкой котловины, где в это время формируется и функционирует шандинская археологическая культура тюркоязычных кочевников XI–XIV вв. н.э. [4, с. 120–126]. В этой связи новые материалы археологических раскопок на памятниках культуры кочевников развитого средневековья из этого региона не только пополняют копилку вещественных источников по истории и культуре Дешт-и Кыпчак, но и позволяют выявить схожие черты в традиционной культуре современных тюркоязычных этносов Евразии, в том числе и казахов. Цель настоящей работы – познакомить научную общественность с суммарными результатами археологических исследований материалов раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) на комплексе археологических памятников Торопово-7 в Кузнецкой котловине, датируемых развитым средневековьем и отождествляемых с культурой тюркоязычных кочевников Восточного Дешт-и Кыпчак.

Комплекс археологических памятников Торопово-7 находится в долине среднего течения р. Касьмы, которая изобилует степными и лесостепными травами и располагается в предгорьях Салаирского кряжа на северной периферии Саяно-Алтая. ККАЭЭ начала исследования на этом памятнике в 2008 г. [17, с. 165–166]. В результате раскопок с 2009 г. по настоящее время [9, с. 149–155; 12, с. 142–145 и др.] выявлены и обследованы такие виды археологических объектов шандинской археологической культуры развитого средневековья как жилища и семейные культовые площадки. По мере накопления этих материалов результаты их исследования частично были опубликованы [6, с. 137–142; 7, с. 64–69; 8, с. 100–105; 10, с. 61–65; 14, с. 55–65; 15, с. 245–250 и др.]. Это позволяет суммировать результаты исследований и, предварительно, дать обобщенную характеристику локальной культуры кочевников Дешт-и Кыпчак, фиксируемую по материалам раскопок на Торопово-7.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что Торопово-7 находится на удалении 0,5–7 км от однокультурных памятников. В их числе можно назвать поселения Торопово-4, Торопово-8, курганный могильник Торопово-1 и курганные группы Мусохраново-1 и Мусохраново-3, которые относятся к шандинской археологической культуре, датируются в разных интервалах XI–XIV вв. н.э., а по материалам погребальных комплексов – XII–XIII вв. н.э. [3; 11, с. 175–184; 12, с. 145; 13, с. 84–86; 16, с. 79–106 и др.]. Последняя датировка очень вероятна и для всего комплекса раскопанных объектов развитого средневековья на Торопово-7. Близкое расположение синхронных и однокультурных памятников в долине среднего течения р. Касьмы свидетельствует, что в это время здесь была высокая плотность населения, состоящего из

этнических групп, входящих в одну этнокультурную общность. Жилищные западины располагаются, как правило, цепочками с запада на восток на первой надпойменной террасе. Рядом с ними компактными скоплениями располагаются семейные культовые площадки. Можно констатировать разделение памятника на зоны повседневной жизнедеятельности и культовой практики и, в тоже время, предполагать их культурное единство.

Все раскопанные на Торопово-7 жилища однотипны по своим конструктивным особенностям. Это полуземлянки, которые состояли из котлована подчетырёхугольной формы, углубленного в материк до уровня промерзания почвы и наземной конструкции. В качестве последней мог быть четырёхугольный сруб или каркасное сооружение (чум или юрта). Котлованы жилищ, как правило, были ориентированы углами по сторонам света с небольшим смещением. Пол котлованов был горизонтально ровным, несмотря на наклон дневной поверхности. В отдельных котлованах были грунтовые хозяйственные ямы и уступы. Отапливались помещения открытыми очагами овальной или подчетырёхугольной формы, которые устанавливались в центре жилого пространства и ориентировались длинной осью к входу. Площадь жилищных котлованов варьировалась от 11 до 40 м². В таких жилищах семья могла проживать круглогодично, а также использовать их сезонно. Аналогичные по конструкции жилища были характерны для культуры тюркоязычных кочевников не только в Кузнецкой котловине [21, с. 51-58], но и на сопредельных территориях Верхнего Приобья в период развитого средневековья, входивших в Дешт-и Кыпчак [1, с. 13-16; 19, с. 117 и др.].

Среди находок в жилищах преобладают кости животных (в большинстве это кости лошади). Из предметов встречаются кремни для высекания искры, каменные скребки, точильные бруски, каменные зернотерки и песты, костяные пуговицы, проколки, крюки для развязывания узлов, игральные кости (альчики животных) и заготовки для резьбы, а также керамическая посуда (рис. 1, 1-8). Среди артефактов в жилищах выделяются целые черепа лошадей, которые, вероятно, выполняли функции их оберегов, и каменные зернотерки, свидетельствующие о наличии у местных жителей древней традиции тюркоязычных кочевников готовить талкан из зерна или ячменя для употребления в пищу. Известно, что и у средневековых кыпчаков Казахстана существовала традиция лучших коней приносить в жертву, а череп и копыта коня использовать в качестве оберега. Данная традиция своими корнями уходит в культуру саков [2, с. 244; 18, с. 31].

Культовые семейные площадки представляют собой невысокие, до 0,5-0,7 м, земляные четырёхугольные насыпи в форме уплощенной трапеции, которые окопаны рвами четырёхугольной формы. Насыпи и рвы ориентировались углами по сторонам света. Рвы имели разрывы (вход в сакральное пространство) в юго-восточной части конструкции. Не исключено, что форма земляной насыпи культовой площадки повторяет форму наземной конструкции четырёхугольного жилища с наклонными стенками и плоской крышей, которое использовало местное население. При раскопках этих объектов в насыпях и рвах были найдены единично и скоплениями многочисленные кости животных (овца, лошадь, бык), каменные скребла, игральные кости (альчики животных) и керамическая посуда (рис. 1, 9-14). В насыпях были зафиксированы единичные древесные угли и следы кострищ, а под ними грунтовые ямы, пустые и с присутствием костей животных.

Эти сооружения связаны с культом предков и по своему назначению близки святилищам, которые сооружали в южнорусских степях половцы [20, с. 199-209]. На Торопово-7 скопление этих объектов образует единую культовую площадку рядом с жилищами в восточной части памятника, где люди могли совершать различные обрядовые действия. Аналогичные объекты поодиночке и скоплениями на территории Кузнецкой котловины на данный момент известны только в долине среднего течения р. Касьмы, что, вероятно, связано с культурными традициями этнической группы, проживавшей в этом месте. Не исключено, что эти объекты в результате социокультурных интеграционных процессов стали прообразом культовых площадок Раздольный-1 и Подгорное-1 в Кузнецкой котловине, которые датированы рубежом развитого и позднего средневековья и интерпретированы как места отправления культов и ритуальных действий крупных этнических общностей (племен или крупных родов) [5, с. 137–142].

В целом культура населения, оставившего нам в наследие объекты развитого средневековья на комплексе археологических памятников Торопово-7, соответствует культурным традициям этнокультурной общности Дешт-и Кыпчак в Верхнем Приобье и Кузнецкой котловине, в частности. Сложный и многообразный ландшафт Кузнецкого Присалаирья представлял собой маргинальную зону, куда в результате миграций перемещались этнические группы кочевников Дешт-и Кыпчак, интегрировались с аборигенами и ранее мигрировавшими в этот регион кочевниками, частично оседали, меняли систему жизнеобеспечения и трансформировали культурные традиции. Ярким подтверждением этих культурных процессов являются материалы раскопок на Торопово-7, где наряду с ярко выраженными элементами кочевой культуры (преобладание коневодства, семейные культовые площадки, черепа лошадей как обереги) фиксируются следы оседания (стационарные жилища, скопления культовых семейных площадок, керамическая посуда).

Источники и литература:

1. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск – Омск, 2000. 256 с.
2. Ахинжанов С.С. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Ғылым, 1999. 296 с.
3. Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в период развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.
4. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.
5. Илюшин А.М. Культовые памятники средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. №6.2. С. 135-144.
6. Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: матер. докл. и сообщ. XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. Барнаул: АЗБУКА, 2013. С. 137-142.

7. Илюшин А.М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9: матер. IX междунар. науч.-практ. конф. Павлодар: ПГПИ, 2014. С. 64-9.

8. Илюшин А.М., Борисов В.А. Средневековое жилище на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул: Изд-во АГУ, 2014. С. 100-105.

9. Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1. С. 149-160.

10. Илюшин А.М., Борисов В.А., Онищенко С.С. Исследования средневековых жилищ на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 10: матер. X междунар. науч.-практ. конф. г. Барнаул, 2223 апреля 2015 г. Барнаул: АлтГПУ, 2015. С. 6165.

11. Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2010. №4. С. 175-184.

12. Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142-152.

13. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. 212 с.

14. Илюшин А.М., Онищенко С.С. О результатах исследования жилища кочевников развитого средневековья Кузнецкой котловины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №1. С. 55–65.

15. Илюшин А.М., Онищенко С.С. Результаты исследования жилища кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. №5. С. 245–250.

16. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. С. 79-106.

17. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. № 3. С. 165–179.

18. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Алма-Ата: Онер, 1986. 256 с.

19. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск: Изд-во ТГУ. 134 с.

20. Швецов М.Л. Половецкие святилища // Советская археология. 1979. №1. С. 199-209.

21. Ширин Ю.В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово-Городок: Кузбассвузиздат, 2002. С. 41–77.

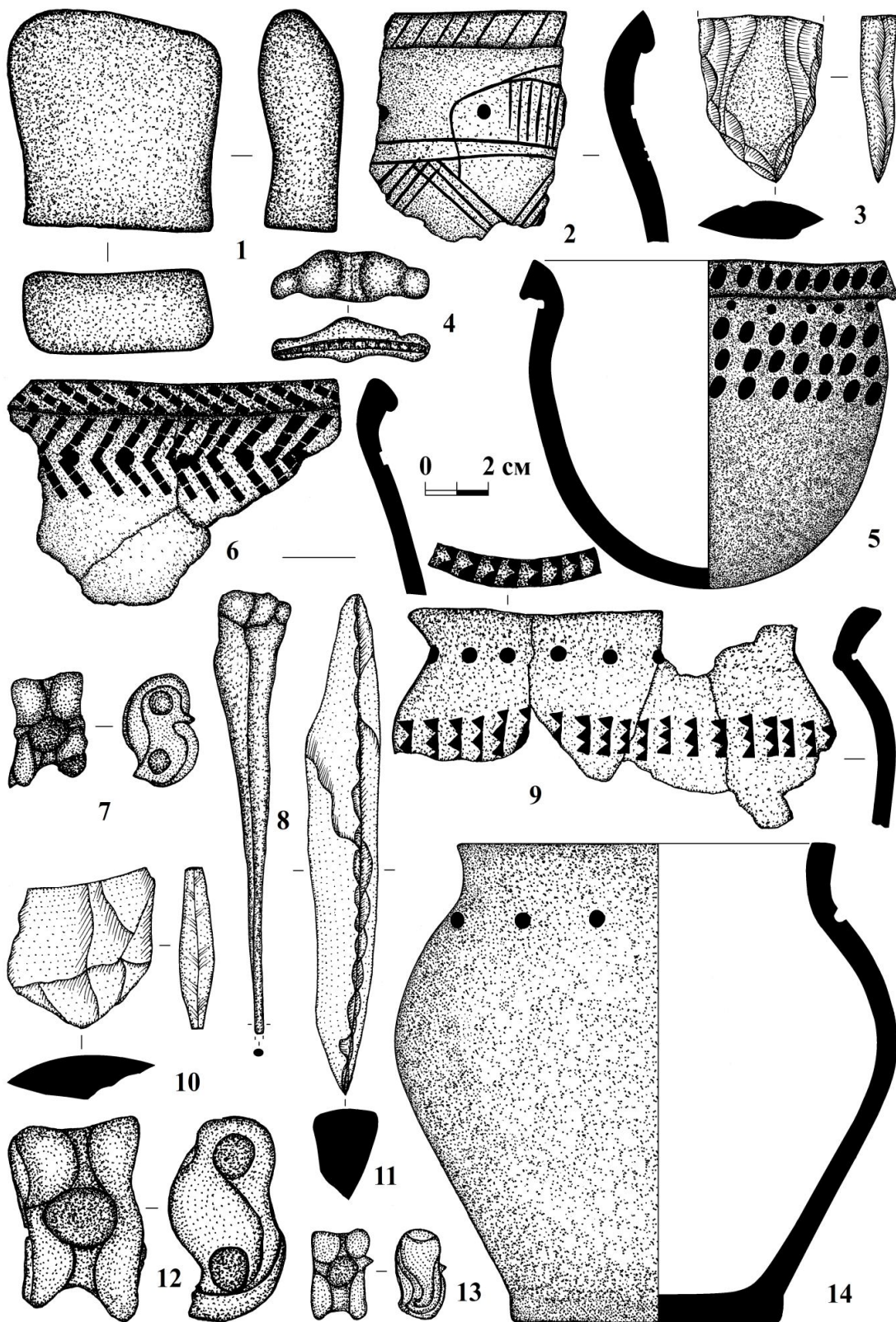

Рис. 1. Комплекс археологических памятников Торопово-7. Находки развитого средневековья из жилищ (1-8) и культовых семейных площадок (9-14).

УДК 94(=512.122)(571.15)

Б.К. Калшабаева, А.К. Бейсегулова
*Казахский Национальный университет им. аль-Фараби,
Алматы, Казахстан*

Е.К. Рахимов
*Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан*

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАЗАХОВ В ГОРНЫЙ АЛТАЙ

В статье авторы рассматривают причины и пути миграции казахов на территорию Чуйской степи Горного Алтая. Первоначально переселение казахов на данную территорию происходило в результате этнополитических изменений в регионе, вызванных внешней политикой азиатских держав – Российской империи и Цинского Китая. Авторы, в ходе изучения различных источников – архивных, литературных, научных, устных преданий - определили родо-племенной состав, особенности заселения исследуемого региона. При подготовке публикации использованы историко-этнографические материалы, собранные в ходе экспедиции в Республику Алтай в 2013 г.

Ключевые слова: казахи России, Республика Алтай, казахская диаспора, этническая история, Кош-Агач, Горный Алтай.

B.K. Kalshabayeva, A.K. Beysegulova
*Al-FarabiKazakhNationalUniversity,
Almaty, Kazakhstan*
Ye.K. Rakhimov
*Toraygyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, Kazakhstan*

FROM THE HISTORY OF MIGRATION KAZAKHS IN THE ALTAI MOUNTAINS

In this article the author examines the causes and ways of migration of Kazakhs to the territory of Chui steppe of the Altai Mountains. Initially resettlement of Kazakhs in a given territory occurred as a result of ethno-political changes in the region, caused by the foreign policy of the Asian powers - the Russian Empire and the Qing China. The authors, in the study of a variety of sources: archival, literary, scientific, oral traditions have defined the tribal structure, especially the settlement of the region studied. The publication used historical and ethnographic materials collected during expeditions in the Altai Republic in 2013.

Keywords: Kazakhs are Russia, the Republic of Altai, Kazakh Diaspora, ethnic history, Kosh-Agach, Altai Mountains.

Исследуемый нами Кош-Агачский район Республики Алтай входит в состав Российской Федерации и находится в трансграничной зоне с КНР, Монголией и Казахстаном. Из российских федеральных субъектов он граничит с Усть-Коксинским, Онгудайским и Улаганским районами Алтайского края, на востоке - с Республикой Тыва. Территория района - это 20 тысяч гектаров или 19862 кв. км, что равно 21,3 % от общей площади Республики Алтай. Казахи составляют 60% от населения района [7].

Исследователь алтайских казахов И.В. Октябрьская пишет: «Казахов в Кош-Агачском районе 10200 человек, что составляет 53,37% от численности населения района, в столице Республики Алтай живут 1250 казахов. Доля казахов в общей численности населения республики – 2,23%» [11, с. 92]. В целом по численности казахи находятся на третьем месте среди этносов Республики Алтай, после русских и алтайцев. 80% казахов Кош-Агачского района проживают в пяти селениях: Кош-агач, Тебелер, Жана-Ауыл, Джазатор, Теленгит-Сортогой; 15% казахов района проживают в с. Турата Усть-Канского района, остальные 5% - в других районах республики [11, с. 93].

В рукописи А. Жатканбаева об истории района мы нашли следующие сведения: «Казахи переселились в Кош-Агачский район двумя путями: первый путь из Казахстана в Чуйскую долину, второй путь из Монголии пролегал через Кызылкезен, Халхуту. Обстоятельства, вынудившие казахов покинуть родные края и переселиться в Горный Алтай кроются в сложившейся неблагоприятной политической, экономической и социальной ситуации в регионе» [7].

Российская колониальная экспансия в данном регионе Центральной Азии пришла в столкновение с интересами Цинской империи. Однако внутренние проблемы не позволяли Китаю освоить земли Алтая. В этих условиях казахи племен керей и найман Среднего жуза в период 1757-1830 гг. массово переселились на Южный Алтай.

Номинально Горный Алтай входил в зону влияния Цинов, поэтому переселенцы формально считались поданными Цинской империи. Фактически поданство представлено было только на бумаге. Цинские власти благоприятно отнеслись в переселению казахов, придерживаясь на начальном этапе политики «длинного аркана и свободных пут». После 1830-х гг., с усилением иностранного вмешательства, началом «опиумных войн», с ростом внутренних неурядиц Цины стали искать возможность быстрее урегулирования государственных границ, высказали стремление решить пограничные споры с Российской империей даже путем раздела населяющих эти регионы народов.

Разрешение пограничных споров и регулирование государственных границ произошло после заключения в 1864 г. Чугучакского договора, а также подписания в 1881 г. системы Пекино-Петербургских соглашений. Данные документы определили границы между двумя империями, однако раздел народов невозможно было решить в кратчайшие сроки, поэтому казахам, постоянно перекочевывавшим по разные стороны границ было определено время для принятия окончательного решения о подданстве и месте постоянного проживания [5].

Геополитические игры великих империй вынуждали казахов региона к постоянному перемещению. Так, казахи племени керей, кочевашие на юге Горного Алтая в 1865 г. переселились в соседнюю Монголию. По информации полученной от А.Жатканбаева: «Также в Южный Алтай переселились казахи Восточного Казахстана из района Катонкарагая и Маркаколя. Последние проникли сюда через перевалы Чингистай, Аршаты и плато Укок»[7].

Исследователь Е. Шмурло пишет в своем труде: «Во 2-ой половине XIX в. из районов Верхнего Прииртышья, Монголии и Китая началось массовое переселение казахов на территорию Южного Алтая (т.е. на территорию Кош-Агачского района Республики Алтай). Переселившиеся казахи по соглашению с местными телеутами стали брать пастбища в аренду. Так, проникновение казахов в Чуйскую степь растянулось на несколько десятилетий» [16, с. 20].

Однако, российская колониальная администрация не приветствовала появление многочисленной группы мусульман-казахов в Горном Алтае и стала создавать им всяческие препятствия. Так, например, в 1880 г. в крае был основан миссионерский отдел, который активно начал строительство церквей. Некоторая часть казахов перешла в христианство, об этом имеются сведения в исторических документах. Например, в 1872 г. в Кош-Агаче из крещенных 114 человек 32 были казахами, из 29 христианских браков 8 были заключены казахами, из похороненных на православном кладбище 24 покойных 12 были казахами [12, с. 80]. В начале XX в. на территории современных Улаганского и Кош-Агачского районов не было ни одной мечети, в то же время здесь имелось 6 православных церквей [17, с. 101].

Как мы уже показали выше, наравне с казахами другие этносы региона так же испытывали трудности в связи с двойным налогообложением, земельными притязаниями двух империи. Начало массового переселения казахов в Чуйскую степь Горного Алтая относится к 80-м гг. XIX в.. Открытость границ создавала условия для свободного перемещения населения. Часто, казахи уходили на китайскую сторону спасаясь от российского гнета, но через некоторое время возвращались на места прежнего обитания. Эти казахи-двоеданцы стали известны как Кош-Агачские или Чуйские казахи.

Еще одной из причин переселения казахов был поиск удобных для ведения скотоводческого хозяйства пастбищ. Так, казахи, притесняемые колониальной администрацией, теряли свои жилища, пастбища, вследствие чего резко ухудшилось их социально-экономическое положение. Все это заставляло казахов искать свободные земли с богатыми пастбищами, а для этого постоянно находиться в движении. На свободных «кабинетных землях» смогли поселиться лишь казахи рода каратай племени найман. Они расселились в селениях Халхутты, Укок, Джазатор, Зерлыколь, Аюлы, Чаганбургысын, Дархатты, Каратал, Карашаткал [7].

Переселение казахов на территорию Горного Алтая продолжилось в начале XX в.. Этому способствовало, например, стремление ойратов Джалама к вытеснению иноэтничных групп из округа Кобда Монголии, где они планировали создать независимое государство. Ойраты стали отнимать у казахов скот и имущество. Угнетенные казахи бежали к российской границе. Местные русские, не заинтересованные в усилении казахов, всячески препятствовали переходу казахов в российское подданство и желали выселения казахов обратно в Монголию. Казахи, не устроившиеся в Горном Алтае, переселялись в Восточный Казахстан и Томскую губернию, а также на земли Алтайского Горного округа.

Число казахских хозяйств, обосновавшихся в Чуйской долине и принявших российское подданство, в 1900 г. составило 110, а в 1907 г. – 150. По данным Онгудайского лесничества в 1912 г. в селениях Чуя, Джазатор, Халхутта и Ак-Алахи имелось 446 хозяйств казахов, из них 199 чингистайских казахов и 247 казахов из рода найман-саргалдак. Казахи, освоившие теперь Чуйскую степь, стали требовать создания собственных волостей [16, с. 115]. В 1912-1913 гг. на северном берегу р. Чуя была создана казахская волость численностью 672 мужских душ, из них 462 - из рода найман-саргалдак, остальные 210 - казахи из Катон-Карагая [7].

Так, в конце XIX – начале XX вв. в Чуйской степи были созданы две казахские волости. Первая Чуйская волость занимала территорию вдоль

рр. Дархатты и Чаганбургысын до Джазатора; вторая Чуйская волость тянулась вдоль реки Чуя до Дуздатха. Эти волости располагались на землях ранее принадлежавшим телеутам. Казахи-переселенцы подкупом местных телеутских зайсанов, а также выкупом за 50-100 рублей стали владеть этими пастбищами и зимовками [7]. Волостным управителем Первой Чуйской волости был зайсан по имени Сама, вторую Чуйскую волость возглавил телеутский зайсан Очуржап.

Согласно устным преданиям первым казахом, поселившимся в Чуйской степи был казах по имени Кыранбай. Он с двумя женами и большим семейством пришел к зайсану Саме и устроился пастухом сарлыков. Именно Кыранбай указал на земли зайсана Сама переселившимся в поисках лучшей жизни в Горный Алтай сыновьям Бекбау Балыку и Назару из рода Кулжабай [5].

Согласно записям А.Н. Самойловича [14], а также рассказам аксакалов Мината и Дуйсенура, в 1880 г. казахи рода Кулжабай под предводительством Абдолды Калдекеулы переселились в Чуйскую степь через перевалы Джумалы, Чаганбургысын и Дархатты. Тем не менее, достоверные источники указывают, что именно потомки Бекбау – Балык и Назар первыми из казахов освоили Чуйскую степь [10].

Современные казахи Кош-Агача, в основном, являются потомками Тохтамыса Муналыулы из рода Даулет и Атшабара Кукайулы из рода Самай. Также присутствуют казахи из рода Жетыген. Переселение казахов в Горный Алтай проходила двумя путями: первый – из Восточного Казахстана; второй – из Китая через территорию Монголии. Последние были потомками Бекбау и Абдоллы Калдекеулы из рода Саргалдак [8]. Таким образом, казахи-переселенцы были представителями родов саргалдак и самай племени найман. Кроме того, на Южном Алтае обосновались казахи из рода абак племени кереев и казахи рода шога племени уаков [4, с. 168].

В 1898 г. исследователь Е.Шмурло прошел экспедицией от Улалы до Кош-Агача, проведя рекогносцировку местности. Он писал: «Укок и Халхутта – свободные кабинетные земли. Теперь на этих землях начали выпасать свой скот казахи Шынгыстайской волости Усть-Каменогорского уезда. На плато Укок располагаются осенние пастбища 11 семей казахов из рода даулет, в Битеу Канасе – 20 семей рода саргалдак, в Халхутте – 18 семей казахов рода даулет. Все эти 49 семей зимуют в долине реки Ак-Алаха. Другая группа казахов расположила свои летовки в Зерлыколе, Джазаторе, Жумалы. Зимовки же их находятся в долине рек Чуя и Дархатты, т.е. далее к востоку от границ Семипалатинской области» [16, с. 21-22].

С помощью генетических методов исследователи из университета Пенсильвании восстановили картину заселения казахами Горного Алтая. Путем проведения анализа генов местных казахов, а также сравнения их с материалами из Монголии, ученые установили генетическую близость, родство казахов двух регионов Центральной Азии. Результаты их исследований были опубликованы на страницах журнала PLoSOne.

Комплексный анализ генетических, археологических, лингвистических и климатологических данных позволил исследователям создать карту расселения групп казахского населения региона во времени и географическом пространстве. Так авторы пишут: что «в ходе XIX и XX вв. казахи мигрировали из Синьцзяна (Китай), и в конце концов распространилась на север вокруг Алтайских гор в Западной Монголии и на юге России. Источники предполагают, что эти казахи

пришли из Среднего жуза, хотя несколько миграционных потоков исходили с востока (с территории Монголии – *авт.*)» [17, с. 1-12].

Существует несколько версии о том, когда и кто первым поселился в районе Кош-Агача, но в целом все источники сходятся на мнении, что переселение началось в 1865-1870 гг. Переселенческое движение казахов на земли Горного Алтая продолжалось вплоть до 1930-х гг. Так, Ауельхан Жатканбаев в своей рукописи отмечал: «в 1927 г. в Кош-Агач прибыли казахи Минат Шамов и Дуйсенур, которые заявили, что их предки переселились из Китая 54 года назад. В их числе были казахи из родов каратай, самай и каракерей племени найман. Этот исход соответствует 1873 году. Данное переселение на территорию Горного Алтая началось в 1883 г. Устройство казахов аула Кулжабай в Чуйской долине относится, судя по устным сведениям, к 1892 году» [7]. Данные сведения подтверждают наше представление о том, что казахи переселились в Горный Алтай не только из Казахстана и Монголии, но также с территории Китая.

А.Н. Самойлович в своем труде пишет: «По сведениям, полученным от информаторов Дуйсенура и Мината в 1905-1914 гг. волостной управитель телеутов Акы Байдаханулы был назначен представителем казахского населения района» [14, с. 305].

Также мы находим в архивных источниках следующую информацию: «В 1908 г. по прошению казахов губернатор округа разрешил казахам кочевать на левобережье реки Чуя, а телеутам на правобережье. В 1912 г. государственные землемеры определили казахам места для кочевания и проживания» [15, л.л. 44-52]. Здесь, необходимо отметить, что размежевание земель проходило в сложных условиях, часто возникало недовольство населения, поэтому в архивах отложилось много заявлений, прошений, жалоб по земельной проблеме.

В качестве примера можно представить рапорт родового старосты Второй Чуйской волости начальнику 3-го Бийского хозучастка, датированное 1900 г.: «Свободный зайсан Абдолда Саргалдаков и казахи Семипалатинского и Усть-Каменогорского уездов, а также Чуйской волости живут на землях Второй Чуйской волости вот уже 15 лет. Три-четыре года назад (1887 г. – *авт.*) они написали коллективное письмо г-ну Манарше, с просьбой освободить их от поданства. Данное прошение подписали 262 чел. Здешние места благоприятны для скотоводства, привольны и просторны, поэтому казахи не хотели возвращаться обратно. Местные казахи занимаются исключительно скотоводством, иногда промышляя извозом на лошадях и верблюдах. Мы несколько раз просили начальство выдворить кочевников на места их прежнего проживания, но все наши просьбы остались без ответа» [15, л.л. 44-52].

Пионер Мухтасыров приводит следующие интересные сведения: «Боясь потерять кочевья и зимовки казахи рода Кулжабай в 1887 г. официально обратились к царскому правительству с просьбой принять в российское поданство. Зайсан кульжабайцев составил список казахов, изъявивших желание принять российское поданство. В ауле свободного казахского зайсана Абдолды Калдекеулы Саргалдакова все население подписалось фамилией Саргалдаков. В список составленный в 1893 г. вошли 77 семьи, в которых 105 мужчин и 124 женщины. В последние годы к ним присоединились еще 3 семьи» [10].

«Казахи рода Кулжабай не пахут землю, зиму проводят в юртах, деревянных домов не строят, круглогодично содержат скот на выпасе, поэтому сенокосением не занимаются. Все их родовое богатство представлено 2500 голов

лошадей, 15000 голов овец. Скототорговцы Бийска и Усть-Каменогорска ежегодно закупают у них до 2000 голов овец, однако лошадей не приобретают. Менная торговля не велика. Барана оценивают в 2 рубля, а лошадь в 20 рублей» - пишет Е.Шмурло [16, с. 141].

Свободное кочевание казахов не вызывало оптимизма у местного русского и алтайского населения, которые постоянно направляли в высшие инстанции жалобы на казахов. Так, например в письме Томского губернского управления начальнику Алтайского Горного округа 27 января 1908 г. отмечается, что «из рапорта родового старосты Второй Чуйской волости Бийского уезда следует, что местные телеуты выражают несогласие с размещением казахов рода Саргалдак на их родовых землях, так как казахи захватили самые лучшие земли в Чуйской долине, а телеутов вытеснили в леса. Казахи вольно кочуют на землях телеутов Чуйской волости. Также казахи выплачивают ежегодно 500 рублей управлению Второй Чуйской волости за право землепользования. Родовые старосты Первой Чуйской волости собираются поднять вопрос о выселении казахов с земель телеутов» [15, л.л. 44-52].

Также из указанного документа мы узнаем, что «Кошагачские казахи появились в Чуйской долине в 1880 г., но поданство получили лишь в 1902 г. и до 1908 г. не имели прав владения на земли проживания и хозяйственного пользования. Просьба казахов о наделении их землей была решена только в 30 июня 1908 г., когда по указу губернатора казахам было передано левобережье реки Чуя, а телеутам правобережье. В 1912 г. землемерная комиссия выделила земельные участки для 672 казахов, то есть общее число казахов в Чуйской долине составило 672 челов.»[15, л.л. 44-52].

Необходимо отметить, что до 1928 г. земли Джазатор находились в составе Казахской АССР, но затем все земли восточнее плато Укок были переданы Республике Алтай. Тем не менее, административно с. Джазатор относилось к Казахстану. Первая школа в селе была построена в 1928 г. правительством КазАССР [6].

По информации Ауельхана Жатканбаева, в 1928 г. при размежевании земель, в состав Казахской республики была передана российская земля Усть-Кокса, которую традиционно русские называли Фыкалка, а казахи - Бекалка. Взамен Казахстан передал в состав Ойратской автономной области земли Джазатор-Укока. Как сообщает информатор, большую работу по преобразованию Второй Чуйской волости в Казахскую волость провел Шакирткажы Абдолдаулы, который начиная с 1911 г. постоянно писал представителям царской администрации о необходимости создания самостоятельной казахской волости. В те времена между казахами и телеутами часто возникали споры за земли, места кочевков, а также вследствие барымты. Ш. Абдолдаулы с ранних лет участвовал в судебных тяжбах, отличался справедливостью и твердостью в своих позициях. Шакирткажы Абдолдаулы в 1924 г. написал от имени казахов Кош-Агача письмо правительству Казахской республики о желании переселиться на историческую родину. Так, в письме было сказано: «90 казахских семей выехало в сторону Казахстана. Просим решить вопрос о наделении их землей».

Правительство приняло письмо-прошение Кош-Агачских казахов и выделило на плато Укок земли, куда переселилось 90 семей. Однако, в 1928 г. часть плато Укок была передана Республике Алтай, так что казахи опять остались вне исторической родины. Обескураженные казахи решив, что «Теперь точно не

переселимся в Шынгыстай», решаются вернуться в Чуйскую степь. С тех пор, до 1991 г. казахи Республики Алтай населяют район Кош-Агача [7].

В целом, можно согласиться с А.В. Коноваловым, что «проживание в течение ста лет в условиях относительной изолированности от основного этнического массива, специфические природно-географические условия, иноэтническое окружение оказали влияние на формирование особенностей хозяйства, культуры и быта кош-агачских казахов, определили ряд этнических черт, отличающих эту группу от северо-восточных казахов (населения территории исхода кош-агачской группы)» [4, с. 6]. Таким образом, мы делаем вывод, что казахи Кош-Агача сформировались на протяжении столетий в уникальную этнографическую группу казахов Центральной Азии, с самобытной этнической историей, культурой и бытом.

Источники и литература:

1. Вайнштейн С.И. Этнографические исследования в Горном Алтае и Туве // Полевые исследования Института этнографии 1978 г. М.: Наука, 1980. С. 90-100.

2. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1926. Т. 3. 895 с.

3. Зиновьев В.П. Казахи Чуйской долины (конец XIX - начало XX в.) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул, 1997. С. 27-31.

4. Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая (Проблемы формирования этнической группы). Алма-Ата: Наука, 1986. 168 с.

5. Материалы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби в Кошагачский район Республики Алтай, 2013 г. Информатор К.Асанулы (житель с. Жана-Аул, 92 года, казах из племени керей).

6. Материалы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби в Кошагачский район Республики Алтай, 2013 г. Рукопись покойного профессора Р.Берсинбаева, уроженца с. Джазатор.

7. Материалы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби в Кошагачский район Республики Алтай, 2013 г. Информатор А.Ж. Жатканбаев (глава Кош-Агачского р-на).

8. Материалы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби в Кошагачский район Республики Алтай, 2013 г. Информатор К.Имантайулы (житель с. Жана-Аул, 87 лет, казах из племени керей).

9. Материалы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби в Кошагачский р-н Республики Алтай, 2013 г. Материалы статотдела Кош-Агачского р-на (копии).

10. Материалы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби в Кошагачский район Республики Алтай, 2013 г. Информатор П.Мухтасыров (житель п. Кош-Агач, 82 г.а, казах из племени найман).

11. Октябрьская И.В. Казахи Алтая: история и современность // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 92-102.

12. Октябрьская И.В. Крещеные казахи Алтая. Конфессиональный фактор в этнической истории XIX-XX вв. // Народы Евразии: этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. С. 78-92.

13. Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника: Пер. с нем. М.: Восточная литература, 1989. 749 с.

14. Самойлович А.Н. Казаки Кошагачского аймака Ойратской автономной области // Казаки. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Серия Казахская. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Вып. 15. С. 303-328.

14. Томское губернское управление. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 8. лл. 44-52.

15. Шмурло Е. Описание пути между Алтайской станцией и Кош-Агачем в Южном Алтае // Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Омск, 1898. Кн. XXIII. С. 18-156.

16. Matthew C. Dulik, Ludmila P. Osipova, Theodore G. Schurr. Y-Chromosome Variation in Altaian Kazakhs Reveals a Common Paternal Gene Pool for Kazakhs and the Influence of Mongolian Expansions// PLoS ONE. 2011. N 6(3). Pp. 1-12.

УДК 94 (574) 39.392.4

Т.Е. Картаева

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО БЕТАШАРА: РИТУАЛЫ И ТРАДИЦИИ

Беташар – главная часть церемонии бракосочетания сына во время свадьбы. Беташар распространена почти во всех регионах проживания казахов. Для проведения данного обряда специально подбирается красноречивый молодой человек с хорошей репутацией. Главным элементом в ритуале беташар является песня, которая сопровождает весь обряд снятия покрывала с лица невесты. Это исключительно торжественное и очень красочное представление. После беташара все собираются на чаепитие, где чай разливают невестка.

Ключевые слова: казахская свадьба, атрибуты беташара, традиция, песня беташара, невеста.

Т.Е. Kartaeva

*Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan*

«BETASHAR» LOCAL FEATURES: RITUALS AND TRADITIONS

Betashar is the main part of the wedding ceremony of a son during the wedding party. Betashar is the tradition of all regions of the Kazakh land passed from one generation to the next. A silver – tongued, cheerful guy who is good at betashar, held in great respect by people with a good reputation performs this ceremony. Betashar – a song accompanying the Kazakh national ceremony of removing a shawl from the face of the bride. Betashar, it is an extremely solemn and very colorful presentation. After betashar all gather to taste a cup of tea, where tea is served by a new daughter-in-law.

Keywords: wedding party of the Kazakh, attributes of Betashar, the tradition, a song accompanying the Betashar, bride.

Беташар – открывание лица невесты, главная часть церемонии бракосочетания во время свадьбы. *Беташар* – традиция всех регионов казахской земли, передающаяся из поколения в поколение. Для проведения данного обряда специально подбирается красноречивый, веселый, хорошо разбирающийся в беташаре, пользующийся в народе уважением певец – *беташаршы*. В Кармакшинском регионе Кызылординской обл. (нижнее течение р. Сырдарья), где хорошо развита школа *жырау* (сказителей) и традиция горлового пения, широко практикуется приглашение на беташар известных в народе *жырау, жырышы*.

Время проведения беташара. В традиционном казахском обществе, приблизившись к своему аулу жених опережал свадебный поезд, чтобы предупредить о приезде молодой невестки – *келін (келіншек)*. За 3-4 версты навстречу выходили девушки аула для чествования молодой невесты. С их помощью она сходила с лошади и далее девушки вели ее пешком. Невестка дарила встречающим девушкам кольца, ожерелья. Ее приводили, не показывая свекрам, и с помощью женщин она совершает обряд «*отқа май құю*» – подлив курдючного масла в огонь в честь предков [1, с.4-5; 2, 194; 3, с.77]. В целях скорейшего привыкания невестки к новой обстановке, ее вместе с аульными девушками, и если есть - с младшими сестрами мужа (*қайын сіңілі*), сажали за ширмой – *шымылдық* (полог, сшитый из ткани яркого цвета). В южных регионах за *шымылдық* сажали на три дня. Обряд «*беташар*» проводился на третий день, днем. После беташара свекр устраивал скачку - «*көкпар*» [3, с.77-78]. А в центральном и северном регионах обряд «*беташар*» совершали сразу перед юртой свекра [2, с.195]. Чтобы сохранить молодую от сглаза на *шымылдық* прикрепляли перья филина - «*үкі*». Обряды сажания невесты за *шымылдық* и устраивание свекром в честь беташара «*көкпар*» до сих пор сохранились в некоторых традиционных аулах нижнего течения р. Сырдарья (Жалагаш, Теренозек, Шиели, Жанакурган).

Атрибуты беташара. В казахском народе невестку на обряд беташар приводят с накрытым большим платком белого цвета - «*жаулыком*» лицом. В старину свекровь старалась для церемонии беташара сохранить большой шелковый платок «*ләтте*». Имеются региональные особенности беташара, они отличаются способами сопровождения невесты на данный обряд и прикрывания ее головы жаулыком.

В восточной и юго-восточной части Казахстана во время беташара под ноги невестки стелят шкуру белого барана или белой козы. Это связано с пожеланием, чтобы у нее был покладистый нрав и много детей [8, с.29-30].

В Аральском, Казалинском и Кармакшинском р-нах, расположенных вдоль нижнего течения р. Сырдарья, голову невестки накрывают белым шелковым платком, к которому прикрепляют красную материю длиной около 2 м. Второй конец материи прикрепляют к рукоятке плети, которую держит в руке помощник совершающего обряд, *жырау* (рис. 1). В устьях Теренозек, Караозек р. Сырдарья к жаулыку, накрывающему голову невесты, прикрепляют белую материю длиной 1,5-2 м, затем все это связывают камышом, прутом или свежей веткой. А к востоку от Кызылорды, в Шиели и Жанакоргане белую материю связывают со скалкой для теста. В данном случае белая материя означает пожелание светлого пути, а красная материя предохранение от сглаза. Плеть, камыш, прут - пожелание невестке должны быть такими же нежными, как и молодая поросль камыша. А скалка связана с поверьем быть хозяйственной, верной своему новому очагу. Присутствие свежей ветки от плодового дерева связано с магией плодородия (полевые материалы автора – ПМА).

Рис. 1. Обряд беташар. Аральск, Кызылординская область

Камчу, камыш, скалку, прут держит молодой холостой парень или друг жениха. Прикрепленные к жаулыку беташара камчу, камыш, скалку, прут условно называют «таяқ», что в переводе означает «древко». После окончания обряда камчу, прут передают парню их державшему, со словами «и тебе желаем достичь того же». Скалку вручают невесте с пожеланием «отныне эта вещь твоего дома, ты являешься хозяйкой кухни». Если в беташаре присутствует невестка, пришедшая в этот дом до нее, жаулык, покрывавший ее, сохраняют чтобы покрыть голову последующей невестки. Во время беташара невесту с двух сторон поддерживают две молодые невестки этого рода, с хорошей репутацией и обязательно уже ставшие матерями. Эта миссия возлагается на невесток из родственных семей. Таким образом выражается уважение к родственникам. Им свекровь невестки дарит платок или ткань платья. А материалы, соединяющиеся с платком невесты, дарят родственникам, ожидающим в будущем приезд невестки (ПМА).

На севере страны невесту не поддерживают с обеих сторон другие невестки, а держат за два конца жаулыка. Во время каждого приветствия остальные невестки приподнимают четыре конца жаулыка в знак солидарности, невеста же в этот момент склоняет голову под жаулыком и получившие поклон родственники публично оглашают подарки, которые дают певцу, совершившему обряд беташар [1, с.3].

Обращает внимание исчезающий древний обычай, когда второй конец ткани (который прикреплен на «жаулык» невесты) прикрепляют на ружье [6].

а

б

Рис. 2. Шелковые платки «лэтте».

Во время беташара невесту не поддерживают вдовы и не рожавшие женщины. По поверью казахов это приводит к несчастью.

Смысловое значение беташара. Беташар знакомит невестку с обычаями, которые она должна запомнить. Он учит строить доверительные отношения со свекром и свекровью, быть уважаемой в народе, милосердной с родственниками, чтить порог и шанырак дома, не осквернять их, быть почтительной, обходительной и прозорливой, создавать сплоченную и хлебосольную семью, не погашать очаг предков и не прерывать преемственность поколений.

Древнюю версию беташара во время своей Сырдарьинской экспедиции записал и опубликовал А. Диваев:

«Айт, келін, айт, келін!
Аттың басын тарт келін!
Сауысқаннан сақ келін!
Жұмыртқадан ақ келін!
Алдыңғы түйең итіншек,
Итіншек деп, келіншек,
Басқа ұрма келіншек!
Артқы түйең тартыншақ,
Тартыншақ деп, келіншек
Көпке ұрма, келіншек!
Айран аппақ келіншек,
Кейінгі келген, келіншек,
Еріншек болма, келіншек!
Кей келіншек көңілшек,
Көңілшек болма келіншек!
Көк етігім тозар деп,
Көтере баспа келіншек!
Сәуір етігім тозар деп,
Санай баспа, келіншек!
Қаптың аузы бос тұр деп,
Құрт ұрлама, келіншек!
Өзің жатып, байыңды
Тұр-тұрлама, келіншек!
Аузы-басың сүйрендеп,
Өсек айтпа келіншек!
Дудардай қылып басыңды,
Төсекте жатпа, келіншек!...»

«Скажи невестка, скажи невестка!
Сдержи голову своего коня невестка!
Чуткая как сорока невестка!
Белая как яйцо невестка!
Передний верблюд у тебя толкается.
Толкающегося невестка,
не бей в голову!
Задний верблюд у тебя дергается.
Дергающегося невестка,
Не бей в зад!
Белая как кефир невестка!
Молодая невестка!
Не будь ленивой невестка!
Некоторые невестки чувствительны,
Не будь чувствительной невестка!
Думая что у тебя есть кожаные сапоги,
Не ходи, поднимая ноги высоко, невестка!
Думая, что ты изнашиваешь сапог
Не ходи очень медленно невестка!
Думая что открыт мешок,
Не воруй курт невестка!
Когда ты будешь лежать со своим мужем,
Лежа сама, не разбуди его невестка!
Много не болтай, не будь легкомысленна невестка!
Не сплетничай невестка!
Не поднимая голову с постели,
Не спи много невестка!»

Таким образом, он поэтическими наставлениями знакомит невесту с семьей [4, с. 12-13]. Похожий текст этого беташара опубликовал Н.И. Гродеков [3, приложение, с. 13-15]. Начальные четыре ряда этого старинного текста беташара, записанные и опубликованные А. Диваевым и Н.И. Гродековым, до сих пор без всяких изменений используются в Сырдарьинско-Аральском регионе по среднему течению. Сырдарьи.

Один из древних текстов песни беташар автор под псевдонимом «W» напечатал в «Тургайской газете» в 1905 г. и автор под псевдонимом «П» в «Русском Вестнике» в 1878 г. [6; 9; 5, с. 212-215]. А также среди казахов широко используется такой текст, передающийся из поколения в поколение:

«Бет ашайын бісімілла,
Жаңа түскен жас келін,
Келін үйге еніп тұр,
Қайын жұртына халқына
Иліп сәлем беріп тұр»

«Бисмилла, начинаю я беташар,
Открывая лицо молодой невестки,
Переступая порог этого дома
Родственникам своего мужа
Делает поклон невеста»

Избранный для беташара певец в песенной форме знакомит невесту с каждым из присутствующих старших и младших родственников мужа. Миссия беташаршыне только в том, чтобы познакомить невесту с родственниками мужа, но и представить их лучшие качества перед людьми, присутствующими при проведении обряда. Знакомство начинается со свекра и продолжается свекровью, деверями, золовками и заканчивается посвящением присутствующему на беташаре обществу. После каждого поэтического приветствия друг жениха приподнимает древко и подает сигнал, после которого невеста и, поддерживающие ее невестки, кланяясь, приветствуют собравшихся. После приветствия в свой адрес свекровь и невестки преподносят серебряное кольца, платки. Незамужние девушки на беташар приходят с женами своих старших братьев – *жеңге*.

По словам старейшин в советский период, когда в некоторых аулах парни похищали девушек и происходила спонтанная свадьба, а в ауле не оказывалось жырау или домбриста, если местные парни не умели играть на домбре, то просто декламировали такие стихи:

«Келіншек бетін ашайын,
Ашпай неден сасайын.
Қалың топты қақ жарып,
Аққан судай тасайын»

«Открывая лицо невесты
Я не буду колебаться, не растеряюсь.
Взорву собравшуюся толпу своею песней
Подобно воде на водопаде».

Он сам держал древко и приподнимая ее, сам совершал данный обряд. В нынешнее время, особенно в Семиречье, на востоке, юго-востоке и на севере страны, парни, совершающие обряд беташар, не практикуют приподнимание древком жаулыка и сигнализирование (ПМА).

Как говорят старейшины, обычай, когда во время беташара на растеленный платок ставится поднос и все названные люди бросают туда деньги, берет свое начало с конца 1960-х - начала 1970-х гг. По словам знающих людей, в ранние времена женщины, которые получали поклон от невесты, в качестве благодарности дарили жыршы перстни, кольца, платки, тубетейки (ПМА).

Поклон невесты дому начинается с ее первого перешагивания через порог

дома мужа, это поклон предкам и «шаныраку». А поклон родственникам мужа начинается с обряда беташара. Начиная с беташара невестка, увидев родственника мужа делает поклон, приговаривая «салем бердік», в ответ они говорят «көп жаса» - «живи долго». При этом она обращается к ним не по их именам, а придуманными ею самой, новыми именами. Все это неделимая часть жизни невестки. В 1915 г. А.Н. Самойлович писал со слов Мустафы Чокая: «Хорошая жена, даже в бытность невестою, из стыдливости, не должна называть по имени родню мужа и все поколение его, до того круга родства, в котором браки разрешаются, а должна звать их нарицательными именами» [7, с. 161-162].

Есть различия и в открывании платка для показа лица невесты после окончания беташара. На юге и западе платок открывает старейшая бабушка этой династии и целует ее в лоб. В Семиречье, на востоке, юго-востоке и на севере после исполнения беташара парень, совершающий данный обряд, плетью или грифом домбры осторожно снимает накрытый на невестку платок. Затем он получает *көрімдік* – награду за смотрины от родителей жениха и других его родственников. Свекровь невестки, а если таковой не имеется, другая женщина, имеющая на это право, целует ее в лоб и надевает на ее палец кольцо, свекр и свекровь пространно высказывают свое благословение. После беташара все собираются на чаепитие – «*келін шәй*», где чай разливает невестка. Невестке за первый чай дарят подарки.

Песни беташар преследуют две цели. Одна из них относится к аулчанам джигита ив ней говорится: «Вот она – ваша невестка, смотрите на ее лучезарное лицо, давайте свой коримдик за смотрины, лелейте и берегите ее, теперь она человек вашего аула». Еще одной целью беташара является нравоучение посредством острого юмора, а также знакомство невестки с новым семейством, привыкание невестки к новой обстановке. В целом обряд «*беташар*»- наиболее торжественная и красочная часть казахской свадьбы.

Источники и литература:

1. Алтынсарин Ы. Очерки обычаев при сватовстве и свадеб у киргизов Оренбургского ведомства // Машинописная рукопись. Отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки. Оренбург, 1870. 15 лист.
2. Арғынбаев Х. Қазақ отбасы. Алматы: Қайнар, 1996. 288 б.
3. Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. 1. Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина, 1889. 205 с.
4. Диваев А. Несколько слов о свадебном ритуале киргизов Сыр-Дарьинской области. Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1900. 28 с.
5. Қазақ халқының дәстүрлері мен әдет-ғұрыптары. 2-том. Дүниеге келгеннен озғанға дейін (отбасылық әдет-ғұрыптар ертеректегі авторлардың еңбектері бойынша. Алматы: «Арыс» баспасы. 2006. 416 б.
6. Плотников Ф. Обычаи киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. 1878. Т. 137. №9. С. 22-66.
7. Самойлович А.Н. Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // Живая старина. СПб.: Типография В.Д.Смирнова, 1915. Вып. 1-2. С. 161-168.
8. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX вв.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 214 с.
9. Беташар. Вступление молодой жены в новую семью // Тургайская газета. 1905. №47.

А.С. Керейбаева
Государственный университет им. Шакарима,
Семей, Казахстан

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И МЕЦЕНАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ СТЕПНОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX -
НАЧАЛА XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье освещены результаты исследования истории благотворительной и меценатской деятельности предпринимателей Степного края второй половины XIX – начала XX вв. Благотворительная деятельность предпринимателей является конкретно-историческим социальным явлением данного периода, которую необходимо рассматривать как типичное явление культурной жизни региона, так как она касалась многих ее сторон. Предприниматели Степного края осуществляли ее как в рамках общественных организаций, так и по собственной инициативе. Благотворительная и меценатская деятельность купечества интересна тем, что по ней можно проследить веками выработавшиеся ценностные ориентации и представления данного сословия, несмотря на разницу традиционных норм поведения, мышления, поликонфессиональную и полиэтничную принадлежность участников.

Ключевые слова: благотворительность, меценатство, купцы, Степной край, деятельность.

A.S. Kereibayeva
Shakarim State University,
Semey, Kazakhstan

**THE PHILANTHROPIC ACTIVITY OF STEPNOY KRAY BUSINESSMEN IN
THE CONTEXT OF THE RUSSIAN STATE POLICY: HISTORIOGRAPHIC
ASPECT (SECOND HALF OF THE XIX-th - BEGINNING OF THE XX-th
CENTURY)**

In this article the results of a study of the history of charitable and philanthropic activities of entrepreneurs of the Steppe region in the second half of XIX and early XX century. Charitable entrepreneurs is the concrete historical social phenomenon of this period, which must be considered as a typical phenomenon in the cultural life of the region, as it touched upon many sides. Charitable entrepreneurs of the Steppe was carried out in the framework of public organizations and on their own initiative. Benefactors were elected honorary members of various societies and care, they were awarded different orders. For particularly large donations were given personal and hereditary nobility, which has been a priority for entrepreneurs of the Steppe. Also used economic leverage: the funds given for charitable purposes, were exempt from taxation. Charitable and philanthropic activities of the merchants is interesting in that can be traced back for centuries produced value orientation and presentation of the class despite the difference of traditional norms of behavior, thinking, multi-religious and multi-ethnic identity of the participants.

Keywords: charity, patronage, merchants, Steppes, activity.

Одной из актуальных проблем изучения истории предпринимательства купечества считается благотворительная и меценатская деятельность купечества

Степного края второй половины XIX – начала XX вв., являвшегося важнейшим региональным рынком всероссийской экономики. В отечественной историографии этот вопрос долгое время рассматривалась весьма односторонне, часто негативно. Самой распространенной формой участия предпринимателей в общественной жизни была благотворительность, виды и размеры которой были самыми разными. Новейшие исследования ученых показали, что представители купеческого сословия играли решающую роль как в экономической, так и в культурной жизни Степного края и Сибири, оказывая значительное влияние на благосостояние и общественно-культурный облик городов Азиатской России.

Ведущие специалисты А.В. Старцев и Ю.М. Гончаров в своей монографии «История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.)» рассматривают благотворительность в комплексе взаимосвязанных социальных явлений, где, с одной стороны, при крайней поляризации богатства и бедности благотворительность являлась неким «регулятором» социального равенства, часто неосознанным средством устранения общественного экономического дискомфорта, возникшего в результате несправедливого соотношения труда и присвоения. С другой стороны, авторы отмечают, что источником и побудительным мотивом к занятиям благотворительностью была религиозная мораль, стремление обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Необходимость делиться своим богатством с нуждающимися внедрялась в сознание людей вместе с основными догматами религии. Поэтому к одной из причин благотворительности следует отнести народную религиозную традицию, глубокую религиозность купцов [13, с. 167]. Так, одним из направлений деятельности купцов-предпринимателей Степного края являлось содействие строительству культовых сооружений: мечетей и церквей. Например, в г. Семипалатинске знаменитым для своего времени купцом Федором Плещеевым была построена, правда небольшая, каменная церковь в честь Александра Невского. На освящение новой церкви были приглашены: военный губернатор, вице-губернатор, прочая губернская знать, купечество. Это был триумф Плещеевского торгового дома. Освящение проводил епископ Омский и Семипалатинский – отец Григорий [8, с. 353-354].

В диссертации К.Ж. Абилова «История становления и развития предпринимательства в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.)», приведены примеры благотворительной деятельности купцов, которые оказывали большую поддержку церквям и храмам городов Степного края. В Акмолинске на строительство каменной Александро-Невской церкви купец В.Н. Попов пожертвовал 700 тыс. шт. обожженного кирпича, купец П.С. Марфутин на свои средства заказал железную ограду и полный набор колоколов. Павлодарский 1-й гильдии купец А.И. Деров пожертвовал 10 тыс. руб. на строительство храма во имя святой Троицы при станции Омск Западно-Сибирской железной дороги. В конце 80-х гг. XIX в. Артемий Деров построил над Святым ключом (Семипалатинск) изящную деревянную часовню [1, с. 232; 5]. В 1901 г. купеческий сын Якуп Каримов передал в дар третьей мечети г. Семипалатинска деревянный дом со службами и землей, который был оценен в 475 руб. Купец Н. Забиров построил в г. Акмолинске вторую мечеть [1, с. 232].

Архивные дела также содержат материалы о строительстве купцами в городах Степного края церквей, мечетей и часовен. Так, семипалатинские купцы Плещеев, Арефьев, Ложкин и Москвин в своем прошении господину министру

внутренних дел ходатайствовали о разрешении постройки каменной часовни на площади в г. Семипалатинска, в честь 25-летия царствования императора Александра Николаевича [4, л. 4]. О желании постройки новой татарской мечети в городе Кокчетав татарскими купцами свидетельствуют прошения кокчетавских 2-й гильдии купцов Абдуллы Халикова и Усмана. Дело в том, что в г. Кокчетав существовала мечеть, которая принадлежала местному населению – казахам. Татары в своем прошении отмечают, что в этой мечети нет метрических книг для фиксирования родившихся, умерших и бракосочетавшихся татар. Впоследствии из дела известно, что поступило разрешение о постройке мечети в г. Кокчетав [14, лл. 20-21, лл. 37-42].

Одной из особенностей благотворительности предпринимателей Степного края второй половины XIX в. в силу исторических событий, принятия некоторых нормативных документов, которые способствовали развитию в крае предпринимательства, является создание поликультурного и поликонфессионального ареала, в котором жили и работали представители многих культур и конфессий. Несмотря на колониальную направленность политики края, где местное население не могло проникнуть в руководящие должности городского управления или управления краем, люди выживали и даже помогали друг другу в таких ситуациях.

Являясь глубоко религиозными людьми, купцы, активно финансируя строительство культовых сооружений, вместе с тем с легкостью присваивали мечетям свои имена. Одной из догм мусульманской религии, которая получила распространение в народе, было строительство при жизни человека мечети. Так, одноименной мечети, жемчужине татарского края, построенной в 1910 г. на средства купца Латифа Мусина позднее было присвоено его имя [7].

Долгое время в Павлодаре единственно действующим центром мусульман была мечеть, построенная предпринимателем Бижаном Шоқыбасовым. Чорманов морально и материально поддерживал великого казахского ученого востоковеда, историка, этнографа, географа Ч. Валиханова. Сын Чорманова Садуакас продолжил дело отца. Благодаря инициативам Садуакаса десятки талантливых детей получили возможность получить образование в лучших учебных заведениях России [1, с. 234].

В 1847-1851 гг. на средства Почетного гражданина г. Петропавловска А.Г. Зенкова была отстроена Васильевская церковь, которая находилась на территории рынка [9, с. 8]. В 1888 г. в Усть-Каменогорске на средства купца П.М. Михайлова был построен Покровский собор [11, с. 213-214].

Некоторые купцы были членами религиозно-политических организаций. Интересные факты о жизни и деятельности купцов Степного края можно найти в «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири». Акмолинский купец Мрачковский Алексей Иванович с 1911 г. был членом правления Омского общества хоругвеносцев при Успенском кафедральном соборе. Но был записан в купечество г. Акмолинска [15, с. 68]. Нередко купцы совмещали общественную деятельность с религиозной. Например, в г. Павлодаре церковным старостой Троицкой церкви в конце XIX – начале XX в. был купец 2-й гильдии Н.М. Пятков, которого в 1900-1904 гг. избрали уполномоченным в городское собрание города [6, с. 128].

В январе 1902 г. «ялуторовский инородец», павлодарский купец Ф.К. Рамазанов, ходатайствовал о строительстве новой каменной мечети на свои средства, представил план постройки и обязался содержать духовенство города за

свой счет. 28 декабря 1904 г. было выдано разрешение на строительство мечети, с оговоркой, что будут выполнены все условия статьи 155 Устава Строительства [6, с. 129].

Еще одним из побудительных мотивов благотворительности, как отмечают авторы вышеуказанной монографии «История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.)», было тщеславие купцов. За наиболее крупные пожертвования правительство награждало орденами, жаловало чинами и званиями, крупные жертвователи имели возможность занимать почетные должности в городском самоуправлении. Благотворительная деятельность была для купечества одним из способов поднять свой социальный статус [13, с. 167]. Примером тщеславных поступков может служить желание купцов давать свои имена учреждениям и банкам, в чью пользу было совершено пожертвование. Например, купец М.В. Артамонов пожертвовал 20 тыс. руб. в основной капитал Семипалатинского Городского общественного банка, и, будучи директором этого банка, попросил дать ему свое имя. Просьба его была удовлетворена [1, с. 237].

Авторы монографии «История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.)» отмечают точку зрения В.П. Бойко, где историк, при рассмотрении причин благотворительности, не исключает и нажим на купцов со стороны местной администрации, которая хотела показать перед правительством свою общественно-полезную деятельность и побуждала купцов делать крупные пожертвования, обещая взамен свою поддержку при хлопотах о наградах и званиях. Часто такая инициатива исходила от местных священников и руководителей епархии. Подсчитать сумму частных пожертвований не представляется возможным. Предприниматели делали множество мелких вкладов с благотворительными целями, при этом сведения о многих из них не сохранились. Однако широко известны наиболее крупные пожертвования сибирских купцов [13, с. 168].

О пожертвовании петропавловскими купцами 2-й гильдии Хасимом Муратовым и Семеном Гласковым средств на строительство больницы на 12 кроватей и приходского училища с квартирой учителя в г. Петропавловске известно из донесения 1856 г. канцелярии управления Западной Сибири. Господину Тобольскому Гражданскому Губернатору в 1856 г. доставлены секретные сведения о том, что купцы не состоят и не состояли под судом и следствием, и Гласков не принадлежит к вредным ересям и расколам. В 1857 г. купец С. Гласков отмечается не купцом второй гильдии, а первой. Купец Х. Муратов в 1861 г. числится как купец 1-й гильдии. В докладной записке купца Муратова генерал-губернатору Западной Сибири отмечается, что купец женат и не имеет детей и желает сохранить в памятниках доброго дела свое имя, т.е. больницу назвать Муратовской. В 1861 г. купец Муратов пожертвовал на постройку здания больницы 15 тыс. руб., и генерал-губернатор просил у господина Управляющего Министерством Внутренних дел ходатайствовать о награждении Муратова орденом Святого Станислава 3-й степени. В дальнейшем в деле есть наградной список, где Муратова представляют к награждению орденом [3, л. 1-62].

Особо важным моментом в благотворительности купцов следует считать помощь населению во время бедствий. Купцы-предприниматели, как правило, первыми откликнулись на беды, постигавшие людей во время неурожая или падежа скота. Так, павлодарский 2-й гильдии купец Капитон Коробков в 1894 г. во время

эпидемии брюшного и сыпного тифа в г. Павлодаре помог местному комитету по призрению: выделил хлеб, деньги, уступал свои амбары для склада муки и разной провизии, организовал среди своих знакомых подписку в пользу голодных. За это он был представлен к награждению серебряной медалью на станиславской ленте. Акмолинская городская дума в 1915 г. выразила купцу Н.А. Забирову глубокую благодарность за готовность построить в дар городу каменное здание приюта для детей-сирот воинов войны [1, с. 231]. Приведем еще один пример, когда купцы одними из первых пришли на помощь во время бедствий. 24 мая 1901 г. в г. Павлодаре произошел грандиозный пожар. Сгорело 335 домов, без крова остались 600 человек. Павлодарские купцы оказали благотворительную помощь населению: Деров А.И. раздал трем тысячам человек 500 рублей, Пятков Н.М. – значительное количество муки [6, с. 58].

Другим важным направлением деятельности купцов являлось меценатство. Меценатами могли стать те предприниматели, у которых дела на предпринимательском поприще складывались удачно. Действительно, решив проблемы с развитием заводов и фабрик, создавая различные отрасли производства, купцы активно начали поддерживать развитие образования, науки, просвещения и искусства, оказывая материальную поддержку из личных средств деятелям науки, литературы и искусства.

Одним из направлений меценатской деятельности предпринимателей являлась поддержка учреждений образования и культуры. Акмолинский купец Степан Кубрин ежегодно выделял 200 руб. на нужды городской библиотеки, что превышало ее годовой бюджет в 4 раза [1, с. 231]. Кстати, первая библиотека города, претерпев несколько реорганизаций, в начале XXI в. вошла в состав Президентского центра культуры Республики Казахстан [2, с. 12].

Ю.В. Кочерыжкина в своей статье «История купечества Приишимья» приводит небольшой материал о меценатской деятельности купцов г. Петропавловска. Петропавловские купцы братья Зенковы были покровителями образования и вкладывали большие суммы в строительство учебных заведений города, а также входили в попечительский совет при женской гимназии, где при их непосредственном участии приобретались необходимые школьные принадлежности и учебники. Один из сыновей купца Дмитрия Смолина – Александр Дмитриевич стал меценатом пятиклассного городского училища в Петропавловске, являясь почетным смотрителем этого учебного заведения. В 1898 г. он подарил училищу 60 венских стульев, в разные годы снабжал бедных учащихся теплой одеждой, обувью, устраивал елки. Одного одаренного мальчика полностью принял на свое содержание, оплачивая ему квартиру и стол [9, с. 8]. По г. Петропавловску он числился купцом 2-й гильдии, являлся членом Попечительного Совета женской прогимназии. Смолины оказывали благотворное влияние на культурную жизнь уезда и целого края. Чего только стоит библиотека женской гимназии, формирование которой производилось на средства Дмитрия Ивановича Смолина. Она стала большой местной фундаментальной библиотекой [9, с. 9].

В августе 1850 г. в г. Семипалатинске открылась первая библиотека. В ее открытии участвовали настоящие патриоты своего города, выделившие средства купцы 1-й гильдии Ф.С. Афонин, С. Мусин (миллионер), Буршак Еспаев (зажиточный казах), Н. Масленников (миллионер). Купцы купили для библиотеки русские, английские, немецкие, латинские, арабские шрифты. Среди них был

шрифты-гвозди, которые выбивали молотком на медных и оловянных подносах. Этот шрифт приобрел на свои средства из Нижнего Новгорода Буршак Еспаев. Шрифты-гвозди до сих пор хранятся в музее полиграфии г. Семей [10, с. 1].

Во второй половине XIX в. в г. Семипалатинске стали особо цениться грамотные люди. В городе было очень много любителей книг. На сегодняшний день здесь существует крупный торговый центр «Дана». В XIX в. на его месте стоял двухэтажный торговый дом купца 1-й гильдии С.И. Нигматуллина. Во дворе этого дома было еще одно здание, в котором находилась типография «Ярдам». В этой типографии увидели свет произведения поэта Шакарима Кудайбердиева, труды педагога-писателя Тайыр Жомартбаева.

Стартовой площадкой казахстанского футбола является организация старшим сыном Сыдыка Нигматуллина Юнусом Нигматуллиным первой футбольной команды Казахстана «Ярыш» (на казахском «Жарыс»). Это событие произошло в 1913 г. В команде «Ярыш» играл казахский писатель Мухтар Ауезов. Юнус и Мухтар были близкими друзьями. Оба стали членами «Алаш-Орды» [10, с. 1].

Е.А. Ненашева в диссертации «Меценатство в Казахстане (XIX – XX вв.): исторический анализ» приходит к выводу, что общество является здоровым только в том случае, если в нем живут и работают альтруистически настроенные индивиды, а наличие капитала лишь предоставляет возможность оставить в искусстве или культуре свой след. В 1880 г. семипалатинские купцы Латиф и Фатих Мусины вместе с другими меценатами выделили городу 10 тыс. золотых рублей на издание газеты «Семипалатинские областные ведомости». Чтобы представить себе эту сумму, достаточно сказать, что тогда в обменных пунктах за один рубль давали 50 долларов США [12, с. 62].

Зарождение меценатства было связано со стремлением помочь талантливым соотечественникам. К примеру, до Октябрьской революции Павел Бурый был главой русских купцов в г. Семипалатинске. Он собственноручно расписывался в грамотах, в которых присуждали купцам звание купца 1-й гильдии. На тот момент в России было 229 коммерческих училищ. В них учились будущие экономисты, бухгалтера, технологи, механики. Проживание и питание обучающихся в этих училищах спонсировали купцы [10, с. 4].

Благотворительность купечества Казахстана не была региональным явлением, она была свойственна купечеству и других регионов. Купец Халиулла Бекметев пожертвовал средства для строительства мечети в столице Российской империи – Санкт-Петербурге, о чем свидетельствует надпись, сделанная арабской вязью на одной из стен мечети. Многие представители купеческого клана Бекметевых роднились со знатными и богатыми казахами [11, с. 214-216].

Особенностью формирования в Степном крае предпринимательских групп было то, что купцы были проводниками светской культуры. Именно поддержка государством этих сословий привела к тому, что в отдаленные регионы проникали культурные и научно-технические достижения того времени. Благотворительность предпринимателей способствовала изменению облика этих территорий. С начала XX в. в крае наблюдается распространение такого новомодного явления, как фотография. Так, фотодело в г. Павлодаре открыла в 1901 г. купеческая дочь Фивия Арефьевна Сорокина [6, с. 123]. Начало XX в. ознаменовалось также появлением такого совершенно нового вида искусства, как

синемаатограф. Первый кинотеатр, названный «Заря», был построен в крае купцом Дудоладовым в 1909 г. [6, с. 124].

Таким образом, благотворительная и меценатская деятельность купцов являлась важной частью деятельности купечества. Несмотря на оценку некоторых современников, данный материал позволяет сделать вывод об особой, ведущей роли купечества, которое, независимо от этнической принадлежности или конфессиональных предпочтений, внесло значительный вклад в развитие городов Степного края.

Источники и литература:

1. Абилов К.Ж. История становления и развития предпринимательства в Казахстане во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ...д.и.н. Караганда, 2006. 32 с.

2. Байтова А. Наследие купеческого града, или Моя фамилия Кубрин... // Казахстанская правда. 2006. 10 ноября. №245.

3. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3847.

4. ГБУ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 16843.

5. Деров Артемий Иванович // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Деров,_Артемий_Иванович (дата обращения: 14.03.2016).

6. Дюсебаева Г.К. История города Павлодара: социально-экономическое, культурное и политическое развитие (1720 – октябрь 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010. 25 с.

7. Камалджанова Т.А. Татарская диаспора Восточно-Казахстанской области в XVIII-XIX вв. // Вопросы исторической науки: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, январь 2012 г.). М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. С. 18-21.

8. Кашляк В.Н. Семипалатинские купцы и промышленники – конец XVIII – начало XX вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Роль архивных документов в исследовании социально-политического и культурного развития страны» Семей, 2010. С. 353-354.

9. Кочерыжка Ю.В. История купечества Приишимья // Репозиторий СКГУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.nkzu.kz/503/1/ИСТОРИЯ%20КУПЕЧЕСТВА%20ПРИИШИМЬЯ.pdf> (дата обращения: 08.03.2016).

10. Купцы города Семей // Восточно-Казахстанская областная универсальная библиотека имени Абая. [Электронный ресурс]. URL: http://semeulib.kz/?page_id=577 (дата обращения: 11.03.2016).

11. Мусабалина Г.Т. Общественно-политическая жизнь Восточного Казахстана в XIX веке: исторический анализ: автореф. дис. ... д.и.н. Алматы, 2010. 40 с.

12. Ненашева Е.А. Меценатство в Казахстане (XIX-XX вв.): исторический анализ: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Алматы, 2007. 26 с.

13. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII - начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 215 с.

14. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Кн. 1. Д. 2121.

15. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Т. 2. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2013.

М.Б. Кожя, З.З. Жандарбек
Международный казахско-турецкий университет им. Ахмеда Ясави,
Туркестан, Казахстан

НАВЕРШИЕ ЗНАМЕНИ И РУКОПИСЬ ХАНА АЛИАКБАРА

В семье Б.Т. Амре (г. Шымкент. Казахстан) хранится металлическое навершие знамени. Сопоставление с известными данными о восточных знаменах позволяет считать, что данное навершие является завершающей частью древка бунчука (штандарта) казахского хана Алиакбара. У других потомков Алиакбара хранится старинная рукопись, состоящая из 86 страниц. Рукописная книга обозначена как «Кисса дастан Чингиз хан». Она была написана Абд Рахим Узканди в городе Туркестане в 1813 г. по заказу Али Акбар султана, сына Карабаш Мухаммад султана. «Кисса дастан Чингиз хан» представляет собой новый источник по истории казахских ханств. Особенно интересны сведения о генеалогии, о месте погребения казахских ханов, о связи хана Тауке с исфаганским правителем. Хранящаяся рукописная книга является первой из известных нам сочинений, написанных по заказу казахского правителя.

Ключевые слова: навершие знамени, бунчук, штандарт, рукопись, генеалогия, место погребения, казахские ханы.

М.В. Kozha, Z.Z. Zhadarbek
Yasavi International Kazakh-Turkish university,
Turkestan, Kazakhstan

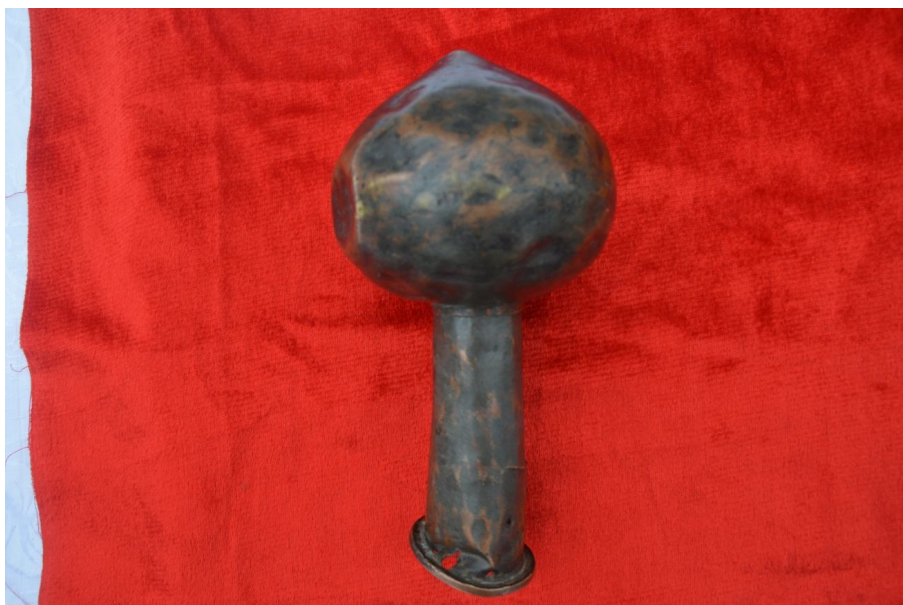
THE BANNER FINIAL AND ALIAKBAR-KHAN MANUSCRIPT

The family B.T.Amre (Shymkent City, Kazakhstan) kept top of the metallic flag. The comparison with the known data about the eastern flags allows us to consider that the particular top of the flag is the final part of the shaft of the bunchuk (standarte) of Kazakh khan Aliakbar. Other descendants of Aliakbar kept codex, consisting of 86 pages. Handwritten book is marked as "Kissa dastan Genghis Khan." It was written by Abd Rahim Uzskandi in Turkestan town in 1813, and commissioned by Aliakbar the son of Karabash Mukhammed sultan. "Kiss dastan Genghis Khan" is a new source for the history of the Kazakh Khanate, especially interesting information about the genealogy of the burial place of the Kazakh khans, the relationship between Khan Tauke and Isfahan governor. Stored manuscript book is the first known works written by order of the Kazakh leader.

Keywords: top of a flag, horsetail, standard, manuscript, genealogy, burial place, Kazakh khans.

В семье Б.Т. Амре (Бекайдар Төлжанұлы Әмре, проживающий в г. Шымкенте, Казахстан), члены которой являются потомками хана Алиакбара – сына казахского султана Карабаша, хранится металлическое навершие знамени. Навершие высотой 22,5 см. состоит из сфероконического верха, прикрепленного к втулке, которая несколько расширяется к основанию. В основании втулки утолщенное кольцо диаметром 5,2-5,3 см. У основания втулки имеются гнезда от гвоздик, служивших для укрепления навершия на древке. Изделие местами деформировано. Куполовидная верхняя часть имеет ряд вмятин, часть втулки у

основания погнута, утрачены мелкие фрагменты изделия в местах, прилегающих к отверстиям для гвоздиков. Отсутствуют следы какой-либо орнаментации (рис. 1).

*Рис. 1. Навершие знамени казахского правителя Алиакбара.
Фото М. Кожжа, 2013 г.*

Форма навершия знамени хана Алиакбара имеет сходство с завершениями бунчуков/тугов правителей и военачальников Османской империи XVI-XIX вв., которые сохранились в музеях Европы. Они служили знаком власти. Обычно это было древко с привязанным хвостом коня. На верхнем конце древка бунчука чаще всего помещался металлический шар, иногда полумесяц. В Восточной Европе этот символ власти получил распространение после татаро-монгольского нашествия. Бунчук у османов использовался вместо штандарта. Перед османским пашой, который выполнял обязанности визиря, носили бунчук, на конце которого были три конских хвоста. Перед самим султаном несли бунчук с семью хвостами. Обычай ношения бунчука существовал и у казаков на Украине, где их носили перед гетманом и запорожскими казаками. Бунчуки носили перед гетманом в его походах. Также бунчуки выставлялись перед походной палаткой гетмана [3].

О знаменах и бунчуках казахских ханов имеется ряд упоминаний в восточных источниках. В анонимном персоязычном сочинении Алам-ара-йи Шах Исмаил имеется упоминание о казахском знамени [2, с. 5-13]. О девяти казахских знаменах, об обычае поднимать бунчук (*туг*) сообщается в сочинении Бахр ал-асрар махмуда ибн Вали [9, с. 331]. В историческом сочинении Шах-Махмуда Чураса написано о разгроме войск казахов во главе с Хакк-Назар-ханом, в ходе которого были захвачены «семь бунчуков и знамен *төрә* из рода Джучи. Они-то и суть семь бунчуков и знамен» [9, с. 380]. В дополнении к этим данным мы хотим обратить внимание на упоминание «ханского знамени» правителя Средней Орды, о чем говорится в представлении начальника Оренбургской экспедиции И. Кириллова, датированном 1 мая 1734 г. [7, с.108].

Таким образом, казахские ханы, как и правители ряда азиатских и европейских стран, имели бунчуки и знамена, служившие символами власти.

Поэтому, скорее всего, хранящееся у потомков хана наверху является завершающей частью древка бунчука/штандарта (*туга*) казахского правителя Алиакбара.

Алиакбар в произведении известного казахского поэта Майлыкожа (1835-1898) упоминается как Әліакбар, Әлібек, который, как отмечается, был возведен ханом во время противоборства с Кокандом и являлся младшим братом последнего казахского правителя г. Туркестана Тогай-хана [11, 203 б.]. Потомки Тогай-хана, проживающие в с. Торсарык в Ордабасинском р-не Южно-Казахстанской обл., считают, что хан похоронен в местности Шейбантогай вблизи с. Караконыр Отрарского р-на. Отец Алиакбара «Коныратской волости султан Карабаш» упоминается в журнале похода атамана Телятникова 15 июня 1797 г. [6, с. 172]. В русских же источниках он известен как Аликен, Алиакбар, Джакелен [4, с. 95, 142-143]. Алиакбар, согласно исследованию И.В. Ерофеевой, являлся последним казахским ханом. В 1858 г. он был провозглашен ханом влиятельными старшинами племени конырат, кыпшак Среднего жуза, некоторыми подразделениями племени сары-уйсын Старшего жуза в ходе народно-освободительного движения южных казахов против кокандского военно-административного господства в регионе. Скончался он в 1860 г.

В семье Ж.О. Файзуллаева (Жанысбек Оразханұлы Файзуллаев, проживающий в г. Шымкенте, Казахстан), который также является потомком казахского хана Алиакбара, хранится старинная рукопись, состоящая из 86 страниц (Рис. 2).

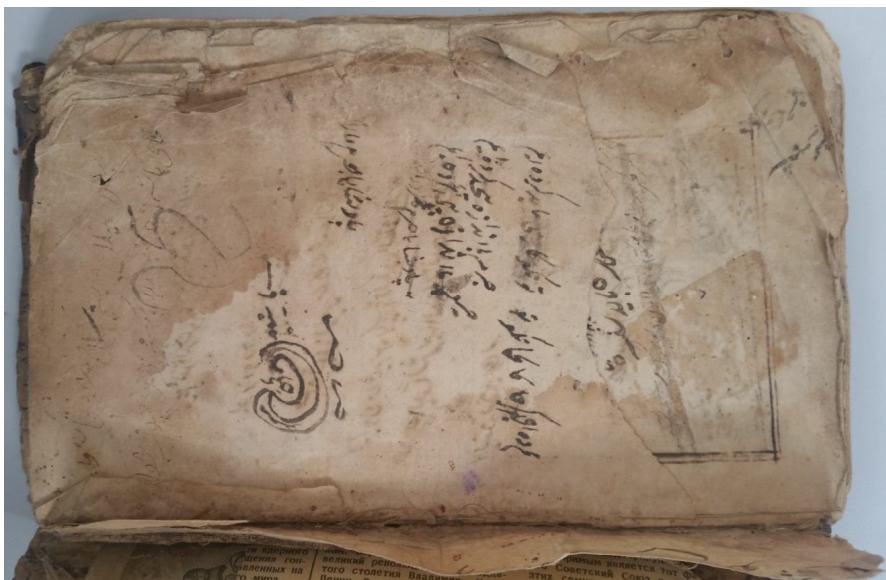

Рис. 2. Страница рукописи «Кисса дастан Чингиз хан». Фото М. Кожя, 2015 г.

Рукописная книга обозначена как «Кисса дастан Чингиз хан». Она была написана Абд Рахим Узканди в г. Туркестане в 1813 г. по заказу Али Акбар султана, сына Карабаш Мухаммад султана. Судя по нисбе, автор рукописи – уроженец г. Узгент, что соответствует городищу Кыр-Узгент (Жанакорганский р-н Кызылординской обл.), верхние слои которого относятся к XVIII в. [1, с. 162-163].

В сочинении Абд Рахим Узканди упоминаются легендарные правители Востока, содержится информация о Шайбанидах и других ханах Центральной Азии. Повествование начинается с Чингисхана: «Фасыл. Чингиз хан набарасы Жучи ханның ұғлы Сайын хан. Аның ұғлы Тоқай Темур хан». Изложенная далее родословная изобилует большими и малыми лакунами, ошибочными замещениями личных имен, путаницей в хронологической последовательности чередования поименованных дальних предков, что, видимо, характерно для родословных росписей нового времени [5, с. 40].

Примечательна генеалогия казахских ханов. Родословная от одного из основателей Казахского ханства Жанибека до Алиакбара представлена следующим образом: «Аның ұғлы - 'Азиз Жанибек хан. Аның ұғлы – Жадик хан. Аның ұғлы – Шығай хан. Аның ұғлы – Ишим хан. Аның ұғлы – Жангир хан. Аның ұғлы – Тауаккал Мұхаммад бахадур хан. Аның ұғлы - 'Али шах. Аның ұғлы – Шах Мұхаммад Бахадур хан. Аның ұғлы – Шах Саййид Бахадур хан. Аның [ұғлы] Қарабаш Мұхаммад султан. Аның ұғлы - Али Акбар сұлтан», что в целом соответствует современным историческим данным. Особенностью данной генеалогии является то, что один из основателей казахского ханства Джанибек обозначен здесь как Азиз Жанибек-хан. Его сын Жадик, который обычно в востоковедных исследованиях именуется султаном, в данной рукописи обозначен как хан. Известный казахский хан Тауке (1672-1715) упомянут в рукописи как «Тауаккал Мұхаммад бахадур хан», что является его полным именем [10, с. 226, 252. Табл. 4]. По данным Е.И. Ерофеевой, из детей Тауке известны двое – Болат и Семек (1731-1738) [4, с. 103]. В рукописи же указаны – Али шах и Шах Мухаммад Бахадур хан (полное имя хана Семек). Согласно Е.И. Ерофеевой, старшим сыном Семек являлся Сеит (Шасеит) (1741-1745), который в рукописи Абд Рахим Узканди обозначен как Шах Саййид Бахадур хан. Автор «Кисса дастан Чингиз хан» счел необходимым отметить, что данное имя дано с учетом происхождения его матери, которая принадлежала к сословию сейидов г. Ташкента. Алиакбар являлся внуком Шах Саййид Бахадур хана. По Е.И. Ерофеевой же он «являлся внуком султана Сангкая (Санхая), правнуком хана Кушыка» [4, с. 95].

В рукописной книге содержится новая информация о месте погребения хана Есима. Считалось, что он погребен в г. Туркестане [8, с. 8]. Согласно «Кисса дастан Чингиз хан», его могила располагается в г. Ташкенте, на знаменитом кладбище Шайхантаур. В рукописи указывается, что Жахангир (Джахангир)-хан, Тауккал Мухаммед Бахадур-хан (Тауке), Шах Мухаммад Бахадур-хан захоронены в Туркестане. Последний хан известен в русских источниках как Шемаха, Шемяка, Семек [4, с. 77].

Интересна информация о международных связях хана Тауке. В рукописи указывается на получение Тауке-ханом от правителя Исфахана Шах Сулаймана восьмидесятиружей, восьмидесятисабель, а также по две девятки породных лошадей.

В заключение еще раз отметим, что наверхие знамени и рукопись «Кисса дастан Чингиз хан» представляют новые источники по истории казахских ханств. Впервые выявлена рукопись, написанная по заказу казахского султана.

Источники и литература:

1. Акишев К.А, Байпаков К.М, Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972. 215 с.
2. Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Поход Абу-л-Хайра, сына Касим-хана, против Сефевидов // Отан тарихы. 2014. №2. С. 5-13.
3. Бунчук // Википедия. [Электронный ресурс]. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 13.08.2016).
4. Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII - середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Материалы к летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана. Алматы, 1997.С. 46-144.
5. Ерофеева И.В. Родословные казахских ханов и кожа XVIII-XIX вв. (История, историография, источники). Алматы: «Дайк-Пресс», 2003. 178 с.
6. История Казахстана в русских источниках XVI-XX вв. В 10 тт. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII – XIX века. Алматы, Дайк-Пресс, 2007. 524 с.
7. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961. 746 с.
8. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви. Ташкент, 1930.
9. Материалы по истории казахских ханств XV-XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских источников. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. 651 с.
10. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингисхана. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. 276 с.
11. Сұлтанқожаұлы М. Терме. Арнау. Алматы: «Атамұра», 2010. 205 б.

УДК 94:91(574). 08/084

Г.Н. Ксенжик
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
Алматы, Казахстан

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ МОНГОЛИИ

Цель статьи – привлечь внимание читателей к некоторым проблемам культурного, социального и экономического развития казахской диаспоры Монголии. Данная статья подготовлена на основе путевых заметок экспедиции Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова по Монголии с 24.07.2013 г. по 5.09. 2013 г.

Ключевые слова: Центральный аймак, Баян-Улэгэйский аймак, образование, традиции, хозяйство.

HISTORY, CULTURE AND ECONOMY OF THE MONGOLIAN KAZAKHS

This paper aims to attract the attention of readers to some of the issues related to the cultural, social and economic development of the Kazakh Diaspora in Mongolia. This paper is based on travel notes made during the expedition of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology to Mongolia from July 24, 2013 to September 5, 2013.

Keywords: Central aimag, Bayan-Olgii aimag, education, traditions, economy.

Территория Монголии составляет 1,566 млн. кв. км, а живет на этих просторах всего около 3 004 558 чел. Национальный состав Монголии: халха-монголы, которые составляют около 82,4 % населения, казахи – 3,86 % и другие этнические группы: урянхайцы, тунгусы, буряты, дэрбэты, захчины, торгуты [3, с. 170-175].

Исключительно важным для Казахстана является налаживание активных связей с казахской диаспорой в Монголии, численность которой составляет от 110 до 130 тыс. казахов. Большая часть монгольских казахов проживает на территории Западной Монголии в аймаках Баян-Улэгэйском и Ховда, а также в Центральном аймаке.

Первым объектом обследования полевой группы явилась территория сомона Угтаалцайдам Төв (Центрального) аймака, находящегося к западу от Улаанбаатора. В данном сомоне (районе) расселяется ныне около 50 хозяйств казахов. Так, в местности Хайлугчин на летних стойбищах размещается большая группа казахских аулов, всего до 30 хозяйств. Название местности – Хайлугчин – означает по-монгольски место, где «быстро тает снег», имеет казахский эквивалент «*Ерілмелі*». Характерен холмистый рельеф местности, с небольшими участками леса у подножья гор. Первым объектом изучения стал аул Тлеухана Кабиулы 65-ти лет (из рода керей, бывший строитель, штукатур-маляр, жена Заркым – домохозяйка, 58 лет). В хозяйстве достаточное количество скота: лошадей, яков, коров, овец и коз, которые, отчасти пасутся недалеко от аула. Сам аул состоит из трех юрт; рядом с основной юртой находится солнечная батарея, спутниковая антенна–тарелка; имеется также и автомобиль. Неподалеку от жилой части располагается «*кон*» (*көң*): унавоженная площадка, где прежде ночевал скот. Имелся большой каменный загон для скота. Здесь же коновязь особой конструкции – типа «*керме*», из трех столбов с натянутой между ними веревкой: используется при большом количестве верховых лошадей. Юрта хозяев по конструкции монгольская и приобретена на базаре в Улаанбааторе. Она отличается от казахской юрты высотой (гораздо ниже), прямыми «*уыками*», без изгибов, и формой «*шанырака*». В убранстве юрты присутствуют как казахские декоративные элементы, орнаменты (вышивки на подушках, отделка узорных циновок – *чия* по периметру юрты, покрывала на кроватях, узоры «*сырмаков*» и т.д.), так и монгольские (декоративное оформление сундука, шкафчика, купленных на базаре и изготовленных профессиональными столярами – «*муужан*»). Пол в юрте, как и во многих других жилищах, устлан линолеумом. В передней части жилища висит несколько благодарностей, полученных Т. Кабиулы в 1980-х гг. за выдающиеся результаты в труде.

Следующим объектом нашего исследования в сомоне Угталцайдам стала местность сай Сондуул, относящаяся к 1-му багу (бригаде). Здесь насчитывается около 16 аулов. Аксакал аула, где мы остановились, – Кажекпер Халимбайулы (72 года); но хозяйство ведет его сын Жанарыс (33 года), он третий из восьми детей. Хозяин – энергичный и подтянутый молодой человек; хозяйство довольно крепкое. Численность своего скота Жанарыс долго не хотел озвучивать и только уже на второй день общения он ответил на данный вопрос, что лошадей у него – 80, коров – 40, овец – 500, коз – 200. Из рассказа молодого хозяина выяснилось, что у его отца Кажекпера родители были репрессированы в 1950-х гг. и только в 1998 г. они были реабилитированы. В дальнейшем все дети получили денежные компенсации. Семейных реликвий у них в доме нет, так как его отец остался без родителей в 13 лет. У Жанарыса имеется трое детей, две девочки 2 и 4 лет и сын Досбол, 7 лет. Он с сыном участвует в скачках, за что получают награды: грамоты и медали.

Интерьер юрты аналогичен предыдущей – здесь также находится шкаф для домашней утвари, три кровати, на одной из которых лежал больной отец. Кровать молодых хозяев на правой стороне юрты, с занавесью (*шымылдық*). Две другие, где спят родители с внуками, – на левой стороне; здесь же, ближе ко входу, кухонный шкафчик, морозильник, другая утварь. В передней, почетной части юрты стоит трюмо, над ним - свадебные портреты и фотографии близких людей, а также грамоты, полученные за скачки. Юрта казахского типа – с изогнутыми «уыками» – но с некоторыми характерными элементами монгольских жилищ (центральный железный опорный столб и т.д.); куплена на базаре в Улаанбааторе. В центре юрты находится металлическая печка, под печкой – металлический поддон, чтобы не плавился линолеум. Топят печку в основном кизяком и дровами (рис. 1).

Рис. 1. Аул Кажекпер Халимбайулы сомона Угтаалцайдам. Фото из материалов экспедиции

Подвергся обследованию в Төв аймакесомона Угтаалцайдам казахский аул с монгольским названием «Сенсүүл», что в переводе означает «много травы» (т.е.

хорошее пастбище), а казахский перевод названия: «*Раң отты*» (пастбище с осокой). Хозяин – Тлеуберды Слямканулы, 55 лет, из рода керей. В семье у него 10 человек. Аул состоял из трех юрт. Самая большая юрта – семиканатная и две поменьше – шести- и пятиканатная. Аул зажиточный, крепкий, много кобылиц, которые доятся. Наша группа была приглашена в гостевую юрту, очень просторную, хорошо убранную, с двумя железными стойками под шаныраком. По периметру жилища развешаны многочисленные ковры (в том числе современные, ворсовые), «*тускиизы*». Остальные элементы интерьера примерно те же, но без излишнего нагромождения, с большим свободным пространством. В ауле состоялась довольно подробная беседа с информатором. Сам он из рода керей-сарбасы, родом из сомона Булгын Баян-Улэгэйского аймака, где окончил 7 классов. Владеет, помимо казахского, монгольским языком, а также немного китайским и русским. Он был одним из первых переселенцев-казахов в Центральную Монголию, в сомон Угтаалцайдам. Это было в 1982 г. (информатору тогда исполнилось 23 года): всего по призыву переехали сюда 15 домов – представители родов сарбас, молкы, кангельды. Вторая группа, также где-то 15 домов, переехала в 1985 г. из того же сомона (шеруши); большая группа прибыла в 1986 г. (меркиты: 12–13 домов, шеруши: 14–15 домов). После этого приезжали не группами, а поодиночке, и стало около 70 домов, но в начале 1990-х гг. около 30 домов уехало в Казахстан, несколько из них потом вернулись обратно (6–7 семей). Сейчас казахская диаспора насчитывает 64 дома. Часть населения проживает в г. Улаанбааторе, но считается своими: «*Угтаал қазақтар*». Таким образом, в самом сомоне расселено 46 домов-хозяйств и 18 – в Улаанбааторе. Информатор рассказал о распределении хозяйств по местностям в летний и зимний период, т.к. в самом центре сомона казахи зимой не живут, а находятся на зимовках - «*кыстау*».

Разговор зашел также о количестве скота в Монголии и причинах, почему население занимается скотоводством. Одна из основных причин, со слов Тлеуберды, в том, что в стране существует большая безработица и поэтому население занимается разведением скота. Таким образом, большая часть населения Монголии занимается скотоводством, в результате реализуется самозанятость и возможность неплохо жить, питаться. Статус профессии скотовода в стране – весьма высокий, и в 2013 г. парламент утвердил закон о положении профессии «скотовода» (*малчин*) в Монголии и ее важном социально-экономическом значении для страны. Прозвучали впечатляющие цифры поголовья скота в настоящее время. В советское время в Монголии было 27 млн. голов скота, а сейчас около 40 млн. Только лошадей у Тлеуберды – 150. Лошадь в Монголии стоит 400 тыс. тугриков, это около 258 долларов США [1, с. 178-179].

Экспедиция побывала в сомоне Уенч, который является самым южным в Баян-Улэгэйском аймаке. Рядом с сомоном протекает р. Уенчгол, вдалеке видны горы Алтая, сам он находится в котловине. Центральная улица в сомоне Уенчаасфальтирована. На ней разместились несколько магазинчиков – «*хунски дэлгуур*», бар-караоке. В Уенче есть полузаброшенный культовый буддийский центр, построенный одним из жителей сомона, но несколько лет тому назад он умер, и в настоящее время центр не действует. Здесь расположена казахская мечеть. Это одноэтажное здание с высотой потолка 2,25 м и габаритными размерами 11x7 м. У мечети есть купол, выполненный из железа и построенный по центру, и два минарета. Состоит она из маленького помещения, в котором находится «*михраб*».

На огороженном участке рядом с мечетью располагалась юрта имама, 6-ти комнатная (казахская), в которой находилось много домашних бытовых предметов, расшитых красивой вышивкой в традиционном казахском стиле женой имама по имени Жизжан из рода керей – каракас (настенные ковры, наволочки на подушки, одеяла и т.д.). Она домохозяйка, возрастом около 35 лет, занимается воспитанием двух детей, ведением хозяйства и вышивкой (гладью и крючком).

Содержательную информацию о развитии системы образования Монголии и жизни казахской диаспоры мы почерпнули из беседы с информатором Нуртай Капитан улы 60-ти лет (рода керей), учителем русского языка в школе-интернате сомона Уенч. Здесь необходимо отметить, что и по сей день у старшего поколения Монголии встречаются довольно часто имена «Завод», «Вокзал», «Устав», «Капитан», «Зарница», «Зоркий», «Трактор» и т.д. Это, видимо, последствия влияния культуры советского периода на жизнь и быт монгольских граждан. Нуртай Капитан улы закончил Московское высшее пограничное командное училище, служил в пограничном отряде в военной части Монголии. В настоящее время Нуртай Капитан улы преподает русский язык в 7-х, 8-х, 9-х классах школы-интерната. По данным информатора, с 2006 учебного года в Монголии стало обязательным изучение русского языка с 7-го класса. Русский язык преподается в школе-интернате всего 2 часа в неделю, и авторитет русского языка значительно упал у подрастающего поколения. Большинство учащихся Монголии выбирают английский язык, а русский – значительно реже. Неграмотность в настоящее время в Монголии практически уничтожена благодаря созданию сезонных школ-интернатов для детей из семей кочевников (в 2003 г. неграмотное население в Монголии составляло 2%). С 1 сентября 2008 г. Монголия перешла на 12- летнее школьное образование (ранее монголы получали 11-летнее образование). В связи с этим, в 1 класс 1 сентября идут дети, которым исполнилось только 6 лет. Продолжительность урока сокращена до 35 минут, а уроки проходят в виде игры. Информатор отметил, что все казахи Монголии хорошо владеют монгольским языком. В 1990-е гг. обучение в университетах было бесплатное, но с 2008 г. обучение стало платным, но для студентов, которые учатся хорошо, имеются скидки до 70%. Обучение в год в среднем стоит около 2 млн. тугриков. Большое количество молодых специалистов, получивших образование – безработные. Самые престижные профессии в Монголии: строители, инженеры, учителя. Нуртай Капитан улы отметил, что распространение религии среди молодежи оказывает на них положительное влияние. Молодежь казахской диаспоры Монголии стремится принять религию ислам, многие делают намаз, на свадьбах не пьют. Нуртай Капитан улы поделился интересной информацией о политическом и социальном развитии Монголии на современном этапе. Он отметил, что Монголия – парламентская республика, и в настоящее время в Монголии 27 партий. Две из них основные: социал-демократическая и коммунистическая. В государстве имеется список перечня занимаемых должностей, и граждане, занимающие эти должности должны быть беспартийными. Основной национальный банк Монголии – «Хоан». Население Монголии доверяет банковской системе и широко пользуется кредитами (автокредиты, потребительские, на обучение и т.д.). Ставки мизерны, всего под 1,4% [2, с. 153-161].

Обследованию, фотофиксации и зарисовке подверглась усадьба Далелхана Сулейменова из сомона Уенч Ховда аймака. Далелхан Сулейменов, казах (керей) –73 года, уважаемый аксакал в среде казахской диаспоры сомона (рис. 2).

Рис. 2. Далелхан Сулейменов (казах), сомон Уенч Ховд аймака. Фото из материалов экспедиции

В настоящее время Далелхан на пенсии, а раньше работал водителем в военной части. У него 7 детей (6 сыновей и одна дочь). Жена умерла в конце 1990-х гг. С большой гордостью Далелхан познакомил нас со своей усадьбой, домом. Первоначально площадь усадьбы Далелхана составляла 7 га. В дальнейшем усадьба была увеличена хозяином, пригорожен участок под пастбище около 3 га. В настоящее время усадьба имела габаритные размеры 1500x1100 м. В усадьбу входил одноэтажный дом (9,5x9,5 м.), где жил сам Далелхан Сулейменов, юрта для младшего сына (6-ти канатная), два складских помещения, крытый участок под складирования сена, загон для телят, коров, мелкорогатого скота и т.д.

Младший сын Далелхана окончил университет в Улаанбааторе по специальности «Бухгалтерский учет», проживает с отцом. В настоящее время работает бухгалтером в военной части, которая расположена поблизости от сомона Уенч, а его жена - в библиотеке сомона. В ходе беседы с младшим сыном Далелхана Сулейменова мы узнали много интересных фактов о жизни населения и экономических достижениях Монголии. Так, основу бюджета Монголии составляет добывающая промышленность. В настоящее время ведется добыча угля, золота и серебра Китаем, Канадой и т.д. В Монголии хватает зерна для собственных нужд, хотя 5 лет назад зерно ввозили из Казахстана. Скотом Монголия не торгует, народ Монголии против этого, чтобы стоимость мяса на внутреннем рынке не поднималась. Жители в сомоне Уенч в основном занимаются садоводством (яблоки, слива). Тем не менее, хотя семья Далелхана Сулейменова живет неплохо, зажиточно по монгольским меркам, они мечтают о переезде на историческую родину в Казахстан, в район г. Алматы.

Ближе к вечеру, после обследования усадьбы Далелхана Сулейменова сомона Уенч, предстояло осмотреть казахскую мечеть на «кстау» (зимовка) в местности Акчи сомона Уенч. Жителей аула в это время не было, все они находились на «жайляу» – летнем пастбище. Мечеть представляла собой одноэтажное здание высотой 2,5 м, состояла из двух помещений. В центральном помещении находился молитвенный зал (13х6м), в котором было 3 окна, имелся «михраб» размером 3,35х2 м. В шкафу, установленном в левой части молитвенного помещения, расположилась небольшая библиотека книг. Второе помещение мечети занимал «мектебе» (мусульманская школа), 4,4х6,4 м. Мечеть была окружена оградой высотой 0,87 м., выполненной из природного камня-плиточника, размерами по периметру 20х30 м. Недалеко от мечети располагались три стационарных оштукатуренных белых здания.

Последним объектом обследования экспедиции стал сомон Булгун Ховд аймака в связи с тем, что все члены экспедиции были приглашены на казахскую свадьбу «той», в которой принимали участие около 500 чел. Невеста Дархан Еркегул – 24 года, обучалась по специальности «Туризм» в Казахском национальном государственном университете им. аль-Фараби г. Алматы (Казахстан) на третьем курсе. Жених Аманбай Ербол – 25 лет, работает в налоговой инспекции Монголии, закончил Улаанбааторский университет. Отец жениха являлся управляющим крупного банка. Это, по меркам Монголии, весьма состоятельные люди. С утра молодожены были в мечете. Ближе к обеду свадьба началась.

Жених и невеста сидели в белой юрте, установленной на большой площадке около дома родителей жениха (рис. 3), по ее периметру с трех сторон на стульях под тентом сидели гости.

Рис. 3. Казахская свадьба в сомоне Булгун Ховд аймака. Фото из материалов экспедиции

На столах у гостей стояло угощение: баурсаки, фрукты (яблоки, виноград), сухофрукты, конфеты и т.д. Вина и водки не было, только напиток из облепихи, вместо кумыса. Отсутствие кумыса хозяева объясняли, тем, что в настоящее время скот находился на «*жайляу*», высоко в горах и поэтому купить кумыс на угощение не смогли, а облепиху здесь выращивают в большом количестве. Вновь пришедших гостей приглашали в юрты, поили чаем со сладостями. По центру, между свадебными палатками, на земле лежал брезент, который служил сценой для представления и соревнования борцов. Состязания длились более четырех часов с перерывом на обряд «*беташар*».

У монгольских борцов имелись специальные спортивные костюмы, национальные сапоги с загнутыми носками «*монгол гутал*», короткие шорты «*шуудаг*» и своеобразная жилетка с рукавами, но с открытой грудью «*зодог*». В монгольской борьбе существуют свои правила и ритуалы: нет весовых категорий, борьба идет на открытом пространстве, побежденным считается тот, кто первым коснется земли любой частью тела, кроме подошв ног и кистей рук, у каждого борца свой секундант - «*засуул*». После поединка побежденный должен пройти под поднятой правой рукой победителя в знак того, что он признает свое поражение, победитель же должен исполнить традиционный танец орла. В борьбе бывает до 9 туров. У победителей существуют звания: «*начин – сокол*» – получает участник за победу в пяти турах; «*харцаг – ястреб*» – за победу в шести турах; «*заан – слон*» – за победу в семи турах; «*гарьд – гаруда*» – победу в восьми турах; «*арслан – лев*» – за победу в девяти турах.

В перерыве между соревнованиями борцов начался обряд «*беташар*» – открытие лица невесты, который длился около часа. Данный обряд сопровождался пением акына, который восхвалял, представлял невесте родителей, родственников и близких жениха, которые, в свою очередь, дарили подарки. После представления всех присутствующих акын открыл лицо невесты. Невесту осыпали «*шашу*» – конфетами, которые гости старались как можно быстрее собрать. После чего невесту увели переодеваться, сняли белое платье и «*саукеле*» (традиционный головной убор невесты у казахов, высокий колпак), и одели розовое, красивое платье. На грудь невесты было помещено украшение из перьев филина (от сглаза), а голова непокрыта.

Затем, ближе к 17 ч, всех гостей пригласили в юрты. Только пожилые мужчины – аксакалы находились в отдельной юрте, а все остальных приглашенные – мужчины и женщины - сидели вместе. Членов экспедиции пригласили в юрту вместе с молодоженами. Подали мясо (конину), напиток из облепихи, для молодых подали кость «*төз*». После трапезы гости стали расходиться. Застолье продолжалось не более часа. Участники «*тоя*» были все веселы, трезвы, общались между собой, обменивались новостями.

Вечером мы отправились на обследование дома мастера Энрии Бакырбая – народного целителя и знахаря. Дом был построен 18 лет назад самим мастером, из дерева, с одной большой комнатой, разделенной перегородкой из досок, и тремя окнами. Потолок высотой около 2,5 м, обшит досками. Передняя часть комнаты приподнята на 0,4-0,5 м над всей остальной поверхностью, посередине – металлическая печь. За дверью дома располагался небольшой коридор – не отапливаемый, который вел на улицу. С правой стороны коридора находилась душевая, где имелся сток воды. Со слов хозяин дома, душ они принимают даже зимой.

Таким образом, подводя итог, хочется отметить, что в русле традиционной казахской культуры складываются мировоззрения казахского этноса Монголии, менталитет, язык, религиозные верования, знания и умения, обычаи и формы трудовой жизни. При этом необходимо отметить, что на культуру казахов Монголии оказывают существенное влияние другие этносы этой страны (халха-монголы, захчины, буряты и др.).

Казахская диаспора в Монголии занимает свою особую социально-экономическую нишу. Это существенный социально-экономический ресурс для страны, и государство отнюдь не стремится «выдавливаться» казахов, а скорее наоборот, стремится удержать их. Многие представители казахского населения нашли себя в Монголии и реализовались как личности, имеют весомый авторитет не только среди своей диаспоры, но и в среде монголов. В этой связи исключительно важным является налаживание активных связей Республики Казахстан с казахской диаспорой в Монголии, так как в ее среде наблюдается заметный «культурный голод», чувство оторванности и отчужденности [4, с. 65-67]. Казахстану необходимо наладить более интенсивный обмен литературой, обеспечить диаспору учебниками, газетами, энциклопедиями, книгами из серии «Культурное наследие». В концепции культурной политики РК необходимо четко обозначить конкретные меры по налаживанию связей с казахскими диаспорами всех стран, в целях придания новых импульсов, обогащения и развития все казахской культуры.

Источники и литература:

1. Ажигали С.Е., Ксенжик Г.Н. Некоторые наблюдения из жизни казахской диаспоры центральных аймаков Монголии (из путевых заметок экспедиции 2013 г.) // Созидательный потенциал казахской диаспоры: История и современность. Материалы республиканской научно-практической конференции (Алматы, 31 октября 2013 г.). Алматы: Атажұрт, 2013 г. С. 176-187.

2. Абжанов Х.М., Ксенжик Г.Н. Путевые заметки: Монголия // Отан тарихи. № 1(65). 2014. С.153-161.

3. Вся Азия: Географический справочник /Авт.-сост.: Б.А. Алексеев, Н.Н. Алексеева, А.И. Даньшин и др. М.: ООО: «Издательство АСТ»: «Муравей», 2003. 311 с.

4. Ксенжик Г.Н. Некоторые аспекты культуры и религии казахской диаспоры Монголии // Казахи в евразийском пространстве: история, культура и социокультурные процессы: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию Омской Региональной общественной организации «Сибирский центр казахской культуры «Мелдір» (Омск, 14-15 мая 2014 г.) Омск: Амфора, 2014. С. 65-67.

Ш.Б. Кунанбаева
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан

**ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ В ТРУДАХ
ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XIX в.**

В статье рассматриваются труды польских ученых Бронислава Залесского и Константина Николаевича де-Лазари, чьи зарисовки и фотографии, выполненные в конце XIX в., являются уникальным источником по истории и этнографии традиционного казахского общества. Особое внимание уделено иллюстративным материалам из музейных собраний Астаны и Санкт-Петербурга, в частности, Музея Первого Президента Республики Казахстан (г. Астана) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (г. Санкт-Петербург).

Ключевые слова: казахи, иллюстративный источник, музейное собрание.

S.B. Kunanbayeva
Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan

**ILLUSTRATIVE MATERIALS
ON TRADITIONAL CULTURE OF KAZAKHS IN WORKS
POLISH SCIENTISTS (THE END OF THE XIX-th CENTURY)**

In the article are considered the works of the Polish scientists of the end of the 19th century as a source of the history of traditional Kazakh society. The special attention is paid to the analysis of illustrative materials from museum collections of Astana and St. Petersburg, in particular, the Museum of the First President of the Republic of Kazakhstan (Astana) and the Peter Great Museum of Anthropology and Ethnography (St. Petersburg).

Keywords: Kazakhs, illustrative source, museum collection.

Идея рассмотрения трудов польских ученых конца XIX в. в качестве источника по истории и этнографии традиционного казахского общества появилась в результате знакомства с уникальными материалами выставки «Степи Великой отраженье», состоявшейся в Музее Первого Президента Республики Казахстан в 2009 г. Выставка была организована совместно с посольством Республики Польша в г. Астане рамках международного музейного проекта «Диалог посредством культуры». По сути, это событие стало фактом официального ввода в научный оборот Казахстана ценного пласта источников по истории традиционного казахского общества. На выставке были представлены 22 работы художника Бронислава Залесского – серия офортов «Жизнь казахских степей», а также коллекция фотографий из 29 снимков Константина Николаевича де-Лазари. В дальнейшем эти экспонаты неоднократно фигурировали и на других выставках Музея Первого Президента Республики Казахстан, в частности, серии выставок 2015 г., посвященных празднованию 550-летия Казахского ханства.

Бронислав Францевич Залесский был политическим ссыльным, направленным рядовым «с правом выслуги» в линейные батальоны Отдельного Оренбургского корпуса в 1848 г. За многие годы своей службы, которая продолжалась до 1856 г., он хорошо ознакомился с культурой и особенностями жизни кочевников, фиксируя во время своих поездок многие моменты из повседневной жизни казахов. Ф.И. Стеклова, тщательно изучившая биографию Б.Залесского, начала перевод с французского языка его книги «Жизнь киргизских степей». Вот что пишет Ф.И. Стеклова в своих заметках о Б.Залесском: «...В марте 1848 года солдат Бронислав Залесский прибыл в Оренбург. В 1849 году ему было предложено, поскольку он отличался способностями к рисованию, обрабатывать материалы Аральской экспедиции... В 1865 году вышло роскошное издание альбома офортов «Жизнь киргизских степей». Двадцать два офорта и очерки к ним правдиво показали европейскому читателю, как живут люди в далеких казахских степях. Если сравнить рисунки Залесского с иллюстрациями в зарубежных изданиях середины XIX века к поэме Густава Зелинского «Киргиз», где казах скорее похож на черкеса, то станет понятно, что именно у него – первого из европейских художников – жизнь казахов изображена в настоящей реалистичной манере. Очень верны зарисовки утвари, костюмов, этнографических деталей, прекрасно исполнены пейзажи и памятники прошлого. В своих очерках, кроме географических, климатических, этнографических и других сведений, Залесский поместил записанные им в степи казахские сказания, рассказы людей о прошлом, описал свои встречи с известными людьми...» [1, с. 9].

Перевод книги на русский язык завершила Б.И. Садыкова. На казахский язык книгу перевел К. Сегизбаев. Впервые произведение Б. Залесского в переводе на казахский и русский языки вышло в 1991 г. в г. Алматы. Так, спустя более века, зарисовки Б. Залесского в виде иллюстраций к книге вернулись в страну, где были когда-то созданы.

Авторский экземпляр серии офортов «Жизнь казахских степей», состоящий из 22 единиц, был подарен Н.А. Назарбаеву в 2005 г., и передан впоследствии на государственное хранение в фонды Музея Первого Президента Республики Казахстан. Все офорты оформлены на холщовом паспарту, в раме под стеклом. О подлинности произведений свидетельствует подпись автора на каждом экземпляре.

Живописные пейзажи, запечатленные художником преимущественно на территории Мангыстау, содержат множество примечательных деталей из повседневной жизни казахов. В таких работах, как «Ак тау», «Река Ирғиз», «Гора Айрақты», «Ущелье на Мангышлаке», «Устюрт», «Шер кала», «Меловые горы», «Мангышлакский сад», «Горная гряда», «Скала Мулла-таш», «Священное дерево киргизов», «Долина Апазир» на фоне меловых гор и степных просторов изображены одинокие всадники верхом на верблюде, либо на лошади на водопое. В некоторых офортах детально проработаны изображения одежды и предметов интерьера: «Интерьер кибитки», «Кибитка или киргизская палатка», «Озеро Жаланаш», «Киргизская женщина». В работах изображены надмогильные сооружения, многие из которых сегодня не сохранились: «Киргизская гробница», «Бухта Новопетровск», «Могила киргизского святого», «Кладбище Дола ата», «Кладбище Агаспая».

Очевидно, что работы Б. Залесского являются не только искусно выполненными произведениями изобразительного искусства, но и важным источником по истории традиционного казахского общества.

Поляк по происхождению, Константин Николаевич де-Лазари длительное время был российским военнотружущим, а затем и чиновником. Эмигрировал в Польшу и получил польское гражданство он в 1921 г. Будучи начальником Лепсинского уезда Семиреченской области и участвуя в Переписи населения Российской империи (1897 г.), К.Н. де-Лазари посылал в Музей антропологии и этнографии сотни фотографий, запечатлевших кочевой образ жизни казахов.

Специалист по фотоиллюстративным коллекциям МАЭ В.А. Прищепова так описывает научное наследие К.Н. де-Лазари: «В 1898 году в МАЭ появился статус корреспондента, и музей стал пополняться коллекциями от многих людей, живших далеко от Петербурга. Так, в 1897 и 1898 гг. начальник Лепсинского уезда Константин Николаевич де-Лазари прислал в музей три коллекции фотоматериалов по культуре и быту казахов Лепсинского уезда Семиреченской области и Кокчетавского уезда Акмолинской области» [3, с. 68].

«... в апреле 1898 года К.Н. де-Лазари прислал в Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Омске 40 фотографий из жизни кочевников и переселенцев. Ввиду готовности Константина Николаевича впредь сотрудничать ему переслали программу для собирания этнографических предметов, в связи с чем в Западно-Сибирском отделе был поставлен вопрос об избрании его членом Географического общества» [3, с. 145].

«К.Н. де-Лазари сфотографировал казахскую невесту в богатом свадебном наряде, высоком головном уборе саукеле, сидящую верхом на коне, по-праздничному убранном. В настоящее время это единственное изображение казахской невесты верхом. Эти снимки хранятся в МАЭ. Они выполнены высокопрофессионально, технически прекрасного качества, на них отчетливо видны даже мельчайшие детали. Снимки К.Н. де-Лазари казахской невесты теперь хорошо известны этнографам и востоковедам, они вошли в число первых изображений саукеле и фактически являются визитной карточкой МАЭ в публикациях и на выставках по культуре казахов» [3, с. 150].

В 1896 г. в Акмолинской области были выполнены снимки «Езда зимой» (423-3), «Казахская зимовка в сосновом лесу» (423-6), «Угощение кумысом русского гостя» (423-9), «Группа казахов – мужчин и женщин в национальных костюмах» (423-8), «Группа казахских женщин в национальных костюмах» (423-11). В числе фотографий, выполненных в Семиреченской области в 1897 и 1898 гг., из коллекций №418 и 423 весьма интересны «Пожилые супруги» (418-4), «Казахская семья» (418-6), «Казашка верхом на корове» (418-7), «Казахская зимовка» (423-1), «Казах на охоте с беркутом» (423-2), «Внутренний вид зимовки богатого казаха» (423-14), «Юрта вдовы» (423-13) [2, с. 36, 38, 48, 103, 104, 121, 129, 130].

Длительное время подлинные фотографии К.Н. де-Лазари были доступны лишь в фондах МАЭ РАН в Санкт-Петербурге. В казахстанских музеях содержались копии этих уникальных фотографий. 10 декабря 2009 г. внук Константина Николаевича де-Лазари – доктор Анджей де Лазари передал на государственное хранение в Музей Первого Президента РК коллекцию из 29 снимков, часть которых была знакома исследователям прежде только по редким публикациям. В настоящее время фотографии К.Н. де-Лазари широко известны не только в научной академической среде. Благодаря его работам современные художники достоверно воссоздают традиционный костюм, украшения, орнаментику, предметы быта казахов.

Исторический источник зачастую таит в себе потенциал, который раскрывается лишь со временем. Ярким примером тому являются пророческие слова Адольфа Янушкевича о будущей столице Казахстана: «...Акмола, например, будущая столица всей степи, Актау, Атбасар, Кокбекты, Кушмурун – все это поселения, которые родились и выросли на моих глазах...» [4, с. 98]. Благодаря рисункам Бронислава Залесского и фотографиям Константина Николаевича де-Лазари мы имеем возможность «видеть» Казахстан XIX в., и легко понять высказывание Адольфа Янушкевича: «... Чтобы дать вам представление о несравненной красоте этого места, скажу, что если бы даже я пешком пришел сюда из Омска, и тогда я не пожалел бы о затраченном труде. Ни один король в мире не живет в такой прекрасной, такой романтической стороне, как наш киргиз...» [4, с. 90].

Источники и литература:

1. Залесский Б. Қазақ сахарасына саяхат. Алматы: Өнер, 1991. 132 б., илл.
2. Кунсткамера жинандағы қазақтың дәстүрлі мәдениеті. Алматы, 2008. 224 б.
3. Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX – начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб: Наука, 2011. 452 с., илл.
4. Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям (Библиотека казахской этнографии, Т. 29). Павлодар: ТОО НПФ, «ЭКО», 2006. 390 с.

УДК 321+94(574).083/.084

С.Ф. Мажитов
Международный институт интеграции
социогуманитарных исследований «Интеллект Орда»,
Алматы, Казахстан

АЛИХАН БУКЕЙХАНОВ И КОНЦЕПЦИЯ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Положения статьи раскрывают исторические условия и обстоятельства формирования концепции видного общественно-политического деятеля Алихана Нурмухамедулы Букейханова о государственном устройстве Казахстана вначале XX в. Алихан Букейханов считал самостоятельное национальное развитие первоосновой национального государства. В случае замены монархического режима в России федеративной республикой Казахстан должен был войти в ее состав как автономная и многонациональная демократическая республика. По мнению А. Букейханова, препятствием для развития национальной государственности становится, прежде всего, культурная и политическая неграмотность. Только освободившись от нее, можно построить политически развитое государство.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, казахи, государственность, Букейханов А.Н., концепция, колониальная политика.

ALIKHAN BUKEIKHANOV AND THE CONCEPT OF KAZAKH STATE

The provisions of article reveal the historical conditions and circumstances of the formation of the concept of a prominent political figure Alikhan Nurmuhameduly Bukeikhanov about the statehood of Kazakhstan in the early twentieth century. Alikhan Bukeikhanov considered independent national development as the fundamental principle of the national state. In case of replacement of the monarchy in the Russian as federal republic then Kazakhstan must join it as an autonomous and multi-ethnic democratic republic. According to A. Bukeikhanov, an obstacle to the development of national statehood becomes primarily a cultural and political illiteracy. Only eliminating the illiteracy, it is possible to construct politically developed state.

Keywords: Kazakhstan, Russia, Kazakhs, statehood, Bukeykhanov A.N., concept, colonial policy.

Утверждение российского колониализма и установление новых международных связей фактически способствовали выработке внутри- и внешнеполитической концепции государства и формированию народной политики в Казахстане. Будучи периферией России, Казахстан оказался своеобразным транслятором «русской культуры» на Восток. Однако постоянные контакты с кочевыми народами не могли не оказать мощного воздействия на исторический процесс в собственно России, что составляет существо проблемы «особого пути» [6, с. 212].

Важнейшим следствием колонизации, в определенной степени значимым для формирования особенностей исторического развития казахского общества и дальнейшей эволюции идеи национальной государственности, было создание устойчивой системы взаимоотношений различных сегментов социально-политической структуры, которое в большей степени может соответствовать понятию культурно-исторической традиции. «Ханская власть отличалась не столько сильными позициями по отношению к другим субъектам, сколько своей корпоративностью. Еще один характерный фактор, определявший специфичность казахского общества, выделил известный ученый А.Н. Нысанбаев. В действительности государство не играло какой-либо значимой роли в жизни казахского общества. Этот факт марксисты объясняют отсутствием в казахском обществе государства как такового. Но, по А.Н. Нысанбаеву, на примере отсутствия классового подхода к решению проблем есть основания оценить тогдашнее казахское общество как гражданское. При этом в казахском обществе существовали все атрибуты государственности, включая вертикальную и горизонтальную системы властных отношений, регулирование которыми осуществлялось по установленным правилам «степной демократии». И этот фактор отличает казахское общество от других обществ с принципами классического восточного этатизма. Таким образом, соотношение индивидуализма и корпоративизма, а также компромиссная ментальность самого казахского общества стало основой укоренения в политических традициях принципа выборности. Как мы уже отметили, этот принцип выступал одним из

основных факторов устойчивого развития всего общества. Но до сих пор в науке существуют значимые споры по данному вопросу» [11, с. 256].

Содержательный анализ данной проблемы показывает следующее. «Восточный вопрос, – считает С.М. Соловьев, – появился с тех пор, как европейский человек осознал различие между Европой и Азией, между европейским и азиатским духом» [8, с. 630]. Он «имеет наибольшее значение для тех европейских стран, которые граничат с Азией, которых борьба с нею составляет существенное содержание истории: таково значение Восточного вопроса в истории Греции; таково его значение в истории России вследствие географического положения обеих стран». Притом, что «восточный вопрос», конечно, характерен и для тех стран, которые непосредственно не граничат с Азией, но географическая близость благоприятствует естественному диалогу между народами и культурами. Как Восток, так и в определенной степени Запад не представляют единства. Последующие уточнения типа «мусульманский Восток», «буддийские страны» и т.п. вносят существенные разграничения, но не решают проблемы, трансформируя оппозицию «свой - чужой» в «свой - чуждый». Свою роль в этом процессе сыграла эпоха европейской колониальной экспансии, в результате чего система характерных для средневековья субординативных отношений была перенесена вовне и метрополия стала своего рода сюзереном, а колонии ее вассалами. Такое положение имело двойные последствия. С одной стороны, оно обеспечивало относительную гомогенность метрополии, с другой - закрепляло и культивировало европоцентризм [8, с. 159]. Так, одна из Сибирских летописей, Есиповская (основная редакция), следующим образом трактует поражение Кучума: «Закон же царя Кучюма и иже под его областью быша, держаще Моамета проклятого, инии же кумиром поклоняющиеся и жрут им яко богу... яко сего ради посла бог гнев свой на сего царя Кучюма и иже под его властью бысть, яко закона божия не ведуще и поклоняющиеся идолом, и жрут бесом, а не богу богом, их же не ведуще, яко же древле при законодавце Моисее сотвориша израильстия людие телец и вместо бога поклоняшася ему и ркоша: «Се боги твои, Израилю». И сего ради посла на сих господь бог гнев свой» и зря Кучум велел «муллам своим кликати скверную свою молитву, призывати скверныя своя боги», ему не удалось одолеть истинного бога [7, с. 48-49]. Более активную позицию по отношению к исламу занимали протестантские реформаторы XVI в. «Согласно Лютеру, ислам - религия насилия, которая служит антихристу, мусульмане лишены разума, поэтому бессмысленно обращать их в истинную веру. Им можно противостоять лишь силой меча». Столь неприязненное отношение основывалось большей частью на «образе врага». Для Московского государства врагом был Кучум, а его «отличительным признаком» была мусульманская вера. Непосредственное общение между народами постепенно снимало столь неприязненное отношение и, наоборот, в Средней Азии «среди народов, которые были мусульманами больше по названию и отличались религиозной индифферентностью, российская администрация сама укореняла ислам» [5, с. 262].

Рассматриваемая проблема является интересной в различных аспектах. Одна из ее сторон состоит в том, что, несмотря на попытки восставших к протесту против внешней силы и разрешению внутренних противоречий казахского общества, объективно шел процесс потери независимости в его международном понимании. Период с 30-х гг. XVIII в. до 1917 г. – время протекторатных,

колониальных отношений Казахстана с Россией. «Если пользоваться международно-правовой терминологией, то в этот период произошло превращение Казахского ханства из суверенного государства сначала в полусуверенное, а с 1840 г. произошла полная утрата суверенитета. Договор 1731 г. фактически закрепил протекторат России над Младшим жузом. Отныне жуз не имел права самостоятельно заключать договоры, устанавливать дипломатические отношения. Все это можно было осуществить только с одобрения царских властей. Протекторат же сводился к тому, что Россия брала на себя обязательства по защите внешних границ жуза и оказанию военной помощи, что на деле оказалось удобным оправданием русского военного присутствия на казахской территории с целью окончательной колонизации к середине XIX в. Хотя формально эти отношения были оформлены международным договором, фактически о реализации принципа свободы договора речи идти не могло. Но практика международных отношений XIX-XX вв. свидетельствует о том, что основой всех протекторатов того времени были именно международные договоры. Утрата качеств международной правосубъектности Казахского ханства с середины XIX в. оформлялась тем фактом, что Россия с этого времени вела свои дела с казахскими жузами не через Министерство иностранных дел, а посредством государственных органов, ведавших внутренними делами» [6, с. 215].

Понимание целесообразности государственной власти, ее самостоятельности и независимости при вхождении в мировое сообщество является закономерностью, присущей всем народам. В начале XX в., в связи с проникновением в Казахстан буржуазных отношений, процессами формирования национальной буржуазии и интеллигенции, пробуждением самосознания народа с особой остротой на повестку дня встает вопрос о судьбе национального государства.

Идеи государственности, зарождавшиеся среди национальной элиты в столь важный и определяющий период истории, наиболее ярко и последовательно выражались в трудах А. Букейханова – депутата Государственной Думы, члена ЦК кадетской партии, основателя партии «Алаш». Первоосновой национального государства А. Букейханов считал самостоятельное национальное развитие. В одной из статей, посвященных Г.Н. Потанину – известному исследователю Центральной Азии и Сибири, он писал: «На политической тропе самым приемлемым и единственно верным является один факт: человек, не знающий быта, языка, характера страны, не может возглавить ее народ. Поэтому то, что одни русские хотят править многонациональным народом России, не имеет смысла. Россия должна предоставить автономию народам, имеющим свой язык, быт, иную кровь» [4].

По мнению А. Букейханова, в случае замены монархического режима в России федеративной республикой Казахстан должен войти в ее состав подлинно автономным. «Суть федерации составляет единство равных государств. В федеративной республике каждое государство составляет отдельную страну, но в сути это одно единое. Каждый выбирает себе приемлемый курс развития. Во главе государства должен быть президент, избранный на определенный срок по согласию учредительного собрания и Государственной Думы» [2, с. 25]. Одним словом, автономия, за которую так горячо ратовал А. Букейханов, является демократической республикой. Одновременно, заметим, это автономия,

многонациональная по своему составу. «В будущем, – подчеркивал А. Букейханов, – если казахи будут одной автономией, то русские, живущие среди нас, думается, останутся в ней. Автономия казахов не будет автономией, основанной на быте и родстве; автономия будет связана с землей. Русские, остающиеся с нами, видимо, это одобряют» [2, с. 25]. Следовательно, многонациональность не является фактором, препятствующим экономическому, политическому и культурному развитию. По мнению А. Букейханова, препятствием для развития национальной государственности становится, прежде всего, культурная и политическая неграмотность. Только освободившись от нее, можно построить политически развитое государство.

Рубежный интервал XIX-XX вв. стал наиболее ярким периодом консолидации казахской нации накануне установления большевистского режима. Лидеры национального движения во главе с А. Букейхановым, А. Байтурсиновым, Б. Каратаевым сделали попытку направить движение в русло борьбы за конституционную монархию, либеральные реформы. При этом главное внимание уделялось вопросам участия в Государственной Думе в целях принятия законов, защищающих казахскую общину от разрушительных воздействий извне.

Неоднократно с парламентской трибуны члены мусульманской фракции Думы высказывались в защиту положения о том, что земли, занимаемые коренным населением, не могут быть признаны государственной собственностью, а являются собственностью казахских и киргизских родов. Например, член Государственной Думы Б. Каратаев выразил протест против изъятия земель у казахов: «В нашем государстве обострившийся аграрный вопрос хотят разрешить переселением крестьян на территорию степных областей, именно на территорию Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей». В беседе с Главнуправляющим земледелием и землеустройством он просил хотя бы временно прекратить переселение русских крестьян в Казахстан. Б. Каратаеву в категоричной форме было заявлено, что переселение будет продолжаться, что земли в Казахстане много, но она непроизводительно используется казахами под кочевья. «В XX столетии необходимо прекратить кочевой образ жизни киргизов, – заявил Главнуправляющий, – вследствие этого переселение является необходимым» [9, с. 569].

Чувству единения народа в немалой степени способствовала колониальная аннексия земель, поскольку от нее в равной степени страдали практически все социальные группы казахского общества. Аграрная политика царизма со всей наглядностью подтверждала точку зрения А. Букейханова, что русская политика была выражением национального антагонизма, направленного против казахского народа, поскольку она отрицала право казахов на издревле принадлежавшие им земли и исходила из того, что все земли принадлежат империи. Конечной целью политики Российской империи, по мнению А. Букейханова, являлось не только насильственное оседание кочевников, но и разрушение оригинальной казахской культуры. Он считал, что казахи должны начать политическое наступление не только для защиты своих прав на землю, но и ради права оставаться самостоятельным народом. При этом казахи должны преодолеть внутренние противоречия и осознать общенациональные интересы и цели, добиваться которых следует сообща [13, с. 72].

В своей борьбе с колонизаторской политикой царизма, лидеры казахской элиты, тем не менее, никогда не отождествляли монархию с русским народом, с

Россией. Это наглядно проявилось в годы Первой мировой войны, особенно в июне-июле 1916 г., в период объявления царского указа о мобилизации казахского и других «инородческих» народов империи на тыловые работы [12, л. 3]. Они вполне убежденно считали, что нависшая над Российским государством опасность в полной мере касается и казахов, которые, являясь подданными этой страны, не вправе стоять в стороне от борьбы с германскими войсками. Более чем красноречиво эту мысль высказали в своем обращении «К гражданам «Алаш» А. Букейханов, А. Байтурсынов, М. Дулатов, опубликованном 11 июля 1916 г. в газете «Казах». Они писали: «Отечественники – русский народ, единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне... Отказаться от приказа власти, подданными которой мы являемся, и сидеть дома, защищая себя, не вступая в защиту государства, это будет на пользу врагу» [12, л. 113-114]. Осуществляя тактику разумного компромисса с колониальной империей, выдвигая на первый план идею выживания народа и сохранения его этнической целостности, представители казахской элиты предложили отложить призыв казахов на тыловые работы, осуществить его после соответствующей подготовительной работы. При этом они надеялись в случае победоносного окончания войны на облегчение участи своего народа и создание национальной автономии.

Тезис «казахам надо объединиться...» вскоре нашел свое отражение в создании сети областных и уездных казахских комитетов как третьей силы, наравне с органами Временного правительства и местными Советами, а в дальнейшем перерос в идею организации национальной автономии в составе Российской демократической федеративной парламентской республики. Тезис «немедленного возвращения казахам незаконно отнятых [царизмом] у них земель» трансформировался в идею собирания всех исконно казахских земель в составе единого национального государства.

Царское правительство, обеспокоенное консолидацией казахской оппозиции, начало репрессии против ее руководителей. В январе 1906 г. как кандидат в Государственную Думу, А.Н. Букейханов попал в г. Павлодаре в тюрьму. В неопубликованной до сих пор статье «Дзянь-Дзюны киргизской степи», которая была написана в тюремных стенах и обнаружена нами в Государственном архиве Российской Федерации, А.Н. Букейханов писал: «Наш край (Семипалатинская и Акмолинская области) мирный; терпению его мог бы позавидовать сам доблестный герой русско-японской войны Куропаткин. Не считая генералов Сухотина, Ромина и Галкина, царствуют в киргизской степи 26 крестьянских и уездных начальников и около 20-30 урядников. Должность крестьянских начальников представляет собою как бы свалочное место, куда вся Россия бросает тех, кто в ней забракован борьбою за существование. Среди крестьянских начальников мы находим ротмистров, капитанов, священников, писарей и даже ветеринаров. Эти господа поступают с киргизами, как каждому бог на душу положит: кто порет киргиз розгами, что запрещено законом (о, закон, где ты!); кто дерется с киргизами, которые не остаются в долгах, хотя это редко; кто не представляет к утверждению общественных должностных лиц, избранных народом, оставляя на этих должностях друзей своих, кто не принимает от киргиз прошение на их языке, кто не распечатывает киргизские прошения, подаваемые по почте, так как личная подача сопряжена руганью и выталкиванием просителя, кто пользуясь бесплатным продовольствием от киргизских управителей

(волостной старшина), показывает вид, что он на это не обращает внимание и т.д. и т.д. Жизнь киргизской степи была бы настоящим адом, куда она быстро идет, если б киргизы не имели религиозную веру в афоризм Филиппа Македонского: «Нет крепости, которую не взял бы осел, навьюченный золотом». Последней инстанцией, куда киргиз апеллирует, где он ищет и почти всегда находит восстановление своих прав, является осел Филиппа Македонского» [3, л. 2-3].

Если события 1905-1907 гг. и последующий период не создали благоприятных условий для реализации вышеуказанной стратегической задачи, то февраль 1917 г. породил вполне реальные возможности для ее успешного решения.

В условиях революционного процесса после победы Февральской революции 1917 г. лидеры прокадетски настроенных казахских интеллигентов, группировавшихся вокруг Алихана Букейханова, решили осуществить свои планы по созданию национальной казахской партии. Создание национальной государственности стало главной целью казахской духовно-интеллектуальной элиты. Именно по этой причине А. Букейханов вышел из партии кадетов. Самоопределившись, А. Букейханов создает национальную политическую партию «Алаш», идейные предпосылки которой были заложены газетой «Казах», выходившей с 1913 г. Провозглашенные буржуазно-демократические свободы он стремился использовать для консолидации сил национальной интеллигенции, отражавшей интересы различных, а в первую очередь привилегированных слоев казахского общества.

Мощным побудительным импульсом возрождения идеи национальной государственности стала Февральская революция, весть о которой была с восторгом встречена лидерами национальной интеллигенции. «Для народов России, – телеграфировал руководитель Киргизского отдела при штабе фронта в Минске А. Букейханов, – взошло солнце Равенства, Братства и Свободы. Чтобы поддержать новое правительство, казахам надо объединиться. Для укрепления нового порядка необходимо усилить братские узы с другими народами. Надо готовиться к выборам в Учредительное собрание. Боритесь за единство и справедливость» [1]. 25-28 марта 1917 г. в качестве делегата он принял участие в работе VII съезда партии кадетов, потребовав в своем выступлении возвращения казахам незаконно отнятых у них земель.

После Октябрьской революции алашордынцы оказались в антисоветском лагере. Лидеры «Алаш-Орды», занимавшие государственные посты при Временном правительстве, были свергнуты Советской властью с должностей и преследуемы. В период Гражданской войны А. Букейханов вместе с другими алашординцами возлагал надежды на белое движение. «Алаш-Орда» заключила союз с атаманом Оренбургского казачьего войска Дутовым и пыталась сформировать вооруженные отряды «народной милиции».

Напряженный поиск путей самоопределения автономии «Алаш» привел правительство «Алаш-Орды» к установлению контактов с белогвардейским правительством Сибирской автономии в Омске, возникшим в результате свержения Советской власти в Сибири летом 1918 г. Также ЦК партии «Алаш» направил свои делегации для участия в работе созданного эсерами Поволжья в Самаре Комитета Учредительного собрания (Комуч), на «Государственное» совещание в Уфу.

Будучи лидером партии «Алаш» А. Букейханов пытался вступить в переговоры с правительством РСФСР. В 1918 г. А. Букейханов и другие руководители «Алаш-Орды» добивались компромиссного решения спорных вопросов путем взаимного признания автономии «Алаш» и Советской власти.

Возрождение институтов казахской государственности исследователи связывают с периодом национально-освободительного движения казахского народа в 1916 г. Однако, в полной мере этого не произошло, поскольку к тому времени не сложились необходимые объективные исторические условия. Говоря о позиции лидеров казахской элиты, ставивших перед собой задачу вхождения Казахстана в мировое сообщество, следует отметить, что она занимала доминирующее положение в казахском обществе. В выборе пути для казахского народа данное направление общественной мысли указывало на необходимость не только адаптации к современным техносферным преобразованиям, но и ослабления власти колониальной администрации. Однако отсутствие у лидеров национального движения политического опыта, плохо организованное руководство и даже некоторая политическая наивность позволили империи с помощью «революции сверху» и смены господствующей идеологии уничтожить слой национальной элиты в национальных регионах бывшей Российской империи. С ее ликвидацией был нарушен и естественный ход формирования и трансформации национальной тождественности.

На наш взгляд, одной из причин, не позволивших лидерам национальной интеллигенции осуществить избранную ими модель вхождения Казахстана в мировое сообщество, стало стремление связать воедино несовместимую в тот период времени триаду: европейскую модель развития, исламское мироощущение и ценности кочевой цивилизации. Тем не менее, именно они, практически поголовно уничтоженные в годы Советской власти, оставили наиболее яркий и заметный след в политической и культурной жизни казахского народа как просвещенное, профессиональное и, главное, альтруистическое поколение выразителей и защитников национальных интересов [10, с. 83].

Говоря в целом, в историографическом плане еще предстоит проделать большую работу по выявлению, анализу и обобщению исторической информации в ракурсе присутствия и трансформации идеи государственности в наследии интеллигенции начала XX в. в Казахстане.

Источники и литература:

1. Алаштың талапты азаматына // Қазақ. 1917. №234.
2. Бөкейханов Ә. Шығармалар. Алматы: Қазақстан, 1994. 384 б.
3. Букейханов А.Н. Дзянь-Дзюны киргизской степи // ГАРФ. Ф. 563. Оп. 1. Д. 6.
4. Григорий Николаевич Потанин // Қазақ. 1917. №251.
5. Лурье С.В. Русские в Средней Азии и англичане в Индии: доминанты имперского сознания и способы их реализации // Цивилизации и культуры. М.: Прометей, 1995. Вып. 2. С. 252-273.
6. Мажитов С.Ф. Проблемы истории, теории и историографии народно-освободительного движения XVIII – начала XX вв. в Казахстане. Алматы: Мектеп, 2007. 350 с.
7. Полное собрание русских летописей. М: Наука, 1987. Т. 36. Ч. 1. 381 с.

8. Соловьев С.М. Сочинения. М.: Наука, 1991. Кн. 7. ТТ. 13-14. 701 с.
9. Стенографические отчеты / Гос. дума, третий созыв, сессия вторая. СПб: Государственная типография, 1908-1909.
10. Сужиков Б.М. Казахская политическая элита и трансформация этнической тождественности на рубеже XIX-XX вв. в зарубежной историографии // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы: Типография УД Apparата Президента РК, 1993. Вып. 1. С. 82-95.
11. Тлепов Б.А. Империализм и демократия в традиционном казахском обществе // Кенесары Қасымұлы. Алматы, 2003. С. 252-257.
12. ЦГА РК. Ф. И-17. Оп. 1. Д. 1.
13. Olcott M.V. The Kazakhs. Stanford, 1987. 341 p.

УДК 39 (574)

С.Н. Мамытова
Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова,
Павлодар, Казахстан

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПАВЛОДАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ

В статье представлены результаты исследований автора в области межэтнических отношений в историческом измерении. Исследования проведены на основе историко-этнографических материалов, собранных в Павлодарском Прииртышье. Раскрыта роль Ассамблеи народа Казахстана в укреплении национальной идентичности.

Ключевые слова: историко-этнографические исследования, национальная идентичность, толерантность, Ассамблея народа Казахстана.

S.N. Mamytova
Toraighyrov Pavlodar State University,
Pavlodar, Kazakhstan

RESULTS ON ACTIVITY ON STRENGTHENING OF THE INTERETHNIC CONSENT AND TOLERANCE IN THE PAVLODAR REGION

The article deals with the results of the authors researches in the field of relations between ethnos in the historical measuring. The researches have been conducted on the basis of historical-ethnographic materials collected to Pavlodar of Irtysh region. The role of the Assembly of People of Kazakhstan is exposed in strengthening of national identity.

Keywords: historical-ethnographic researches, national identity, tolerance, the Assembly of People of Kazakhstan.

В деле укрепления национального суверенитета Казахстана важно учитывать интересы всех этносов, проживающих в стране. Нарастание тенденции культурной самоидентификации этносов началось с момента провозглашения

Республикой Казахстан независимости. Сейчас, когда созданы условия для развития культурных потребностей всех этносов в республике, на повестке дня стоит вопрос об укреплении национальной идентичности и единства народа Казахстана. Это продиктовано как внутренними этнополитическими факторами, так и мировыми процессами: глобализацией, геополитическим и экономическим кризисом.

Огромный вклад в сохранение единства, мира, стабильности в стране, безусловно, вносит Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев. Он ведет твердую, последовательную этнополитику в интересах всех граждан республики, независимо от происхождения и веры, постоянно призывает народ крепить доверие и единство. В Послании «Нурлы жол – путь в будущее» Президент отмечает: «Чтобы пройти глобальный экзамен на зрелость, мы должны быть сплоченными. Быть толерантными друг к другу!» [2, с. 4].

Президент страны неоднократно подчеркивал, что именно толерантность является основой казахстанской модели межэтнического поведения. Само понятие «толерантность» до сих пор вызывает неоднозначную оценку в обществе и находится в центре внимания многих ученых - философов, политологов, психологов, социологов, историков. «Толерантность» дословно переводится с латинского языка как терпимость, снисходительность к кому-либо. Мы не можем согласиться с такой трактовкой. Поскольку слово «терпимость» больше воспринимается как вынужденное смирение. На наш взгляд, толерантность подразумевает искренность, внутреннее, духовное убеждение в возможности существования другого мнения, другой культуры и уважительное отношение к ним.

Для измерения степени разделения ценности толерантности среди различных социальных и этнических групп в одном из приграничных регионов Казахстана, Павлодарском Прииртышье, членами научно-экспертной группы был проведен ряд социологических исследований, последнее из которых показало: 66% от общего числа опрошенных считают, что в регионе отношения между этносами спокойные и бесконфликтные. Достаточно высокий уровень толерантности павлодарцев был выявлен также в ходе историко-этнографических экспедиций: «Павлодарское Прииртышье – территория толерантности» (август, 2014 г.), «Ұлы Дала Елі» (сентябрь, 2016 г.).

Результатом экспедиций стал сбор богатейших материалов о межэтническом взаимодействии на территории Павлодарского Прииртышья. Практически все аулы, села здесь имеют смешанное население, состоящее в основном из казахов и переселившихся в край еще в XVIII – начале XX вв. русских и украинцев. Пик их переселения пришелся на период Столыпинской аграрной реформы начала XX в. Не романтика, не жажда приключений позвала их в дорогу, а нужда, беспросветная нищета и отсутствие земли. Так, например, в 1914 г. у оз. Чаган в местечке под названием Карашилик появились первые переселенцы в современном Успенском районе, образовалась д. Богатырь. Тавричане из Херсонской губернии поселились в живописном месте, вблизи Чалдайского соснового бора и основали д. Галкино (по имени Семипалатинского генерал-губернатора Николая Галкина, который дал дозволение заложить здесь деревню). Так возник целый ряд деревень, которые уже отметили свой 100-летний юбилей. С огромной благодарностью говорят старожилы этих деревень о гостеприимных казахах, преподавших им уроки жизни в условиях Степного края.

Все жители Павлодарского Прииртышья, независимо от национальной принадлежности, прошли через политические перипетии XX в.: годы революций и гражданской войны, коллективизацию, индустриализацию, культурную революцию. Не миновала Прииртышскую землю и участь стать местом политической ссылки и депортации в период сталинских репрессий. В 1940-1941 гг. на павлодарской земле появились первые депортированные народы из разных регионов Советского Союза: немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы и др. Их расселили практически по всем районам области.

Крупные этнодемографические изменения произошли в регионе в период освоения целины, а также в ходе интенсивной индустриализации края в 1950-е–1960-е гг. Павлодарская область была одной из пяти областей Северного Казахстана, куда ранней весной 1954 г. устремились первые эшелоны целинников, сельскохозяйственной техники, строительных материалов и составы с транспортными средствами. Люди ехали из Ярославля, Ленинграда, Москвы, Свердловска, Татарстана, Белоруссии и других регионов СССР.

За все последующие годы на территории Павлодарского Прииртышья сложилось сообщество разных этносов, культур и религий, находящихся в тесном взаимодействии. Оно проникло во все сферы бытия – язык, образ жизни и мышления, менталитет. Взаимодействуя, консолидируясь, этносы на протяжении многих веков мирно трудятся, строят планы на будущее.

Современная история этносов и их межкультурной коммуникации тесно связана с деятельностью Ассамблеи народа Казахстана (АНК). Это важный институт гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений [3, с. 154-155]. К настоящему времени АНК накоплен 20-летний опыт работы. Ассамблея получила международное признание и является брендом независимого Казахстана. Тогда как в ведущих странах мира говорят о кризисе мультикультурализма, в Казахстане мультикультурализм приносит положительные результаты. Реализация принципа «Единство в многообразии» является основой стабильности, укрепления национального единства, формирования казахстанского патриотизма. На сегодняшний день более 130 этносов считают Казахстан своей родиной, дружно живут и трудятся под общим шаныраком. Однако случающиеся периодически провокации требуют неустанного внимания Ассамблеи к межнациональным проблемам и постоянного совершенствования проводимой работы. Для этого у Ассамблеи имеется большой потенциал, и прежде всего, наличие конституционного статуса. Из 107 избранных депутатов Мажилиса 9 человек были избраны от АНК. Это показывает, какие большие полномочия имеет АНК. Председателем АНК является сам Президент. Ежегодно на сессии АНК Президент страны определяет новые задачи, дает старт новым проектам [1, с. 7].

АНК Павлодарской области вносит свою лепту в укрепление национального единства. В областном центре и районах успешно действуют этнокультурные объединения, Дома Дружбы, Школа национального возрождения. Они проводят огромную работу по сохранению самобытной культуры этносов и укреплению мира, согласия, толерантности в обществе.

Большую роль в развитии региона играет приграничное положение с Россией. Это привело к сложению ряда традиций, таких как взаимные визиты в дни знаменательных событий, проведение совместных народных праздников, творческий обмен, встречи «за круглым столом» по вопросам экономического и культурного сотрудничества. В 2016 г. в Павлодаре в шестой раз прошел

традиционный международный молодежный этнокультурный форум приграничного содружества «Бірлік. Единство.KZ». Учитывая то, что именно молодежь является одним из наиболее общественно активных слоев населения и стратегическим ресурсом перспективного развития страны, эта среда находится в центре внимания государственных органов, учебных заведений, общественных центров. Основная работа по формированию толерантности, национального единства среди студенческой молодежи в Павлодарском государственном университете им. С. Торайгырова осуществляется Студенческой Ассамблеей и кафедрой Ассамблеи народа Казахстана.

Кафедра Ассамблеи народа Казахстана была открыта 1 марта 2014 г. в целях теоретико-методологического обеспечения преподавания дисциплин, связанных со сферой реализации государственной национальной политики, а также развития методологии исследований межкультурного и межэтнического взаимодействия. С целью мониторинга, оценки, оказания консультационных услуг проводится экспертный обзор событий и фактов, связанных с текущим состоянием и динамикой в межэтнической сфере региона. Кафедра осуществляет работу в тесной связи со студенческой Ассамблеей, библиотекой народа Казахстана, АНК области и этнокультурными объединениями. По обращению Совета по связям с религиозными объединениями при акиматах области и города представляет доклады по проблемам межконфессиональных отношений.

Координация работы происходит под руководством Научно-экспертного совета и Ассоциации кафедр АНК. Один раз в год проходит расширенное заседание Научно-экспертного совета с участием Государственного секретаря Республики Казахстан и два раза в год – заседания Ассоциации кафедр. Заседание прошло в Северо-Казахстанском государственном университете (г. Петропавловск). На заседании были обсуждены проблемы, опыт работы кафедр, выработаны рекомендации в Министерство образования и науки Республики Казахстан по распространению общенациональной идеи среди молодежи. На базе кафедры проводятся научные исследования тем: «Общенациональная идея «Мәңгілік Ел» как интегрирующая основа этносоциальных групп»; «Национальный проект «Большая страна – Большая семья» как инструмент конструирования казахстанской идентичности»; «Этнический inside: сравнительное исследование экономического поведения, социально-трудовой ментальности этносов, этническое предпринимательство в Казахстане»; «Ассамблея народа Казахстана Павлодарской области: исторический опыт, актуальное положение и перспективы». По результатам исследований сотрудниками кафедры опубликовано более 100 научных статей, учебных пособий и монографий. Книга «История этнического предпринимательства в Казахстане» в республиканском конкурсе, организованном «Қоғамдық келісім» при Администрации Президента Республики Казахстан, а также Министерстве образования и науки Республики Казахстан, вошла в пятерку лучших трудов по актуальным проблемам межэтнических отношений. Кафедра принимает активное участие в разъяснении ценностей общенациональной идеи «Мәңгілік Ел». По итогам работы кафедры были представлены доклады в Центре поддержки молодежных инициатив, в Доме Дружбы для этнокультурных объединений, а также в студенческих аудиториях.

23 октября 2015 г. в Павлодарском государственном университете им. С. Торайгырова прошел единый урок Ассамблеи народа Казахстана для студентов и

магистрантов. В качестве лекторов выступили председатель Студенческой Ассамблеи Смаилов Рамиль, заведующий кафедрой «Ассамблеи народа Казахстана» Мамытова С.Н., а также гости – председатель общественного объединения «Лига женщин мусульманок Павлодарской области», член Ассамблеи народа Казахстана Б. Максимова, председатель координационного совета молодежных объединений АНК Павлодарской области Э. Паули.

В ходе республиканской экспедиции «Ұлы Дала Елі», посвященной 550-летию Казахского ханства, были собраны уникальные материалы по истории формирования казахской государственности, а также проведены беседы: «Мәңгілік Ел мұраты - ел бірлігі», лекции-презентации «Казахстанская модель общественного согласия и национального единства Н.А. Назарбаева». Важным результатом экспедиции является создание авторского документального фильма и подготовка Дневника, который экспонируется в Национальном музее.

Кафедра Ассамблеи народа Казахстана организует диалоговые площадки с участием ученых-экспертов и студенческой молодежи по проблемам формирования национального единства и межэтнической толерантности. Ко Дню духовного согласия был проведен круглый стол на тему «Духовно-нравственные ценности в молодежной среде». В работе круглого стола приняли участие заведующий кафедрой АНК, начальник отдела первого управления прокуратуры Павлодарской области Серик Алиев, директор центра анализа и развития межконфессиональных отношений управления по делам религий Павлодарской области Гульназ Раздыкова. Перед собравшимися выступили представитель антитеррористического комитета при комитете национальной безопасности по Павлодарской области Аскар Рахимжанов и известные теологи Жолдас Кажы Бертымуратов и Карлыгаш Кажымалик кызы. Докладчики рассказали о том, какая работа проводится в Павлодарской области по противодействию экстремизму и терроризму, ознакомили студентов со списком запрещенных по решению суда сект и течений, подчеркнули важность приверженности к идеалам мира, национального единства, межконфессиональной толерантности.

В рамках празднования Международного дня толерантности (16 ноября) был организован Круглый стол на тему: «Толерантность – дорога к миру». Участники высказали свое мнение о толерантности, причинах нетолерантного отношения со стороны отдельных групп населения, предложили рекомендации о возможных путях и механизмах формирования толерантных установок.

Отмечая юбилеи этнокультурных объединений, кафедра принимала участие в фестивалях карачаево-черкесского и кабардино-балкарского, татаро-башкирского, корейского, финно-угорского искусства. На базе кафедры были проведены брифинги «Идентичность и единство: опыт деятельности этнокультурных центров области в реализации национальной идеи». Кафедра выступала на разных площадках СМИ в поддержку инициативы внеочередных парламентских выборов в стране, организовывала встречи со студенческой молодежью по проблемам формирования политико-правовой культуры. В марте кафедра приняла участие в праздновании Дня благодарности и праздника Наурыз и презентации книг, подаренных Республиканским государственным управлением «Қоғамдық келісім» при Президенте Республики Казахстан за высокие результаты по итогам проводимой работы по укреплению казахстанской идентичности. Можно констатировать, что в Павлодарском государственном университете им. С. Торайгырова накоплен большой опыт гармонизации

межэтнических отношений, что дает право утверждать, что оно остается в числе лидеров укоренения толерантности и единства – важнейшего направления в жизни страны. Укрепление связей с аналогичными формированиями республики и соседних приграничных регионов России на основах толерантности, мира и согласия, безусловно, создает основы для динамичного продвижения приграничных регионов в процветающее будущее.

Список источников и литературы:

1. Нурсултан Назарбаев: идея мира и общественного согласия. Астана: Ақарман-медиа, 2010. 258 с.

2. Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Нұрлы Жол - путь в будущее» (г. Астана, 11 ноября 2014 г.) // Сетевое издание «Zakon.kz». URL: <http://www.zakon.kz/4667084-poslanie-prezidenta-respubliki.html> (дата обращения: 20.09.2016).

3. Тугжанов Е.Л., Кан Г.В., Коробков В.С., Шаяхметов Н.У. Ассамблея народа Казахстана: исторический очерк. Алматы: Раритет, 2010. 304 с.

УДК 908

T.S. Mizimbaev

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

БОРЬБА ЛИДЕРА АЛАШ-ОРДЫ А. БУКЕЙХАНОВА ЗА РАВНОПРАВИЕ КАЗАХОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в. (В ВОПРОСЕ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ)

В статье рассматривается деятельность одного из лидеров движения «Алаш-Орда» Алихана Букейханова, направленная на получение «права» воинской повинности казахским населением наравне с другими народами империи. Показано, что борьба за право воинской повинности для казахов была тесно связана с решением земельного вопроса в пользу коренного населения региона. Вместе с тем выявлен ряд причин, не позволивших лидеру «Алаш-Орды» добиться успеха в данном вопросе.

Ключевые слова: Алихан Букейханов, воинская повинность, Государственная Дума, «Алаш-Орда», Степной край.

T.S. Mizimbaev

*Altay State Pedagogical University,
Barnaul, Russia*

THE LEADER ALASH ORDA BUKEIKHANOV STRUGGLE FOR EQUALITY OF KAZAKHS OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE QUESTION OF MILITARY SERVICE (BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY)

The article discusses the activities of one of the leaders of the movement "Alash-Orda" Alikhan Bukeikhanov aimed at obtaining the "right" conscription Kazakh population on a par

with the other peoples of the empire. The article shows that the struggle for the right to compulsory military service for the Kazakhs was closely associated with the decision of the land question in favor of the indigenous population of the region. However, the article revealed a number of reasons, do not allow the leader of «Alash-Orda» to succeed in this regard.

Keywords: Alikhan Bukeikhanov, conscription, the State Duma, «Alash-Orda», Steppe Region.

А. Букейханов, один из лидеров движения «Алаш-Орда», уделял огромное внимание борьбе за предоставление воинской повинности казахскому населению. Воинская повинность – одна из основополагающих обязанностей подданного-гражданина любой страны. Ее нераспространение на казахское население было показателем слабой интегрированности степи с Российской империей. Одним из первых людей, осознавших трудность данной ситуации для казахов, стал Алихан Букейханов, который незамедлительно приступил к ее разрешению.

Как позже признавался сам Букейханов в статье в одном из первых номеров газеты «Қазақ» в 1913 г., преградами на пути стал закон от 1834 г., а именно 42 статья Устава о воинской повинности, которая гласила: «Население Туркестана, а также казахи Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей освобождены от воинской повинности» [1, с. 78].

Безусловно, первые десятилетия действия устава о воинской повинности были благоприятными для народа, особенно после многочисленных войн с Джунгарией в предшествующую эпоху, поставивших вопрос о самом существовании казахов как отдельного этноса. Однако последующие события, а именно, осуществление реформ 1867-1868, 1886 и 1891 гг., следствием которых стало поэтапное усиление колонизации, вылившееся в экспроприации лучших земель у коренного населения в пользу того же казачества, отличительной чертой и заслугой которого являлось несение воинской повинности на окраинах Российской империи, отрицательно сказались на казахском населении.

Земля оказалась государственной собственностью Российской империи, регулированием земельных отношений занимались имперские власти. И, как показала дальнейшая практика, лишение казахов прав на собственные земли открыло широкие возможности для заселения территории современного Казахстана русскими переселенцами, которые вытесняли кочевников на малопригодные земли.

Например, генерал-губернатор Степного края Иван Надаров, на требование делегации казахов, насильственно выселенных с исконных родовых земель, заявил: «казахи никогда равноправия не получают, так как они наравне с другими не несут военную службу», и «казахская земля не есть собственность казахов, а государственная, следовательно, если она нужна будет государству, то будет отобрана у казахов по мере потребности» [1, с. 81].

Из вышеуказанного можно сделать вывод, что получение воинской повинности казахами стало одной из первостепеннейших задач, решив которую можно было надеяться на изменения в земельном вопросе, обострившемся к началу XX в. Активную деятельность за возврат казахам собственных земель начал А. Букейханов, поскольку восстановление утраченной без видимой борьбы национальной государственности, по его глубокому убеждению, предполагало, прежде всего, наличие собственных территорий.

В то же время восстановление казахской государственности с прежним Ханским институтом правления он считал полным анахронизмом. Он мечтал о

построении Казахского демократического государства западного образца, о чем упомянул в очерке «Киргизы» [3, с. 575-600]. Позже лидер «Алаш-Орды» в своих обращениях к предполагаемым союзникам заявлял, что среди алашординцев «нет стремлений к сепаратизму. Мы едины с великой демократической Федеративной Россией», «мы – западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток... Получить культуру мы сможем... через Россию, при посредстве русских» [2, с. 59].

А. Букейханов как никто другой из казахской национальной элиты осознавал, что при существующем самодержавном колониальном режиме казахам мирным путем не вернуть отнятые исконные земли и не добиться восстановления национальной государственности. По его убеждению, реальный путь к этой цели лежит лишь и только через политическое реформирование самой Российской империи: преобразование ее из самодержавия в федеративное демократическое государство. Позже, в колонке газеты «Иртыш» он напишет: «Россия нуждается... в коренных преобразованиях, которые превратили бы ее в истинно демократическое государство, единственно соответствующее ее социальной структуре» [1, с. 82].

Поэтому А. Букейханов принял единственное, на его взгляд, прагматичное и политически целесообразное решение объединиться с прогрессивными силами империи в лице конституционно-демократической партии. В 1905 г. грянула первая русская революция, и А. Букейханов, не без основания, возлагал большие надежды на законодательное восстановление прав казахов на собственные земли, в связи с рескриптом от 18 февраля 1905 г. о созыве «доверием народа облеченных людей» – Государственной Думы.

А. Букейханов шел на выборы с целью поднять с трибуны Государственной Думы самые насущные проблемы казахов, такие как возврат изъятых у них родовых пастбищ, водопоев, зимовок, посевов, покосов, лесов и признание всех земель, занимаемых казахами, их собственностью, введение во всем Степном крае земства (местного самоуправления), воинской повинности для казахов и многое другое. А. Букейханов на предвыборных встречах и собраниях со своими избирателями обсуждал именно эти вопросы и принял их как наказ, поскольку считал, что казахи нуждаются в защите своих земельных интересов. А добиться этого можно только при наличии Конституции и парламента в лице Государственной Думы.

Следует отметить, что во время работы III Государственной Думы А. Букейханов, находясь в ссылке, внес данный законопроект на рассмотрение через фракцию депутатов-кадетов. Лидер «Алаш-Орды» добивался формирования из казахских джигитов добровольных кавалерийских полков, причем с самостоятельным командованием. То есть он планировал сформировать современную казахскую армию, исходя из принципа о том, что армия должна быть организована наподобие казачьих войск с самостоятельным войсковым управлением.

Параллельно с этим он в 1913-1917 гг. на страницах газеты «Қазақ» разворачивает открытую дискуссию о неизбежности несения казахами воинской службы, также разъясняя удобство службы в кавалерийских войсках.

В доработанном варианте «Устава о воинской повинности» предусматривалось введение воинской повинности не только для казахов, но и для всех мусульманских народов России. Однако III Государственная Дума завершила свою работу, так и не приняв законопроект об изменении «Устава о воинской повинности».

Вступление Российской империи в первую мировую войну принесло с собой усиление колониального гнета, выразившегося в повышении размера налогов и введении новых, еще больших масштабов изъятия земель. В то же время данное событие вселило надежду в представителей национальной интеллигенции во главе с А.Н. Букейхановым и А. Байтурсыновым на то, что будут пересмотрены вопросы политики в отношении Казахстана и в воинской повинности казахов. Это было связано с тем, что в случае победы в войне и участия казахов в ней как равноправной части империи можно будет осуществить идеи о создании национальной автономии.

Так, в середине августа 1915 г. помощник начальника геодезического отделения военно-топографического отдела Главного Управления Генерального Штаба полковник Свищев совершил поездку в Семипалатинскую область. В докладе, представленном начальнику Азиатской части Главного штаба он так высказался о возможности призыва киргиз на военную службу: «Нет, конечно, никакого сомнения, что из киргиза, проводящего, кажется, большую часть своей жизни верхом на лошади, вышел бы хороший кавалерист. Было бы совершенно справедливо и киргиз привлечь к отбыванию воинской повинности, формируя из них части по образцу казачьих или иным каким-либо путем. Тогда и среди окружающих киргиз русских людей (крестьян и казаков) не было бы недовольства за привилегии киргиз, и Россия получила бы новый контингент людей для нашей армии» [4, с. 56].

Несмотря на огромные потери, понесенные в первые годы войны, данный вопрос так и остался открытым. Причиной этому стали, прежде всего, опасения по поводу начала нового восстания против колониальных властей.

25 июня 1916 г. был опубликован указ, по которому «инородческое» мужское население Российской империи призывалось на работы по созданию оборонительных сооружений в районе действующей армии и на тыловые работы. Мобилизация на тыловые работы началась летом 1916 г. Тем самым царское правительство хотело освободить массу российских солдат и рабочих от устройства оборонительных сооружений и других тыловых работ, заменив их «реквизированными инородцами», как более покорной и дешевой рабочей силой. Предполагалась реквизиция из Туркестана и Степного края более 500 тыс. джигитов.

Для А. Букейханова и его сторонников, а именно либерально-демократической интеллигенции, стихийное восстание казахов, вспыхнувшее сразу после объявления указа, стало полной неожиданностью. Оно усилило опасение колониальных властей в решении вопроса о предоставлении права сформировать собственные конные войска.

Необходимо подчеркнуть, что восстание, стихийное и безоружное, прямо противоречило стратегии движения «Алаш». Они считали, что казахи – подданные российского государства.

Лидеры движения предлагали отложить призыв казахов на тыловые работы, осуществить его после соответствующих подготовительных акций. При этом они надеялись в случае победоносного окончания войны на облегчение участи своего народа и создание национальной автономии. Многие из них полагали невозможным сопротивление практически безоружного народа современной, технически оснащенной царской армии. Они опасались, что безоружный народ станет жертвой репрессивных мер правительства.

Как трезвые реалисты-прагматики, деятели движения «Алаш» не увлекались голым поверхностным популизмом и национализмом и тем более экстремизмом. Этим объясняется мужественная гражданская позиция, занятая ими вопреки господствовавшим в казахском обществе мнениям и настроениям.

А. Букейханов, А. Байтурсынов и М. Дулатов опубликовали в августе 1916 г. письмо-обращение «Гражданам Алаша», где они выступили с призывом не сопротивляться приказу российского правительства о призыве на военно-тыловые работы. «Отказаться от этого нельзя, власть нам этого не простит, она на законных основаниях применит репрессивные меры. В степь выйдут войска – народ лишится покоя, одинаково пострадают и люди, и скот, нарушатся основы уклада... Военное положение для народа равносильно катастрофе» [1, с. 85].

Последовавшая за восстанием кровавая расправа, гибель сотен тысяч жителей Казахстана и Средней Азии подтвердили справедливость многих из этих опасений. Алихан Букейханов – лидер движения «Алаш-Орда» - осуществлял тактику разумного компромисса с колониальной империей, выдвигая на первый план идею выживания народа, сохранения его этнической целостности. Его борьба за предоставление воинской повинности являлась примером присутствия в казахской степи интеллигенции, способной бороться за права кочевого населения.

Источники и литература:

1. Аккулы С. Собиратель казахских земель // Мысль. 2013. №2. С. 78-85.
3. Алаш Орда: сборник документов. Алма-Ата.: Малое издательство «Айкап», 1992. 192 с.
2. Букейханов А. // Формы национального движения в современных государствах: сб. науч. тр. СПб, 1910. С. 575-600.
4. Котюкова Т. В. Нераспространение всеобщей воинской повинности на народы Туркестана: «ограничение» или «привилегия»? // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2011. Т. 2. Вып. 7. URL: <http://history.jes.su/s207987840000172-8-2-ru> (дата обращения: 13.04.2016).

К.А. Моргунов
НИИ истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета,
Оренбург, Россия

УЧАСТИЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ В СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В 1920-1930-е гг.¹

Политика коренизации местных советов лежала в основе советской национальной политики. В статье рассматривается деятельность советских и партийных органов власти по вовлечению в советское строительство казахского населения Оренбургской губернии (с 1934 г. – области) в первые десятилетия советской власти.

Ключевые слова: казахи Оренбуржья, коренизация, советское строительство, введение казахского языка в делопроизводство, аульные советы, раскрепощение.

К.А. Morgunov
Southern Ural History and Ethnography
Research Institute of Orenburg state University,
Orenburg, Russia

ORENBURG KAZAKH POPULATION IN THE SOVIET CONSTRUCTION (1920-1930)

The policy of indigenization of the local councils was the cornerstone of Soviet nationalities policy. The article discusses the activities of the Soviet and party authorities for involvement in the Soviet construction of Kazakh population of the Orenburg province (1934 – region) in the first decades of Soviet power.

Keywords: Kazakhs of the Orenburg region, indigenization, Soviet construction, the introduction of Kazakh language in record-keeping, village councils, emancipation.

В первые годы советской власти одним из приоритетных направлений организации органов власти на местах стало образование Советов с учетом особенностей национального состава населения, проживающего на соответствующих территориях. Осуществление этого принципа нашло свое отражение и в Оренбургской губернии. Уже 16 апреля 1918 г. на заседании Оренбургского исполнительного комитета Советов основополагающим принципом при проведении предвыборной кампании по выборам делегатов Первого Оренбургского губернского съезда Советов было определено проведение ее «исходя из национально-пропорциональных начал» [3, л. 17].

После того, как декретом ВЦИК и СНК от 26 августа 1920 г. была образована Киргизская АССР и на основании дополнительного положения к нему от 22 октября 1920 г. в состав вновь образованной республики была включена Оренбургская губерния, центром республики стал г. Оренбург. В работе

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 15-11-56002 а(р).

Учредительного съезда Советов Киргизской АССР, который проходил в Оренбурге с 4 по 12 октября 1920 г. приняли участие 273 делегата, в том числе 128 казахов, 127 русских и 18 представителей других национальностей. В работе съезда принимал участие лидер движения «Алаш» А.Н. Букейханов [24, с. 134]. В 1920-1921 гг. он недолгое время работал в Народном комиссариате земледелия, но после смерти жены, Е.Я. Севостьяновой, отошел от дел. В первый президиум КирЦИК вошли С. Мендешев, А. Джангильдин, С. Сейфулин и другие [25, с. 7]. Первым наркомом просвещения Киргизской АССР стал А. Байтурсунов. Сотрудниками Кирнаркомпроса были яркие представители казахской интеллигенции М. Дулатов, М. Джулдубаев, И. Омаров. В аппарате КирЦИК работал М. Ауэзов.

На втором съезде Советов Киргизской АССР, который прошел в Оренбурге с 4 по 10 октября 1921 г., присутствовали 231 делегат, в том числе 110 русских по национальности и 78 казахов.

Однако при осуществлении задач советского строительства в районах с преобладанием национального населения органы власти столкнулись с серьезными трудностями, которые были связаны, прежде всего, с культурной отсталостью, господством патриархального быта и общим консерватизмом.

Для осуществления коренизации советских и партийных аппаратов требовались грамотные, специально подготовленные и разделяющие официальную идеологию работники из среды национального населения. В этой связи особое внимание уделялось подготовке аппаратчиков и партийной номенклатуры из представителей национального населения. Для национальных кадров проводились специальные партийные недели, открывались политекурсы, созывались партийные и беспартийные конференции. В 1920 г. Киргизский институт народного образования начал подготовку учителей национальных школ первой ступени. На базе института было организовано повышение квалификации работников государственного аппарата [25, с. 8]. В 1921 г. в Оренбурге был открыт рабфак, 30% слушателей которого составляли казахи [2, с. 54]. Выпускниками рабфака стали выдающиеся казахские писатели Сабит Муканов и Габит Мусрепов.

Увеличению представительства казахского населения в управленческом аппарате способствовало проведение в 1920-х и 1930-х гг. широкомасштабной кампании по переводу делопроизводства на казахский язык. В январе 1921 г. СНК Киргизской АССР был принят декрет «О порядке употребления киргизского и русского языка». Декрет требовал опубликования законов Киргизской АССР, нормативных актов на казахском и русском языках.

В декрете ВЦИК, принятом в 1924 г., отмечалось: «В целях приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству, считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки...» [1, с. 82]. С 1 января 1924 г. казахский язык вводился в делопроизводство во всех казахских волостях и уездах Киргизской АССР. В уездах со смешанным населением делопроизводство вводилось с 1 июля 1924 г. параллельно на киргизском и на русском языках. Исключением оставалась только Оренбургская губерния, срок перевода в которой делопроизводства на казахский язык не указывался [22, с. 96].

Жертвами проведения подобной политики оказались многие квалифицированные русскоязычные служащие, которые, в соответствии с постановлением Народного комиссариата труда Киргизской АССР от 5 августа 1924 г., в случае незнания казахского языка и письменности попадали под сокращение и заменялись национальными кадрами [5, л. 224].

При КирЦИК была создана специальная Комиссия по введению киргизского языка в делопроизводство. Подобную комиссию предписывалось создать и при Оренбургском губисполкоме, хотя последний полагал, что создание в г. Оренбурге отдельной комиссии является нецелесообразным, так как в состав губернии входили всего две казахские волости (Буртинская и Кумакская), где вся необходимая работа, по мнению оренбургских властей, уже была проведена. Но все же такой орган был создан. В постановлении губернской Комиссии по введению киргизского языка от 16 февраля 1924 г. указывалось на отсутствие необходимости перевода делопроизводства на казахский язык во всех губернских учреждениях, за исключением отдела ЗАГСа, уже имеющего в своем штате переводчика [8, л. 4].

Орским уездным исполнительным комитетом введение делопроизводства на казахском языке в волостях со смешанным населением предполагалось осуществить в 1925 г. [7, л. 6]. Особое внимание было уделено коренизации судебных органов в волостях с преобладающим казахским населением. Уже в 1924 г. делопроизводство в 13 судебных участках велось на казахском языке [7, л. 88 об]. Проводилась работа по коренизации работников следственных органов, в связи с чем предполагалось постепенно перевести делопроизводство на казахский язык к 1925 г. в полном объеме [7, л. 6].

Тем не менее, в губернском и уездных исполкомах представительство казахского населения длительное время оставалось незначительным. Так, по состоянию на 1 января 1923 г. из 35 сотрудников Оренбургского губисполкома был только 1 казах (остальные – 18 русских, 14 украинцев и два еврея). В Оренбургском уездном исполнительном комитете состояли 2 представителя казахского населения (и 13 человек – русских). Один казах трудился в Орском уисполкоме [4, л. 1].

Вместе с тем уже к 1923 г. четко прослеживается тенденция привлечения национальных кадров к деятельности в местных органах власти волостного и сельского уровней. Так, в 1-й и 2-й Буртинских казахских волостях Оренбургского уезда все председатели сельских советов (22 сельских совета) представляли казахское население, а из шести членов волисполкомов – пятеро казахов и один татарин. Среди членов исполкомов казахских Мажаровской и Домбаровской волостей (Орский уезд) имелось по два представителя казахского населения, а посты председателей сельских советов были пропорционально разделены между коренным (казахским) и переселенческим (украинским) населением. В Верхне-Каембаевский волисполком входил один казах и два из четырех сельсоветов возглавляли также представители казахского населения [13, л. 2-16].

Впрочем, и численность казахского населения, с учетом всех территориальных изменений, в этот период была незначительной. По данным на 1 июля 1924 г. в пределах Оренбургской губернии проживало 21 274 казаха (11 986 мужчин и 9 288 женщин). В городах губернии проживало 1 518 казахов (1 114 мужчин и 404 женщин), в том числе в Оренбурге – 1 225 чел., в Орске – 220 чел., в Илецке – 70 чел., в Кургале – 3 чел. В сельской местности проживало 19 756

казахов (10 872 мужчины и 8 884 женщины), что составляло 3,3% в общей численности населения губернии [23, с. 6, 8].

Отдельным направлением работы советских органов стало привлечение в советское строительство женщин Востока. Ставилась задача раскрепощения женщин, вовлечения их в производство и обеспечение экономической эмансипации, включения женщин в систему государственного управления. 15 июня 1921 г. по решению Первой областной конференции был образован Отдел по работе среди женщин при Киробкоме РКП(б). В резолюции конференции «О работе среди женщин» подчеркивалась важность и трудность организации женских масс, особенно казашек. Раскрепощению казахских женщин служили и многочисленные нормативные акты, принимаемые республиканской властью. Уже в декабре 1920 г. ЦИК и СНК Киргизской АССР приняли декрет об отмене калыма. В 1922 г. была установлена ответственность за принуждение к замужеству. В 1923 г., к международному дню работниц, Киргизский ЦИК принял постановление, в котором местным органам власти было предложено принять все необходимые меры для расширения сети опорных пунктов по ликвидации неграмотности среди казашек, открыть при Кирсовпартшколе специальное женское отделение на 50 человек для подготовки специалистов по работе среди казахских женщин. Все суммы и имущество, взыскиваемые судебными органами Киргизской АССР в виде штрафов и конфискации за нарушение декретов о запрете калыма и иных законов в области раскрепощения казахской женщины, предписывалось направить на нужды школьного строительства, открытие клубов и других культурно-просветительных учреждений в казахских районах. Штрафные средства, взимаемые при борьбе с самогоноварением, за отчислением положенных сумм в пользу «открывателей» и милиции, направлялись в распоряжение исполкомов для организации в казахских селениях яслей, открытия родильных домов [17, с. 129]. В целях организации в кочевых районах сети разъездных акушерских пунктов при фельдшерско-акушерских курсах было решено открыть отделение для подготовки акушеров из казашек [6, л. 74]. С 1924 г. в республике вводится праздник «День отмены калыма». В этом же году был принят закон о наказании за двоеженство и многоженство, а в 1925 г. к этим запретам добавились брак с малолетними, умыкание и аменгерство.

Одной из основных причин преобладания в процентном отношении русского населения в органах власти всех уровней следует назвать слабое представительство национальных меньшинств в местах смешанного проживания, где на руководящие должности избирались в основном наиболее грамотные и подготовленные работники, которые чаще встречались именно среди русского населения. Подобная тенденция не могла не отразиться на проведении кампаний по выборам в местные советы. Так, из 85 делегатов Первого Оренбургского уездного съезда советов, проходившего в сентябре 1924 г., было всего пять казахов (и еще по четыре представителя от немецкого и украинского населения уезда). Основная же масса делегатов (83%) представляла русское население [4, л. 20].

Такой дисбаланс национального представительства в должной мере осознавался органами власти. В связи с этим в своем отчете за 1924 г. Орский уездный исполнительный комитет, отмечая слабое представительство в органах власти национального населения, указал на необходимость «приближения

беднейшей части киргиз к Советской власти путем более активного привлечения их к выборам в советы и другие общественные органы, проведения собраний и бесед с освещением и разъяснением основных направлений государственной политики советской власти» [7, л. 6]. В связи с этим, как уже отмечалось, с 1925 г. в смешанных волостях Орского уезда предполагалось введение делопроизводства на казахском языке.

Результатом пристального внимания к проведению предвыборных кампаний среди национального населения губернии стало увеличение количественных показателей представительства национальных меньшинств, в том числе казахов, в деятельности съездов Советов всех уровней. По итогам кампании 1925-1926 гг. по перевыборам советов в составы сельских советов были избраны 175 казахов (3,0% от общей численности членов сельсоветов по губернии), на волостные съезды были избраны 25 представителей казахского населения (1,8%), из них в составы волисполкомов вошли 11 человек (8,1%). Председателями волостных исполнительных комитетов были избраны 2 казаха (6,1%). Однако в деятельности исполкомов на уездном и губернском уровнях казахи в 1926 г. не участвовали.

К 1927 г. В Оренбургской губернии насчитывалось 69 национальных сельсоветов, из них 21 - казахский. Только в Буртинском р-не (ныне большей частью Беляевский р-н) к 1925 г. было образовано 12 казахских аульных советов (№1 Исбасаровский; №2 Дарыталдинский; №3 Нижне-Битсуйский; №4 Кукинский; №5 Кумак; №6 Буранчи; №7 Байгиганакский; №8 Кызыл-Жар; №9 Мечетный; №10 Саракамыш; №11 Чуриновский; №12 Марзагуловский).

При организации сети избирательных участков в ходе проведения предвыборной кампании 1927 г. в основу также был положен принцип учета национальных и бытовых особенностей населения [9, л. 1 об]. Основными трудностями при проведении кампании по-прежнему оставались отсутствие достаточного количества литературы законодательного характера на родных языках, а также недостаточная квалифицированность сотрудников, занимающихся переводом нормативных актов, что, зачастую, вызывало неточности в их толковании. Так, в Буртинской волости избирательная комиссия дала пояснения по избирательной инструкции в национальные сельские советы о том, что имеют право избирать и быть избранным в Советы «... мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, женщины от 16 до 55 лет...» [9, л. 11 об]. Вследствие такого «разъяснения» фактически лишалось избирательных прав все взрослое национальное население волости в возрасте старше 55-60 лет. Уполномоченным губизбиркома это явление было исправлено, но оно неизбежно отразилось на более полной явке избирателей на собрания.

Расширение творческой активности масс через советские органы на местах предполагалось проводить, опираясь на лиц, обладающих определенной степенью благонадежности. Однако реальная практика показала, насколько непривычны и малоактивны эти слои населения в деятельности местных советов, в то время как те слои населения, которые теряли в условиях существующего режима свои основные доходы, как наиболее заинтересованные, образованные и активные, выступали против существующей системы. Особенно остро такое положение проявлялось в национальных советах с сильным традиционным укладом [17, с. 151].

Способом ограничения политической активности неблагонадежных слоев население стало лишение их избирательных прав. Однако существовала

неопределенность формулировок, допускающих неоднозначное, зачастую произвольное, толкование категории лиц, лишенных избирательных прав, что приводило к необходимости делать ежегодно уточнения в избирательных инструкциях (в 1922-1931 гг. избирательные кампании в стране проводились ежегодно), которые носили в основном расширительный характер. Ежегодно списки лишенцев «пополнялись» дополнениями и изменениями, причем на местах они опубликовывались зачастую с большим опозданием. Вследствие этого на избирательные собрания иногда приходили лица, подлежащие лишению избирательных прав, предъявляя при этом избирательные повестки. При наличии «хронической» родовой вражды в избирательных кампаниях с участием национального, в основном казахского, населения, это играло известную отрицательную роль. Например, при выборах в советы в ауле №2 (пос. Маденов) Камакской волости (Орский уезд Оренбургской губернии) в 1927 г. избиркомом были вручены повестки четырем «лишенцам», главам своего рода. Когда после объявления на собрании списков лишенных избирательных прав их попросили освободить собрание, то после продолжительного разбирательства собрание покинули все избиратели данных родов [9, л. 14 об].

Подготовительная и отчетно-предвыборная работа проводилась с большим трудом. Явка на собрания казахского населения первоначально была крайне неудовлетворительной. Губизбирком объяснял это неорганизованностью, забитостью бедноты, влиянием байства и мулл [9, л. 11]. Бедняцкое население, чувствуя свою экономическую слабость, зависимость от байства, зачастую боялось выступать прямо, твердо, с уверенностью в своих успехах. Например, в Орском уезде имелись случаи, когда выдвинутые на собрании бедноты кандидатуры в Совет на самом избирательном собрании ни одного голоса не получали.

В выборную кампанию 1927 г. увеличению активности избирателей среди казахского населения, как ни странно, способствовала исконная родовая вражда, доставлявшая немало осложнений в работе местных избиркомов и уполномоченных. Вопрос о преобладании мест в казахских сельских и аульных советах, с учетом старых родовых противоречий, был наиболее острым. Для того, чтобы обеспечить большинство голосов за выдвигаемую кандидатуру, тот или иной род использовал все возможные к этому меры: мобилизация голосов с помощью угощений и совместных чаепитий, собрания на дому по обсуждению кандидатур, сопровождаемые молениями за удачный выбор кандидатов, привлечение женщин к «механическому» поднятию рук за тех кандидатур, которые указывались мужьями. Разъезжая из аула в аул, представители родовой верхушки согласовывали между собой кандидатуры, с тем, чтобы на выборных собраниях выступать более организованно. В свою очередь, с целью организации бедняцкого национального населения, непосредственно перед избирательным собранием проводились специальные предварительные совещания бедноты и середняков под руководством уполномоченных избиркомом лиц.

Процент явки на собрания среди казахского населения в 1927 г. доходил до 60-70%. Нередко туда, с целью увеличения голосов при выборах в Советы, взрослыми приводились даже подростки, которым фиктивно увеличивали возраст [9, л. 16 об]. Таким образом, активность казахского населения во время проведения избирательных кампаний даже несколько превышала процентные показатели участия в выборах русского населения.

В более зависимом положении находились мусульманские женщины. Несмотря на то, что посещаемость собраний среди женщин-казашек была зачастую довольно высокой (25-37% в 1927 г.), сознательное участие их в обсуждении кандидатур и голосовании было незначительным (по данным за 1927 г. – 5-6%). Обыкновенно женщины голосовали за тех, за кого поднимали руки их мужья. Таким образом, самостоятельная роль казахских женщин была крайне незначительной. Намечаемые на предварительных женских собраниях кандидатуры женщин в Советы при их обсуждении на общих собраниях проваливались под сопровождение насмешек со стороны мужчин.

По итогам избирательной кампании 1927 г. в составы сельских советов были избраны 204 делегата казахской национальности (4,1% от общего количества членов сельсоветов), в президиумы сельсоветов вошел 51 казах (5,2%), председателями сельсоветов стали 26 казахов (6,9%), в составы ревизионных комиссий сельсоветов вошли 76 казахов (6,7%), а в президиумы волисполкомов – 7 казахов (5,8%). Председателями волисполкомов стали 3 казаха (9,2%), а в составы ревизионных комиссий волисполкомов были избраны 5 казахов (5,0%). В работе уездных съездов приняли участие 15 представителей казахского населения (2,7% от общего количество делегатов на уездные съезды). В составы уисполкомов вошли 3 казаха (5%), в работе губернского съезда Советов приняли участие 2 казаха (2,2%) и один представитель казахского населения вошел в состав губисполкома [10, л. 12].

Нормы представительства от национальных меньшинств специально оговаривались в директивных документах, исходящих от советских органов власти. Так, в письме, распространяемом Оренбургской окружной избирательной комиссией по всем районным избирательным комиссиям в связи с проведением в 1928 г. районных и окружных съездов Советов (в связи с образованием Средне-Волжской области), специально отмечалась необходимость при выдвижении делегатов учитывать национальные особенности. «Все эти особенности, - говорилось в письме, - ставят перед нами задачу такого подбора работников районных исполнительных комитетов, при котором было бы обеспечено представительство и от казачества, и от национальных меньшинств» [12, л. 1об, 2].

Исходя из этого Окружной организационной комиссией были разработаны специальные нормы представительства делегатов от национальных меньшинств. Эти нормы разрабатывались с учетом количественных данных по национальному населению в каждом районе. Общее количество делегатов на съезде определялось в 180 человек, из них 60 представляли Оренбургский горсовет, остальные распределялись по районным исполкомам на основе разработанных норм. Так, из казахского Буртинского р-на планировалось избрать 5 делегатов, причем не менее 3 из них должны были быть казахами. Домбаровский район на съезде должны были представить 4 делегата, в том числе 2 от казахского населения. Всего же, по расчетам Организационной комиссии, на съезде должно было присутствовать 48 делегатов от национальных меньшинств (42 от районов и 6 от г. Оренбурга), что составляло 27% от общего числа депутатов на съезде.

В районных съездах советов, проходивших в 1928 г. приняли участие 54 казаха (4,7% от числа участников съездов). В составах райисполкомов остались по-прежнему 15 человек. Председателями райисполкомов были переизбраны 2 представителя казахского населения (13,3%). На окружном съезде Советов

присутствовало 173 делегата, в том числе 6 казахов (3,5% от общего количества делегатов). В составе окрисполкома, как и в предыдущем году, числился один представитель казахского населения.

Тенденция на увеличение представительства казахского населения в органах власти всех уровней сохранилась и в 1929 г. В работе районных съездов советов приняли участие 110 казахов (5,6% от общей численности делегатов), в составы райисполкомов были избраны 26 казахов (7,5%), а вот среди председателей райисполкомов сохранил свой пост только один представитель казахского населения (6,3%). На окружном съезде советов участвовали уже 8 казахов (2,3% от общей численности делегатов), а в состав окружного исполнительного комитета вошли сразу 3 казаха (5,8%) [27, л. 33-43].

Женское национальное население, находящееся в особых национально-бытовых условиях, обуславливающих больший, нежели у русских, консерватизм со стороны значительной части мужского населения, в условиях господства традиционного уклада жизни, укорененной в форме обычая морали и религиозных догматов, все-таки постепенно раскрепощалось. Основная работа среди женщин велась под руководством специальных женских отделов и коллегий, создаваемых при советских и партийных органах, как на местах, так и в Центре.

Ярким примером реализации женщинами из числа национальных меньшинств своих политических прав и свобод, вовлечения их в общественную и государственную жизнь стал Первый съезд работниц и крестьянок Оренбургской губернии, прошедший в октябре 1927 г. На съезде присутствовали женщины – члены местных советов. Предварительно, в соответствии с инструкцией ВЦИК, были проведены районные и городские собрания работниц и крестьянок. Только по трем районам – Домбаровскому, Покровскому и Петровскому такие съезды проведены не были, вследствие незначительного числа женщин-членов Советов и неявки их на означенные съезды. В результате в работе районных съездов приняли участие 5 казашек (из 266 делегатов) и на губернский съезд прибыли 2 казашки (всего 69 делегатов от сельских районов и 21 – от городов) [11, л. 1].

Немаловажная роль в деятельности советских органов власти отводилась привлечению национальных меньшинств к участию в общественных объединениях. Основными типами таких объединений по понятным причинам стали партийные и профессиональные организации. Особенно пристальное внимание уделялось увеличению национального представительства в рядах Коммунистической партии.

В период с ноября 1928 г. по ноябрь 1929 г. в качестве кандидатов в партию было принято 156 казахов (7,2% от общего количества принятых кандидатов в этот период). Это позволило существенно увеличить долю казахов-партийцев. К ноябрю 1929 г. в состав Оренбургской окружной парторганизации входило 8 796 человек, в том числе 362 казаха (4,1% от общего количества членов парторганизации) [26, л. 25 об].

Перспективным резервом для пополнения рядов коммунистов призван был стать союз молодежи. Первый Казахстанский съезд комсомола состоялся в г. Оренбурге еще в 1921 г. У истоков создания комсомольской организации стоял Г. Муратбаев. Задачи улучшения работы среди национальной молодежи были поставлены на IX Оренбургской губернской конференции РЛКСМ, проходившей в период с 25 февраля по 1 марта 1926 г. В резолюции по работе среди молодежи

национальных меньшинств отмечалась необходимость «обратить внимание на усиление роста союза за счет национальной молодежи, особенно в смешанных населенных пунктах» [20, с. 44]. В этой связи предполагалось вовлекать национальную молодежь на общие совещания при волостных и уездных комитетах путем создания групп по проработке наиболее актуальных вопросов на их родном языке. Перед деревенскими организациями была поставлена задача подготовки актива не только на узко комсомольскую работу, но и на другие отрасли общественной работы национальных меньшинств деревни и аула. В резолюции отмечались положительные итоги создания и деятельности отдельных политкружков для комсомольцев из казахов. В целях усиления культурно-просветительной работы среди национальной молодежи было предложено создавать национальные секции при общих клубах. При вовлечении молодежи в советское строительство и общественные организации обращалось внимание на необходимость обеспечения реального участия национальной молодежи в этих органах путем прикрепления комсомольцев к различным секциям Советов, кооперации, ККОВ и регулярного заслушивания отчетов об их работе на общих собраниях ячеек комсомола [17, с. 134].

Отмечая слабый приток в ряды комсомола девушек-казашек, на конференции была поставлена задача усиления работы по вовлечению их в комсомол путем приспособления работы местных организаций к хозяйственным и культурным запросам девушек. Одновременно отмечалась необходимость вести самую решительную борьбу с хулиганством и игнорированием девушек комсомольцами. В области практической работы среди девушек было предложено проводить отдельные собрания, на которых разъяснять законы Советской власти в области защиты прав женщин, в первую очередь – о запрете многоженства, калыма и пр. [20, с. 46].

Направление на улучшение работы среди национальной молодежи было подтверждено и в ходе работы XI Оренбургской губернской конференции ВЛКСМ (28 марта – 2 апреля 1928 г.), в решениях которой отмечалась необходимость «... принять решительные меры к изжитию случаев имеющегося антагонизма в ряде ячеек, приспособить руководство комитетов к специфическим особенностям национальных ячеек с оказанием систематической практической помощи в их работе, привлечь массу комсомольцев из национальных меньшинств к практической работе, ... поручить губкому проработать вопрос об организации в Буртинском районе ШКМ для нацмен-молодежи» [21, с. 7].

В 1930-е гг. продолжилась кампания по переводу делопроизводства на языки национальных меньшинств. Решения принимались на самом высоком уровне. В Постановлении ВЦИК от 10 мая 1931 г. «Об усилении темпов по коренизации и переводу делопроизводства советских и других органов на родной язык соответствующей национальности» указывалось на необходимость настойчиво осуществлять перевод работы сельсоветов и райисполкомов в районах национальных меньшинств на родные языки населения.

Между тем на местах зачастую под любыми предлогами отказывались от использования национального языка в делопроизводстве. Так, в декабре 1935 г., отчитываясь перед Оренбургским облисполкомом, руководство Буртинского райисполкома указывало на отсутствие необходимых форм учета, пишущих машинок с национальным шрифтом и даже на то, что район вообще нельзя считать национальным (казахское население Буртинского района к 1935 г.

составляло около 50% всего населения). В районном аппарате инструкторами числилось всего 9 казахов. Многие председатели казахских колхозов, продолжительное время работающие на этих постах, были по-прежнему неграмотны. В связи с этим в постановлении Оренбургского облисполкома «О коренизации аппарата и выдвижении на руководящую работу по Буртинскому району» от 25 декабря 1935 г. отмечалось, что «райисполком совершенно недостаточно развернул работу по повышению квалификации руководящего актива сельсоветов, колхозов с преобладающим казахским населением». В связи с этим Буртинский райисполком должен был в декадный срок перевести делопроизводство и счетоводство в сельских советах и колхозах на казахский язык. В целях коренизации районного аппарата постановлением предписывалось: «а) в месячный срок организовать переписку районного аппарата, в том числе судебно-следственных органов, с казахскими сельсоветами на родном языке, подобрав в каждом районном аппарате необходимое количество технических работников, владеющих одновременно русским и казахским языками; б) в декадный срок изготовить печати, штампы и вывески для районных организаций на двух языках; в) немедленно организовать новый набор в районную колхозную школу, преимущественно за счет колхозников-казахов, преобразовав ее в казахскую школу, с открытием при ней русского отделения; г) организовать в районе месячные курсы по подготовке председателей советов и отраслевых секций казахских сельсоветов» [14, л. 272 об., 273]. Из соседнего Адамовского р-на, по договоренности с обкомом комсомола, предписывалось перебросить до 10 комсомольцев для использования их преимущественно секретарями сельсоветов и счетоводами колхозов. Местным издательствам было дано указание на печатание всех необходимых бланков и учетных материалов на казахском языке.

Годом раньше, в результате обследования положения в казахских колхозах Домбаровского р-на, райком констатировал полное отсутствие на руководящих партийно-советских постах представителей национальных меньшинств. В числе 102 районных работников было зафиксировано только 7 казахов (из них: 1 – партпропагандист, 2 – пропагандиста в аулах, 1 – инструктор Нархозучета 1 – председатель РИКа и 2 – делопроизводителя). В отчете особо отмечалось следующее: «Все директивные указания из районных организаций и учреждений в аульные идут на русском языке (где по-русски грамотных совсем нет). Из аулов все сведения требуются также на русском языке» [28, л. 12].

Внимание вопросам подготовки национальных руководящих кадров усилилось после организации при облисполкоме в мае 1935 г. отдела национальностей. 31 августа 1935 г. Президиум Оренбургского исполкома принял решение об открытии отделения национальных меньшинств при школе советского строительства [14, л. 150, 179]. Однако, уже 13 декабря 1935 г. облисполком принял Постановление «О наборе на казахское отделение школы советского строительства», в соответствии с которым вместо «нацменовского» отделения было решено открыть с 10 января 1936 г. казахскую группу с задачей подготовки кадров председателей сельских советов и инструкторов райисполкомов. В этом же постановлении определялось количество мест, закрепляемое за районами области: Домбаровский – 10 мест, Буртинский – 10, Адамовский – 10, Акбулакский – 6, Буртинский – 3, Кувандыкский – 3, Тепловский – 2 места. Не менее 30% мест в общем наборе устанавливалось для женщин-казашек [14, л. 246 об].

Усилению идеологической работы с казахским населением области должны были способствовать районные казахские газеты. В 1935 г. было принято решение о создании четырех районных газет на казахском языке: «Соц Эңбек» в Адамовском р-не, «Колхоз правдасы» в Акбулакском р-не, «Кзыл Дала» в Домбаровском р-не, «Кзыл Бурта» в Буртинском р-не. Но издание казахских газет затруднялось слабой материальной базой районных газет, отсутствием новых шрифтов и недостатком квалифицированных кадров. В сентябре 1935 г. в Оренбурге были организованы постоянные курсы подготовки редакторов районных газет [19, с. 57].

Несмотря на предпринимаемые усилия, по-прежнему сохранялись отдельные элементы традиционной патриархальной культуры и бытовых обычаев, которые самым причудливым образом переплетались с новыми идеологическими установками. Так, в 1936 г., в результате проверки партийного и комсомольского состава мясосовхоза имени Цвиллинга, среди прочих «случаев разложения», было выявлено, что комсомолец Утебаев, например, продал свою сестру за 500 руб. Несколько дешевле оценил свою сестру рабочий Кудайберенов – в 300 руб. Оправданием столь невыгодной сделки, пожалуй, может служить лишь то, что покорная воле брата «невеста» к этому времени уже была замужем за комсомольцем Тулегеновым. Рабочий Кужахметов, презрев не только советское законодательство, но и совершенно по-новому трактуя имевшие силу прежде религиозные и бытовые обычаи, обменял свою жену на поросенка. В отчете по итогам проведенной проверки отмечалось, что среди руководящих кадров казахских колхозов было весьма распространено пьянство [16, л. 61-62, 136].

Повышение квалификации национальных кадров советских и партийных органов продолжалось осуществляться через систему краткосрочных курсов. Так, в Постановлении Оренбургского облисполкома от 26 марта 1937 г. «О плане подготовки и переподготовки кадров советского строительства на 1937 г.» намечалось проведение курсов председателей сельских советов с выделением казахской национальной группы в Бузулуке [15, л. 604].

В основе деятельности советских и партийных органов в области формирования новых элитных слоев в среде национального населения, в том числе среди казахского, лежало прагматическое начало. Новая национальная элита была призвана продуцировать и распространять в толще населения новые образцы ценностных норм поведения, стереотипов мышления, духовной жизни, осуществлять от имени государства управленческие функции. Введение в советские и партийные аппараты всех уровней представителей казахского населения позволяло, с одной стороны, приблизить деятельность государственных органов к населению, сделать их работу более близкой и понятной, проводить максимально адаптированную к местным культурным и экономическим особенностям политику советизации. С другой стороны, создание новых национальных элит и введение их в общую структуру органов советской власти и партийной номенклатуры стало одним из опорных пунктов на пути к ликвидации исторически обусловленных элементов неравенства национальных меньшинств в политико-правовой сфере [18, с. 173].

Основное отличие нового типа элит заключалось в их открытости, возможности пополнения в процессе «вертикальной мобильности» за счет предоставления права самовыражения более широкому кругу населения. При

этом советская национальная элита нового типа формировалась из слоев, всецело преданных коммунистическим идеологическим установкам. Необходимым условием включения в партийно-политическую элиту страны было вступление в Коммунистическую партию. Прием в партийные ряды казахского населения не только приветствовался, но и активно стимулировался посредством осуществления целого комплекса разноплановых организационных мероприятий. Для подготовки национальных номенклатурных кадров была создана сеть специальных советских и партийных учебных заведений, при вступлении в партию кандидатам из числа национальных меньшинств предоставлялись определенные льготы. Очевидно, что создание партийно-политической элиты в среде казахского населения шло усиленными темпами.

Несмотря на то, что мероприятия по привлечению представителей национальных меньшинств в политико-правовую сферу жизнедеятельности государства носили во многом искусственный характер, они объективно способствовали фактическому повышению правового статуса казахского населения. С привлечением национальных кадров в органы государственной власти деятельность последних в области регулирования национальных отношений получила реальную возможность своего дальнейшего качественного развития, приобрела фактическую основу для расширения и углубления взаимоотношений властных структур с различными национальными группами населения. Создание национальной партийно-политической элиты, таким образом, являлось одним из основных направлений деятельности советских и партийных органов в области регулирования национальных отношений.

Источники и литература:

1. Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. М., 1997. 320 с.
2. Бахарева О.Я., Савин А.С. Киргизский институт народного образования // Казахи Южного Урала: история и современность. Оренбург, 1995. С. 52-56.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАОО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 325.
5. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 409.
6. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 545.
7. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 553.
8. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 694.
9. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1073.
10. ГАОО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 1074.
11. ГАОО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 1087.
12. ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1184.
13. ГАОО. Ф. Р-1. Оп.1. Д. 1302.
14. ГАОО. Ф. Р. 1014. Оп. 1. Д. 3.
15. ГАОО. Ф. Р. 1014. Оп. 1. Д. 590.
16. ГАОО. Ф. Р. 1014. Оп. 3. Д. 46.
17. Моргунов К.А. Исторический опыт государственного регулирования национальных отношений на Южном Урале (1917–1939 гг.). Оренбург: Пресса, 2005. С. 263.
18. Моргунов К.А. Советская национальная политика: Южно-Уральский регион в 1917-1940 гг. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. 312 с.

19. Панина Т.С. Казахские районные газеты Оренбургской области (30-е годы XX в.) // Казахи Южного Урала: история и современность. Оренбург, 1995. С. 55-61.
20. Решения IX оренбургской губернской конференции РЛКСМ (25 февраля 1926 г. – 1 марта 1926 г.). Оренбург: Б.и., 1926.
21. Решения Оренбургской XI губернской конференции ВЛКСМ. Оренбург: Б.и., 1928.
22. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925 гг.). Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1962. 594 с.
23. Статистический справочник Оренбургской губернии. Издание Оренбургского Губернского Исполнительного Комитета Советов. Оренбург: 1-ая Гос. типо-лит. Оренполиграфпрома, 1925. 187 с.
24. Тугай Т.И. Казахи и русские в решении проблем молодой советской автономии (Оренбургский период) // «Евразийский перекресток». Сборник материалов научно-практических мероприятий. Выпуск 2. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2015. С. 133-144.
25. Федорова А.В. Народы Южного Урала: этнический взгляд на историю. Оренбург: Пресса, 2001. 102 с.
26. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 163.
27. ЦДННАО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 169.
28. ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 167.

УДК 393.05

А.А. Мусагажинова
Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан

ЖОҚТАУ В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КАЗАХОВ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИРТЫШЬЯ

Каждое важное событие в жизни человека, семьи, рода сопровождалось у казахов обрядом и песней. И любая обрядовая песня, если это свадьба или похороны, носила очень важный смысловой характер, где четко выражались радость или горе. «Жоқтау» – это песни-плачи, связанные со смертью близких и родных. Как известно, плач, слезы облегчают человеческое горе. С плачем-песней казахи провожают в последний путь умершего. «Жоқтау» не религиозная, а национальная ритуальная традиция, которая учит ценить человека и помнить о нем. Плач-песня поется трагическим голосом от всего сердца и от всей души. В устном народном творчестве, а теперь и в письменном, есть немало образцов «жоқтау», которые зафиксированы и являются частью народного фольклора. Добрые слова, похвала, рассказ о жизненном пути умершего - все это в «жоқтау» складывается в красивые и умело сложенные стихи.

Ключевые слова: «жоқтау», похороны, поминальная песня, обряд.

ZHOKTAU IN THE FUNERAL-RITES OF REMEMBRANCE KAZAKHS PAVLODAR REGION

Every important event in man's, family's, clan's life was accompanied by the rite and song. And any ceremonial song at the wedding or funeral had a deep semantic meaning, which distinctly expressed joy or grief. «Zhoktau» is a song of lamentation connected with the death of relatives. As it is known, mourning, tears reduce a human's pain. «Zhoktau» is not religious, but it is a national ritual tradition which teaches to appreciate a human and to remember about him. The song of lamentation is sung with a tragic voice from the bottom of heart and soul. There are number of samples in oral and written folk arts that are written down and the part of people's folklore. Kind words, praises, story about the deceased person's life journey are all used in beautiful and skillfully written poem- «zhoktau».

Keywords: «zhoktau», funeral, memorial song, rite.

Обычай оплакивания умершего соблюдается с момента смерти и до выноса тела. А.И. Левшин в своих исследованиях описал интересные факты ритуального оплакивания умершего близкими родственниками: «В прошлом смерть киргиза, по обычаям народным, должна быть сопровождаема не только печалью его родственников, но и всеми знаками вольного и невольного отчаяния жен. Они обязаны немедленно поднять вопль и крик, плакать, биться, царапать себе лицо, рвать волосы, перечисляя добродетели умершего, храбрость и важнейшие подвиги» [4, с. 16]. Оплакивание умершего совершается близкими родственниками, обычно женщинами, и характерно для многих народов. В трудах крупного тюрколога XIX в. А.А. Диваева описаны моменты проявления горя и выражения его через плачь: «Причитающая женщина, перед тем как приступить к пению, накрывает голову черным платком, садится, обратив лицо к стороне Каабы, подбоченивается на бедра и потом уже начинает причитать. Она поет два раза в сутки: рано на рассвете и вечером. Причитание о покойном продолжается в течение целого года, пока не состоятся годовые поминки – «ас»» [1, с. 7].

По сведениям многих информаторов, женщины, которые исполняют на похоронах *жоқтау*, в течение трех дней не должны готовить еду. Данный запрет связан и с тем, что в доме, где лежит покойник, до трех дней не положено готовить еду, так как считалось, что дом полон крови и не чист. То же самое и в отношении плакальщиц, которые исполняют песни-плачи *жоқтау* – в них имеется своего рода отрицательная энергия, которая через еду может передаться близким родственникам и поэтому они и не готовят еду в течение трех дней. При изучении современного погребально-поминального обряда казахов Павлодарского Прииртышья выяснилось, что со временем происходит процесс утраты этого архаичного обряда. Многие женщины не умеют сочинять и исполнять *жоқтау*. Поминальная песня пишется не только для того, чтобы отвести душу. Восхваляя положительные качества умершего, песня должна призывать людей прожить жизнь, полную смысла и полезную для окружающих. Как известно, многие поэты слагают *жыр* – песнь по умершему, облегчающую горечь утраты. Однако в связи с тем, что не каждому дарован

талант поэта, с давних времен у казахов имеется традиция сложения акынами поминальных стихов – оплакивания для родственников умершего. Традиция встречи соболезнующих людей, громко оплакивающих умершего, распространяется на родственников покойного. Поминальную песню исполняет не посторонний человек, а близкие родственники умершего. В исследуемом регионе в сельской местности зафиксированы образцы *жоқтау*, функционировавшие в недалеком прошлом. На похоронах их исполняют в основном пожилые женщины и не очень громко. Преимущественно причитания состоят из нескольких предложений: «Қайда кетін Асқар тауым, бізді кімге тастадын» (Куда ты ушел моя гора, кому ты оставил нас – *пер.авт.*); «Әкешім, жан әкем, біздің шаңырағымыз, дем алып тұрған ауамыз, шөл басқан суымыз, өміріміздің тірегі» (Дорогой наш отец, ты наша крыша над головой, воздух которым мы дышим, вода которой утоляем жажду, ты наша опора - *пер.авт.*). Этими словами они стараются рассказать, как для них был дорог умерший, сравнивая его с воздухом, водой со всеми смыслами жизни. Мотив песни *жоқтау* скорбный, традиционный, а слова сочиняются путем импровизации

В ходе исследований в Щербактинском р-не Павлодарской области были зафиксированы случаи оплакивания в форме стихов. Жительница с. Северное Щербактинского р-на Кауя апа оплакивала сына Сағынтая, погибшего при несении службы в Краснодарском крае [5, л. 15]. Подавленная горем мать сама сочинила песню-плач по своему сыну: ««Өмірдің ащысын да, тұщысын да көріп үлгерместен, сен бізді тастап кеттің, сенің де, менің өмірімнің жарық сәулесі өшті. Артыңа қарамастан, ұзақ жолға аттануға асықтың. «Апатай» деп алдымнан жүгіріп шыққаныңды есіме алсам, көкірегім қас айырылады. Сен, қанатын енді ғана жайған жас балапандай едің, сен ерекше едің, Сағынтай. Мені тастап кетіп қайғыға салдың, менің жарығым өшті. Аяғымның астынан жер кетіп бара жатқандай, сен менің орындалмаған арманымсың» [5, л. 5].

В этой песне мать выражает свое горе, и большую утрату в своей жизни. Также в ауле Каражар Иртышского р-на Павлодарской области Канафина Марзия сочинила *жоқтау* по своему мужу: «Қараңғыда жатырсың! Жалғызсырап жатсыңба. Қайда кеттің жарым менің. Қараңғыда жарық жоқ. Көремін енді қай уақытта» [6, л. 3]. В своей песне-плаче вдова пела о том, что «покойника можно вернуть еще к жизни, и побудить его вернуться к своим близким». Многие информаторы утверждали, что умерший как бы нуждается в сочувствии окружающей его среды, в похвалах и сожалениях.

Жоқтау 1.

Қара бір шашым жаяйын,

Жаяйын да жаяйын.

Салалы саусак, жез тырнақ

Қазалы қанға бояйын.

Жаударған қара көз.

Жас пенен оны жауайын.

Тәрдей болған алғаным,

Орныңа кімді қояйын? [2, с. 201-202]

Жоқтау 2.

Әуелеп үшқан ылашын,
Ылашын жаяр құлашын,
Мұңдалар келіп жыласын,
Мұсыздар келып тындасын. [2, с. 201-202]

В представленных *жоқтау* воспеваются достоинства умершего, изливается семейное горе, тяжесть утраты. По обычаю соблюдать траур предписывалось в первую очередь вдове умершего, а потом всем остальным членам семьи. По сведениям информаторов, служители культа запрещают громко плакать, причитать, объясняя это тем, что слезами и плачем люди мешают душе обрести покой, и что на все воля божья, и никто не сможет ей противостоять.

Как пишет Г.М. Керимов «Шариат не одобряет оплакивание умершего, хотя и не запрещает этого. Запрещается только это делать громко» [3, с. 224]. Представители духовенства, придерживаясь предписаний ислама, проповедуют, что на все воля «аллаха», что громкий плач противоречит нормам шариата.

Имеются сведения о бытовании среди казахов платных плакальщиц. Данное явление зафиксировано в больших городах, когда на похороны приглашают нескольких женщин, которые будут исполнять *жоқтау* за определенную плату. Исполнение поминальной песни посторонним человеком будет искусственной картиной, схожей с исполнением роли артистом. Это может показаться неуместным и обществу, никогда еще казахи не превращали смерть человека в театральную постановку. Только когда умирают старцы, многое повидавшие на своем веку и дожившие до преклонного возраста, и только по истечении года проводится поминальное мероприятие *ас*, на котором устраиваются конные скачки и состязания борцов, акынов. Такие мероприятия устраивают по принципу: «умереть в преклонном возрасте – сравнительно пиршеству, а не горечи». Что же касается вопроса введения в обиход платного исполнения поминальных песен – *жоқтау*, то в будущем оно может стать объектом конкуренции, и тем самым могут быть сведены на нет все вышеперечисленные достоинства и особенности исполнения поминальных песен. Если при исполнении *жоқтау* умершему человеку будут приписываться несуществующие черты характера посредством ложных хвалебных характеристик, то в будущем может быть утрачен истинный смысл и предназначение поминальных песен.

В целом, практику платного исполнения поминальных песен можно считать преходящим явлением, не оправдывающим себя с точки зрения общества, а также не обоснованным с точки зрения религии. *Жоқтау* являются элементом традиционной культуры, проявлением традиционного сознания, а под воздействием ислама и других социальных факторов происходит их изменение. Но следует отметить, что люди в горе не подвластны своим эмоциям. И, несмотря на запреты шариата, оплакивание покойного существовало всегда. Плачи, связанные с потерей близкого человека, являются одним из основных ритуалов похоронно-поминальной обрядности.

Источники и литература:

1. Диваев А. Древнекиргизские похоронные обычаи // ИОАИЭ. 1897. Т. XIV. Вып. II. С. 181-187.
2. Казахский музыкальный фольклор. Алма-Ата: Наука, 1982. 264 с.
3. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978. 512 с.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996. 341 с.
5. Материалы археолого-этнографической экспедиции ПГПИ. ПО №4: Сбор в Щербактинском районе Павлодарской области 2006 г.
6. Материалы археолого-этнографической экспедиции ПГПИ. ПО №2: Сбор в Экибастузском районе Павлодарской области 2007-2008 гг.

УДК 069

Г.Б. Нурахметова
*Павлодарский областной
историко-краеведческий музей им. Г.Н. Потанина,
Павлодар, Казахстан*

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХОВ В СОБРАНИИ ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ Г. ПАВЛОДАРА

В статье представлена деятельность областного историко-краеведческого музея г. Павлодара, основной функцией которого является сохранение и популяризация историко-культурного наследия. Коллектив музея находится в постоянном поиске новых интересных форм работы. К значительным его достижениям относятся реконструкция 2010 г., издание научных каталогов коллекций из фондов музея, сводного каталога редких и ценных экспонатов районных музеев Павлодарской области, организации выставок из собственных фондов и фондов республиканских музеев, мастер-классов, краеведческих уроков, лекций-концертов, творческих вечеров, открытие филиалов: Дома-музея фотографа Д.П. Багаева, Дома песенного творчества имени Майры Шамсутдиновой, Музея Воинской Славы.

Ключевые слова: артефакт, коллекции, музей, экспонат, выставка, экспозиция.

G.B. Nurakhmetova
*The Pavlodar regional local history Museum. G.N. Potanin,
Pavlodar, Kazakhstan*

CREATIVE HERITAGE MEETING KAZAKHS REGIONAL HISTORY MUSEUM IN PAVLODAR

The article presents the activities of the regional historical-local lore Museum of Pavlodar, whose main function is the preservation and popularization of historical and cultural heritage. The team is in constant search of new interesting forms of work. Significant achievements of the Museum are reconstructed in 2010, the publication of catalogues of the collections from the Museum, summary catalogue of rare and valuable exhibits from regional

museums of Pavlodar region, the organization of exhibitions from own funds and the funds of the national museums, workshops, history lessons, lectures, concerts, recitals, opening of branches.: Bagaev House-Museum, Myra Shamsutdinova song House, Museum of Military Glory.

Keywords: artifact, collection, museum, exhibit, exhibition, exposition.

«В современном мире как никогда актуальна проблема взаимосвязи общности и множественности культур, что является залогом богатства и жизнеспособности общечеловеческого фонда творческого наследия. В связи с этим стала актуальна проблема осмысления, сохранения и охраны собственного культурного наследия, представляющего собой неувядаемую память этноса – гарантии его бессмертия» [3, с. 52]. В этом плане весьма значима деятельность республиканских музеев, усилия которых сосредоточены на сборе, учете, реставрации и хранении артефактов, атрибуции и научном осмыслении экспонатов, экспонировании их в залах. Важна также популяризация изученного материала через публикации и СМИ, что способствует формированию этнического самосознания, чувства гордости за свой народ. В целом, роль музея, связанная со сбором, хранением и передачей накопленного культурного опыта, запечатленного в артефактах, осуществляется посредством экспонатов. Одним из таких учреждений является областной историко-краеведческий музей г. Павлодара – хранилище богатого историко-культурного наследия Павлодарского Прииртышья. В музее хранятся многочисленные свидетельства материальной и духовной культуры казахского народа и других этносов Казахстана.

На сегодняшний день фонды музея насчитывают более 70 тысяч экспонатов основного фонда, состоящего из ценных коллекций археологии, палеонтологии, декоративно-прикладного искусства, оружия, нумизматики, фотодокументов, драгметалла, предметов быта разных народов, населяющих Павлодарское Прииртышье. Каждый экспонат содержит уникальную информацию, представляя собой важнейший источник историко-культурного значения. По сути, артефакт является своего рода «культурным» текстом, в котором сосредоточено емкое содержание информационного, коммуникативного, семантического характера.

Сотрудники музея проводят определенную работу по научному осмыслению имеющихся коллекций. В результате этой деятельности были изданы научные каталоги: «Коллекция негативов Д.П. Багаева из фондов музея», «Ювелирные украшения XIX–XX вв. в коллекциях областного историко-краеведческого музея», «Григорий Николаевич Потанин», «Материалы фондовой коллекции», «Коллекция рукописей, редких печатных изданий и дарственной литературы в фондах музея», «Археологические коллекции Павлодарского историко-краеведческого музея». Был реализован проект по выпуску сводного каталога «Редкие и ценные экспонаты районных музеев Павлодарской области». Популяризация культурного наследия через СМИ, издание научных и научно-популярных работ, несомненно, будет способствовать воспитанию патриотизма у молодежи. В последнее десятилетие в музее был проведен монтаж экспозиции под открытым небом, открыты филиалы областного музея: Дом-музей фотографа Д.П. Багаева, дом песенного творчества имени Майры Шамсутдиновой, музей Воинской Славы. В музее организуются презентации выставок из собственных

фондов и фондов республиканских музеев, проводятся мастер-классы, краеведческие уроки, лекции-концерты, творческие вечера, имеется научная библиотека. В 2010 г. в областном историко-краеведческом музее была проведена реэкспозиция.

Павлодарская область занимает одно из ведущих мест по количеству памятников палеонтологии в Казахстане, знакомство с которыми начинается сразу же с первого зала. О далеком прошлом Павлодарского Прииртышья свидетельствуют окаменелые останки моллюсков (аммонитов и белемнитов), отпечатки ганоидной рыбы на сланце. Примечательны отпечатки древних растений: папоротника, листа Гингко, представляющего собой реликтовое, голосеменное растение, которое часто называют живым ископаемым. В настоящее время это растение находится под охраной специалистов.

Особый интерес в экспозиции представляют кости животных, обнаруженных в 1928 г. на правом берегу Иртыша в урочище «Гусиный перелет». Впервые памятник древней природы был обследован академиком, палеонтологом Ю.А. Орловым. «Гусиный перелет» является уникальным, всемирно известным памятником природы, подобной городской достопримечательности нет ни в одном регионе СНГ. В мире всего два таких памятника: один находится в Павлодаре, другой в Канаде. Раскопки на «Гусином перелете» дали многочисленный костный материал: носорога – хилотерия, гиены, саблезубого тигра-махайрода, жирафа, птиц, черепахи.

В зале первобытной археологии (эпоха каменного века - эпохи поздней бронзы) представлены артефакты, демонстрирующие этапы становления и развития человечества. Найденным на территории Павлодарского Прииртышья древнейшим артефактам около 1,5 млн. лет.

В зале кочевой цивилизации представлены артефакты раннего железного века. Этот период связан с освоением железа и переходом на новое ведение хозяйства – кочевое скотоводство. Наиболее яркая культура этого времени – тасмолинская, название которой дано по наименованию одного из могильников в урочище Тасмола. В зале можно увидеть замечательные экспонаты эпохи: два сарматских меча и акинаки, бронзовые цельнолитые удила, предметы металлопластики с образцами звериного стиля, наконечники стрел различных типов. В разделе средневековой археологии представлены уздечные наборы, различные костяные и бронзовые пряжки, бронзовые и золотые серьги, поясной набор. Эти артефакты, протягивающие нить между далеким прошлым и настоящим временем, позволяют прочувствовать творческое дыхание седой древности. Отрадно, что все эти экспонаты, убедительно отражающие начало формирования цивилизационных предпосылок, вызывают у зрителей неподдельный интерес к истокам своей истории. В экспозиции есть также женский головной убор из листового серебра «Бокка», серебряное зеркало с сюжетными сценами погони всадника за животным и ритуальные нашивные бляшки. «Бокка», вызывая интерес ученых, постоянно цитируется в исследовательских трудах казахстанских ученых, возводящих генезис казахского свадебного головного убора саукеле к данному головному убору.

В зале этнографии представлена юрта и ее убранство: ковры, циновки, кровать, шкафчик для посуды, бесик (детская люлька), стол, сундуки и другие предметы быта, дающие представление о традиционной жизни казахов. Экспозиция содержит образцы мужской и женской одежды, пояса, ювелирные

украшения, музыкальные инструменты. Часть экспозиции зала имитирует комнату в деревянном доме с русской печью и предметами быта. Здесь же находится мемориальный комплекс Д.П. Багаева.

В экспозиции зала истории Прииртышья в XV-XIX вв. представлены холодное и огнестрельное оружие: сабля, кинжал, кольчуга, палаш, пехотный тесак, кремневое ружье. Зал отражает период расселения племен Среднего жуза, формирования Иртышской оборонительной линии и возникновения г. Павлодара. В зале экономики и культуры Прииртышья - интересные предметы быта горожан и образцы интерьера. Это фисгармония, шкаф с посудой, патефон, деревянный стол, два кресла, зеркало венецианского стекла, люстра, ручной кассовый аппарат дореволюционного времени. Уникальным экспонатом зала Великой Отечественной войны является пушка из батареи Героя Советского Союза М.К. Каирбаева.

В зале «Казахская этнография» представлены кочевое хозяйство, древние ремесла и промыслы казахского народа. Особую ценность представляют произведения декоративно-прикладного искусства казахов. В экспозиции размещены великолепные образцы ювелирного искусства казахов, демонстрирующие разнообразие художественно-технических приемов. Серьги, шумящие подвески к косам, нагрудные украшения, броши и застёжки для камзола, браслеты и перстни поражают воображение оригинальностью формы, монументальностью образа, яркой полихромией. Эти изделия, помимо художественного эффекта, завораживают глубиной смыслового наполнения, так как многие из них несли функцию оберега или талисмана.

Нельзя не согласиться с Ш.Ж. Мынжасаровой, что «в казахском декоративном прикладном искусстве наиболее ярко этнические достижения проявлены в художественном войлоке. Благодаря умелой ритмической организации плоскости полотна с помощью цвета и орнамента, простые войлочные изделия в руках народных мастериц превращаются в подлинные произведения искусства» [2, с. 49]. Демонстрируемые в залах войлочные ковры типа сырмак отражают художественную особенность данного вида народного искусства, присущую населению Павлодарской области. Уникальным экспонатом является войлочный настенный ковер тускииз XIX в. Это настоящий раритет, поскольку при их изготовлении с конца XIX – начала XX вв. войлок стали заменять на ткани, ввиду их большей доступности. Декоративное решение ковра также отражает старинные вкусовые предпочтения казахских мастериц в выборе орнаментальных мотивов, представляющих собой сложные вариации растительных и зооморфных образований.

Примечательно, что в музее, помимо казахских экспонатов, выставлены также произведения прикладного искусства других народов, представители которых волей судьбы оказались в Павлодарском крае. Среди них и собирались интересные предметы ручного творчества. Такой подход, т.е. включение иноэтничных этнографических и художественных изделий в собрания музея и демонстрация их в экспозиционных залах, представляется целесообразным. «Во многих музеях Казахстана экспонируются артефакты, наиболее яркие проявления этнического самовыражения различных народов Казахстана. Эти экспонаты, представляя собой результат многовековой шлифовки образных средств, отражают квинтэссенцию эстетико-философского содержания этносов, проживающих в Казахстане. Выявление и публикация интересных образцов прикладного искусства разных народов способствует этническому самосознанию,

формированию чувства гордости за свой народ, а для казахстанцев знакомство с художественными достижениями разных культур способствует расширению эстетического горизонта и обогащению духовного сознания» [1, с. 226]. В данном контексте следует отметить ювелирные украшения, выполненные татарскими мастерами и ювелирами-кубачинцами с Северного Кавказа. Известно, что «одежда сочетала в синкретическом единстве практическое, эстетическое, обрядовое, магическое значение, а также выполняла функции этнодифференцирующие, этноинтегрирующие, передавала половозрастные, имущественные и профессиональные различия. Все эти функции, связанные с нормами традиционной этики, несли зрительную информацию, что давало возможность индивидууму свободно ориентироваться в рамках социально-бытового канона» [4, с. 11]. Представленные в экспозиции областного историко-краеведческого музея костюмы разных народов Казахстана дают возможность наглядно осмыслить этнические понятия красоты и получить яркое впечатление об их художественно-этнографической самобытности.

Следующие залы музея посвящены истории края XVII – XIX вв., а также новейшей истории и истории независимости нашей Республики. В основу построения новой экспозиции были положены хронологический и тематический принципы. Главным кредо в организации экспозиции было представление подлинных экспонатов в сочетании с объемными композициями. К примеру, в виде макетов представлены «Интерьер купеческого дома», «Куяндино-ботовская ярмарка». Благодаря художественно-образному решению макетов с соблюдением этнографической достоверности и композиционному решению экспозиции у посетителей создается иллюзия полного погружения во временной контекст.

При помощи создания образной системы и введения технических средств новая экспозиция музея рассказывает о богатой истории становления края, об основных сферах жизни города, о людях. В экспозиции музея демонстрируются портреты, документы и аннотации, отражающие жизнь и деятельность выдающихся личностей Павлодарской области: деятелей науки, образования, искусства, оставивших достойный след в этой жизни. Залы музея оснащены новейшей техникой, способствующей разностороннему обслуживанию посетителей: звуковое, световое оснащение, компьютерная техника, электронные информационные табло.

В настоящее время развернута работа историко-краеведческого музея в направлении расширения межрегионального сотрудничества, систематического проведения обменных выставок с музеями Республики. Так, например, в нашем музее была организована выставка «Семей в потоке времени» из фондов Семипалатинского краеведческого музея, раскрывшая этапы преобразования, введения Коряковской станицы в ранг заштатного города Семипалатинской области и наименование его Павлодаром.

4 сентября 2013 г. музеем была организована выставка в Карагандинском краеведческом музее «Кереку- Баянаул қазыналары». В Павлодарском музее была представлена выставка «Отырар – Фарабі өркениеті» из государственного историко-культурного музея заповедника г. Оtrar. Экспозиция раскрыла значение Оtrar в истории казахской государственности.

Музей г. Павлодара находится в постоянном поиске новых интересных форм работы. Впервые в истории музеев области было организовано театрализованное представление под названием «Ночь в музее». Посетители

попали на необычную экскурсию по залам музея в ночное время. Экспозиция «оживала» в образе древнего человека – неандертальца, батыра, кочевников, а также горожан: купцов, мещан - жителей небольшого, захолустного города Павлодара начала XX в. Необычная, увлекательная экскурсия по таинственному «Дому истории» сопровождалась неожиданными встречами с историческими персонажами. В целом яркое впечатление от увиденного надолго остается в памяти зрителей, вызывая у них познавательный интерес к истории и культуре своего края.

Выполняя основную функцию – сохранение историко-культурного наследия, а также осуществляя интериоризацию осмысленного в экспозиции и хранилище материалов в сознание граждан, музей тем самым участвует в реализации Государственной политики, направленной на создание, возрождение, сохранение, развитие культуры в Республике Казахстан.

Источники и литература:

1. Инициативы, направленные в мир. Коллективная монография. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2011. 367 с.
2. Мынжасарова Ш.Ж. Этничность в декоративно-прикладном искусстве казахов // Национальная идентичность в процессе глобализации. Сб. докладов Межд. научн. конфер. Алматы, 2009. С. 47-56.
3. Тохтабаева Ш.Ж. Раритеты декоративно-прикладного искусства казахов как историко-культурный источник // Сб. статей научно-практической конференции «Музейные раритеты в проекции истории казахской государственности». Кокшетау, 2015. С. 52-56
4. Тохтабаева Ш.Ж. Функция казахской традиционной одежды //Известия НАН РК. Серия общественных наук. Алматы, 1994. №1. С.11-21.

УДК 94 (574)

К.Ж. Нурбаев

*Павлодарский государственный университет им. С. Торыайгырова
Павлодар, Казахстан*

КНЯЗЬ ТАЙБУГА И ЕГО СИБИРСКИЙ УЛУС

В статье в краткой форме рассматривается история возникновения и жизнь Сибирского Улуса, во главе которого стояла местная династия из правящего рода керейтов, начиная с князя Тайбуги. История улуса (впоследствии ханства) наполнена непрерывной борьбой за власть между тайбугидами и выходцами из династии Чингис хана – шейбанидами, которые управляли Сибирью, как чингизиды. С приходом на сибирский престол хана Кучума местные тайбугиды лишились власти, а затем, в результате противостояния с Московским государством, Сибирское ханство прекратило свое существование.

Ключевые слова: князь, Тайбуга, Сибирь, улус, керейты, шейбаниды, Кучум, борьба, Москва.

THE DUKE TAIBUGA AND HIS SIBERIAN ULYS

This article briefly considers the history of the origin and life of the Siberian Ulus, which was headed by local dynasty of the ruling clan of the Kerayit, starting at Prince Taibuga. The history of Ulus (later Khanate) is filled with a continuous power struggle between the Taybugidies and the natives of Genghis Khan's dynasty – the Sheibanids who ruled Siberia like Chingizids. With the arrival to the throne of Khan Kuchum the local Taybugidies have lost their power, and then as a result of the confrontation with Moscow State the Siberian Khanate has stopped the existence.

Keywords: Duke, Taibuga, Siberia, Ulus, the Kerayits, the Shaybanids, Kuchum, struggle, Moscow.

В 1-й четверти XIII в., почти одновременно с образованием на большей части территории современного Казахстана Улуса Джучи (или, как его называли татары – Кыпчакского Улуса [30, с. 232]), «на территории Среднего Иртыша, Тобола, Ишима и Туры» образовалось «объединение тюркоязычных племен», получившее в истории название Сибирского Улуса, или иначе – Сибирского юрта (исследователь А. Нестеров указывает конкретную дату образования Сибирского, или, как он его называет, Искерского княжества: 1220 г.), основателем которого был потомок могущественного хана Керейтского Улуса Тугурула князь Тайбуга и «... в котором главенствующую роль играли керейты» [8, с. 154-156; 25, с. 86-87, 121; 10, с. 64-65]. Сибирские летописи указывают, что Тайбуга получил эти земли в качестве пожалования от Чингис хана и заложил здесь город Чинги-Тура или Чимги-Тура (современная Тюмень) [10, с. 64, 120-121, 180, 188; 8, с. 156; 3, с. 70]. Они называют князя Тайбугу сыном царя Она, под которым, несомненно, подразумевается вышеназванный знаменитый хан Тугурул [10 с. 64, 120, 180, 188]. Большая часть исследователей писала не настоящее имя керейтского хана, а его китайский титул «царь», причем в разном написании, приписывая к нему тюркское «кан-хан»: «Ван хан», «Иоанн хан» (*поп Иоанн*), «Он хан», «Ун хан» и т.д. Например, русский историк А. Лызлов писал о «... великом обладателе скифских народов Ункаме или Ун хане», очевидно, имея в виду Ван хана, или иначе хана Тугурула [20, с. 127].

Сибирский Улус назывался так по названию города, а именно – столицы этого государства *Сибири* (иначе *Искер* – от «*ескі йер-жер*» – «старое место», в Сибирских летописях – «*Старая Сибирь*» [10, с. 189], было и третье название: *Капшык*) [25, с. 86]. Так, сибирские летописи отмечают, что князь Мамет (*Мухамет или Мухамад*), «Адеров сын» «... постави себе град на реке Иртыше и назва его град *Сибирь* и живяше в нем царь лета много...» [10, с. 65]. Город Сибирь, находившийся «... у слияния рек Тобола и Иртыша», оставался столицей Сибирского ханства и при шейбанидах [25, с. 86, 93]. Выдающийся исследователь-этнограф Г. Потанин также писал, что «воевода Чулков в 1587 году основал город Тобольск, в нескольких верстах (15 верстах – *К.Н.* [25, с. 113-114]) от Сибири, следы которой сохраняются и до сих пор около Тобольска» [11, с. 536]. А. Нестеров отмечал, что «Чинги-Тура после гибели Шейбанидского

государства в начале XVIв. была заброшена и не восстанавливалась» [25, с. 93]. «Непосредственно подступы к Искеру защищали города-крепости – Бишик-Тура, Сузге-Тура, Яулу-Тура, ставшая опорным пунктом на пути в Среднюю Азию, Кызыл-Тура – древний центр приишимских татар...» [25, с. 94].

Известные исследователи истории Сибири Г. Миллер и И. Фишер упоминают «князя казачьей орды именем Тайбуга, сына хана Мамыка» и утверждают, что «князя Тайбугина рода... возводили свой род к не менее славному керейскому (керейскому - *К.Н.*) хану...» [22, с. 474-475; 29, с. 90-93; 1, с. 30]. По утверждению А. Нестерова «род Тайбугидов был, несомненно, местного, сибирско-татарского происхождения» [25, с. 86]. Сибирские летописи также повествуют о том, что князь (*бек*) Тайбуга много лет жил и правил «во граде сем» (*Чинги-Туре-Чингидене*) и перечисляют его потомков, начиная от Ходжи до последнего сибирского князя Сейдяка Бекбулатова сына (*Сейтахмета Бекболатулы*) [10, с. 64-65, 67]. Так, «Тайбуге, по преданиям, наследовал Ходжа, центр владения которого находился в Кызыл-Туре у слияния Ишима и Иртыша» [25, с. 86]. На основании источников можно утверждать, что Тайбугиды правили Сибирским улусом в течение более трех столетий (с перерывами, связанными с отстранением тайбугидов от власти шейбанидами), из них в 1495-1563 гг. - управляли самостоятельным государством [25, с. 87].

Татарские предания и сказания, которые содержат ценные сведения по истории Сибирского Улуса и его правителей, о династии кереев-тайбугидов, и которые легли в основу сибирских летописей, первым сибирским царем называют керейского хана Тугурула, предка князя Тайбуги В частности, Г. Миллер на основании Ремезовской летописи, которая, по его словам, «более подробная и во многом более точная – утверждал, – ... что вначале на Ишиме правил Он-Сом хан, который близ устья этой реки, при впадении ее в Иртыш, на крутом красном яру (по-татарски - «*кызыл яр*») имел свою резиденцию... Кызыл-Тура» [22, с. 189-190]. Исследователь Л. Гольденберг также писал, что «Ремезов полагает начало происшествия народов в Сибири от красноярских ханов, ... от Татар хана... до Онсона (*Он хан, Ван хан*), «от которого все сибирские летописцы начинают свои истории и ханские родословии» [5, с. 227]. Кроме того, он отмечал, что С. Ремезов «в верховьях Иртыша помещает «царство Она царя первого сибирского и у Ишима – «кладбище Она царя...» [6, с. 181]. Сибирские летописи помещают улус хана Тугурула на реке Ишим («возможно, - как полагал Г. Миллер, – указанный хан и его преемники правили – ...одновременно один на Ишиме, а другой на Иртыше» [22, с. 190]) [10, с. 64, 94].

О древности тюркского населения Сибири писал выдающийся археолог А. Окладников, отмечая, что «одна из этих культур исконно тюркская, корни ее уходят в тысячелетия исторического прошлого степных племен Азии и Восточной Европы, в культуру скифо-сакского и гунно-сарматского времени» [26, с. 148, 160].

Что касается племени керейтов-кереев (из которого, вне сомнений, происходил князь Тайбуга), они «... стали известны на рубеже нашей эры под названием «хэлянь», – а ...в IX-XII веках... являлись раннефеодальным государством...» (по монгольским источникам «*ханлиг*» – ханство) [12, с. 201-202, 205]. На основании вышесказанного можно предположить, что Керейтский Улус существовал на указанных выше территориях не с начала XIII в., как принято считать, а задолго до указанного столетия (вероятно, есть связь между названным

улусом и Кимекским каганатом, так как последний, образовавшийся приблизительно в середине IX в., занимал территорию Северо-Восточного Казахстана и Западной Сибири вплоть до земель, «... где никто не живет, ... до окружающего моря», с центром «... в бассейне Среднего Иртыша» [17, с. 127-130; 19, с. 46, 52-53, 57, 78, 113, 118], а возможно, существовали два улуса: в Сибири и Монголии). Исходя из этого, нам трудно согласиться с выводом А. Нестерова, что «политическая история этого периода (IX-XIII вв. – К.Н.) неизвестна» [25, с. 121].

По утверждению казахстанских исследователей, «...не вызывает сомнения принадлежность керейтов к тюркам» [12, с. 204]. Рашид-ад-дин «керейтов... относит к тюркоязычным племенам, ... – хотя – Д-Оссон, китайские историки То Жи и Сайшаал причисляют керейтов к монгольской племенной группе» [12, с. 204-205]. О тюркском происхождении керейтов может свидетельствовать их этническая близость тюркскому племени канглы. Так, указанный «китайский историк Б. Сайшаал утверждает, что китайцы называют керейтов «хэнли». В этом, по его мнению, кроется некая этническая близость керейтов и канглы» [12, с. 203]. Аналогичное мнение высказывает исследователь А. Кадырбаев, который на основе китайских источников приходит к следующему выводу: «...В китайском источнике «Мэнуэр-шицзы» говорится: «Керейты были предками канглы. Западные племена именовались канглы, восточные – керейтами» [14, с. 36]. Этот факт свидетельствует в пользу того, что керейты были тюркоязычным племенем, так как тюркоязычность канглы «не вызывает сомнений...» [15, с. 59]. Китайский исследователь М. Кани, ссылаясь на сведения А. Маргулана, отмечает, что написанные орхонской письменностью надписи найденных на Алтае, Джунгарской степи, Енисее камнях в большинстве своем принадлежат керейтам и онгутам, и что это доказывает тюркоязычие керейтов [16, с. 164-165]. Последнее (тюркоязычие керейтов), основывается на еще одном факте: «... Тюргеши являются тюрками и, более того, они относятся к казахской группе... – а – Тюргешский каганат - это первое государство, созданное казахами» [12, с. 124; 24, с. 37, 45]. «Тюргешский каганат... образовали три племени: тюргеши, шеп и шимойын. Первые два являлись племенами, из которых обычно выходили каганы, а последнее (*шимойын*) главными сторонниками каганата», - отмечают исследователи [12, с. 125]. А по сведениям казахского шеджере, названные три рода непосредственно связаны с казахским племенем керей, иначе говоря, они входят в состав этого племени [16, с. 122, 158-159]. В казахском шеджере племя (или род) «*тюргеши*» фигурирует под названием «сары уйсунь» (*желтый уйсунь*) [24, с. 37, 45]. По мнению Г. Потанина, казахское племя керей происходит от «*сары уйсунь*» или иначе «*тюргеши*» [23, с. 52; 16, с. 122, 158-159]. «Когда тюргешский каган Сулук сожалел о том, что на тюркской земле остался его народ, он имел в виду оставшихся в Монголии керейтов, найманов, меркитов, коныратов» (центр Тюргешского каганата находился в Семиречье), – отмечает монгольский исследователь-тюрколог И. Кабышулы, причисляя перечисленные племена к тюркским [13, с. 70]. Наше предположение станет еще более очевидным, если учесть мнение выдающегося исследователя, академика А. Маргулана, который писал, что после падения Тюркского каганата (744-745 гг.) древние казахские племена объединились на Сырдарье в политический союз под названием «Алаш» [21, с. 123]. И. Кабышулы также утверждает, что ядром для будущего казахского народа послужил Тюргешско-Карлукский союз [13, с. 71].

Сибирский Улус, первоначально входивший в состав Улуса Джучи, «номинально принадлежал западной ветви шейбанидов (которые усилились после прихода к власти в Ак Орде узбекского хана Абулхаира в 1428 году, воссевшего на престол «в области Тура (Западная Сибирь) в возрасте 17 лет», а в 1446 году перенесшего свою резиденцию из Чимги-Туры в Сыгнак [17, с. 218; 25, с. 72, 75, 121]), хотя управление было оставлено в руках местной тюркской династии тайбугидов...» [8, с. 156]. Чтобы заручиться поддержкой влиятельной династии тайбугидов, шейбаниды вступали с ними в родственные отношения. Так, Саид Ибрагим (*Ибак*), «противник дома Абулхаира», провозглашенный ханом Сибири после смерти узбекского Абулхаир хана в 1468 г., «женившись на дочери знатного тайбугинца Мара, ... вступил в родство с тайбугинскими правителями» [8, с. 156-157]. Однако «вскоре он отстранил тайбугинцев от власти и стал править единолично в Чимги-Туре и прилегающих районах Тобола и Иртыша» [8, с. 157]. Приблизительно в 1495 г. князь Мамет, сын Адера, умертвил сибирского хана Ибака в отместку за убийство своего деда Мара, и с этого времени князья-тайбугиды единолично правили Сибирью вплоть до 1563 г., когда к власти пришел знаменитый хан Кучум, фактически же они управляли ханством и до 1495 г., когда у власти номинально стояли шейбаниды, как потомки Чингис хана, лишь ставя по своему усмотрению шейбанидов, так как «... не будучи Чингизидами, не могли официально именоваться ханами» [8, с. 156; 3, с. 82].

После присоединения Казанского ханства к Москве в середине XVI в., а затем вследствие прихода к власти шейбанида хана Кучума, в Сибирском ханстве начался длительный политический кризис, вызванный дальнейшим противостоянием местной династии тайбугидов и династии шейбанидов, и завершившийся в конце-концов распадом когда-то могущественного государства, с которым у Московского государства были налажены дипломатические связи еще со времен царя Ивана III [25, с. 89]. Как утверждает А. Нестеров, «русские практически беспрепятственно закреплялись в Западной Сибири – и – этому способствовала развернувшаяся в Сибирском юрте междоусобная война» [25, с. 114]. Правивший в этот период князь Жадыгер (*Едигер, Ядигер*) пытался установить военный союз с московским царем Иваном IV против сибирских шейбанидов, однако «... их надежды на русскую помощь не оправдались» [25, с. 90]). Вместе с тем, как отмечал видный исследователь С. Бахрушин, возросший в середине указанного столетия спрос в мировой торговле на пушнину обусловил зарождение интереса к «сказочно богатой Сибири», а затем и проникновение промышленников, купцов за Урал, в Сибирь (в ее северные районы, богатые мехами и пушниной, как известно, путь из Поволжья в Сибирь, «в страну мрака» действовал еще со времен Булгарского ханства, когда были налажены связи с Сибирью) [2, с. 88, 147-148, 151]. Указанный исследователь писал о «тесной связи между Средней Азией и Сибирью, установившейся еще в глубокой древности... - и о том, – ...что издавна вдоль Иртыша шла большая торговая дорога из Мавераннахра в Восточную Европу» [3, с. 195-196]. Он отмечал существование нескольких путей из Средней Азии в Сибирь и Восточную Европу, причем третий путь проходил «... через Ямышевское озеро» [3, с. 195-197]. Одними из первых в Сибирь проникли крупные промышленники Строгановы (по свидетельству путешественника Н. Витзена предком Строгановых был выходец из Золотой Орды, княжеского рода [7, с. 15]), «первыми открывшие Сибирь» [2, с. 147-148; 7, с. 15; 28, с. XVII-XIX].

После закрепления Москвы на сибирской земле путем строительства укреплений-крепостей власть в Сибири все еще находилась в руках сибирских правителей: сначала в Искере правил сын Кучума Али, а затем (в 1586 г.), пользуясь сложившейся обстановкой, местные казахи закрепили за собой долину Тобола до впадения его в Иртыш [25, с. 114; 18, с. 145]. Так, когда после смерти Ермака «казаки из града (Сибири – *К.Н.*) побегоша, – то сначала – царевич Алей Кучумов сын... водворися во град, – а затем – князь Сейдяк Бекбулатов сын... прииде ко граду Сибири, и град взя и царевича Алея победи и изгна из града... и тако прибываше во граде» [10, с. 97, 153]. Искер был захвачен казахскими войсками во главе с Кадыргали Жалаир бием (*беком*) и султаном Ораз-Мухаметом Онданулы (последний был племянником казахского хана Тауекеля [8, с. 403; 12, с. 400-401; 4, с. 217]), и на сибирский престол посажен князь Сейтахмет [2, с. 154; 27, с. 472]. Однако «уже в начале 1588 г. тобольский воевода Д. Чулков сумел хитростью пленить Сайид Ахмад бека, Кадыр Али бека и Ураз Мухаммад султана - всю верхушку сибирско-татарской знати реставрированного Тайбугидского государства» [25, с. 114; 10, с. 101-102, 157-159]. Указанный Кадыргали бий из влиятельного рода джалаир, «являвшийся некоторое время советником (*карачи*) хана Кучума», написал свою знаменитую книгу «Джамигат-ат-таварих» в честь московского царя Б. Годунова [8, с. 561], происходившего, как отмечают исследователи, из татарской знати [9, с. 93; 31, с. 242]. Ч. Валиханов указывал, «... что он написал эту хронику во имя гостеприимства и покровительства царя Б. Годунова» [4, с. 217]. В том же 1588 г. «... послаша князя Сейдяка и Казачьей Орды царевича Салтанай Карачю в царствующий град Москву со многими воинскими людьми,... – где – их государь крестити и указал им корм и вотчины на проживанье» [10, с. 104, 206, 263]. Про султана Ораз-Мухамета Ч. Валиханов писал, что он «...был принят ласково царем Боисом Годуновым и через несколько лет (в 1600 или 1602 году - *К.Н.*) сделан ханом Касимовским» [4, с. 217]. Впоследствии (в 1594 г.) хан Тауекель, отправив в Москву в качестве заложника (*«аманат»*) своего сына Кусаина, пытался вернуть своего племянника (сына своего младшего брата Ондана), однако этого достичь не удалось [12, с. 401; 8, с. 403-404; 16, с. 256].

При хане Кучуме «казахи-джалаиры (у которых был свой улус в урочище Саускан в 7 верстах от Искера-Сибири - *К.Н.* [10, с. 76, 166, 173, 192, 239]) во главе с Кадыр Али беком *карачи* были одним из сильнейших племен Сибирского ханства, – тем большую важность для Кучум хана имел союз с Шигай ханом, покровительствовавшим джалаирам», – отмечает А. Нестеров [25, с. 98]. Очевидно, указанный факт «большой важности» объясняется тем, что хан Шигай, как и его двоюродный брат Хакназар хан, установил союз с Бухарским ханом, шейбанидом Абдаллахом II (тем самым, при котором усилилась исламизация Сибири, а «в 1572 г. им была направлена первая духовная миссия в Сибирь» [25, с. 95]), а также - родственными отношениями (сватовства), так как «Ахмад-Гирей, брат сибирского хана Кучума, был женат на дочери Шигая...» (у А. Нестерова сам Кучум был зятем последнего – *К.Н.*) [25, с. 98; 8, с. 398].

Важно также отметить, что Москва, как и казахи, «... искала союзника для борьбы с Кучумом... Таким союзником России в то время могло стать Казахское ханство» [8, с. 388]. Так, «... в 1573 г. при направлении к Хакназару... русского посольства во главе с Третьяком Чебуковым Иван Грозный поставил перед послами цель... заключить с ним (Казахским ханством – *К.Н.*) военный союз

против Сибирского хана Кучума» [8, с. 389]. После Хакназара Тауекель продолжил политику традиционно дружественных отношений с Московским государством, налаженных еще ханом Касымом, однако «по целому ряду причин этот союз (военный союз с Россией) не был заключен» [8, с. 393].

Итак, когда-то могущественное Сибирское ханство (первоначально – улус) в результате продолжительных внутренних междоусобиц и борьбы за власть (между казахскими ханами и местной правящей династией тайбугидов с одной стороны и династией шейбанидов – с другой), длившейся в течение продолжительного исторического времени, в конце XVI в. практически перестало существовать, после чего многочисленные казахские роды (какая-то их часть), жившие в Сибири, покинули последнюю и откочевали на юг, в подданство казахских ханов [18, с. 145]. Не последнюю роль в падении Сибирского ханства сыграл тот факт, что в противостоянии последнего с Московским государством казахские ханы, как отмечалось выше, были на стороне Москвы [8, с. 388; 12, с. 401]. Другим фактором, обусловившим гибель Сибирского ханства, очевидно, было «такое значительное событие» в самом конце XVI в., «... как смена Шейбанидской династии на Аштарханидскую» [8, с. 403, 405].

Источники и литература:

1. Андреев. И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы: «Гылым», 1998. 280 с.
2. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 199 с.
3. Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI-XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири XVI-XVII вв. 324 с.
4. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5 т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. Т. 1. 777 с.
5. Гольденберг Л.А. Изограф земли Сибирской: Жизнь и труды Семёна Ремезова. Магадан: Кн. изд-во, 1990. 400 с.
6. Гольденберг Л.А. С.У. Ремезов. М.: «Наука», 1965. 266 с.
7. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Вост.-Сибирск. кн. изд-во, 1968. 248 с.
8. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы: «Атамұра», 1997. 620 с.
9. История Казахстана в западных источниках XII-XX вв. Алматы: Санат, 2005. Т. 4. Ч. Гальперин Ч. I: Россия и степь: Георгий Вернадский и евразийство. Ч. II: Россия и Золотая Орда. Вклад монголов в средневековую русскую историю. 264 с.
10. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. Т. 2: Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. 448 с.
11. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. Т. 7: Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. 600 с.
12. История казахской государственности (древность и средневековье). Алматы: «Адамар», 2007. 416 с.

13. Қабышұлы И. Тұран әлемі. Алматы: «Санат», 2007. 452 б.
14. Кадырбаев А.Ш. За пределами великой степи. Алматы: Демеу, 1997. 200 с.
15. Кадырбаев А.Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаиоров, найманов и керейтов. Алматы: «Демеу», «Рауан», 1993. 168 с.
16. Қани М. Қазақтың көне тарихы. Алматы: Жалын, 1993. 400 б.
17. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. Алматы: «Рауан», 1992. 378 с.
18. Күзембайұлы А., Әбіл Е. А. История Республики Казахстан: Учебник для ВУЗов. Астана: ИКФ «Фолиант», 2000. 400 с.
19. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алматы: «Наука», 1972. 158 с.
20. Лызлов А. Скифская история. М.: «Наука», 1990. 520 с.
21. Марғұлан Ә. Шығармалары. Т. XIII. Алматы: «Алатау», 2012. 573 с.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 1. 607 с.
23. Муканов М.С. Абак-Кереи // Қазақстан Республикасы ұлттық ғылым академиясының хабарлары. 1993. №1.
24. Мырзақанұлы Ж. Қазақ шежіресінің жазба тарихи деректермен байланысы жөнінде // Қазақстан Республикасы ұлттық ғылым академиясының хабарлары. 1993. № 1. Б. 35-48.
25. Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1988. 125 с.
26. Окладников А. Открытие Сибири. М.: «Молодая гвардия», 1981. 223 с.
27. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империи X-XVI вв. М.: «Инсан», 1996. С. 277-526.
28. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1886. Т. 1. С 1585 по 1742 год.
29. Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании Академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и Профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания Иоганном Ебергардом Фишером. СПб: Императорская Академия наук, 1774. 631 с.
30. Эренжен Хара-Даван. Чингис хан как полководец и его наследие. Алматы: КРАМДС-Ахмед Яссауи, 1992. 272 с.
31. Эренджан Хара-Даван. Русь монгольская. Чингис-хан и монголосфера. М.: «АГРАФ», 2002. 320 с.

О.А. Озерова

*Омский государственный педагогический университет,
Омск, Россия*

**ПРЕСЕЧЕНИЕ ЗАПСИБКРАЙКОМОМ ВКП(б) ПРОЯВЛЕНИЙ
ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО РУССКОГО ШОВИНИЗМА И НАЦИОНАЛИЗМА
СРЕДИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (1930-1936 гг.)**

Статья посвящена актуальной проблеме национализма и шовинизма среди тюркских народов в Западной Сибири в период 1928-1936 гг. Главное внимание в работе уделяется борьбе партийного руководства края с негативными явлениями (великодержавный шовинизм, национализм) среди коренного населения, препятствующими построению социализма.

Ключевые слова: чрезвычайная политика, тюркские народы, шовинизм, национализм.

О.А. Ozerova

*Omsk State Pedagogical University,
Omsk, Russia*

**SUPPRESSION OF WESTERN SIBERIAN COMMUNIST PARTY DISPLAYS
OF GREAT-POWER RUSSIAN CHAUVINISM AND NATIONALISM AMONG
TURKIC PEOPLE (1930-1936)**

The article is devoted to the crucial problem of nationalism and chauvinism among Turkic folk group people in the western Siberia in 1928-1937. The main attention is paid to the struggle of the regional communist party leadership with negative phenomena (great power chauvinism, nationalism) among indigenous people, impeding the construction of socialism.

Keywords: emergency policy, Turkic folks, chauvinism, nationalism.

В 1930-1936 гг. в Западной Сибири произошло большое количество случаев проявления великодержавного русского шовинизма и национализма среди тюркских народов. За допущение конфликтов на межнациональной почве руководители райкомов несли персональную партийную ответственность, которая была особенно строгой. Поэтому они скрывали такие случаи, сводя все к простому хулиганству. Например, избивание казаха-колхозника бригадиром фермы №1 Маслянинского р-на Новосибирского округа Цирюльниковым, представленное дракой на бытовой почве [2]. В 1934 г. в племсовхозе «Овцевод» (Любинский р-н Омского округа) были избиты казахи. Руководство райкома партии решило квалифицировать данный случай не как проявление великодержавного русского шовинизма, а как хулиганскую драку. Казахи подали коллективную жалобу в Омский окружном партии. В связи с этим Любинский РК ВКП(б) вынужден был создать специальную комиссию, которая в результате расследования установила, что в «побоище» казахов участвовали директор совхоза Олейник и председатель рабочкома Чиняев. При этом уточнялось, что «Олейник наносил удары казахам лопатой, а Чиняев ухватом». Также ею были установлены истинные причины межнационального конфликта, которые не были

доведены до сведения рядовых коммунистов и рабочих совхоза (исключительно плохие условия проживания казахов, отказ принимать их детей в ясли, гонение из столовой, выдача им хлеба в последнюю очередь). На основании выводов комиссии бюро Любинского райкома партии приняло постановление, в котором требовалось подготовить и выступить с докладами по национальной политике партии в населенных пунктах (особенно в национальных совхозах), улучшить медицинское обслуживание национальных меньшинств, а также их жилищно-бытовые условия, обеспечить отпуск мяса на льготных условиях, награждать казахов-ударников; в районной газете, стенгазетах и многотиражках публиковать статьи, разоблачающие любое проявление шовинизма, прокурору Васильеву немедленно реагировать на заявления и жалобы казахов, а также проверить в аппаратах милиции и суде материалы о фактах проявления великодержавного шовинизма и обеспечить их рассмотрение через народный суд, привлечь к ответственности начальника милиции Руденко, а милиционера Карпа, который был свидетелем, но не противодействовал избиению казахов, из рядов ВЛКСМ исключить «за проявления шовинизма». В целях успокоения общественного мнения и поднятия авторитета партийного руководства района среди казахского населения дела Олейника и Чиняева были переданы в отдел милиции и квалифицированы как уголовные [14, л. 37-38]. В селах Бастоне, Веселом, Дубраве, Михайловском в Волочихинском р-не Славгородского округа произошли массовые избиения казахов, необоснованные аресты, конфискация у них имущества. Руководители районного управления милиции во главе с начальником Ивачевым «встали на путь прямого укрытия всех творимых в отношении казахов безобразий» [10]. О великодержавных выходках стало известно только благодаря жалобе в партийную контрольную комиссию края. Дело при расследовании приобрело политическую окраску, и виновные были привлечены к ответственности [3], так как, по мнению большей части общества, лица, извращающие национальную политику и распространяющие «теорию», оскорбляющую национальное достоинство коренного населения Сибири, должны привлекаться к суду [1].

Запсибкрайком ВКП(б) постоянно требовал от окружкомов партии, а также от Шории, Хакасии и Ойротии сведений о конфликтах на почве межнациональной розни и мероприятиях, направленных на выявление лиц, склонных к шовинизму и национализму. В справке Ойротского ОК ВКП(б) приводилось высказывание «шовинистически настроенных граждан», распространяющих слухи о том, что «интеллект и ум ойротского ребенка является пониженным и что он нуждается в особой и пониженной (школьной) программе» [12]. Сталинский РК ВКП(б) (Кузнецкий округ) сообщал, что русские сотрудники первого участка комендатуры «допустили возмутительный шовинистический поступок», пользуясь своим служебным положением «поздно ночью заявили в 28-квартирный дом к рабочим-казахам строительного прокатного цеха и потребовали немедленного выселения из дома с детьми и со всем скарбом». Выселенных 53 человек поместили в холодное помещение, которое не отапливалось [8]. В информационной сводке по итогам первого полугодия 1934 г., отправленной Омским ОК ВКП(б) в Запсибкрайком партии, сообщалось о имеющихся фактах «великодержавного русского шовинизма» не только в районах, но и «в учебных заведениях Омска» [7, л. 137]. В свою очередь окружкомы ВКП(б) требовали от райкомов партии также отчетов о нарушениях на межнациональной основе. Так,

Называевский райком ВКП(б) сообщал, что в районе на базаре были избиты и подверглись издевательствам казахи колхоза им. Рыскулова. В справке Исилькульского райкома партии сообщалось об избии казахов фермы Мокшинского совхоза. В ней говорилось, что в пятидневный срок будут закончены расследования дел и приняты по отношению к виновным жесткие меры, а по итогам процесса над организаторами и участниками избия казахов будет проведена разъяснительная работа, как среди русского, так и казахского населения [16, л. 79]. Проявления великодержавного шовинизма по отношению к казахам имели место в Шербакульском, Любинском, (Омский округ), Купинском (Барабинский округ) р-нах и других. Об этом заявил в докладе на Второй западносибирской партийной конференции (январь 1934 г.) председатель краевой партийной контрольной комиссии Л.А. Папардэ, обвинивший руководителей этих районов в слабой работе по пресечению национализма и борьбе с шовинизмом, проявлении недостаточной бдительности по отношению «к контрреволюционным попыткам классового врага» и допущения «ряда фактов издевательства над казахами» [5].

В период раскулачивания зажиточной части крестьянства батраки превратились в безработных. Они были вынуждены искать себе работу в городе – на стройках, заводах и в шахтах. Однако на новых местах проживания они столкнулись не только с великорусским шовинизмом, но и с национализмом со стороны своих тюркоязычных же рабочих. Происходили частые драки и насилия на межнациональной почве. Даже среди татар ходила поговорка, сказанная в свое время писателем Ангамом Атбаевым, о том, что «легко быть татариним в Казани – попробуй им быть в Уфе» [9]. Партийным комитетам «постоянно приходилось держать в поле зрения вопросы взаимоотношений рабочих разных национальностей» [4]. Для пресечения великорусского шовинизма они вынуждены были выстраивать более жесткую, чем к националистическим проявлениям, позицию (например, прибегать к проведению показательных товарищеских судов, увольнять с предприятия или отдавать в следственные отделы милиции) [4].

Серьезной проблемой для Запсибкрайкома ВКП(б) стали массовые увольнения рабочих тюркских народов с шахт истроек Кузнецкого округа. Например, в конце 1932 г. на Тельбейском руднике (Кузнецкий округ) работало 25 шорцев, а к апрелю 1933 г. их осталось всего восемь человек [7]. В связи с этим была назначена комиссия, которая выявила на руднике нарушения и к другим национальностям: «обсчеты рабочих-казахов, назначение им меньшей зарплаты, чем русским, установление второй очереди в выплате зарплаты, задержание при приеме в профсоюз, антисанитария в бараках». На шахтах Ленинского рудника этого же округа работало несколько бригад казахов, которые неоднократно обращались к руководству предприятия с просьбой об улучшении бытовых условий. Но им было отказано [10]. В домах 9-го строительного участка горстройтреста милиция Новосибирска бездоказательно и без санкций прокурора часто производила «ночные налеты с обысками в бараках рабочих-казахов» [2]. Призванные вести контроль и наблюдение за выполнением программы по национальной политике ЦК ВКП(б) партийные руководители на местах зачастую боялись конфликтовать с администрациями предприятий, так как зависели от них материально, и поэтому нацменьшинства оказывались беззащитными. При заселении в коммунальную квартиру, где кухня, санузел были рассчитаны на 3-4

семьи, не учитывали национальных особенностей жильцов, в связи с чем возникали частые конфликты между семьями на бытовой почве с признаками национализма и шовинизма. Так, семья рабочего Емельяновской шахты (Кузбасс) Маная Гафитулина, татарина, подвергалась постоянным нападениям и издевательствам со стороны русских соседей Боковых и Добровских. Жалобы, поданные М. Гарифулиным в администрацию шахты, остались без внимания, и он был вынужден обратиться в редакцию газеты «за защитой от распоясавшихся шовинистов» [10]. Анжеро-Судженский горсовет Кемеровского округа в течение трех лет не смог построить ни одной детплощадки и открыть ни одного медицинского пункта в жилом массиве микрорайона, где проживали семьи горняков рабочих-мусульман [1]. На Омской железнодорожной станции «Куломзино» рабочему-казаху (фамилия в документе не указана) в период его болезни администрацией было отказано в материальной помощи [13, 66]. Данные факты указывали на слабую работу партийных организаций с национальными кадрами и «явно шовинистическое издевательское отношение к казахам» [10].

По глубокому убеждению ЦК ВКП(б), только при достижении мира и согласия между народами можно было построить социализм в стране и доказать Западу преимущество советского строя перед капиталистическим. Об этом сказал И.В. Сталин, выступая на совещании хлопкоробов 4 декабря 1935 г.: «Есть, товарищи, одна вещь более ценная, чем хлопок, – это дружба народов нашей страны... Пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы» [6, с. 156]. Но для этого необходимо было воспитать стандартного советского человека-интернационалиста, независимо от его национальной принадлежности. С этой целью Запсибкрайком ВКП(б) подготовил и разослал материалы в окружкомы, обкомы партии и национальные районы для пропагандистской работы по национальным вопросам. Лекторские группы в аулах и деревнях, выступая перед крестьянами, использовали заранее заготовленные подборки, в которых непременно говорилось, что «государственное оформление СССР производилось под руководством великого Сталина», который «развил и поднял на высокую ступень марксистско-ленинскую теорию национального вопроса, поставил и разрешил конкретные проблемы национального строительства», а Сталинская конституция, открывала «новый этап расцвета советского демократизма», еще более цементируя «великую дружбу национальностей, завязанную в жестокой борьбе с классовыми врагами, с контрреволюционными националистами, великодержавными и местными шовинистами» [11]. В лекциях назывались фамилии рабочих из тюркских народов, ставших ударниками-стахановцами (шахтер-забойщик Г. Зайнутдинов (Прокопьевск), стахановец Салахутдинов (Новосибирск), животновод-орденоносец Тырпан Мазаев (Ойротия), передовой председатель казахского сельсовета Кунаев (Омск), поэт Чистяков (Шория) и другие) [11]. Начиная с середины 1930-х гг. на конференциях и собраниях, от районных до краевых, выступающим из числа тюркоязычных докладчикам предлагалось в обязательном порядке выразить свое доверие к правильности генеральной линии ЦК ВКП(б) и лично к И.В. Сталину. Так, на Второй сессии ВЦИК XVI созыва (1936 г.) председатель Баунжансорского сельсовета Благовещенского р-на Новосибирской обл. Абдул Сакенович Кунаев сказал, что казахи добились огромных успехов и выполнения плана 1935 г. только благодаря руководству Сталина и краевого центра [3].

Таким образом, в 1930-1936 гг. руководство окружкомов, обкомов ВКП(б) и райкомов партии в национальных районах, боявшееся наказания за не выполнение решения ЦК ВКП(б), а вовсе не из-за любви к тюркскому народу, активно боролось с проявлениями великодержавного русского шовинизма и национализма.

Источники и литература:

1. Бекбулатов. Ойротский урок // Рабочий путь. Омск, 1930. 11 апреля.
2. Вильсон М. Сильнее огонь по проявлениям великодержавного шовинизма// Советская Сибирь. 1933. 26 апреля.
3. Вторая сессия ВЦИК XVI созыва. Речь тов. Кунаева, председателя Баунжансорского сельсовета Благовещенского района // Советская Сибирь. 1936. 6 февраля.
4. Гашкова Н.А. Участие трудящихся нерусских национальностей и иностранных рабочих в создании электроэнергетической базы Западной Сибири в годы первых пятилеток (1928-1937) // Вопросы историографии и общественно-политической истории Сибири. Омск: ОГПИ, 1990. С. 154.
5. Доклад Л.А. Папарде на Второй краевой партийной конференции (1934 г., январь) // Советская Сибирь. 1934. 27 января.
6. Емельянов Ю.В. Досье без ретуши. Сталин: на вершине власти. М.: Вече, 2002. 544 с.
7. Почему шорцев нет на горном руднике? // Советская Сибирь. 1933. 1 апреля.
8. Прокурор Пилюшенко // Советская Сибирь. 1934. 4 июня.
9. Сайганова Р. Деятельность РНКВД день за днем // Татарский мир. Омск, 2004. №1 (март).
10. Сильнее огонь против великодержавного и местного шовинизма // Советская Сибирь. 1933. 11 августа.
11. Созвездие национальностей // Советская Сибирь. 1936. 15 ноября.
12. Хабаров Н.С. Развитие и укрепление животноводства – боевая задача парторганизации Ойротии // Советская Сибирь. 1934. 13 января.
13. Центр документации новейшей истории Омской области (ЦДННАО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 844.
14. ЦДННАО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 25.
15. ЦДННАО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 30.
16. ЦДННАО. Ф. 3057. Оп. 1. Д. 37.

Г.Е. Отепова

*Павлодарский государственный педагогический институт,
Павлодар, Казахстан*

ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА ОМСКА В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

В данной статье автор обращает внимание читателей на некоторые исторические факты из жизни Омска, которые показывают и подтверждают давние связи города с историей Казахстана. На основе законодательных источников Российской империи показана роль Омска в истории Казахстана. В статье обращено внимание на необходимость привлечения законодательных источников к изучению его истории. Их дальнейшее изучение поможет восстановить некоторые аспекты и факты из жизни города, которые сыграли важную роль в развитии дружественных отношений между Казахстаном и Россией.

Ключевые слова: история Омска, законодательные источники, история Казахстана, Российская империя, Западная Сибирь, генерал-губернаторство, Средний жуз.

G.E. Oteпова

*Pavlodar State Pedagogical Institute,
Pavlodar, Kazakhstan*

THE IMPORTANCE OF OMSK CITY IN THE KAZAKHSTAN HISTORY

In this article, the author draws readers' attention to some historical facts of life of Omsk, which show and confirm the long connection of the city with the history of Kazakhstan. On the basis of legislative sources of the Russian Empire the role of the city of Omsk in the history of Kazakhstan. The article drew attention to the need to involve legislative sources to study the history of Omsk. Their further study will help to restore some aspects and facts of life in the city, which had an important role in the development of friendly relations between Kazakhstan and Russia.

Key words: Omsk History, legislative sources, history of Kazakhstan, Russian Empire, Western Siberia, Governor-General, Middle Zhuz.

История Казахстана, начиная с середины XVIII в., неразрывно была связана с историей Российского государства. А развитие русско-казахских и казахско-русских отношений имеет еще более длительную историю. Первое десятилетие XVIII в. было особенно тяжелым для Казахстана. Казахи, теснимые со всех сторон врагами, в первую очередь джунгарами, были вынуждены искать союзников. Все более частый обмен посольствами между Казахстаном и Россией в этот период не был случайностью. В тот период Казахстан во внешнеполитическом курсе России на Востоке занимал важное стратегическое значение. Русское государство проявляло заинтересованность в расширении своих государственных границ в данном направлении. Казахстан являлся не только целью, но и средством в осуществлении восточной политики России, которая, также видя опасность со стороны сильного Джунгарского государства, принимала всяческие меры к укреплению своих южных границ.

В 1713 г. сибирский губернатор М.П. Гагарин сообщил Петру I о возможности строительства ряда крепостей по Иртышу и проведения укрепленной линии вдоль границ с Казахстаном. Для выполнения этого мероприятия 22 мая 1714 г. Петр I подписал указ подполковнику И. Бухгольцу «О завладении городом Еркетом, об отыскании золотого песка на реке Дарье» [5, с. 67]. Хотя поход был неудачным, тем не менее, подполковнику удалось на обратном пути в 1716 г. заложить Омскую крепость, которая положила начало строительству Иртышской пограничной линии. Новая крепость со временем стала служить воротами в обширный регион верхнего Прииртышья, южного Казахстана и далее – в Среднюю Азию. В дальнейшем г. Омск сыграл важную роль в развитии русско-казахских общественно-политических и социально-экономических связей. С устройством Омской крепости начинается активное земледельческое освоение близлежащих территорий русскими крестьянами. На протяжении трех столетий Омск оказывал и оказывает огромное влияние на жизнь казахского общества.

Занимаясь более 10 лет изучением законодательных актов Российской империи по истории Казахстана, автор выявил около 100 законодательных источников царского правительства, связанных непосредственно с историей г. Омска и Казахстана [5]. Эти документы раскрывают, дополняют и помогают извлечь наиболее полную информацию о местных органах власти, их связях с центральными учреждениями, дают характеристику общественно-политической и социально-экономической жизни региона. В данной статье хотелось бы обратить внимание читателей на некоторые исторические факты из жизни Омска, которые показывают и подтверждают давние связи города с историей Казахстана. Достоверность исторических фактов подтверждена законодательными источниками царского правительства. Их дальнейшее изучение поможет восстановить некоторые аспекты и факты из жизни города, которые сыграли важную роль в развитии северного региона Казахстана.

Не останавливаясь на исторических аспектах из жизни Омска XVIII в. (об этом написано немало научных исследований, публикаций), хотелось показать роль г. Омска в истории Казахстана на основе законодательных источников. В 1782 г. Омск становится уездным городом. Дальнейший толчок для его развития дали сибирские реформы 1822 г., подготовленные и разработанные известным государственным деятелем России того времени М. Сперанским. Согласно царскому указу 1822 г. «О разделении Сибирской губернии на два главных управления Западную и Восточную» [5, с. 84] Сибирь была поделена на две части: Западную – с центром в Тобольске и Восточную – с центром в Иркутске. В документе по этому поводу записано: «Признали мы за благо прежде всего постановить образ сего разделения на следующих правилах: к Западному главному управлению принадлежат губернии Тобольская, Томская и область Омская. К Восточному главному управлению принадлежат губернии Иркутская, вновь учреждаемая губерния Енисейская и область Якутская с двумя приморскими управлениями – Охотским и Камчатским... Омская область состоит из частей уездов Тобольской и Томской губерний. Областному управлению быть в Омске. Главное управление каждой части Сибири вверяется генерал-губернатору» [6, л. 43]. Таким образом, на территории Сибири было образовано два самостоятельных генерал-губернаторства – Западносибирское и Восточносибирское. Местом постоянного пребывания генерал-губернатора Западной Сибири был избран город Омск.

Согласно уставу «О сибирских киргизах» 1822 г. территория Среднего жуза казахов, состоявшая в подданстве России, была отнесена к Омской области, управление которой находилось в руках генерал-губернатора Западной Сибири [1, с. 52-64]. С этого периода история нашего государства напрямую связана с историей Омска и Омской области. Сразу же после открытия Омской обл. начитается работа по благоустройству города. Так, например, в законе от 30 апреля 1826 г. «Об устройстве в Омске заведений общественного призрения» записано: «Если будут утверждены предположения об обращении в пользу благотворительных заведений в Омске пожертвований киргизов в течение льготных лет и части доходов, от имеющего взиматься с них в последствии ясака, за удовлетворением лошадьми казачьих полков линейного войска, то сим конечно усилены будут способы к устройению и содержанию в Омске благотворительных заведений» [1, с. 76].

Постепенно город не только благоустраивается, но и становится центром административной жизни Западной Сибири. В 1838 г., согласно царскому указу, из Тобольска в Омск были переведены некоторые части управления: «Государь император высочайше повелеть соизволил: по признанной удобности, перевести из Тобольска в Омск нижеследующие части управлений: 1) Корпусный штаб Отдельного сибирского корпуса. 2) Тобольскую провиантскую комиссию. 3) Управление Сибирского округа артиллерийских гарнизонов и находящиеся в ведении оною: вторую половину оренбургского окружного арсенала, окружную школу и учебную команду. 4) Управление VIII округа корпуса жандармов. 5) Главное управление Западной Сибири» [1, с. 171]. Данные изменения в статусе города подтверждают также следующие документы: «О перемещении Главного управления Западной Сибири из Тобольска в Омск» и «О перемещении из Тобольска в Омск главного военного и гражданского управления» [5, с. 91].

С годами пребывание главного управления края в Тобольске становилось менее рентабельным, необходимо было придвинуть центр управления к тем регионам, которые нуждались в постоянном военном и административном внимании. С 1839 г. Омск официально становится центром Западносибирского генерал-губернаторства, которое охватывало территорию от Верного на юге до берегов Ледовитого океана на севере. На омское начальство были даже возложены важные внешнеполитические и дипломатические задачи. Здесь в первой половине XIX в. успешно велись переговоры о дальнейшем вхождении казахских родов в состав Российской империи. Сюда прибывали официальные делегации и торговые караваны из Бухары и Коканда. К омским властям обращались казахи в поисках защиты от набегов кокандцев и хивинцев. Из Омска направлялись отряды на штурм Чимкента и Ташкента. Здесь решались многие вопросы по установлению границы с Китаем. В городе было сосредоточено управление Сибирскими линиями и Сибирским казачьим войском. О росте значения города Омска в жизни Западной Сибири говорит законодательный документ «О производстве в высокотожественные дни пушечной пальбы в Омске» [5, с. 92].

Долгое время казахи Среднего жуза входили в состав Омской области, а город Омск был административным центром управления этой территории. Только в 1854 г. была создана область Сибирских киргизов, преобразованная в 1868 г. в Акмолинскую область. Об этом читаем в законе: «Акмолинская область составляется из округов области Сибирских киргизов Кокчетавского,

Атбасарского, Акмолинского, из земель 1, 2, 3, 4, 5 и части 6 полковых округов Сибирского казачьего войска и городов Омска и Петропавловска» [2, с. 131]. Однако, согласно официальным документам, административный центр новой области временно решено было оставить в Омске: «Областным городом Акмолинской области назначается г. Акмолинск, до устройства там помещения для областного управления, управление временно остается в г. Омске» [2, с. 132].

Несмотря на административно-территориальные изменения, северные земли Казахстана долгое время входили в состав Омской области. С упразднением в 1882 г. Западносибирского генерал-губернаторства в Омске размещается резиденция степного генерал-губернатора, власть которого распространялась на Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. В документе читаем: «Учредить должность степного генерал-губернатора, назначив город Омск его местопребыванием, и образовав при означенном генерал-губернаторе канцелярию, а также включив в состав Степного генерал-губернаторства области Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую, с изъятием этой последней из ведения туркестанского генерал-губернатора» [2, с. 276]. Таким образом, на протяжении всего XIX в. г. Омск был административно-политическим центром не только Западной Сибири, но и значительной части территории Казахстана.

Постепенно, наряду с военной и административной функциями, Омск начинает выполнять торговую и культурную функции. Это можно увидеть из следующих законодательных документов: «О дозволении крестьянам и другим жителям сибирским производить рыбную ловлю на внешней стороне Омской области» (1827 г.); «О не взимании пошлины на Омской линии с рыбы и вещей, привозимых для чинов, в них находящихся, и о дозволении купечеству оной области производить розничную торговлю» (1829 г.); «О присутствии в Омском областном совете помощника окружного инженерного командира» (1834 г.); «О содержании подвод для земских сообщений во внешних округах Омской области» (1834 г.); «О разрешении частным лицам рудного промысла во внешних округах Омской области» (1835 г.); «О правилах для ввоза разных вин и водок во внешние округа Омской области» (1836 г.); «Об учреждении вместо существующей в городе Омске таможенной заставы, таможни 3 класса» (1839 г.); «О предоставлении торгующему в Петропавловске и Омске купечеству права, брать из таможен товары до платежа пошлин» (1842 г.); «Об учреждении в городе Омске женского тюремного отделения» (1862 г.) [5] и т.д. Эти документы отражают жизнь города в различных аспектах, по ним можно узнать и проследить, как развивались различные отрасли хозяйства.

Постепенно Омск становится важным центром исследования Сибири, Казахстана и Центральной Азии. Здесь побывали и трудились знаменитые путешественники и ученые: А. Гумбольдт, А. Брем, Д. Кеннан, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Н.М. Пржевальский и др. «Своими исследованиями русские ученые обогатили отечественное востоковедение, в частности, историческую литературу о Казахстане. Деятельность русских ученых положила начало развитию науки в крае и способствовала вовлечению в науку передовых представителей казахской интеллигенции» [3, с. 322].

В мае 1877 г. в Омске, согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета, по представлению министра внутренних дел, было открыто западносибирское отделение Русского географического общества.

«Разрешить императорскому Русскому географическому обществу: а) открыть в составе онаго, особый отдел под наименованием западносибирского, и б) начертать и представить на утверждение министра внутренних дел проект положения для означенного отдела. С открытием западносибирского отдела (ст. 1), существующий ныне в Сибири отдел географического общества переименовать в восточносибирский» [2, с. 232]. Западносибирский отдел Русского императорского географического общества внес огромный вклад в изучение Западной Сибири, Казахстана и Центральной Азии.

Значительна роль г. Омска в становлении народного образования и просветительства в Казахстане, т.к. именно здесь появляются первые учебные заведения, воспитавшие не одно поколение представителей передовой казахской интеллигенции. Отсутствие национальных средних учебных заведений на территории Казахстана вынуждало казахов отдавать своих детей в русские средние учебные заведения. Так, в 1786 г. в Омске открылась Азиатская школа, которая готовила переводчиков и топографов, а в 1789 г. – правительственная школа при меновом дворе г. Оренбурга [4, с. 239]. Эти учебные заведения обучали детей, в том числе и казахских, профессиям переводчика, топографа, писаря. В дальнейшем на территории г. Омска постепенно открывались различные школы для обучения казахских детей из различных сословий. Это видно из следующих законодательных источников: «Об устройстве в городе Омске при областном правлении сибирских киргизов школы для воспитания киргизских детей» (1857 г.); «Об учреждении в Омске школы для образования детей киргизов» (1865 г.); «Об особых отделениях при Оренбургской и Омской военных прогимназиях для приготовления переводчиков восточных языков» (1869 г.); «Об упразднении существующего при Омской военной прогимназии особого отдела переводчиков киргизского языка» (1870 г.); «О предоставлении права на получение прогонных денег всем малолетним определяемым из Сибирского и Туркестанского военного округа в Сибирскую военную гимназию и Омскую и Иркутскую военные прогимназии» (1872 г.); «Об учреждении войсковой повивальной школы при женском отделении Омского военного госпиталя» (1878 г.) [5] и др.

В Омске в 1813 г. было открыто военное училище, которое в 1847 г. было преобразовано в Сибирский кадетский корпус. Кроме военных дисциплин здесь преподавали всеобщую историю, русскую и западную литературу, философию, иностранные языки, лесоводство, ботанику. Сибирский кадетский корпус г. Омска сыграл важную роль в общественной жизни края. Среди выпускников кадетского училища было немало представителей будущей казахской интеллигенции. Здесь учился и служил знаменитый казахский просветитель, путешественник Ч.Ч. Валиханов. Из Омска он отправился с секретной миссией в Кульджу, посетил Кашгар. Омский период жизни Ч. Валиханова – это отдельная страница его биографии, которая заслуживает тщательного изучения и освещения.

Сегодня Казахстан и Россия продолжают опираться на исторически сложившиеся прочные связи. Несмотря на многочисленные испытания, на протяжении столетий, выпавших на долю как русского, так и казахского народа, отношения между народами Казахстана и России всегда были и остаются дружескими. Это обусловлено не только географическим соседством, но и культурной близостью двух стран и народов, искренним стремлением сообща преодолевать все трудности. И подтверждение этому – наша общая история.

Источники и литература:

1. Законодательство Российской империи по истории Казахстана (XIX век). Сб. док. /под ред. Отеповой Г.Е. В 3-х частях. Ч. 1. Павлодар: ПГПИ, 2015. 344 с.
2. Законодательство Российской империи по истории Казахстана (XIX век). Сб. док. /под ред. Отеповой Г.Е. В 3-х частях. Ч. 2. Павлодар: ПГПИ, 2015. 300 с.
3. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. В 5 томах. Алма-Ата: Наука, 1979. Т. 3. 543 с.
4. Отепова Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи. Павлодар: ПГПИ, 2015. 293 с.
5. Отепова Г.Е. Хронологический указатель законодательных актов Российской империи по истории Казахстана XVIII – начала XX в. Учебно-справочное пособие. Павлодар: ПГПИ, 2012. 161 с.
6. Сенатские указы за 1822-1839 гг. // Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

УДК 397.4+929.5

А.Е. Рогожинский

*Научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым»,
Алматы, Казахстан*

КАЗАХСКИЕ ТАМГИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОТКРЫТИЯ

Статья посвящена удостоверительным знакам казахов: родоплеменным тамгам Старшего, Среднего жузов и тамгам, применявшимся в XVIII-XIX вв. представителями сословия *tore* (чингизиды). Исследование проведено на основе аутентичных источников – архивных документов, наскальных изображений и мемориальной эпиграфики, выявленных в настоящее время. Проводится верификация данных о тамгах казахов в трудах ученых XIX-XX вв. На основе новых источников устанавливаются генеалогические связи различных патронимических групп в составе Старшего и Среднего жузов. Выделены основные типы знаков сословия *tore*, определены тамги трех генеалогических ветвей династии казахских чингизидов.

Ключевые слова: казахи, тамга, жуз, *tore*, чингизиды, генеалогия, клан.

А.Е. Rogozhinskiy

*Research and restoration laboratory «Ostrov Krym»,
Almaty, Kazakhstan*

KAZAKH TAMGAS: NEW RESEARCH AND DISCOVERIES

The article is concerned with identification signs of nomadic Kazakhs clan: the tamgas of the Old and Middle Juz (tribal unions) as well as signs that were used by the members of the *tore* estate (chingizids) in XVIII-XIX. This research is based on authentic sources including archives, petroglyphs (tamgas), and memorial epigraphy identified recently. Also verification of the information on Kazakh tamgas presented in works of XIX–XX cc. scholars is conducted. Based on some new data we were able to establish the genealogical relationships between

different groups within the Old and Middle Juz. The major types of identification signs used by the members of the tore estate were identified and the tamgas representing the three genealogical branches of the Kazakh dynasty of chingizids were established.

Keywords: Kazakhs, tamga, Juz, tore, chingizids, genealogy, clan.

Впервые тамги казахов привлекли внимание русских исследователей в последней четверти XVIII в., затем, по мере расширения российского суверенитета в казахской степи, регистрация удостоверительных знаков племен и родов Младшего, Среднего и Старшего жузов продолжалась вплоть до конца XIX в. Сводный «Список тамг» казахов трех жузов, помещенный в приложении к капитальному труду Н.И. Гродекова в 1889 г. [10, приложение 2, с. 4-7], стал важным ресурсом для этнологических очерков Н.А. Аристова [6; 7], прежде других воспользовавшегося им для «выяснения этнического состава киргиз-казаков». Позже он многократно привлекался в том же качестве отечественными и зарубежными исследователями прошлого столетия. Однако проведенный в наши дни критический анализ литературных данных заставляет с осторожностью относиться к собраниям казахских тамг в трудах А.И. Левшина, Н.И. Гродекова, М.М. Тынышпаева, стимулируя дополнительный поиск и изучение аутентичных источников. Приоритетными среди таковых выступают оригинальные архивные документы и памятники эпиграфики, содержащие графически адекватные формы знаков и достоверные сведения о клановой принадлежности их предьявителей. Активные полевые и архивные изыскания, проводившиеся в последние десятилетия разными учеными, позволили ввести в научный оборот большой объем новых источников [1; 4; 12; 18; 19; 20; 26]. Благодаря этому удалось точно атрибутировать серию известных ранее знаков Старшего и Среднего жузов, внести существенные коррективы в сводки первых исследователей казахских тамг, а затем уточнить или пересмотреть ряд заключений относительно сходства и отличий тамговых знаков родственных племен, сосуществования различных тамг у одних и тех же патронимических групп и др. Кроме того, на основе широкого круга источников впервые стало возможным специальное изучение знаков-эмблем сословных групп казахского общества – торе, кожа и туленгутов. В частности, определены основные типы графических форм «ханской тамги» [21], выявлены локальные особенности их начертания и установлена связь разных форм знаков с определенными генеалогическими ветвями казахских чингизидов [22]. В данной публикации по необходимости кратко освещаются эти и другие наиболее важные результаты изучения казахских тамг на современном этапе.

Банк данных по тамгам казахов на сегодняшний день включает неравноценные по репрезентативности коллекции идентифицированных знаков: *этнографическую*, полученную в ходе специальных опросов, проводившихся в разные годы в ряде районов Западного, Южного, Восточного Казахстана и Семиречья; *эпиграфическую*, объединяющую недвижимые памятники разных видов – эпитафии, наскальные изображения и надписи, обнаруженные практически на всей территории страны; *архивную*, представленную документальными материалами, выявленными в центральных архивах Казахстана, Узбекистана и России в 2007–2015 гг. Наиболее информативны и составляют львиную долю совокупного банка данных архивная и эпиграфическая коллекции: вместе они насчитывают сотни аутентичных объектов, охватывающих значительный отрезок исторического времени (конец XVIII – начало XX вв.) и большую часть этнической территории расселения казахов. Этот уникальный

массовый и разнообразный в типологическом отношении материал не только позволяет перейти к всестороннему изучению многовековой традиции тамгопользования в кочевом обществе казахов, но также расширяет возможности для изучения генеалогической структуры казахских жузов, выяснения роли отдельных групп племен в этногенезе других народов Центральной Азии и Восточной Европы. Постановке таких перспективных задач в методическом плане предшествует процедура идентификации удостоверительных знаков различных патронимических объединений (родов и племен) и социальных групп.

Тамги казахов Старшего жуза сравнительно поздно стали объектом специального изучения: лишь со второй половины XIX в., когда южные области Казахстана вошли в состав Российской империи, сложилась благоприятная политико-административная ситуация для их регистрации и систематизации европейскими учеными. К сожалению, воспользоваться такой возможностью удалось немногим исследователям (рис. 1); единственный раз в дореволюционный период целенаправленный сбор первичных данных по «большеордынским тамгам» был организован военным губернатором Сырдарьинской области Н.И. Гродековым в 1884–1886 гг. и осуществлен А.Н. Вышнегорским в южных областях Казахстана [10, с. IV–VI]. Заметим, что к тому времени в основном завершилось начавшееся еще во второй половине XVIII в. переселение из Туркестана и расселение в пределах Семиречья главных племен Старшего жуза: жалайыр, сарыуайсын, албан, суан, шапырашты, ысты и частично – дулат и канлы. Возможно, поэтому собранные А.Н. Вышнегорским сведения о родовом составе перечисленных племен оказались неполными, а тамги некоторых из них, как выясняется сегодня, воспроизведены с искажениями [20, с. 103–104]. Тем не менее, впервые опубликованные Н.И. Гродековым тамги казахов Старшего жуза были восприняты в целом как достоверные сначала Н.А. Аристовым, а затем другими исследователями – Шакаримом Кудайбердыулы, Ж.-А. Кастанье, М.М. Тынышпаевым, С.А. Аманжоловым, В.В. Востровым и М.С. Мукановым [2; 9; 14; 27; 29]. В 1925 г. М.М. Тынышпаев внес в реестр тамговых форм некоторые изменения, но в дальнейшем список родоплеменных знаков казахов существенно не пополнился, поскольку в советское время по идеологическим мотивам данная тема не могла стать ключевой для этнографической науки Казахстана. В известной монографии В.В. Вострова и М.С. Муканова имеются ссылки на материалы полевых исследований, как правило, подтверждающих точность графических форм знаков, приводимых Н.И. Гродековым [9, с. 39, 46], но авторы ничего не сообщают о степени осведомленности своих информаторов. Только в посмертном издании книги казахстанских этнографов в 2000 г. в отдельных случаях приводятся тамги другого вида [5, с. 63]. Таким образом, на протяжении всего XX в. исследователи были вынуждены оперировать весьма ограниченным и слабо верифицированным кругом источников по родоплеменным знакам Старшего жуза, сформировавшимся в основном благодаря трудам Н.И. Гродекова и М.М. Тынышпаева.

Обращение к народной памяти для уточнения форм родоплеменных знаков сегодня становится малоперспективным, прежде всего, в связи с утратой в прошлом столетии социально-экономических основ, поддерживавших в кочевом обществе казахов традицию тамгопользования. Как показывает практика, тематические опросы редко дают положительные результаты, поскольку люди старшего поколения, родившиеся в советское время, обычно не знают тамги

своего рода или указывают знаки, известные им из научно-популярных изданий, основанных на упомянутых источниках [1, с. 451]. Более эффективным в настоящих условиях становится систематическое изучение архивных материалов – оригинальных письменных документов XVIII–XIX вв., авторы которых хорошо знали и традиционно пользовались тамгами. Ниже подводятся итоги работы по выявлению «своеручных тамг» казахов Старшего жуза в фондах Центрального государственного архива Казахстана (ЦГА РК), первые результаты которой опубликованы автором в 2010 г.

В состав Старшего жуза в конце XIX в. входили 11 племен – неодинаковые по численности, составу родов, происхождению и своему положению во внутрижузовой иерархии поколений: жалайыр, ошакты, сарыуысын, дулат, албан, суан, сиргели, канлы, ысты, шанышкылы (катаган) и шапырашты. Согласно традиционной генеалогии, прародителем казахов Старшего жуза считается Уйсын, а его потомками Сарыуысын, Дулат, Албан, Суан и другие, в связи с чем до середины XIX в. сохранилось собирательное название этого племенного союза – «уйсуновская», или «юсуновская» орда [9, с. 26–27; 13, с. 407, док. №156].

Попытки сопоставить данные традиционной генеалогии и тамги казахов Старшего жуза, чтобы разобраться в сложных отношениях родства племен, впервые были предприняты Н.А. Аристовым. Но ввиду «скудости сведений о тамгах самих большеордынцев», «которые собраны, и то конечно не вполне, лишь в пределах Сыр-Дарьинской области» [6, с. 421], некоторые выводы исследователя, как выясняется теперь, оказались ошибочными. «Сары-уйсуны по тамге оказываются не имеющими ничего общего с дулатами и их родичами», – к такому заключению пришел Н.А. Аристов [там же, с. 422] на основании рисунка тамги, опубликованного Н.И. Гродековым. Однако в изученных письменных документах подобное изображение как самостоятельный знак какого-либо подразделения казахов не встречается; неизвестен он и среди наскальных изображений Чу-Илийского междуречья в Семиречье, где располагались с 1868 г. кочевья казахов Сарытокумовской волости, состоявшей в основном из *сарыуысынов*. Только по архивным материалам удастся определить общеплеменную тамгу и тождественные ей знаки отдельных родов сарыуысынов (рис. 1). Во всех документах знак выглядит как окружность с отходящей вниз прямой линией, пересеченной в средней части короткой чертой. Основное положение тамги – окружностью вверх; когда список «нижеприложивших тамги» на документе не оставляет достаточно места для вертикального расположения знака, тамга рисуется горизонтально, окружностью вправо. Поперечная линия иногда изображается с загнутыми кверху концами, вытянутыми вдоль контура окружности. Такой «каллиграфический изыск» обычно присутствует на тамгах биев, аульных старшин и почетных лиц, по-видимому, знакомых с письменной грамотой. Подобная тамга изображена на скале у колодца в пределах Сарытокумовской волости и зафиксирована на фотографиях Н.Н. Пантусова (1897 г.) [20, с. 119, рис. 8].

Необычная форма знака с прямоугольником вместо окружности, которая была представлена Н.И. Гродековым как тамга сарыуысынов, скорее всего, являлась ее неумелым воспроизведением рукой безвестного информатора А.Н. Вышнегорского. В документах XIX в. встречаются примеры столь же небрежного «своеручного» изображения родовых знаков тамгопредъявителями,

слабо владевшими пером (см., например: ЦГА РК. Ф. И-44, оп. 1, д. 40312, л. 1об.). Как видно, вывод Н.А. Аристова об исключительности тамги сарыуйсынов был преждевременным.

Одним из самых крупных и сложных по составу являлось племя *дулат*, подразделявшееся на четыре рода: ботпай, шымыр, сикым и жаныс. Со времен Н.И. Гродекова общеплеменным знаком дулатов большинством исследователей признается тамга в виде окружности («донгелек»); только М.М. Тынышпаев без ссылки на источники привел несколько иную тамгу – окружность, пересеченная вертикальной чертой. В изученных документах, где предъявителями тамг выступают казахи Старшего жуза Семиреченской области, оба знака встречаются крайне редко – в списках рядовых выборщиков местной администрации волостей, рядом с известными тамгами других родов дулатов и шапырашты. По частоте и условиям предъявления их трудно признать тамгами общеплеменного значения, хотя точно атрибутировать эти единичные образцы знаков пока не удастся.

В действительности тамгой племени дулат и всех четырех его родов выступает знак тождественный по форме тамге племени сарыуйсын. Именно он чаще всего фигурирует в документах, подтверждая идентичность предъявителей на разных уровнях отношений индивида или коллектива сородичей с представителями иных патронимических групп или колониальной администрации. Но наряду с этим существовали особые тамги родов и отделений, которые по своему виду отличались от основной тамги дулатов. При этом особая форма знака образуется за счет добавления новых элементов к общеплеменной тамге, как у рода ботпай, или представляет собой иную графическую фигуру (полумесяц, соединенные под острым углом две линии), производную от основного знака, как у части отделений рода жаныс. В первом случае образование сыновних форм тамги может означать выделение родственных кланов путем дробления рода, во втором, – наоборот, за счет включения в состав рода новых подразделений (*кirme*), не связанных традицией единого генеалогического родства. Наконец, основной знак дулатов без каких-либо изменений графической формы использовался многими отделениями в качестве собственной родовой тамги; например, весьма многочисленным отделением каскарау рода жаныс. Так же не удастся обнаружить особые формы знаков двух других родов дулатов – шымыр и сикым; изученные материалы свидетельствуют об использовании этими родами только основной тамги дулатов. Более того, по архивным документам однозначно устанавливается принадлежность отделениям кудайкул и алимжан рода ботпай (см., например: ЦГА РК. Ф. И-44, оп. 1, д. 21343, л. 625) особой тамги, которая ранее, по Н.И. Гродекову, ошибочно приписывалась роду сикым.

Общеплеменной статус основной тамги дулатов отчетливо проявляется в исключительном использовании этого знака для обозначения мест постоянных зимовок «дулатовских волостей», в последней трети XIX в. соседствовавших на западе Семиречья с кочевьями других племен Старшего и Среднего жузов. В центре междуречья р. Чу и р. Или компактно расселялись общины ботпай, сикым и шымыр, южнее – род жаныс чересполосно с родами шапырашты других волостей, с которыми дулаты соперничали и на востоке своих кочевых владений. На северо-западе Чу-Илийских гор общины шымыр Верненского и Аулиеатинского уездов отстаивали свои права на зимовки вдоль правобережья р. Чу, на Хантау и в горах Джамбул, кочуя в соседстве с аргынами Семипалатинской области. Вдоль всей протяженной общей границы «дулатовских волостей»

сегодня обнаружены десятки стоянок конца XIX – начала XX вв., отмеченные наскальными изображениями общеплеменной тамги дулатов; при этом на внутренней территории их расселения тамги у зимовок почти не встречаются, несмотря на существование разделительных границ между волостями [4, с 147-149, 227-261]. Так на примере землепользования кочевников Семиречья подтверждается установленное независимым путем по архивным данным определение регулятивной функции основной тамги дулатов как особого знака для внешнего предъявления.

В отношении форм родоплеменных знаков племен албан и суан, фигурирующих в «Списке тамг» Н.И. Гродекова, тоже необходимо внести существенные поправки. Сегодня известно, что незадолго до этнографической миссии А.Н. Вышнегорского в кочевья Сырдарьинской области практически с той же целью проводил сбор данных среди казахов восточной части Семиречья капитан Н.М. Изразцов – по поручению главного начальника Туркестанского края К.П. фон Кауфмана [12, с. 161-164]. Рукопись отчета Н.М. Изразцова, хранившаяся в тот период в Ташкенте, но опубликованная только в наши дни, по досадному недоразумению оказалась недоступной Н.И. Гродекову; случись иначе, возможно, удалось бы избежать еще одного столетнего заблуждения, касающегося тамги племени *албан*. «Все албаны, – пишет Н.М. Изразцов [там же, с. 236], – имеют общую тамгу \times° , и только до 20 юрт (семей) рода альджан имеют свою особую тамгу – $\text{б}^{\text{с}}$ ». Материалы архивной коллекции тамг подтверждают мнение исследователя: как среди дулатов, знак «уйсуновского» типа обладает статусом общей тамги племени албан, а также служит удостоверительным знаком некоторых его подразделений. Возможно, отличие заключается в том, что тамга часто изображалась окружностью вниз, вправо или влево. Архивными документами подтверждается и принадлежность тамги в виде окружности с тремя радиальными лучами роду алжан и его отделению аламан, ошибочно приписывавшаяся Н.И. Гродековым дулатовскому роду ботпай, а М.М. Тынышпаевым – племени суан. Небольшая группа документов указывает на существование особой тамги – окружность с отходящей вниз линией – у отделений родов конырборик и шоган; знак этой формы ранее отождествлялся с общеплеменной тамгой албанов. Наконец, у албанов рода бозым отделений баба и жаныбек обнаружена еще одна разновидность особой тамги в форме окружности с двумя линиями, отходящими вниз и вправо вверх; с подачи исследователей, некритично воспринявших «Список тамг» Н.И. Гродекова, такой знак и поныне популяризируется как единая тамга казахов племени суан [30, fig. 2.]. Таким образом, по архивным источникам установлено, что наряду с основной тамгой, идентичной общеплеменной тамге сарыуйсынов и дулатов, по меньшей мере, четыре рода (конырборик, шоган, алжан и бозым) племени албан пользовались тамгами особого вида, которые невозможно признать производными от более сложного знака «уйсуновского» типа.

Кроме общей для сарыуйсынов, дулатов и албанов тамги, казахи племени *суан* имели особый знак в виде окружности с отходящей от нее вниз прямой линией. В архивной коллекции эта тамга многократно представлена и как родовой знак разных отделений, что позволяет рассматривать ее как единую тамгу суанов. Тождество формы данной тамги с особым знаком группы перечисленных выше родов племени албан является очевидным.

Благодаря обилию информативных документов удалось идентифицировать тамги большинства родов племени *жалайыр* в форме «*тарак*»-тамги (каз. *тарақ* – гребень), которая выступает одновременно общеплеменным знаком жалайыров. Простая форма тамги в виде трех параллельных линий, соединенных сверху горизонтальной чертой, изображалась преимущественно жалайырами Семиречья, в то время как их сырдарьинские соплеменники изображали ее с небольшим завитком на одной из крайних линий; эта черта может рассматриваться как локальная палеографическая особенность.

Общеплеменным знаком *шапырашты* выступает тамга в форме равностороннего или равнобедренного треугольника («*тумар*»), обращенного основанием или вершиной вверх. Других форм знаков этого племени архивные документы не содержат. Обнаружены и недвижимые памятники – остатки зимовки, отмеченной наскальным изображением «*тумар*» - тамги с датой 1869 г. и именной надписью управителя одной из волостей шапырашты [20, с. 115, 119-120, рис. 4, 6]. Этими материалами подтверждаются данные М.М. Тынышпаева о существовании сходного знака у двух племен Старшего жуза – шапырашты и *ошакты*. В архивной коллекции тамг имеются небольшие серии знаков других племен Старшего жуза – *ысты, канлы, сиргели* и *шанышкылы*, которые в целом совпадают по форме с тамгами тех же племен, показанными у Н.И. Гродекова.

Таким образом, уточненные данные о тамгах основных племен Старшего жуза позволяют сделать несколько выводов. Прежде всего, выявленное истинное начертание тамги племени сарыуысын, одновременно являвшейся объединяющим знаком для дулатов, албанов и суанов, наглядно подтверждает обоснованность исторического наименования Старшего жуза («уйсуновская орда»), этнополитическим ядром которого выступает объединение этих четырех племен. Только у сарыуысынов и большей части дулатов такой знак универсально выступает на всех уровнях внутрплеменной генеалогии, что может означать глубокое, изначальное родство, а не только политический союз двух патронимических образований. Другой тип связей демонстрируют удостоверительные знаки албанов и суанов: с одной стороны, типологическое сходство особых родовых тамг указывает на генеалогическое родство какой-то части обоих племен, с другой, – производные от «уйсуновской» тамги особые знаки албанов и суанов сосуществуют с ней, как символом политического доминирования. Наконец, формы знаков остальных племен Старшего жуза не дают повода для рассмотрения иных связей с ядром этого объединения, кроме этнополитических. Не углубляясь здесь в проблему исторической последовательности и хронологии формирования столь сложного объединения, как Старший жуз, необходимо добавить, что среди множества известных сегодня в Семиречье и Южном Казахстане наскальных изображений тамг античного (сако-усуньского) времени и средневековья отсутствуют знаки, сопоставимые с «уйсуновской» тамгой казахов [23, рис. 1]. Другими словами, данный корпус источников не позволяет связывать обладателей этой тамги с какой-либо частью населения региона домонгольской эпохи.

Плодотворным оказалось изучение на современном этапе родоплеменных знаков казахов Среднего жуза. Критический анализ литературных данных и архивные изыскания, проведенные в 2012–2014 гг. А.К. Таласбаевой [26] под руководством автора, посвящены тамгам *найманов* – одного из самых крупных племенных объединений казахского народа (рис. 2). Исключительно сложный

родоплеменной состав найманов отличается неоднородностью, что нашло отражение в типологическом разнообразии знаков: «ни у одного племени Среднего жуза не встречается такое многообразие родовых тамг, как у найманов» [16, с. 45-46]. В целом верное наблюдение не помешало С.М. Аманжолову и М.С. Муканову сделать противоречивый вывод о существовании у найманов наряду с особыми знаками племен общей тамги в форме «V» [2, с. 15]. Основанием для этого служила ссылка на изображение тамги «найманского поколения», помещенного впервые в труде А.И. Левшина [15, с. 134-135, вклейка], а затем принятое за установленный факт Н.И. Гродековым, Н.А. Аристовым, Ш. Кудайбердыулы и М.М. Тынышпаевым. Однако изучение архивных материалов XVIII–XIX вв., относящихся к тамгопользованию основных подразделений найманов, показало, что такого знака не было ни у одного племени или рода. Возможным графическим прототипом несуществующей «общеплеменной» тамги найманов мог стать только знак племени баганалы в форме «Y» (что допускалось и М.С. Мукановым), который был неточно воспроизведен «Геродотом казахского народа» в первом издании «Описания киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей». В то же время изучение аутентичных источников позволило достоверно установить сходство знаков, применявшихся такими подразделениями найманов, как каракерей, матай и садыр. Тем самым снимается противоречие между данными традиционной генеалогии этих тесно связанных родов и сложившимся представлением о типологическом несовпадении их тамг, образцы которых фигурируют в работах перечисленных авторов.

Отдельное исследование предпринято с целью выяснения исторически достоверной формы «ханской тамги» казахских чингизидов (*торе*). Надо заметить, что в отличие от тамговых знаков казахских племен и родов, изучение которых ведется более двухсот лет, удостоверительные знаки-эмблемы казахских торе прежде специально не изучались. Тамги султанов фиксировались дореволюционными исследователями от случая к случаю в разных регионах и всегда лишь в дополнение к родоплеменным знакам, разнообразие которых привлекало перспективой разобраться в проблеме формирования казахского народа. На фоне такой масштабной задачи тема «дворянской тамги» не вызвала особого энтузиазма у исследователей XIX – начала XX вв. Дело ограничилось констатацией сходства сословного знака торе с тамгами отдельных казахских племен и с династийными знаками других генеалогических ветвей джучидов – крымских ханов [7, с. 287; 25, с. 83].

Регистрация российскими исследователями сословно-личных знаков торе началась в последней четверти XVIII в., эпизодически продолжалась в следующем столетии и завершилась в начале XX в. [21]. Стараниями ученых дореволюционной поры собраны ценные сведения о тамгопользовании казахских джучидов, выявлены 7 разновидностей их знаков, для обозначения которых применялись разные наименования: «*джа-ок*»/«*жаа-ок*», «*хан-тамга*», «*тарак-тамга*», «*султанская тамга*». В трудах отдельных авторов [3, с. 46; 25, с. 92] воспроизведены тамги, заимствованные из подлинных архивных документов официальной переписки казахских торе с оренбургской и западносибирской администрацией. Однако в советский период историографическая традиция изучения геральдики «классово чуждого» аристократического сословия торе прервалась на многие десятилетия. Лишь дважды в научных изданиях помещались образцы «ханской тамги»; в обоих случаях неудачно подобранные

типографские литеры весьма условно, с искажениями передавали форму некоторых разновидностей знака [8, с. 220; 27, с. 30], которые в стилизованном виде фигурируют в наши дни как достоверное изображение эмблемы казахских чингизидов [24, обложка]. При этом остаются без объяснения и множественность зафиксированных названий знака торе, и разнообразие их форм, и стоящие за этим, вероятно, определенные исторические, социально-политические или иные условия их предъявления.

Основу нашего исследования составила коллекция идентифицированных тамг торе, которая насчитывает около ста знаков, датированных в интервале 1785-1913 гг. В собрание входят персональные знаки чингизидов, связанных условиями совместного кочевания и управления с разными племенами казахов Старшего, Среднего и Младшего жузов на всей территории Казахстана, а также смежных областей Узбекистана (Хива) и Монголии (рис. 3). Среди учтенных знаков преобладают тамги, размещенные на страницах письменных документов из 11-ти фондов ЦГА РК; архивная коллекция дополняется знаками на надгробных памятниках из некрополей Букеевской Орды [1, с. 169-170, 560-567, рис. 209, 411, 418-420; 18; 19]. В числе предъявителей знаков численно преобладают султаны, но есть также 6 обладателей ханского титула (Вали (1781-1821), Есим (1795-1797), Жангир (1823-1845) и др.) и две ханские супруги (Атан-ханым, жена Букей-хана, и Кунимжан-ханым, жена Кенесары-хана). В генеалогическом отношении в коллекции представлены разные ветви казахских джучидов, ведущих свое происхождение от султанов Жадика («старшая» ветвь династии) и Осека («младшая» ветвь династии), сыновей хана Жанибека (1465-1474), одного из основателей Казахского ханства.

Всего выделяется 10 разновидностей тамговых знаков, использовавшихся торе, по меньшей мере, с конца XVIII в. На основании свидетельств ряда авторитетных информаторов дореволюционных исследователей устанавливается наличие статусных отличий сословных знаков. Группа знаков идентифицируется как «ханская тамга»: 1) ЛП – знак «*джя-ок*, то есть лук со стрелой» [11, с. 275, № 351; 21, с. 671-672]; 2) М – тамга правителей Букеевского ханства [17, с. 69; 22, с. 267]; 3) Ш и, возможно, Ц – тамга, статус которой определяется фамильными связями казахских чингизидов, управлявшими кочевниками низовьев Сырдарьи, остававшимися до середины XIX в. под юрисдикцией Хивы [21, с. 676-677; 22, с. 267-268]. Удостоверительные знаки других видов относятся к разряду так называемых «султанских тамг», применявшихся разными представителями сословия торе в зависимости от многих, пока не вполне выясненных, условий.

Распределение знаков всех видов на генеалогической схеме носит упорядоченный характер: с одной стороны, имеются тамги, присутствующие во всех родословных цепочках; с другой же, – есть группа знаков, связанных только с одной или несколькими ветвями торе, возглавляемыми общими родоначальниками. В последнем случае отчетливо выделяются следующие фамильные ветви: 1) потомки Абулхаир-хана начиная по времени с хана Жангира; 2) потомки Каип-хана II (1746-1756); 3) потомки Турсын-хана (ум. в 1717) и Жангир-хана I (ум. в 1652). Тамга правителей Букеевского ханства М не применялась чингизидами «старшей» ветви династии; тамга Ш зафиксирована пока только у потомков «хивинского» Каип-хана II; все другие представители «старшей» ветви династии не использовали знаки своих современников, принадлежавших к первым двум названным фамилиям, но те, в свою очередь,

применяли некоторые общие знаки династии: $\Pi\Pi\Pi\Pi$. Отмеченные особенности фамильного тамгопользования демонстрируются также небольшой серией знаков женщин – представительниц сословия торе.

Таким образом, раскрывается многообразие геральдики торе, отражающее как династическое единство и общность происхождения казахских чингизидов, так и формирование в определенные исторические моменты самостоятельных ветвей династии, стремившихся – в том числе с помощью внешних знаков отличия – утвердить собственный суверенитет в той или иной части Степи и за ее пределами. К сожалению, пока не удается выяснить, сохранялась ли ведущая роль генеалогического принципа в выборе удостоверительного знака при изменении политического статуса торе (принятие другого подданства).

Выявление общединастийной тамги торе $\Pi\Pi$ поднимает вопросы происхождения самого знака и родства казахских джучидов с другими ветвями чингизидов. Сходство «ханской тамги» далеких потомков Жанибека с тамгой крымских Гиреев, которое констатировали Н.А. Аристов и Д.Н. Соколов [7, с. 287; 25, с. 17], кажется очевидным. По существу, этот факт мог бы стать решающим аргументом в дискуссии о происхождении Урус-хана – прямого предка первых казахских ханов Керей и Жанибека – по линии генеалогии, восходящей к Орда-Эджену или Тукай-Тимуру, сыновьям Джучи (см. обзор дискуссии и библиографию проблемы: [28, с. 171-184]). Однозначному решению проблемы препятствуют, как минимум, два обстоятельства: 1) отсутствие источников, зримых свидетельств, подтверждающих наличие у казахских джучидов XV–XVII вв. такой же тамги, как установленный общединастийный знак их потомков в конце XVIII – начале XX вв.; 2) многочисленные археологические и эпиграфические материалы, свидетельствующие о существовании основных вариантов знака ($\Pi\Pi\Pi\Pi$) в междуречье Таласа и Сырдарьи еще до монгольского завоевания [22, с. 270-271].

Источники и литература:

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: «Гылым», 2002. 654 с.
2. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата: Изд-во Алма-Атин. пед.ин-та, 1959. 450 с.
3. Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: «Гылым», 1998. 280 с.
4. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения / Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 271 с.
5. Арғынбаев Х., Мұқанов М., Востров В. Қазақ шежіресі хақында. Алматы: Атамұра, 2000. 462 б.
6. Аристов Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов на основании родословных сказаний и сведений о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1894. С. 391-486.
7. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Вып. III–IV. СПб., 1896. С. 277-456.

8. Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона / Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзек в 1871 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. 1. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1948. С. 159-222.
9. Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Наука, 1968. 256 с.
10. Гродеков Н. И. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Т. I. Ташкент: Типо-лит. С.И. Лахтина, 1889. 544 с.
11. Ефименко П.С. Юридические знаки // Журнал министерства народного просвещения. Четвертое десятилетие. Ч. 176. 1874. С. 272–293.
12. Изразцов Н.М. Степные обычаи и законы. Записки и письма капитана Н.М. Изразцова о народных обычаях казахов Семиреченской области. 15 июня 1879 г. – 5 февраля 1881 г. (Б.Т. Жанаев и Н.П. Кропивницкий) // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: LEM, 2011. С. 161–266.
13. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. 746 с.
14. Кудайберды-улы Шакарим. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Алма-Ата: Жазушы, 1990. 118 с.
15. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 3. Этнографические известия. СПб.: типография К. Крайя, 1832. 304 с.
16. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата: Наука, 1974. 200 с.
17. Мукатаев Г.К., Ирхина М.В. Султан Габайдулла Чингисхан, полный генерал от кавалерии. Документы и материалы. СПб: Изд. М.В. Ирхиной. 2003. 159 с
18. Муминов А.К., Нурманова А.Ш., Медерова Д.Е. Эпиграфические памятники Западно-Казахстанской области как источник по общественно-политической и духовной истории Казахстана // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 224-236.
19. Мырзагалиева Г.С. Изучение надгробных памятников некрополя Хан зираты // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 248–258.
20. Рогожинский А.Е. «Мы, нижеприложившие истинные тамги...» (опыт идентификации родоплеменных знаков казахов Старшего жуза) // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. Научн. чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: Print-S, 2010. С. 101-127.
21. Рогожинский А.Е. «Ханская» тамга казахских джучидов // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сб. историч. документов в 2-х томах / Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Т. I: Письма казахских правителей. 1675-1780 гг. Алматы: «АБДИ Компании», 2014. С. 669-678.
22. Рогожинский А.Е. Сословно-династические знаки казахских торе // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство. Сб. мат-лов межд. науч. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 262–273.

23. Рогожинский А.Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана (опыт типологии и идентификации знаков) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана: сб. научн. статей, посвящ. 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К.А. Акишева. Астана: «Сарыарка», 2014. С. 534–547.

24. Сабитов Ж.М. Генеалогия торе. Астана: Сигнет Принт, 2008. 328 с.

25. Соколов Д.Н. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг) // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Т. 13. Оренбург, 1904. 96 с.

26. Таласбаева А.К. Родоплеменные тамги найманов по архивным источникам XVIII–XIX вв. // Проблемы изучения нематериального культурного наследия народов Казахстана и Центральной Азии: топонимика, эпиграфика, искусство: сб. матер. междунар. научн. конф. Алматы: EVO PRESS, 2014. С. 283–287.

27. Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз-казакского народа. Ташкент: Восточное отд. Киргизского гос. изд., 1925. 64 с.

28. Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.

29. Castagne J. Les Tamgas des Kirghizes (Kazaks) // Revue du Monde Musulman. Vol. 47. Paris, 1921. P. 28–64.

30. Samashev, Samat K. Kazakh Tamgas. Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / edited by Joam Evans Pim; Sergey A. Yatsenko and Oliver T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 331–340.

ИСТОЧНИКИ	САРЫУЙСЫН	АЛБАН	СУАН	ДУЛАТ				ЖАЛАЙЫР	ШАПЫРАШТЫ	
	Гродеков. 1889.									
	Тынышпаев. 1925.									
РОД	Гродеков. 1889.								ШАПЫРАШТЫ	
	Тынышпаев. 1925.									
	Аргынбаев, Муканов, Востров. 2000.									
				БОТПАЙ	СИЛМ	ШЫМЫР	ЖАНЫС			

ПЛЕМЯ	САРЫУЙСЫН	АЛБАН							СУАН	ДУЛАТ	
РОД	КАШКА	КЫЗЫЛБОРИК	КОНЫРБОРИК	ШОГАН	АЛБАН	ЖАРТЫ	АЙТ	БОЗУМ	ТОКАРЫСТАН	БОТПАЙ	ЖАНЫС
ОТДЕЛЕНИЕ	АЛАМАН			КЫСТАК			БАБА, ЖАНЫБЕК	ТУРСЫН	КЭДЫКЭЛ	КАСКАРАУ, БАЙЫС	

Рис. 1. Схема сравнительного анализа литературных источников (вверху) по тамгам казахов Старшего жуза и по архивным документам XIX в. из фондов ЦГА РК (внизу). Составитель: А.Е. Рогожинский, 2016 г.

ПЛЕМЯ РОД	Андреев 1785	Лёвшин 1832	Мейер 1865	Гродеков 1889	Аристов 1894	Коншин 1905	Тынышпаев 1925	Аманжолов 1959	Востров, Мукапов 1968	Аргынбаев, Мукапов, Востров, 2000	Документы ЦГА РК XVIII-XIX вв.
НАЙМАН		V	∞	V	V		o, V, V	V	V	V	
Теристамгалы	8					8	8	8	8	8	8
Сарыжомарт	М)		ННН	ННН	ННН	ННН	ННН	ННН
Баганалы				УУУ			УУУ	УУУ	УУУ	УУУ	УУУ
Балталы				9			9	9	9	9	9
Каракерей				↑		Q	Q	Q	Q	Q	Q
Матай	9			7		8	7	7	7	7	7
Садыр				0П			0П	0П	0П	0П	0П

Рис. 2. Схема сравнительного анализа источников по тамгам найманов Среднего жуза. Составитель: А.К. Таласбаева, 2014 г. [Таласбаева, 2014, рис. 1]

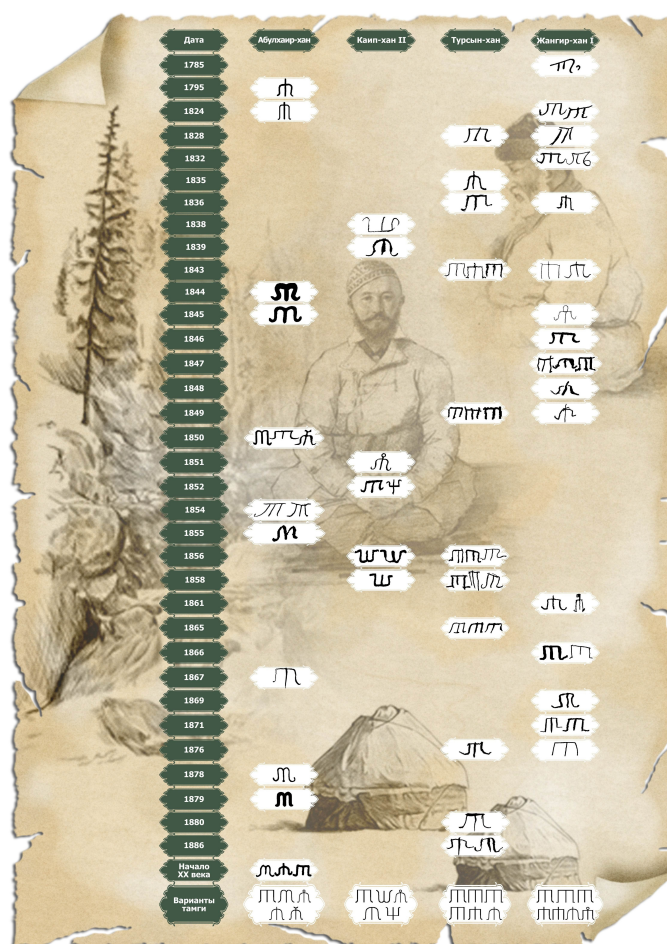

Рис. 3. Распределение разновидностей тамги торе по хронологии и отдельным фамильным ветвям. Составитель: А.Е. Рогожинский, 2016 г.

М.А. Сулейменов
Инновационный Евразийский университет,
Павлодар, Казахстан

А.Н. БУКЕЙХАНОВ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Статья посвящена формированию личностных и общественных качеств деятеля казахского национально-освободительного движения А.Н. Букейханова.

Ключевые слова: Алихан Букейханов, казахский народ, торе, чингизид, Омск.

М.А. Suleymenov
Innovative Eurasian university,
Pavlodar, Kazakhstan

BUKEYKHANOV AS A HISTORICAL PERSONAGE

Annotation: the article is sanctified to forming of personality and public qualities of figure of Kazakh national liberation motion A.N. Bukeychanov.

Keywords: Alichan Bukeychanov, kazakh people, to tora, chingizid, Omsk.

Наступление XX в. ознаменовалось в мировой истории кардинальной активизацией происходящих процессов. Главное, что отличало данный период от других, вовлечение в их орбиту огромных людских коллективов. Эта особенность позволила именовать двадцатое столетие как «век масс». Недаром самый крупный военный конфликт начала века впервые в истории человечества был квалифицирован как «мировая война». Инициаторами и активными субъектами определяющих событий явились крупные мировые державы.

Относящаяся к их числу Российская империя, в состав которой входили казахские земли, представляла из себя, чрезвычайно противоречивое явление. Несмотря на громадный потенциал роста, она испытывала значительные трудности во внутреннем развитии и соревновательной гонке на международной арене. Десятилетия после реформ Александра II российское правительство не могло однозначно определиться с выбором вектора последующего движения. Метания между углублением буржуазно-либеральных начал и сохранением самодержавно-консервативных ценностей лихорадили её жизнедеятельность, получая часто нежелательное оформление в реальной политике.

Как известно, Россия ещё в средневековье стала складываться как многонациональное, многоконфессиональное социальное и политическое образование, раскинувшееся на гигантской территории. Трансформация Московского княжества в Русское государство, затем Российскую империю произошла как воплощение идеи жёстко централизованного образования, опирающегося на безусловный приоритет широко известной триады: в политической сфере самодержавия/абсолютной монархии; в общественной жизни – русского этноса; в духовной области – православия. Тогда как реалии значительно разнились с официальной позицией. Так, русские, по данным переписи 1897 г., составляли относительное большинство населения империи. В национальных районах они, как правило, формировали ещё меньший компонент.

Строгий курс на неуклонную реализацию этой тройки постулатов нашёл своё отражение в системном стремлении царизма подавить все ценностные и институциональные наработки казахской самобытности. Причём он прослеживался на протяжении всех лет с начала вхождения казахских земель в состав Российской империи. Волонтаристские попытки декретированной подмены культуры, идеологии, традиций, образа жизни казахского народа порождают кризисные явления и процессы. Наряду с мерами по созданию внешней благоприятной среды для колонизации казахской степи, главной из которых можно считать её заселение европейскими насельниками, успешно реализовались замыслы по ослаблению казахского социума изнутри. Прежде всего, они нашли оформление в стремлении нарушить солидарные начала в жизни и сознании общества. Существовало много различных средств, путей достижения искомого результата. Например, культуртрегерство, в частности, обучение в российских учебных заведениях детей казахов. При этом преследовались 2 основные задачи. Первая – подготовка необходимых кадров для осуществления колониальной политики. Вторая – формирование национального компонента, разделявшего принципы и практику имперского доминирования. Однако, большая часть казахской молодёжи, получив образование, специальность, более явственно стала понимать и ощущать трагизм положения казахского народа, общества. Поэтому казахская интеллигенция стала стремиться к облегчению жизни соплеменников и включилась в общественную деятельность против вопиющей несправедливости подобной официальной политики и бытовой практики. Этот период представлен плеядой ярких личностей. Среди них – Алихан Нурмухамедович Букейханов. Думается, многим сегодня, так или иначе, знакомы его имя и дела. Из истории нам известно - это видный общественный и государственный деятель, ученый, педагог, журналист, публицист, литературовед, этнограф, экономист. Он прожил насыщенную и памятную жизнь, ставил перед собой высокие цели и неустанно работал над их воплощением. На своём пути ему пришлось преодолевать немало трудностей, выдержать чудовищное и изощрённое давление всей мощи двух империй – российской и советской. Он не сломался, принципиально сохраняя свою верность идее служения казахскому народу. В этой связи, в наше прагматичное время, стоит задаться вопросом: «Что же двигало Алиханом Букейхановым по пути самоотречения во имя идеи»? Стремление поиска ответа на него поможет нашим современникам понять и оценить масштабы личности Алихана Нурмухамедовича Букейханова.

Личностные начала, по нашему мнению, если не во всём, то во многом объясняют мотивы и сами деяния любого индивида. Процесс социализации берёт начало в семье. Здесь, в первичном социальном институте – хранителе и трансляторе культурных начал, передающихся из поколения в поколение, ребёнок начинает осваивать общечеловеческую, групповую и личностную систему/шкалу ценностей и их антиподов. В их ряду социальные роли, элементы образования, правила поведения, мировоззренческие ориентиры. Они пробуждают, шлифуют чувство общности с конкретно-историческими коллективами (этнос, социальное, политическое образование), членом которых он является. От своего окружения, в первую очередь, от отца с матерью, других близких людей ребенок узнает о будущей взрослой жизни, в которой имеют место не только права и свободы, но и обязанности (гражданские), требующие ответственного отношения и выполнения, овладевает первичными представлениями о политических проблемах, включая отношение к государству.

А.Н. Букейханов происходил из элитарной группы традиционного казахского общества – торе [3]. Его род в ходе начавшегося процесса вхождения Казахстана в состав российской империи существенным образом усилил свое влияние и власть. Однако на его становление эти обстоятельства оказали, как нам представляется, прежде всего, моральное влияние. Например, детство Алихана совсем не напоминало среду, специально созданную для отрыва от реальности, призванную оградить его от влияния простолюдинов. Старшее поколение родственников юного чингизид трезво осознавало, что консервативная и изолированная социокультурная среда традиционного казахского общества априори не может обеспечить подрастающему поколению органичные интеграцию и будущность во всё усложняющемся мире. Только такие ценностные приоритеты как осмысленная любовь, ответственность за будущее детей и забота, а не мелочная опека, превалировавшие в жизни семьи Букейханова, способствовали плодотворному развитию его природного потенциала. В конечном счёте они стали той первоосновой, на которой постепенно формируется фундамент его личности, обеспечивший её завидную устойчивость и целостность, наделивший прочной нравственной силой.

Любовь к родной земле, народу, населявшему её, побуждали его любознательный и здравый ум обращаться всегда к истории, культуре; целеустремлённый, лишённый позёрства и самолюбования, принципиальный противник социальной несправедливости во всех проявлениях, близко воспринимающий трагические перипетии народной жизни – всё это отличает первоначально культурной природы Алихана в широком смысле. И оно во многом следствие, плод благотворного воспитания в семье.

Было бы просто и наивно полагать что всё это пришло само собой. Труд среди поучительных уроков его жизни занимает решающее место. Сегодня в условиях общества потребления отношение к труду приобретает почти сакральный смысл. Как известно труд превратил обезьяну в человека, однако, не стоит исключать, что его отсутствие может запустить обратный процесс. В процессе всей жизни учиться и трудиться, не считая зазорным любой труд, если он общественно полезен, органично было присуще личности Букейханова. Подобная мотивация создала благоприятные условия как для успешного овладения отличными знаниями в теоретическом обучении, так и для получения тривиальных навыков различных ремёсел. Во время обучения в Каракаралинской школе (1879-1886 гг.) юный чингизид, судя по документальным источникам «с успехом обучался сапожному мастерству и может заниматься этим ремеслом самостоятельно...» [4, с. 3]. Такие примеры из жизни замечательных людей меняют стереотип представления о них, как о «белоручках».

Алихан Букейханов как далеко не находился бы от Родины, на какие бы ступеньки социальной иерархии не забрасывала его жизнь, никогда не порывал с Казахстаном. Казахская степь – это та культурная «почва», на которой развивается национальная культура. В совокупности с семьёй данное социальное окружение создавало культурно-духовные устои. Это и этические нормы традиционного казахского общества (уважение к старшим, достойное положение женщины), уважительность к своему народу за его завидное терпение и тяжёлый труд, за его рачительное отношение к природе, открытость к взаимодействию с носителями других культур, позитивный настрой, богатый и образный язык. Сострадание проблемам ближнего, готовность прийти на помощь, неприятие

пороков, неистребимое желание помочь казахам избавиться от всего, что мешает в их жизни (невежество, болезни, клановые/родовые конфликты и т.д.), оформились в студенческие годы. Родная степь окрыляла и согревала душу, оберегала и укрывала в тяжкие дни. Так, практически год, с октября 1921 до октября 1922 гг. Алихан провёл на малой Родине [1, с. 5]. Это была своеобразная самореабилитация, опосредованная победой большевиков, которую лидер казахского национально-освободительного движения позволил для себя.

Как уже было отмечено выше, общественная ситуация в стране отличалась динамизмом. Алихан, сначала в силу возрастного максимализма, затем в русле осознанного выбора был нацелен сделать всё возможное во благо народа. Студенческие годы в Омске и Петербурге протекали на фоне острых споров, зарождения и укрепления рыночного хозяйствования, открытий в науке и технике, либеральной институционализации общественной жизни, высоких профессиональных и морально-этических качеств российской интеллигенции, способствовавшей возникновению атмосферы уважения общества и власти к науке. Студенчество тех лет считало нормой быть в курсе новостей в науке, разбираться в перипетиях политики, участвовать в общественной жизни (подготовка и обсуждение письменных работ реферативного плана на актуальную тематику, манифестации, благотворительность посредством сбора подписей и пожертвований, проба пера на журналистском поприще и т.д.).

Желание студента Букейханова именно в таком ключе сочетать учёбу и свободное время подкреплялось превосходным знанием русского языка, российской и зарубежной публицистики и литературы. Возможно, в чём-то утверждение «Россия – тюрьма народов» отражало реальность той эпохи, однако страна переживала общий культурный подъем. Наблюдения с детских лет за примерами колониальной практики на Родине не ожесточили Алихана, не превратили его в зашоренного ксенофоба, отрицавшего всё не казахское и, прежде всего, русское. Напротив, сформировали в нём глубокое уважение к русской культуре и стремление использовать её плоды для развития казахского народа.

Итак, какая бы то ни была форма ксенофобии или национальной, религиозной исключительности, которые, к сожалению, свойственны не только для людей с невысоким культурно-образовательным цензом, но и некоторым представителям интеллектуального истеблишмента, это путь в никуда. Они несут потенциальную угрозу, прежде всего, собственному народу. Тем более, применительно к казахам, потому что толерантность – органическая черта казахского менталитета, одна из основополагающих черт казахской культуры.

Народная мудрость полагает, что проверка властью одно из самых серьёзных испытаний для человека. Для Букейханова власть никогда не была самоцелью, те или иные властные кабинеты покорялись им между делом, но пускались в ход на полную мощь, как шанс и инструмент достижения стратегической цели. Самодостаточность его натуры позволяла порой брать на себя роль «фигуры влияния», находясь в тени, контролируя обстановку и предоставляя желающим проявить себя и предстать в фокусе общественного внимания в наиболее реалистичном образе.

Тем более, что и в традиции казахской государственности, российского самодержавия и советско-партийной системы роль личности была огромной, иногда обретая характер и масштаб национального явления в высшей степени

исключительного свойства. Определённой гарантией на пути подобных нежелательных явлений могут и должны стать известные примеры политической культуры из арсенала известных личностей. Если обратиться к опыту Букейханова-политика, то это политические реализм и прагматизм. Например, оставление им рядов кадетской партии, причём, будучи членом её Центрального Комитета [2]. Альтруизм, четко сформированное видение и решение ближайших задач в строгой увязке с достижением стратегического замысла, способность творчески подходить к проблемам и рассматривать различные варианты их решения, не поддаваться душевным порывам, а принимать взвешенное мнение, готовность пожертвовать личным, даже жизнью, непререкаемый моральный авторитет, основанный на классических понятиях о чести и долге, совести и патриотизме. Вот в общих чертах портрет А.Н. Букейханова, как человека и общественного, государственного деятеля.

Имя и дела Алихана Нурмухамедовича Букейханова останутся в памяти потомков, о чём мечтает каждый из людей применительно к себе. Уроки, которые мы можем извлечь из его жизни и деятельности, чрезвычайно злободневны и полезны. Секрет исторического долголетия и непрерывного обращения всё новых и новых поколений к личности выдающегося представителя казахского народа кроется в его жизни, которую он без остатка посвятил служению человечеству.

Источники и литература:

1. Алихан всего Алаша // Караван. 2013. 29 марта.
2. Аяган Б. Алихан Букейханов – человек-легенда // [Электронный ресурс]. URL: <http://articlekz.com/article/10936> (дата обращения: 25.06.2016).
3. Койгельдиев М. Алихан всего Алаша // [Электронный ресурс]. URL: <http://alash-club.kz> (дата обращения: 25.06.2016).
4. Сдыков М. В борьбе за народное счастье // Приуралье. 2016. 12 марта (№29).

УДК 392:008

*М.Э. Султанова, Ж.Н. Шайгозова
Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан*

«СВИНЦОВЫЙ» БАҚСЫЛЫК И ЦЕЛИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В КАЗАХСТАНЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Статья представляет собой культурологическое осмысление современными казахами традиционных знаний о сакральных свойствах металлов. Металлургия и использование уникальных свойств металлов в повседневной жизни являются важными показателями уровня развития той или иной культуры. В этом контексте традиционные знания казахов в области специфического применения металлов (шаманские практики и целительство) представляются чрезвычайно ценными.

В фокусе настоящей статьи находится феномен устойчивого обращения к особым свойствам свинца в традиционной и современной казахской культуре.

Ключевые слова: культура казахов, шаманство, металлы, свинец, традиционное целительство.

M.E. Sultanova, Zh.N. Shajgozova
Abay Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan

«LEAD»BAKSYLYK AND HEALING PRACTICES IN KAZAKHSTAN: TRADITIONS AND MODERNITY

The article presents a culturological interpretation of traditional knowledge related to the sacral properties of metals by the modern Kazakhs. For any culture, the metallurgy and the use of exceptional properties of metals in everyday life are important indicators of the progress scale. In this context, the traditional knowledge of the Kazakhs in the field of specific use of metals for shaman practicing and healing is extremely valuable.

The present article is focused on a phenomenon of the steady reverting to specific properties of lead in traditional and modern Kazakh culture.

Keywords: culture of the Kazakhs, shamanism, metals, lead, traditional healing.

На волне ренессанса культурной идентичности и динамичной реконструкции этнической памяти в современном Казахстане наблюдается повышенное внимание к нетрадиционным методам лечения, куда можно отнести не только различные формы использования природных компонентов (трав, глин, минералов, гирудотерапию и т.д.), но и определенные элементы шаманских практик. Среди таковых для нас особый интерес представляет применение металлов.

В культурологическом контексте металлы обладают огромным значением для людей: они вносят порядок, организуют и маркируют космос, способны трансформировать духовное и физическое состояние, могут убивать, исцелять и оберегать. Одним из наиболее интересных и наименее изученных, на наш взгляд, аспектов в тюркской/казахской натурфилософии, выступает магически-целительная и защитная функции свинца.

Шаманские практики казахов являются наследством древних насельников Казахстана: совокупности разных народов и культур, объединявшихся многими признаками, самым важным из которых было кочевничество. Сформировавшись в древности, шаманство эволюционировало вместе с человеком, переживая изменения от обрядности до фольклора и обратно по причине устности трансляции знаний и умений от поколения к поколению, коллективности и возможности варьирования [8, с.11]. А для кочевников устная традиция является доминирующей и определяющей культурную специфику в целом. Тюркские корни казахов не подлежат сомнению и потому закономерно, что многие проявления культурно-исторической памяти, например – традиции шаманства, также в целом аутентичны.

Свинец является одним из самых герметичных, информация о применении его в шаманстве и традиционном целительстве весьма фрагментарна. Известно,

что свинец сопровождал культурный генезис человечества с самых ранних пор, однако проблема места и значения свинца в традиционной тюркской культуре по-прежнему остается значительной лакуной.

Хотя данных о применении свинца непосредственно в шаманском ритуале практически нет, известно, что этот металл широко использовался в изготовлении культовой атрибутики (в том числе и шаманской) у народов Западной и Южной Сибири. Из свинца отливались фигурки духов-покровителей, и это было сугубо мужским занятием [1, с. 89].

Еще в конце XIX в. обские угры, ханты и манси отливали из свинца образы духов виде стилизованной идолоподобной мужской фигуры, оленей, лосей, волков и т.п. Согласно устойчивым поверьям сибирских народов свинцовая фигурка духа-покровителя, к примеру, оленя или лося, обладала той же самой силой, что и реальное животное редкой белой масти, которое было послано духами, им же предназначалось, и само было носителем их силы. Иными словами, здесь свинцовая фигурка становилась полноценной заменой. Вероятно, ту же роль играли свинцовые изображения различных животных и рыб в ритуальном облачении сибирского шамана [1, с. 89-90].

Функция замены живого «мертвой» свинцовой отливкой очень важна для понимания сакральной роли свинца в культуре предков. Семантика замены восходит к магической шаманской практике «переноса» души. Ярким доказательством этому видится специфический западносибирский «свинцовый» культ *иттарма* (*иттерме*) – изготовление маленькой фигурки/куклы – двойника умершего человека, буквально, его замена, куда на время вселится его дух сразу после смерти [1, с. 89-92]. В целом *иттарма* могла изготавливаться из дерева, волос усопшего или же свинца [16, с. 86]. Однако если человек погибал скоропостижно в результате несчастного случая или насильственным способом, *иттарма* всегда делалась исключительно из свинца. Для этого сначала вырезалась деревянная форма, а потом туда заливался свинец, форма же уничтожалась, сгорая в огне.

На наш взгляд, прекрасно объясняющим суть свинцового двойника, является свидетельство жителя поселка Теги Березовского р-на Ханты-Мансийской автономии А.Г. Неттина, записанное в 1999 г. А.В. Бауло: «значит, человек убил зверька или птицу, которых нельзя убивать. Надо восстановить, воскресить его. Чтобы болезни не было. Делают из дерева форму, заливают свинец, получается фигурка. У меня еще так было: выстрелил в утку, а попал в поганку (маленькую гагару). Сделал форму и из свинца отлил гагарку. Потом на святое место увозят и под лабаз бросают. Если этого не сделаешь, ребятишки твои могут заболеть» [1, с. 92]. Получается, свинцовая «копия» вполне способна заместить живое существо за счет переноса души, и свинец здесь – единственный материал, способный это осуществить.

Практика «переноса» души в куклу, известная как «тул», еще в начале XX в. была весьма распространена и у тюркоязычных народов Центральной Азии. Хотя в этом регионе «тул» не делался именно из свинца, его аналогом, особенно при смерти мужчины-воина, выступало металлическое копье-найза [15, с. 248-260].

Интересно, что у казахов с помощью кукол-двойников баксы лечили девушек и молодых женщин [10, с. 32]. Нечетное количество кукол (3, 5, 7) изготавливали сами больные, а баксы, выкрикивая заклинания, кругообразными движениями водил над головой пациентки. Затем кукол заворачивали в

нательную одежду больной и бросали либо на пустынном перекрестке, либо на дороге, ведущей к могиле святых (культ предков). Казахи верили, что тот, кто случайно или намеренно подберет такую куклу, непременно заболит.

В казахском средневековом музыкальном фольклоре есть известный сюжет, который можно назвать «легендой о домбре». Существуют несколько вариаций, но стержневая интрига всегда одна: на охоте от нападения взбесившегося раненого кулана трагически погибает ханский сын, который ранее случайно или намеренно ранил этого кулана – вожака стада. За черную весть хан лишает жизни, но не человек поведал хану о несчастье, а домбра в руках искусного музыканта. Хан сдержал слово и велел залить «певцу» горло свинцом. Так в домбре появилось отверстие, значительно улучшившее звук домбры [9, с. 109].

Здесь налицо магическое одушевление, буквально «перенос» души от живого человека (музыканта) в его деревянный инструмент и свинец, который выступает одновременно и как орудие казни, и какместилище души-тул, созданное в качестве посмертного двойника.

Выше нами уже упоминалось, что свинец напрямую связан с понятием дыхания/души, и, на наш взгляд, оправданно рассматривать свинец как материальную проекцию культа предков или иначе – защитника. Само слово «свинец» в переводе на разные тюркские языки имеет одно общее для всех значение «защитник». Так, «свинец» у казахов – «қорғасын», киргизов – «коргошун», башкир – «курғаш», турков – «kurşun», узбеков – «қўргошин», туркмен – «gırşun», таджиков – «қўргошим», татар – «курғашын» и т.д.

Главная функция свинца – защищать души людей, быть заменой, двойником, куда шаман сможет «переселить» духа болезни. По сути, речь идет о способе лечения, который практически не требует какого-то особого шаманского посвящения или развитых навыков камлания. Люди знали, что свинец сам по себе особенный и его не стоит тревожить различными манипуляциями, как в случае с железом. Полагаем, что основной метод исцеления с помощью свинца ни внешне, ни по смысловому содержанию с древности практически не изменился и представляет собой все ту же свинцовую отливку, куда с помощью целителя, призывающего предков пациента помочь ему, переместится злой дух, овладевший человеком.

Примечательно, что у казахов лечением со свинцом занимались преимущественно женщины. Ф.А. Фиельструп писал в своих полевых заметках, что «предсказанием по литью свинца занимались бубу (женщины-бахши) и бросали при этом в огонь сало» [14, с. 200]. Мы объясняем это тем, что избавление от нервных недугов, сглазов, порчи и т.п. посредством свинцовых отливок люди рассматривали не как шаманский обряд, но как обычное бытовое явление, распространенный способ лечения.

Так как казахское шаманство относится к «тюркскому типу», где камлают в основном мужчины, женщины-шаманки не могли с ними сравниться по статусу. Но при этом на женщинах традиционно лежали обязанности продолжения рода и обеспечения семейного благополучия, в том числе физического, нравственного и духовного здоровья всех членов семьи.

Исходя из древних представлений, что женщины уже сами по себе шаманки, очевидно, что лечение свинцовыми отливками могло стать обычной функцией домашнего лекарства. Мы не утверждаем, что этим подряд занимались

все женщины-казашки, однако уверены, что теоретически это было знакомо всем, но так целили старшие, опытные женщины, неоднократно ставшие матерями, постепенно делясь своими навыками с молодыми.

Еще одно объяснение тому, что некоторые шаманские по происхождению и духу обряды наподобие снятия негативного влияния свинцом не считались сугубо шаманскими, а попадали в категорию «народного целительства», мы видим в истоках самого феномена шаманства, когда последнее считалось семейным делом.

В.Г. Богораз и другие исследователи были убеждены, что первоначальная форма шаманства имела так называемый семейный характер. Каждая семья владела семейным бубном, на котором глава семьи или другой домашний шаман из ее состава осуществлял служение. А за семейным форматом стояло явление шаманства «поголовного» [2, с. 27]. На начало XX в. это было в наибольшей степени свойственно палеоазиатским народам – юкагирам, чукчам, корякам, алеутам, эскимосам, но, несомненно, в свое время этот феномен был свойственен всем народам, обладавшим развитыми формами шаманства.

Скорее всего, на стадии семейного шаманства женщина имела преимущество перед мужчинами, так как была хранительницей очага и «ответственным лицом» за благополучие своего дома. Ей не надо было переживать инициацию, каждый раз входить в шаманский экстаз и решать проблемы чужих людей. Вместо этого она занималась сугубо делами семьи, укрепляя свой род. Впоследствии, когда семейные формы шаманства стали активно вытесняться индивидуальными, мужчины-шаманы узурпировали власть («металлическое» мужское шаманство). Однако, если они хотели добиться большей силы, то вынуждены были принять на себя определенные женские признаки (одежда, прическа), восходящие к более ранним формам шаманства.

Хотя у казахов давно уже нет выраженного института шаманства и многое из обрядности претерпело значительные изменения, авторы убеждены, что шаманские практики казахов, связанные с целительной силой металлов, во многом являются универсальными для всего тюркского традиционного целительства, что позволило им устойчиво сохраниться и бытовать даже сегодня.

Сегодня мы сталкиваемся с некоторыми проявлениями традиционных шаманских целительских практик, которые устойчиво присутствуют в повседневной жизни. Безусловно, ныне шаманская практика призыва удачи в охоте, бою, воздействия на врагов и тому подобного давно забыта, однако целительский аспект по-прежнему востребован, несмотря на то, что сохранился в значительно измененной форме. Несмотря на это, металлы по-прежнему во многом являются ядром этого процесса.

Для тюркской культуры в целом и казахской в частности тема шаманства и отдельных шаманских практик актуальна и сейчас. Этот феномен не является «архаическим пережитком», а будучи органичной частью традиционного периода казахской культуры, в относительно целостном виде существовал еще сравнительно недавно, сохранив определенные элементы до нынешнего времени.

Заинтересованность в феномене шаманства – явление характерное не только для Казахстана, но и сопредельных государств, а также мирового научного сообщества, которое активно ищет точки соприкосновения в разных культурных сферах, в том числе и в пространстве древних духовных практик. Последние во многом отошли в тень, но, к счастью, полностью не исчезли и ничуть не утратили своего потенциала и значимости, где самой важной задачей является именно функции лечения.

Учрежденный в США в 1979 г. Фонд исследования шаманизма (The Foundation for Shamanic Studies The Foundation for Shamanic Studies) с 1995 г. в сотрудничестве с Институтом этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая инициировал системные масштабные этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам в пространстве СНГ¹. Казахстан уверенно занял свое место в этом международном проекте.

В 2006 г. в рамках вышеуказанных работ был подробно проанализирован феномен доминирования в современном социуме женщин-шаманок, занимающихся целительской деятельностью. Учеными разных стран единодушно отмечено, что это явление общее для всех стран СНГ. Нас это интересует в плоскости использования металлов в нетрадиционных методах лечения, осуществляемых сквозь призму шаманства, так как ранее мы отмечали, что помимо других особенностей это имеет и гендерную дифференциацию.

Мужское шаманство-*баксылык* сейчас еще бытует в Казахстане, но в гораздо меньшем соотношении с женским и в весьма усеченном виде, так как шаманство, как и многое в историко-культурном ландшафте XX в., было существенно деформировано. Мы не будем подробно вдаваться в причины, так как, на наш взгляд, это требует отдельного серьезного анализа. Однако, если рассматривать данное явление с позиции семантики металлов, очевидно, что «железное» шаманство на данный момент хотя и существует, но серьезно потеснено нетрадиционными целительскими практиками, основанными на так называемом «народном исламе» [13, с. 50; 11, с. 130-132] и в его пространстве «женским» *баксылыком*, где большую роль по-прежнему играют медь и свинец.

Как и в конце XIX в., когда Ч. Валиханов впервые охарактеризовал казахское шаманство как «почитание природы вообще и в частности» [3, с. 299], нынешние ученые рассматривают шаманизм и тэнгрианство в качестве граней единой эзотерической системы [3, с. 74]. Здесь исцеление человека во многом зависит от женщины как хранительницы физического и душевного здоровья ее семьи, что, полагаем, можно расширить до масштабов народа в целом.

Значительную роль здесь играет уверенность казахов в том, что целительский (шаманский) дар передается по наследству, что подтверждают современные этнографические исследования в обширной российской казахской диаспоре (от Поволжья до Алтая) [5; 13], у казахов Западного Казахстана [11]. Учитывая исторические, политические и социальные коллизии XX века, казахские женщины взяли на себя бремя охраны шаманского дара в целом и его регулярную практику.

Необходимо подчеркнуть, что для всего современного казахского шаманства, вне региональной зависимости, основной характерной чертой является убежденность целителей в том, что этот дар (каз. «*қасиет*») является именно наследием аруахов, не принять которое никак нельзя, иначе прервется цепь поколений, что нанесет непоправимый вред всей культурной генетике данной семьи, рода, этноса в целом [12, с. 231; 5, с. 118-119].

Чрезвычайно ценную для нас информацию мы находим в исследованиях современного *баксылыка* и традиционных целительских практик по Западному

¹ С 1995 г. и по нынешний день с периодичностью в один-два года Институтом этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая издается Сборник научных трудов по исследованию шаманизма.

Казахстану И.В. Стасевич. Этот регион во многом уникален, отличаясь выраженным культурным своеобразием, которое можно отследить в религиозной обрядности и традициях, эпическом наследии, орнаменте, ювелирном искусстве, архитектуре и т.д.

Сейчас, также как и ранее, народные целительницы определяют причину испуга ребенка, выливая расплавленный свинец в емкость с холодной водой, которую держат над головой ребенка. Считается, что от шипения воды ребенок вновь пугается и свинец принимает форму того, что его испугало. Этот кусочек свинца либо хранят в доме, либо вешают на шею ребенку, и он носит его в течение десяти дней [11, с. 84]. Здесь налицо шаманский ритуал изгнания болезни с помощью свинца – металла, олицетворяющего предков-*арухов* и их силу.

Также женщины Западного Казахстана до сих пор почитают железо (особенно старинное) в качестве сильного оберега, который можно положить больному под подушку или поносить какое-то время на себе. Но «железная» магия, видимо, не имеет такой силы, как раньше и существует преимущественно как «отзвук» былого, дань уважения к предкам.

По мнению авторов, лечение свинцом не является отличительной особенностью только Западного Казахстана, а свойственно казахам вообще. Так личные встречи авторов настоящей статьи с баксы и народным целителем Кайролла Абдолдаевичем Дуйсековым (г. Алматы)¹ дали возможность воочию наблюдать лечебный сеанс с изготовлением свинцовой отливки², причем обычно ее делают женщины его семьи и духовная ученица, открывшая в себе дар уже в среднем возрасте (до этого она восемнадцать лет болела, не зная или не желая принимать свое предназначение), но еще не получившая на самостоятельное лечение благословение-*бата*.

Сам баксы «расшифровывает» свинцовую отливку, держа ее в своей руке и «считывая» информацию. В этот момент можно что-то уточнить у него, и целитель тогда старается более подробно рассказать пациенту о каких-то нюансах. То есть баксы не стремится закрыть «свинцовое сообщение», а напротив, всячески стимулирует не только физический процесс избавления от болезни, но и его психологический аспект, что подтверждает мнение Х.К. Лёккенхофа о шаманстве как одной из самых древних форм психотерапии [7, с. 311].

При необходимости К. Дуйсеков может и сам вылить свинец, но говорит, что лучше, когда это делают именно женщины. Сам целитель постоянно носит на правом запястье массивный медный браслет, практически не снимая его, особенно во время приема больных, считая, что медь способна принимать в себя и нейтрализовать весь негатив, получаемый от пациентов. Женщины-помощницы носят преимущественно серебряные украшения и обязательно традиционные казахские серебряные браслеты.

Кратко продолжая тему меди, отметим, что в современных казахских семьях до сих пор бытует обычай впервые купать новорожденного после выписки из роддома, а также еще в сороковой день в ванночке, куда на дно бросают медные монетки и серебряные украшения. Полагаем, что здесь мы имеем дело не только с традиционными пожеланиями счастья и здоровья [4, с. 72-73], но,

¹ Дуйсеков Кайролла Абдолдаевич – действительный член Ассоциации «Народные и духовные целители Республики Казахстан» <http://emshiler.kz/>.

² Встречи с этим целителем происходили в период с ноября по конец декабря 2015 года.

главным образом, с необходимостью обратиться к защитным «женским» механизмам, олицетворяемым с медью и серебром.

Ценными для нас стали сведения о «свинцовом» целительстве, полученные от Айбека Елемесова (50 лет) – жителя г. Алматы, уроженца с. Кудряшёво Денгизского р-на Гурьевской обл. (Западный Казахстан). Айбек-ага рассказал, что на его родине свинцом лечат абсолютно во всех семьях. Конечно, в данный момент гораздо меньше, чем ранее. Информатор объясняет это насильственным прерыванием традиции, когда молодежь уезжает в города, а старшие уходят, не сумев передать всех тонкостей лечения.

По сведениям Айбека-ага. в пору его детства и юности в каждой семье использовали свинцовые отливки для снятия сглаза, порчи, бессонницы, испуга и других недугов. Обычно делали это старшие женщины в семье, не доверяя процесс девочкам и незрелым девушкам, другое дело – молодые матери, выливающие свинец для своих детей. Даже сейчас, живя более двадцати лет в городе, Айбек-ага постоянно держит свинцовые болванки дома, пользуясь по надобности своих домашних. Свинцовые отливки предпочитает делать сам, но только потому, что его супруга – уроженка крупного города и не умеет таким способом лечить.

В целом же, интересуясь различными нетрадиционными методиками лечения, мы должны отметить помимо следующих приемов: обращение к Корану, очищение огнем, мантика, использование камчи, паломничества к святым местам и могилам аулие и т.п., факт устойчивого использования народными целителями свинцовых отливок. Полагаем, что этот элемент древних шаманских практик имеет очень важное сакральное значение и реальную практическую ценность.

Подытоживая настоящее исследование, можно сделать вывод, что казахское шаманство – *баксылык* – является неотъемлемым элементом древней общетюркской шаманской традиции, сумевшим вобрать в себя ее самые значительные ментальные и натурфилософские концепты. Металлы – медь, железо, свинец и серебро во многом определили специфику шаманской обрядности и ее практического воплощения в конкретных лечебных методах¹.

Источники и литература:

1. Бауло А.В. Атрибут и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. 160 с.

2. Богораз В.Г. Феномен шаманизма // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII-XX вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. 2006. С. 25-49.

3. Валиханов Ч. Следы шаманства у киргизов // Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы «Наука», 1986. С.318-343.

¹ Авторы выражают огромную благодарность Ассоциации «Народные и духовные целители Республики Казахстан» и персонально К.А. Дуйсекову за ценную профессиональную помощь в сборе и обработке полевого материала по некоторым нетрадиционным лечебным методам.

Также благодарим А. Елемесова за отзывчивость, обширные знания в области специфики религиозной культуры Западного Казахстана и готовность делиться важной информацией.

4. Кутузов А.И. Лечение цирконием, медью, серебром и золотом. СПб: Питер, 2006. 128 с.
5. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Представление о даре и аруаке и современное народное целительство у российских казахов // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем / Сб. статей. М.: ИЭА РАН, 2013. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 15. Ч. 1). С.110-121.
6. Ларина Е.И., Наумова О.Б. Этнокультурная среда и шаманские практики у российских казахов // Эпическое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем / Сб. статей. М.: ИЭА РАН, 2013. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 15. Ч. 1). С. 122-138.
7. Лёккенхоф Х.К. Этномедицина: возрождающая сила самолечения // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири. Труды по медицинской антропологии Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН. М.: ОАО «Новости», 2009. С. 307-317.
8. Михайлин В.М. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 540 с.
9. Мухамбетова А.И. Музыкальные инструменты в казахской культуре // Казахская традиционная музыка и XX век. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С.106-119.
10. Орынбеков М.С. Генезис религиозности в Казахстане. Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2013. 204 с.
11. Стасевич И.В. Баксылык и практика традиционного целительства в современном Казахстане (по материалам Западного Казахстана) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. №1. 2008. С. 304-316.
12. Стасевич И.В. Представления о династическом даре в культуре казахов (в контексте традиции почитания памяти святых предков) // Религиозная жизнь народов Центральной Евразии / Сб. статей. М.: ИЭА РАН, 2012. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 16). С. 230-242.
13. Сызранов А.В. Исламизированное шаманство у казахов и ногайцев-карагашей нижней Волги в XIX – начале XXI века // Этнографическое обозрение. 2010. №1. С.47-55.
14. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.
15. Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М: Наука, 1975. С.248-260.
16. Яковлев Я.А. К семантике и этимологии лексемы ур/ор в обско-угорских языках (этнографический аспект) // Сибирские угры в ожерелье субарктических культур: общее и неповторимое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 77-104.

К.М. Толеубаева
*Казахский Национальный
педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан*

ПОЛОЖЕНИЕ И МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В БОЛЬШОЙ И ОТДЕЛЬНОЙ НЕБОЛЬШОЙ СЕМЬЕ

В статье освещаются некоторые вопросы положения и места женщины в семье народов Средней Азии и Казахстана в дореволюционный период XX в.. Статья написана на материалах русских и казахских исследователей.

Ключевые слова: Казахстан, Центральная Азия, женщина, муж, дети, брак, экзогамия, левират, родственник, хозяйство, имущество.

К.М. Toleubayeva
*Abai Kazakh National pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan*

THE POSITION AND THE PLACE OF WOMAN IN A LARGE AND A SEPARATE A LITTLE FAMILY

The article highlights some of the issues status and place of women in the family of the peoples of Central Asia and Kazakhstan in pre-revolutionary period of the twentieth century. The article is written on materials of Russian and Kazakh researchers.

Keywords: Kazakhstan, Central Asia, woman, husband, children, marriage, exogamy, levirate, relative, farm property.

Одной из важных проблем в истории большой патриархальной и отдельной небольшой семьи казахов и народов Центральной Азии накануне Октябрьской революции является положение и место таджикской, узбекской, каракалпакской, туркменской, кыргызской и казахской женщин. В связи с влиянием исламской религии и последствий патриархально-феодалных взаимоотношений в казахском обществе и Центральной Азии положение женщины находилось на низком уровне. Положение в обществе, в семье казахской женщины и женщин народов Центральной Азии оказывалось хуже, чем у мужчин, так как они не могли заниматься общественно-полезным трудом, не могли отойти от плиты, семьи.

На положение казахской женщины и женщин Центральной Азии в семье очень сильно влияли социальные взаимосвязи, исламская религия и традиционные обряды и обычаи. У всякого народа во все времена достаток в доме, качество ежедневной жизни, кухня, воспитание детей зависели от труда женщин. Конечно, восточные женщины несли на себе основные тяготы в быту, вели большинство дел по хозяйству.

В действительности до Октябрьской революции в патриархально-феодалные времена не было равенства для женщины. Немало встречалось случаев, когда девушек рано засватывали, иногда выдавали замуж в одиннадцать лет, юные 15-16-летние девушки выдавались второй или третьей женой (токал) за

50-60 летних стариков. А чтобы не отпускать в чужие края 30-40 летних вдов, их отдавали за 12-13-летних мальчиков. Повзрослев, этот мальчик-муж брал себе молодую токал. Женщина, которую он взял вдовой, становилась старухой. Конечно, это было одним из путей не отпускать и содержать детей и жену умершего родственника. Этот обычай появился из-за необходимости не оставлять сирот родственника, т.е. свою кровинку не отдавать чужому [10, л. 13].

Одним из видов бракосочетания в традиции народов Центральной Азии и казахов является обычай аменгерства - женитьба на вдове старшего брата или его невесте. Если умирала невеста или жена, женились на младшей сестре жены. В научном языке «левират» означает выходить замуж за родственника умершего мужа, а жениться на младшей сестре жены – «сорорат» [2, с. 73]. По обычаю аменгерства вдова после смерти мужа, в основном, шла за его близкого родственника второй или третьей женой. В архивах встречается множество жалоб женщин, мечтавших выйти замуж за своего избранника [9, лл. 16, 35; 11, лл. 1-2; 12, лл. 1-2]. Сама подача таких жалоб связана с установлением Российского господства в казахской степи.

У народов Центральной Азии и казахов сохранилась и практика разводов, которые были возможны в следующих случаях:

Во-первых, если муж молодой женщины не мог исполнять свой супружеский долг. Если бессилие мужа перед свидетелями при обсуждении доказывалось, то бии исполняли волю женщины [4, с. 92].

Во-вторых, если муж был 10-12 летним мальчиком, и их женили по обычаю аменгерства, то совет биев удовлетворял просьбу женщины. Доказательством этому могут служить факты, приведенные в труде Ибрая Алтынсарина. Например, состоятельные люди женили своих детей в 11-12 лет. Иногда десятилетнего мальчика женили на вдове старшего брата, у которой были дети 7-8 летнего возраста [1, с. 146-147].

В-третьих, если мужизбивал свою жену без причины, и ее родственники предъявляли это сватам, но это не давало результата, тогда они могли обратиться к суду биев. В этом случае появлялась возможность получить развод.

В-четвертых, если применение жестоких мер мужем было связано с виной жены или она сбежала с другим мужчиной, тогда по воле биев женщина возвращалась к мужу, а виновник платил за свой проступок [14, л. 4-5].

В-пятых, если муж тратил направо-налево имущество, не обращая внимания на положение жены, или не мог прокормить жену из-за бедности, то она могла обратиться к биям и попросить развода с мужем [13, л. 139].

В-шестых, муж мог уйти от жены в случае подтверждения ее распутного поведения, если она имела постоянную связь на стороне [4, с. 25].

В-седьмых, если жена не могла содержать дом в порядке, никого не уважала, состоятельный муж мог отправить такую жену обратно к ее родителям со всем ее приданым. По традициям казахов и народов Центральной Азии мужчине, который хотел развестись, достаточно было взять горсть камней и поднять обе руки ко лбу и трижды повторить слово «талак» перед свидетелями. Считалось, что бракразводный акт состоялся. Обычай говорить «талак» связан с воззрением шариата исламской религии, а поднятие обеих рук ко лбу с камнями означало дать клятву об освобождении жены перед богом [2, с. 58-60].

Вообще, среди женщин были и недосыгаемые для мужчины, будь он беден или богат. Это было связано с ее социальным положением, со статусом в семье и

ее способностями. Хотя основным условием высокого статуса женщины является наличие у нее сыновей. Мы видим подтверждение этому в образе героинь замечательных женщин, подтверждающих героизм самого верного спутника для мужчины, верной супруги и советника-женщины, в казахской устной и письменной литературе до революции. Такого признания удостоились Кыз Жибек, Куртка, Айман, Караша, Актокты. Бесценные человеческие достоинства красавиц, прославляемых всем народом, воспевались иногда в стихах, иногда в легендах, оставляя свой вечный образ в памяти народа.

Встречались случаи, когда казахские женщины, наряду с домашним хозяйством, иногда они принимали участие в различных общественных мероприятиях. Например, они участвовали в Орской встрече. Среди этих женщин была одна мать, представительница Среднего жуза. Она встретила с В.Урусовым и попросила его освободить сына, находившегося в плену у калмыков на Волге. Женщина, желая поскорее освободить сына, привезла в обмен одного калмыка. Сам приезд матери из казахского кочевого общества на такое крупное заседание показывает возможность участия женщины в социальной деятельности [3, с. 137].

В казахской патриархальной семье в конце XIX - начале XX вв. широкое распространение получила традиция аменгерства (левират) и женитьба на младшей сестре жены (сорорат), так как этот обычай был утвержден в Законе [2, с. 167-168]. На положение женщин у народов Центральной Азии в небольшой семье тоже оказывали влияние левират и сорорат [5]. В чем значение обычая аменгерства (левирата)? Если женившись, создав семью, мужчина оставался вдовцом, он возвращал ее родителям головной убор невесты и некоторые ценные вещи. Мужчина не сидел, как женщина, оставшаяся вдовой, в ожидании годовщины (*ас*) со дня смерти, предаваясь горю. Положение у вдовы было совсем другим. Женщина, у которой умер муж, накрывшись черным, ожидала целый год. Когда заканчивался траурный период, вдова в последний раз прощалась с ним, причитая во время аса.

Если среди родственников мужа не находился подходящий муж для вдовы или она была против нового замужества, тогда имущество умершего мужа объявлялось бесхозным – *тереке*, т.е. «без владельца». Необходимая часть этого имущества использовалась для похорон умершего. Если у вдовы была дочь на выданье, то 1/8 часть отдавалась ей как приданое, а если от этого что-то оставалось, вдова могла владеть этим остатком [15, с. 143].

Если у женщины были дети, то закон аменгерства (левират) выполнялся обязательно. Вдова могла выйти замуж за человека из другого рода только после разрешения старшего брата покойного мужа. Даже в этом случае она должна была оставить детей родственникам мужа. Для женщин левират был тяжелым и трудным законом. Иногда по обычаю аменгерства женщина в возрасте должна была выйти за маленького мальчика. Годами ожидая взросления такого «мужа», женщина старела. Обычай левирата был разным в Центральной Азии. Например, в конце XIX – начале XX вв. у узбеков Ферганы, смешавшихся с каракалпаками, левирата не было. Сохранились некоторые необходимые условия закона аменгерства. Например, женщине, у которой умер муж, давалась полная свобода, но не разрешалось быстро выходить замуж. По своему желанию она имела право сохранить очаг мужа или перекочевать со своими детьми в другое место. Родственники мужа не препятствовали ей в этом [15, с. 131]. Итак, если сравнить

обычай аменгерства у ферганских узбеков с каракалпаками, мы видим различия в их обычаях и обрядах. Если быть точнее, соплеменники мужа у каракалпаков старались не отпускать женщину в другой род, чтобы ее дети не ушли к чужим людям [15, с. 152].

Обычай сорорат в Центральной Азии тоже имел различия. Традиция вместо умершей старшей сестры брать в жены младшую соблюдалась не во всех районах Каракалпакии. У Ферганских каракалпаков в случае смерти старшей дочери родители отдавали в тот род ее младшую сестру. А если не хотели отдавать, то возвращали себе калым [8, с. 214]. Различные виды бракосочетания, обычай аменгерства и сорорат у узбеков во многих случаях были связаны с экономическими причинами. Они строго придерживались исполнения закона аменгерства с целью оставить себе имущество, земли, не оставить детей сиротами. Например, у кочевых узбеков после смерти мужа у вдовы все права, связанные с калымом, аннулировались. Женщина считалась свободной, но выйти замуж ей разрешалось только после полутора-двух лет. Во многих случаях вдова выходила замуж за старшего или младшего брата покойного. Согласие на повторное замужество женщины давали под определенным давлением [7, с. 231]. А у женщины-вдовы сартов положение было другим. Если у вдовы были дети, она оставалась в доме мужа. Если она была молода, то через год-два выходила замуж. По закону аменгерства, у 40-50-летних женщин-вдов у узбеков была возможность повторно выйти замуж. Другим был обычай аменгерства у узбеков, живших на юге Узбекистана. Там женщина, не согласная выйти замуж по аменгерству, должна была уйти из своего дома. Дом, дети оставались родственникам покойного. Если у женщины ребенок был младенцем, он отпускался с матерью, но позже он должен был быть возвращен в отцовский дом. У конратов – кочевых узбеков закрепились традиции выдавать замуж вдову за младшего брата. Однако у вдовы была возможность отказаться от него и выйти замуж по своему выбору. У узбеков-карлуков придавалось большое значение традициям бракосочетания сорората и левирата, как и у южных узбеков. У узбеков-дурменов в конце XIX – начале XX вв. сохранилось взаимное бракосочетание. Узбеки-дурмены делились на четыре большие родовые группы: саксаны, ногойцы, чарчуры, чурдаки. Среди них были взаимные бракосочетания между саксанами и ногойцами, чарчурами и чурдаками. Это считается остаточным видом бракосочетания – экзогамии, встречающейся и у других народов. Еще одним видом бракосочетания, часто встречающимся у узбеков-дурменов, было бракосочетание между детьми близких родственников или детьми сестер. Итак, обычай аменгерства у казахов и народов Центральной Азии зародился благодаря только благим намерениям. Этот обычай присущ кочевым и полукочевым народам.

Вообще, большая патриархальная семья была свойственна казахскому народу и всем народам Центральной Азии. У всех народов Центральной Азии большая патриархальная семья состояла из 3-4 поколений потомков. Хотя у оседлых узбеков и таджиков по сравнению с другими народами Центральной Азии преобладал обычай жить в одном дворе со своими семейными детьми, не делясь на доли, вести общее хозяйство. Взаимоотношения в больших семьях были патриархальными. Младшие члены семьи и бедные родственники беспрекословно подчинялись старшим. Женщины, особенно снохи, подчинялись не только своему мужу, но и старшим женщинам в семье, которые делили обязанности и

контролировали их, принимая готовую работу. Например, Гиршфельд Галкин, автор «Военных статистических свойств оазиса Хива», пишет: «Из-за того что женщины узбеков и сартов в конце XIX в. находились на очень низком уровне жизни, они жили на женской половине дома, ни с кем не общаясь, казахские, туркменские женщины лиц не закрывали, еще «пользовались своими правами в семье» [6, с. 99].

Наименования общих родственных взаимоотношений сохранились у всех народов Центральной Азии и Казахстана. Только у казахов и кыргызов они назывались *ата балалары*, у туркмен – *гарындаш*, у узбеков – *оила* или *катта оила*, у таджиков – *каум* или *тойфа*.

У казахов в конце XIX – начале XX вв. в основном были небольшие отдельные семьи, но сохранялись элементы большой патриархальной семьи. В казахском обществе семья состояла из неженатых имладших детей, не отделившихся в отдельный дом, родителей главы семейства. Очень древняя традиция – почитание родительского дома – у казахов связана с почитанием духов предков. Во времена распада большой патриархальной семьи особенно усилилось почитание родительского дома, потому что оно было направлено на его сохранение, и этому придавалось большое идеологическое значение.

Большая патриархальная семья у узбеков Хивы и Хорезма была основана на агнативном родственном принципе. Наряду с другими факторами, в сохранении большой патриархальной семьи у оседлых узбеков и в городских слоях населения на производстве и в быту большую роль играет община-махалля. Хотя по сравнению с традициями и обычаями большой патриархальной семьи узбекских племен Дешт-и-Кипчака, они были слабее, чем у оседлых узбеков. Хотя большая семья у них была основным видом семьи до Октябрьской революции.

В связи с присоединением Центральной Азии к России, с появлением товарно-денежных отношений, особенно с Октябрьской революцией, постепенно распались большие патриархальные семьи у горных таджиков и оседлых узбеков Ферганской долины, вместо них стали появляться небольшие отдельные семьи.

Основным видом семьи у каракалпаков были малые семьи. Каракалпаки, также как и казахи, отделяли старших, кроме младшего, сыновей. Однако малые семьи – нуклеары не жили отдельной своей жизнью. Они по обычаю жили в составе большой семейно-родственной группы, называемой *коше*. По сравнению с пережитками общины большой патриархальной семьи у узбекского и таджикского народов Центральной Азии вначале XX в. этот обычай меньше поддерживался каракалпакским народом. Наши исследования показывают схожесть норм бракосочетания, правил экзогамии и брачных запретов у кыргызов, казахов и каракалпаков. Схожесть брачных норм этой группы наблюдается и в обрядовых нормах узбеков и таджиков, однако у последних можно считать, что экзогамия на определенном уровне искоренена. До последнего времени многие кишлаки горного Таджикистана делились на небольшие кварталы. Они состояли из кровных родственников. Родственные группы, живущие в одном квартале, были владельцами одной мечети или *алоухона* – общественного дома. Это показывает большую роль, которую играют родственные связи и соседские отношения в общественной жизни горных таджиков.

В конце XIX - начале XX вв. у таджиков преобладала моногамная семья. Большие патриархальные семьи встречались только у горных таджиков. Если

земля у них не была поделена между членами большого семейства, она оставалась у малого семейства, у которого был скот. Большие семьи встречались и среди равнинных таджиков, хотя их число было незначительным. Появление товарно-денежных отношений ускорило распад большой патриархальной семьи.

У каждой патронной группы народов Центральной Азии было свое наименование. Такие патронные группы назывались: у туркмен – *бир ата*, у кыргызов – *бир аталык балдары*, у каракалпаков – *коше*, у казахов – *атабаласы или аул-кыстау*. Подобно этому сформировалась система у казахов и у народов Центральной Азии: большая патриархальная семья, небольшие родственные группы, неотделенные семьи, аульные родственные группы, небольшая отдельная семья.

У всех центрально-азиатских народов и у казахов в конце XIX - начале XX вв. был обычай брать много жен, однако этот обычай был распространен только среди состоятельных, богатых людей.

В казахской патриархальной семье в конце XIX – начале XX вв. были широко распространены левират и сорорат, влиявшие на положение женщины. При сравнении традиции левирата и сорората у казахов и народов Центральной Азии (узбеков, таджиков, кыргызов, каракалпаков) наблюдается общее сходство в этих обрядах и их исполнении. Обычаи левирата и сорората бесспорно выполнялись у казахов, кыргызов и туркменов. У них лучше сохранился менталитет, были сильнее патриархально-родовые нравы.

В быту и жизни народов Центральной Азии и у казахов наблюдалась особая близость между родственниками по материнской линии и племянниками. По обычаю этих народов родственник по материнской линии играл важную роль в выборе невесты племянника. Нет сомнения, что пережитком является материнская родовая община, особая близость в отношениях между племянниками и родственниками по материнской линии.

У всех туркменов была племенная экзогамия, т.е. брачные отношения осуществлялись вне племени. Среди туркмен, особенно у членов племен жаумуд, гоклен, теке были некоторые запреты в браке. Наряду с этим туркмены не приветствовали сватовство с иранскими, казахским, узбекским и другими народами, по обычаю это даже запрещалось. До Октябрьской революции у туркмен были в основном большие семьи. В их составе было больше 15-20 человек. В семьях горных и равнинных таджиков роль женщины была различной. С одной стороны, женщины горных таджиков, занимающихся скотоводством, активно участвовали в производстве. Поэтому их место в обществе было более весомым и более свободным, чем у женщин равнинных таджиков и узбеков, в основном сидящих взаперти и не принимавших участия в производстве.

В основном место женщины в семье было связано с ее участием в производстве. С этой точки зрения их можно разделить на две большие группы народов региона. К первой группе отнесем основное большинство казахов, кыргызов, туркменов, каракалпаков, живших кочевым и полукочевым образом жизни, занимающихся скотоводством. Обычно в скотоводстве место женщины весомо. Дойкой скота, уходом за приплодом, производством и обработкой продукции занимаются женщины. Место женщины в семье у этих народов никогда особо не принижалось из-за ее участия в общественном производстве. Они не сидели взаперти, как женщины оседлых городских народов, не закрывали лицо паранджой. Хотя по патриархальным исламским законам так было положено, но такой возможности в условиях кочевой жизни не было. Поэтому

место женщины в семье, в обществе у народов, занимающихся скотоводством, живущих кочевым или полукочевым образом, объективно было выше, чем у оседлых, городских.

В общем, большое патриархальное семейство было свойственно всем народам Центральной Азии и казахскому народу в традиционном обществе. У всех народов Центральной Азии в большой патриархальной семье в основном жили 3-4 поколения потомков. Хотя по сравнению с другими народами Центральной Азии, традиции большой семьи были сильнее, преобладали у оседлых узбеков и таджиков, обычно ведущих совместное хозяйство, не деля имущество, живя в одном дворе с несколькими женатыми детьми. Поэтому большая патриархальная семья играла у них решающую роль во всей экономической и социальной жизни и сохранялась еще долгое время.

Со временем количество больших семей стало уменьшаться в связи с изменениями частных форм и некоторыми другими причинами, с уменьшением количества потомков. Начался постепенный переход на небольшие семьи. Тем не менее, распавшись на небольшие семьи, люди еще долгое время сохраняли хозяйственные и родственные связи. Этому способствовало то, что долгое время полностью не исчезали внутренние связи, идеологическое единство, экономические взаимные интересы семейно-родственных групп, перешедших на малые семьи из общины большой патриархальной семьи.

Источники и литература:

1. Алтынсарин Ы. Очерк обычаев при сватовстве и свадьбе у киргизов Оренбургского ведомства // Материалы по казахскому обычному праву. Алматы: Ғылым, 1994. 266 б.

2. Арғынбаев Х.А. Қазақ халқындағы семья мен неке (тарихи-этнографиялық шолу). Алматы: Ғылым, 1973. 328 б.

3. Артықбаев Ж.О. Қазақ этнографиясы: Этнос және қоғам. XVIII ғ. Қарағанды, 1995. 137 б.

4. Баллюзек Л.Ф. Народные обычаи, имевшие отчасти и ныне имеющие в малой киргизской орде силу закона // Материалы по казахскому обычному праву. Алма-Ата, 1948. С. 163-221.

5. Броневский С.Б. О киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. Ч. 42, 43. 281 с.

6. Галкин Г. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1903. Т. II. С. 99.

7. Наливкин В., Наливкина М. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. 244 с.

8. Толстова Л.С. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX – начале XX вв. Нукус-Ташкент, 1963. 227 с.

9. ЦГА РК.Ф. 40. Оп. 1. Д.111.

10. ЦГА РК.Ф. 40.Оп.1. Д. 227.

11. ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 266.

12. ЦГА РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 940.

13. ЦГА РК.Ф. 64. Оп. 1.Д. 5089.

14. ЦГА УР. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3440.

15. Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана. Нукус, 1989. 272 с.

Н.А. Томилов

*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омская гуманитарная академия,
Омск, Россия*

**ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
ПРОЕКТ ПЕРИОДИЗАЦИИ
(К 40-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ ОМСКИХ КАЗАХОВЕДОВ)¹**

В статье приводится схема периодизации истории изучения этнографии казахов Западной Сибири. Первый период охватывает конец XVIII – середину 70-х гг. XIX вв. – появление первых работ со сведениями о казахах Сибири. Второй период приходится на конец 70-х гг. XIX – первую половину 70-х гг. XX вв. – проведение на первом этапе исследований Императорского Русского географического общества и далее музейных учреждений. Третий период начался во второй половине 70-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время – развитие масштабных исследований, прежде всего, учеными омского этнографического научного центра, исследователями Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, а также казахстанскими учеными.

Ключевые слова: историография, этнография, периодизация, омский этнографический центр, экспедиция.

N.A. Tomilov

*Omsk Division of Institute of Archaeology
and Ethnography of the SB RAS,
Dostoevsky Omsk State University,
Omsk humanitarian Academy,
Omsk, Russia*

**STUDY ETHNOGRAPHY OF THE KAZAKHS OF WESTERN SIBERIA:
PROJECT PERIODS (THE 40TH ANNIVERSARY OF OMSK
KAZAKHOVEDOV RESEARCH)**

The article provides a diagram of the periodization of the history of the study of the ethnography of the Kazakhs of Western Siberia. The first period covers the end of the XVIII - mid 70s. XIX century. - The appearance of the first papers with information about Kazakhs Siberia. The second period is the end of the 70s. XIX century. - The first half of the 70s. Twentieth century. - Carrying out the first stage of research the Imperial Russian Geographical Society and further museum institutions. The third period started in the second half of the 70-ies. Twentieth century. and continues to the present time - the development of large-scale research primarily by scientists of Omsk ethnographic research center, but also investigators in Moscow, Novosibirsk, St. Petersburg and Kazakhstan scientists.

Keywords: historiography, ethnography, periodization, Omsk ethnographic center, expedition.

¹ Статья подготовлена по государственному заданию Министерства образования и науки РФ по проекту № 33.1684.2014/К «Алгоритмический анализ динамики социокультурных систем народов Северной Евразии в XVIII – XXI веках».

Создание историографических экскурсов в области истории этнографического изучения отдельных народов и, в том числе, периодизации истории такого изучения, является важным звеном в научно-исследовательской работе. Это позволяет, с одной стороны, выявить основные направления исследования этнографии какого-либо этноса и его основные результаты и, с другой стороны, дает возможность для координации проведения дальнейших исследований разными учреждениями и отдельными учеными. Отсюда и необходимость продолжить работы по истории изучения этнографии казахов Западной Сибири, осуществляемые нами – учеными Омского этнографического научного центра [1, с. 3-10; 2, с. 30-35; 3, с. 35-49; 4, с. 21-27; 10, с. 65-87; 11, с. 62, 68-72, 89, 91, 97-101, 106-112; 13, 392 с; и др.].

Отметим, что за весь период XVIII-XX вв. больше всего появилось научных работ, содержащих сведения и исследования по этнографии казахов казахстанских территорий. Тем не менее, выполненные ранее историографические обзоры по этнографии казахов Западной Сибири позволяют наметить периодизацию их изучения. Ниже приводится краткое изложение разработанного автором данной статьи и Ш.К. Ахметовой варианта такой периодизации. Нами выделяются три периода в истории этнографического изучения казахов Западной Сибири.

Первый период охватывает конец XVIII - середину 70-х гг. XIX вв. и характеризуется появлением первых работ, в которых содержатся сведения о казахах сибирских территорий (работы И.Г. Андреева, И.И. Завалишина, Красовского, А.Ф. Миддендорфа, Сильвергельма, П.А. Словцова, И. Русанова, А.О. Букейханова, М.А. Шестакова и др.).

Второй период приходится на конец 70-х гг. XIX – первую половину 70-х гг. XX вв. и связан с научными исследованиями на первом этапе Императорского Русского географического общества (ИРГО) и далее музейных учреждений. В нем нами выделяются два этапа. Первый этап определяется деятельностью Западно-Сибирского отдела ИРГО (отдел создан в 1877 г.) и датируется концом 70-х гг. XIX в – серединой 10-х гг. XX в. Этнография казахов сибирского региона России нашла отражение в работах Л. Берга и П. Игнатова, П.Е. Маковецкого, В.А. Остафьева, Г.Н. Потанина, С.П. Швецова, М.А. Шестакова, Ю. Шмидта, Е. Шмурло, В.К. Шнэ, Н.М. Ядринцева и др. Как отмечает исследователь деятельности Западно-Сибирского отдела ИРГО И.В. Захарова, статьи того времени о казахах Западной Сибири большей частью имеют описательный характер и содержат лишь иногда частные выводы, но как источник они достоверны и существенно расширили базу для дальнейших исследований [9, с. 35].

Второй этап второго периода – это конец 10-х гг. – первая половина 70-х гг. XX в. Более всего он характеризуется как этап музейной этнографии в сборе и изучении коллекций по хозяйству и культуре казахов Западной Сибири, и то не во все годы данного этапа. Такие работы проводились, например, в краеведческих музеях г. Омска и некоторых районных центров. Можно отметить проведение научной паспортизации предметов казахов и некоторых других народов Центральной Азии в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета имени В.В. Куйбышева в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в., результатом чего стала публикация раздела каталога этнографических коллекций этого музея по культуре народов Казахстана и Средней Азии. В 1930 г. была опубликована работа А.М. Самойловича о кошагачских казахах Алтая. В

1960-х гг. появились статьи, в которых освещались отдельные моменты истории формирования и численности казахского населения Омской области. С 1960-х гг. в Омском государственном педагогическом институте имени А.М. Горького работала И.В. Захарова (переехала в г. Омск из г. Алматы) – исследователь народов Казахстана. Она активно публиковала работы по этнографии казахов, но тех, которые населяли Казахстан. Лишь с 1980-х гг. И.В. Захарова была привлечена к научной паспортизации казахских коллекций Омского объединенного исторического и литературного музея и изданию каталогов по культуре казахов.

Третий период начался во 2-й половине 70-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время. В нем просматриваются два этапа. Первый охватывает время со второй половины 70-х гг. по середину 80-х гг. XX в. Он связан с началом этнографических исследований среди казахов юга Западной Сибири Омским государственным университетом. Это начало было положено экспедицией ОмГУ в аул Каскат Исилькульского р-на Омской обл. в 1976 г. (материалы этой экспедиции опубликованы [13]), а также работами Н.А. Томилова по этнической истории казахов Западно-Сибирской равнины конца XVI–XX вв. Экспедиционные работы среди казахов проводились теперь регулярно. Среди авторов, публиковавших на том этапе научные работы по этнографии казахов Западной Сибири, нам известны омские исследователи Г.А. Бояубаева, Н.И. Лапузина, О.М. Проваторова (в дальнейшем – Бронникова), Н.А. Томилов, Г.И. Успенъев, ленинградский ученый А.В. Коновалов и московский этнограф О.Б. Наумова (до замужества – Опарина).

На этом этапе в г. Омске происходило создание этнографического научного центра по изучению казахов Западной Сибири. Состоялись и первые защиты диссертаций по казахско-этнографической тематике западносибирского региона. В 1983 г. Н.А. Томилов защитил в Москве в Институте этнографии имени Н.М. Миклухо-Маклая АН СССР докторскую диссертацию по этнической истории тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины (научный консультант – академик Ю.В. Бромлей), а выпускница ОмГУ и аспирантка Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова О.М. Проваторова защитила в Институте этнографии имени Н.М. Миклухо-Маклая АН СССР (Ленинградская часть) в 1986 г. кандидатскую диссертацию по современным этническим процессам у казахов Западной Сибири (научный руководитель – Р.Ф. Итс).

Второй этап третьего периода начался в конце 80-х гг. XX в. и продолжается до сих пор. Он характеризуется проведением регулярных этнографических экспедиций к казахам Западной Сибири, завершением в начале 90-х гг. XX в. создания в Омске этнографического научного центра по изучению казахов Сибири (здесь, помимо ОмГУ, этими работами планомерно стал заниматься созданный в 1991 г. Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН – с 2006 г. – Омский филиал Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН), подключением новосибирских ученых к исследовательским работам в этом направлении, расширением тематики исследований за счет полномасштабного изучения городских казахов. В Омске этнографические работы среди казахов Сибири и Северного Казахстана возглавляет сегодня старший научный сотрудник Омского филиала ИАЭТ СО РАН Шолпан Камалидиновна Ахметова. Она же с 2004 г. руководит работой Международной казахской этнографической экспедиции, которая проводится Омским филиалом ИАЭТ СО РАН совместно с

Павлодарским областным историко-краеведческим музеем имени Г.Н. Потанина и Павлодарским государственным университетом имени С. Торайгырова почти ежегодно. В 2006 г. к этим работам подключился Кокшетауский университет. В 2008 г. состоялась совместная экспедиция Павлодарского государственного педагогического института, Павлодарского областного историко-краеведческого музея имени Г.Н. Потанина и Омского филиала ИАЭТ СО РАН. Среди авторов, опубликовавших на этом этапе работы по истории и этнографии казахов Западной Сибири, омские исследователи Ш.К. Ахметова, А.А. Дайрабаева, А.И. Жигулин, Р.Н. Жуманова, И.В. Захарова, З.Е. Кабульдинов, М.Е. Каримова, В.В. Кузнецова, А.В. Матвеев, А.В. Ремнев, А.С. Сарсамбекова, Б.К. Смагулов, А.В. Смелякова, Н.А. Томилов, Б.А. Тынысов и др., москвичка О.Б. Наумова, Санкт-Петербургский ученый О.М. Бронникова, барнаулец Е.А. Бельгибаев, горно-алтайская исследовательница Н.А. Тадина, новосибирские ученые В.С., М.П. Малышева, И.В. Октябрьская и др., а также казахстанские ученые К.Н. Балтабаева, Ж.А. Ермакбаев, З.Е. Кабульдинов (бывший омич, работает сейчас в г. Астана) и др.

Отметим и тот факт, что с 1998 г. Ш.К. Ахметовой и И.В. Толпеко проводятся этноархеологические исследования погребальных поселенческих комплексов казахов Западной Сибири [5, 6, 7, 8]. В первое десятилетие XXI в. были защищены кандидатские диссертации по отдельным темам этнической истории и народной культуры казахов Западной Сибири омскими учеными Ш.К. Ахметовой (науч. руководитель Н.А. Томилов), А.А. Дайрабаевой (науч. рук-ль М.А. Корусенко), А.В. Матвеевым (науч. рук-ль Н.А. Томилов), А.С. Сарсамбековой (науч. рук-ль Ш.К. Ахметова), Б.К. Смагуловым (науч. рук-ль Н.А. Томилов) и А.В. Смеляковой (науч. рук-ль Г.М. Патрушева). Благодаря этому количество высококвалифицированных специалистов в области этнографии сибирских казахов существенно возросло.

Возвращаясь к первым этапам исследований этнографии казахов омскими учеными, отметим, что эти работы начались в середине 1970-х гг. с научной паспортизации коллекций по культуре казахов Омского областного краеведческого музея (сегодня – это Омский государственный историко-краеведческий музей). Затем работы такого направления были продолжены с коллекциями по культуре казахов, хранящимися в Музее археологии и этнографии ОмГУ. В результате на свет появились каталоги этнографических предметов казахов этих двух музеев.

Материалы Казахской этнографической экспедиции ОмГУ 1976 г., как и материалы последующих омских многочисленных экспедиций к казахам Сибири и Северного Казахстана, широко использовались и используются сегодня при написании научных работ. Одновременно собирались и архивные материалы по этнической и социальной истории казахов.

Наибольший вклад из омских ученых в изучение этнографии казахов Западной Сибири внесла и вносит сегодня Ш.К. Ахметова. Основной ее научный труд – монография «Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде». Полученные ею результаты были описаны нами следующим образом: «В монографии Ш.К. Ахметовой выявлены факторы и прослежены процессы формирования городского казахского населения Западной Сибири с XVIII до XXI вв., определена динамика численности городских казахов по существовавшему административно-территориальному устройству... Автор дала подробную социально-демографическую характеристику городского казахского населения Западной Сибири конца XIX – XX вв., показала динамику роста

урбанизации на протяжении XX в. и влияние сельской среды на городскую культуру, повлекшее формирование этнического характера сознания городского казахского населения исследуемого региона. Автор характеризует процессы, развивающиеся в культуре исследуемой группы как казахско-городской бикультурализм вследствие преобладания этнически специфических компонентов в бытовой культуре, которые успешно адаптировались к условиям урбанизации при усвоении норм городской культуры с некоторыми элементами заимствования из русской культуры» [3, с. 40-41].

Ш.К. Ахметова также опубликовала серию статей по разным темам этнической истории и культуры казахов Западной Сибири. Кроме того, как уже было сказано выше, она с 1998 г. совместно с И.В. Толпеко проводит этноархеологические исследования погребальных и поселенческих комплексов казахов Западной Сибири.

Этнографии казахов Западной Сибири, особенно вопросам их этнической истории, в своих трудах уделил внимание Н.А. Томилов, опубликовав по результатам работы монографию [12] и ряд статей. Современным этническим процессам среди казахов названного региона и отдельным явлениям в их культуре посвятила свои работы О.М. Бронникова (Проваторова). Ее также следует включить в состав родоначальников современного периода в изучении этнографии казахов Западно-Сибирской равнины – первые ее публикации появились во второй половине 1970-х гг. Назову еще группу ученых, опубликовавших статьи и сообщения по разным аспектам этнографии сибирских казахов, – это Г.А. Бояубаева, А.А. Дайрабаева, Ж.Ж. Жантасова, А.И. Жигулин, М.А. Жигунова (Плахотнюк), Р.Н. Жуманова, Т.Н. Золотова, З.Е. Кабульдинов, М.Е. Каримова, Н.И. Лапузина, А.В. Матвеев, А.С. Сарсамбекова, Б.К. Смагулов, А.В. Смелякова, Б.А. Тынысов, Г.И. Успенцев и др.

На историческом факультете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского за все годы выпусков специалистов были защищены более 30 дипломных сочинений, посвященных этнографии казахов Западной Сибири. В 2009 г. А.А. Мусагажиновой по направлению «Этнология» была защищена магистерская диссертация по погребальному обряду казахов Павлодарской области. В 2011 г. на кафедре этнографии и музееведения ОмГУ по направлению «Историческая этнология» состоялись две защиты магистерских диссертаций – это работы Ж.Ж. Жантасовой «Ребенок в культуре казахов Омского Прииртышья» и А.С. Рахимжановой «Представления о национальной идентичности в эпоху глобализации на примере свадебной обрядности казахов». В 2016 г. А.М. Шарипова защитила на кафедре этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского по направлению «История культуры» магистерскую диссертацию по пище казахов Павлодарского Прииртышья.

Развернутое с середины 1970-х гг. Омским государственным университетом и позднее (с 1991 г.) Омским филиалом Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (с 2006 г. – Омский филиал ИАЭТ СО РАН) изучение этнографии казахов позволило организовать обсуждение данного направления исследований на ряде международных, российских и казахстанских конгрессов, конференций и семинаров.

Материалы всех научных форумов опубликованы в виде сборников научных статей, тем самым был значительно увеличен объем публикаций по этнографии казахов Западной Сибири.

Источники и литература:

1. Ахметова Ш.К. Казахи Западной Сибири и их этнокультурные связи в городской среде / Отв. ред. Н.А. Томилов. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2002. 104 с.

2. Ахметова Ш.К., Захарова И.В., Томилов Н.А. Ч.Ч. Валиханов и традиции омской этнографической науки // Мир на рубеже тысячелетий: история, философия, политология. Костанай, 2000. С. 30-35.

3. Ахметова Ш.К., Томилов Н.А. Казахи Западной Сибири в исследованиях российских и казахстанских ученых XIX – начала XXI веков // Казахи России: история и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 2010. Т. 1. С. 35-49.

4. Ахметова Ш.К., Томилов Н.А. Чокан Валиханов и этнографическая наука в Омске // Жизнь и наследие Ч.Ч. Валиханова. Омск, 2010. С. 21–27.

5. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Погребальные и поселенческие комплексы казахов юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008 г. Новосибирск, 2008. Т. XIV. С. 292-295.

6. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Памятные комплексы как дань предкам у казахов Таврического района Омской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2014 год. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. Т. XX. С.330-334.

7. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Комплексные этнографо-археологические исследования казахских некрополей Омского Прииртышья // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 2 (33). С. 103-107.

8. Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Памятные знаки как новая традиция казахов Омского Прииртышья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 396-399.

9. Захарова И.В. Работа Западно-Сибирского отдела РГО по изучению Казахстана (1877 – 1917 гг.) // Проблемы этнографии и социологии культуры. Омск, 1988. С. 34-37.

10. Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX – начала XXI века. Омский этнографический центр. Омск: Издательск. дом «Наука», 2007. 400 с.

11. Томилов Н.А. Народная культура городского населения Сибири: Очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. Омск: Издательск. дом «Наука», 2010. 164.

12. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX вв. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. 271 с.

13. Томилов Н.А., Ахметова Ш.К. Казахи аула Каскат: традиции и инновации в культуре казахского населения Западной Сибири. Омск: Издат. дом «Наука», 2013. 392 с.

Ш.Ж.Тохтабаева

*Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова,
Алматы, Казахстан*

ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕКОРА КАЗАХСКОЙ МЕБЕЛИ XIX-XX вв.

В статье рассмотрены этнические особенности декорирования казахской мебели XIX-XX вв. Описаны условия работы мастеров. Указаны используемые породы деревьев, инструменты и технические приемы. Перечислен ассортимент продукции казахских деревообработчиков. Проведен анализ конструкций и декора казахской мебели. Описаны народные обычаи, связанные с мебелью. Рассмотрена символика некоторых деревянных предметов.

Ключевые слова: этнические приемы декора, деревянная мебель, символика, этноидентичность.

S.J. Tokhtabayeva

*Suleimenov Institute of the Oriental Studies,
Almaty, Kazakhstan*

ETHNIC DECORATION FEATURES OF KAZAKH FURNITURE IN XIX-XX

The article reviews the ethnic features of Kazakh furniture decorating in XIX-XX centuries. In the article work conditions of crafts men have been described as well as used tree species, tools and techniques. Also product range of Kazakh woodworkers is listed in the article. The article contains structures and Kazakh furniture décor analysis. The article describes folk customs connected with furniture. Symbols of some wooden objects have been examined in the article as well.

Keywords: ethnic ways of decorating, wooden furniture, symbolism, ethno identity.

Обработка дерева на территории Казахстана, согласно археологическим исследованиям, фиксируется с древности [3, с. 23, 261; 5, с. 76, 80, 83]. У казахского населения, несмотря на негативные социально-экономические и политические условия в XVIII в. (джунгарские нашествия, междоусобицы, феодальный гнет, военные столкновения со среднеазиатскими ханствами) деревообработка стала одним из значимых видов деятельности и отдельным направлением декоративно-прикладного искусства. Это было обусловлено преобладанием кочевого образа жизни и характером традиционного жилища казахов, определивших использование в качестве сырья доступного, экологичного, легкого по весу и небьющегося материала – дерева. Из него казахи изготавливали значительную часть своего предметного мира, начиная с жилища, мебели, посуды и заканчивая деталями вооружения и транспортными средствами вплоть до второй половины XX в.

Работали умельцы *агаи уста* в мастерской (*дукен, усталык, устахана*), под которую в оседлых районах приспособляли придворную постройку. В кочевых районах, за неимением специального помещения, они использовали старую юрту, угол жилого дома (зимовки), а летом могли работать во дворе под тентом. Чаще ремесленник кочевал вместе с аулом, либо, получив заказы, уезжал в другие места. Наиболее талантливых мастеров богатые люди привозили, порой издалека, что случалось обычно при подготовке приданого дочери.

Мастера использовали пилящие, рубящие, режущие, сверлящие, шлифующие орудия. Во второй половине XIX в., в связи с развитием капиталистических отношений, интенсификацией городского рынка, многие аульные мастера, почувствовав конкуренцию, стали приобретать российские инструменты: рубанки, тиски, напильники, сверла [7, с 150], а также точильные и шлифовальные станки [6, с. 165].

Из технических приемов мастера традиционно владели пилением, гравировкой, резьбой (контурной *сулбалык оймыш*, плоскорельефной *жайтак бедерли оймыш*, двух-трехгранно-выемчатой *еки немесе уш кырлы шункырлы оймыш*, а также объемной и сквозной ажурной *орнекти оймыш*). Применяли также роспись по дереву. В зависимости от назначения изделия использовались разные породы деревьев. Для мебели шла лиственница, для посуды – тополь и береза с ее корнями и наплывами, а для остова юрты – прочная сосна.

Среди умельцев существовала квалификационная градация. Мастера, производившие изысканные вещи, назывались *кас шебер*, деревообработчики, изготавливавшие простые предметы – *балта шебер*. Наиболее талантливые мастера, создававшие изысканную тонкую резьбу, удостоивались эпитета «*агаштан туйин тую*» (из дерева вьет кружева). Если в одних аулах одиночные мастера-деревообработчики занимались изготовлением почти всех категорий предметов, то в других местностях, где было много таких умельцев, существовало разделение ремесленного производства по категориям изделий.

Ассортимент продукции деревообработчиков был разнообразен: стационарные зимние, осенне-весенние жилища, остов юрты, оградки–загоны для скота, орудия для хозяйственных работ (лопаты, мотыги, сохи, косы), специальные приспособления дляохотника с ловчими птицами (беркута, сокола). Кроме этого *агаи уста* изготавливали транспортные средства (деревянные повозки, телеги *арба*, седла), музыкальные инструменты, предметы вооружения, домашнюю утварь (мебель, посуду), а также трости, предметы для личного обихода и развлечения.

В XIX – начале XX вв. из бревен строили стационарные зимние и осенне-весенние жилища юртообразной формы *тошала*, либо подквадратной, прямоугольной формы – *аил агаи, дукен*.

Развитию деревообрабатывающего дела способствовали природные условия Казахстана – наличие леса. Виды деревьев были различны: хвойные (ель, пихта *майкарагай*, сосна *карагай*, кедр *самырсын*), мягколиственные (береза *ак кайын*, осина *коктерек*, тополь *терек*, дуб *емен*, ива древовидная *тал*), а также карагач клен (*терек, тобылгы*), а на юге Казахстана имеются тутовое *тут агаши* и ореховое дерево *жангак*.

Из всего разнообразия деревянных изделий, остановим внимание на мебели. Поскольку она использовалась в кочевом быту в минимальном

количестве, художественное оформление ее осуществлялось как можно тщательнее и искуснее. Чаще всего мебель изготавливалась разборной для удобства транспортировки. Декорировалась лишь обзримая, лицевая сторона мебели, поскольку она устанавливалась по периметру юрты.

В богатой юрте были стол *устел* круглой формы на низких ножках, тогда как в земледельческих районах, что имеет место до сих пор, преобладал прямоугольный стол, который в XX в. стал снабжаться выдвижным ящиком для столовых приборов. Низкие столы вообще свойственны для кочевых народов Востока. Такие виды мебели как кровать *тосекагаиш*, большие сундуки *сандык* и маленькие сундучки *сандыкша* для сладостей, лари для хранения продуктов *кебеже*, посудные шкафы *асадал* были популярны вплоть до 1970-х гг. из-за дефицита и дороговизны фабричной мебели. Встречались в традиционном быту этого же времени также этажерки, появившиеся в результате влияния русской культуры.

Мебель обычно ассоциировалась с идеями достатка и благополучия. Наличие этих предметов вносило в интерьер жилища интонацию эмоционального тепла, домашнего уюта, т.е. они, как и художественный текстиль, обозначали освоенное окультуренное пространство, тем самым внося атмосферу защищенности в жизнь человека. В народном сознании существовала вера, что новые предметы необходимо заряжать соответствующими «магическими» узорами, действиями и словами, тогда они будут не только хорошо служить, но и способствовать всему положительному.

Когда устанавливали новую мебель (сундук, кровать, посудный шкаф), хозяйка приглашала своих подруг и родственниц на чаепитие. Гости по традиции клали в сундук свои подарки: отрезки тканей, в лучшем случае сыпали серебряные монеты со словами: «Пусть сундук постоянно заполняется серебром» («*Сандык кумиске толаберсин*»). Похожие действия: подарки, высказывание благопожеланий осуществлялись при установке также кровати, которую застилали красочным покрывалом, а в новый посудный шкаф ставили принесенную новую посуду. В ответ гости получали разные подарки от хозяйки, а самой щедрой из них дарили барана. Хозяева старались никого не обидеть из гостей во избежание неприятностей в доме.

Согласно традиции, казахи использованную мебель никогда не дарили чужим, так как считалось, что с этими предметами уйдет достаток из дома. Ее можно было лишь передавать женатым сыновьям, тогда как дочерям дарили новые изделия.

Обычно мебель была на ножках (кроме сундуков), или же она устанавливалась на деревянную подставку *аяк*. Во-первых, это предохраняло мебель от сырости, а с другой стороны, такой прием акцентировал их значимость, усиливая нарядность интерьера. Такого рода подставки *аяк* выполнялись из прочного дерева, чаще сосны. Этот предмет был квадратной, круглой, прямоугольной формы. Размер подставки в длину варьировался от 50 см до 150 см, она могла заменять собой отсутствие полноценной мебелировки. В зависимости от практического назначения менялось название предмета. Если на длинную подставку положить доски, то можно было образовать постельное ложе, называемое *тосек аяк*, либо можно было на подставку сложить горкой красочный текстиль, тогда она будет называться *жук аяк* (рис. 1).

Рис. 1. Подставка под поклажу жукаяк. Государственный музей искусств Республики Казахстан. Алматы. Конец XIX в. Карагандинская обл., 72 x 29,5x 38 см. Дерево, металл, гвозди, инкрустация резной костью. 46 ДПИК. Фото И.Б. Кочеткова, 2010 г.

В случае установки на нее одного или несколько сундуков, чемоданов (появившихся в советский период), подставка начинает обозначаться лексемой *сандык аяк, шамодан аяк*. На круглую или квадратную подставку *саба аяк* ставили также емкость *саба* с кумысом. В принципе эти подставки, подвергавшиеся с обозримых сторон декорированию, представляли собой самостоятельное произведение прикладного искусства.

В традиции многих народов все емкости, включая всевозможные ящики, шкафы и сундуки осмысливались как полости, относимые к женской ипостаси. Именно сундуки *сандык*разного размера обозначали в жилище казахов самое почетное место *тор*. На сундуке обычно размещалась поклажа из художественно выполненного текстиля. Такое дизайнерское решение, очевидно, продиктовано, с одной стороны, имплицитно выраженными идеями плодородия, множественности, а с другой – символикой стабильности, достатка, так как сундук в традиционном сознании считался вместилищем драгоценностей, серебра в виде слитков, парадной одежды, отрезков тканей, словом семейной «казны», что отражено и в казахском эпосе [1, с. 219, 228]. Следует отметить, что сундук был распространен у многих этносов, независимо от образа жизни. У богатых в юрте было несколько сундуков. Обычно приданое состоятельной невесты увозили в нескольких сундуках. В Западном Казахстане до сих пор сундук ручной работы непременно входит в состав приданого.

Сундучки *сандыкша* (рис. 2) небольшого размера, предназначенные для сладостей или разных мелочей, а также ювелирных украшений, обычно декорируются более нарядно - резным посеребренным металлом, резной костью способом инкрустации или сплошной облицовки в сочетании со вставками из серебра и перламутра. Под сквозной узор костяных накладок, бывало, помещали бархат красного, черного или синего цветов. Такого рода сундучки ставили чаще поверх поклажи, сундуков, чтобы они хорошо обзрелись.

Рис. 2. Сундучок *сандықша*. Национальный музей республики Казахстан. Астана. XIX в. Мангыстауская обл., 20х42х34 см. Дерево, облицовка резной костью, декорирование штампованным металлом. КР УМ АБ-150.

У казахов преобладали разборные кровати *тосекагаиш* (рис. 3). При этом в кроватях, датирующихся XIX в., устанавливаются конструктивные градации, связанные с имущественным положением хозяина. Кровать состояла из подставки *тосек аяк*, на которую размещали горизонтальную доску – ложе *тосеги*. Затем к кровати прикрепляли продольные (лицевую и заднюю) стороны (с сильно вытянутыми возвышающимися верхними углами). Благодаря такой тектонике в предмете образовывалась емкость, куда можно было укладывать про запас новые одеяла из верблюжьей шерсти. Убранная кровать была весьма просторной по длине, тогда как ширина могла увеличиваться по мере надобности. Богатые кровати отличались масштабностью формы и дороговизной изысканного декора.

Рис. 3. Лицевая сторона кровати *тосекагаиш*. Государственный музей искусств Республики Казахстан. Алматы. Конец XIX в. Семипалатинская обл., 201х63 см. Дерево, резной посеребряный металл, облицовка резной костью. 25 ДПИК. Фото И.Б. Кочеткова, 2010 г.

В традиции казахов кровать символизировала брачное ложе, нерушимость семьи и супружеского счастья, поэтому ее старались как можно богаче декорировать, что должно было магическим образом стимулировать супружеское счастье и соответственно увеличение семьи и богатства. Стремление к художественному оформлению этого изделия отражено и в казахском эпосе:

«Дочерью хана была, –
На златочеканной спала
Высокой кровати она» [1, с. 570].

Значима была роль шеста-вешалки для одежды – *адалбакан*, декору которой придавалось особое значение. Вешалка нижним концом вдевалась в металлическую подставку с тремя или четырьмя ножками, либо врывалась в землю. Символика этого предмета определила традиционное представление о том, что благодаря магическому свойству этой вещи в доме царили порядок и благополучие. Запрещалось дарить использованную вешалку, через нее нельзя было перешагивать, ронять ее во избежание поломки, что являлось дурным знаком и что могло препятствовать богатству, а также привести к вечной неудовлетворенности жизнью [2, с. 114].

Лари для хранения продуктов *кебеже* (рис. 4) изготавливали чаще из березы, которая препятствует гниению съестного. Изделия были на ножках и с открывающейся крышкой. Этот ларь снизу и сзади обычно снабжается небольшими сквозными отверстиями для вентиляции, что придает изделию свойства холодильника. Такого рода предметов у состоятельных людей было как минимум по две единицы. В одном из них хранили сушеное мясо, мясные деликатесы, масло, кисломолочные сушеные продукты про запас, а в другом, находящемся в кухне, – ежедневную еду. Из-за этих качеств лари все ещё находят применение в сельской местности. У казахов существует поговорка: «*Ар бир уйде бир кебеже калайды болу керек*» (В каждом доме должен быть хотя бы один ларь для хранения продуктов).

Рис. 4. Лицевая сторона ларя для хранения продуктов *кебеже*. Государственный музей искусств Республики Казахстан. Алматы. Нач. XX в. Карагандинская обл., 75x57 см. Дерево, металл, гвозди, инкрустация резной костью. 45 ДПИК. Фото И.Б. Кочеткова, 2010 г.

Ценился в быту казахов также посудный шкаф *асадал* (в пер. - благородная пища). Эти предметы наибольшее распространение имели в Центральном и Восточном Казахстане. Они моделировались с двухстворчатой дверцей, выдвижным ящиком в верхней части, а в емкости нижней части размещались полки (рис. 5). Такие шкафы бывают нескольких типов: на низких ножках и на очень высоких. В нижний проем последнего типа шкафов ставили горкой чемоданы.

Рис. 5. Посудный шкаф асадал. Государственный музей искусств Республики Казахстан. Алматы. Конец XIX – нач. XX вв. Карагандинская обл., 60x50x113 см. Дерево, металл. гвозди, инкрустация резной костью. 37 ДПИК. Фото И.Б. Кочеткова, 2010 г.

В Северном, Центральном и Восточном Казахстане под влиянием русской культуры казахские мастера во второй половине XX в. стали изготавливать также этажерки. Эти изделия чаще казахи использовали как полки для посуды, а в советский период – для книг.

Лари для хранения продуктов *кебеже* по форме, наличию резного узора и некоторым мотивам (вихревая розетка, спирали, роговидные завитки)

перекликаются с таковыми предметами кыргызов [8, с. 135, рис. 4, с. 137, рис. 6, 7]. Деревянные шести-вешалки *адалбакан* по форме и декору также имеют аналогии в традиции кыргызской культуры [4, с. 108, рис. 16].

Рассмотрев формы казахской мебели, отметим, что по всему Казахстану для декорирования их использовали, в той или иной мере, вышеописанные технические приемы: гравировку, резьбу (различных типов) и роспись. Содержание декора, помимо цвета, сводилось к воспроизведению геометрических, космогонических, растительных мотивов. Если абстрагироваться от форм и орнаментальных мотивов мебели, то можно сказать, что такие технические способы присутствуют в традициях многих других народов.

У казахов, параллельно с указанными средствами украшения мебели, существовал другой характерный принцип достижения художественной выразительности – инкрустация и сплошная аппликация предметов костью, на чем остановим внимание. Такого рода технологии, которые были в большей мере распространены в Центральном и Восточном Казахстане, не имеют ясных параллелей в культуре этносов Центральной Азии. Значимо, что отсутствуют аналогии в данных приемах декорирования даже с традициями кыргызов, с которыми были самые тесные историко-культурные взаимосвязи [8, с. 138].

В связи с этим, данные технологии вызывают повышенный интерес с точки зрения обозначения этнической специфики в декоративно-прикладном искусстве казахов. В наши дни, в условиях интеграции, глобализации мира, весьма актуально сохранение нетленной памяти творческого наследия наших предков.

Обычно мастера заранее заготавливали костяные инкрустации, стараясь придать им разнообразные формы и орнаментальные решения. Для этого использовали вываренные кости крупных животных (коровы, верблюда, коня) из-за их масштабной площади. Резчики предпочитали использовать кости упитанных животных, обладающих легким золотистым оттенком и легче поддающиеся резьбе. Умельцы усиливали прочность кости в разы путем кипячения ее в течение часа в конском жире, имеющем свойство хорошо проникать в структуру материала. Чтобы кость дополнительно впитала в себя жир, ее оставляли там же еще на некоторое время. В результате материал приобретал эффектный желтоватый оттенок, а по прочности уподоблялся чуть ли не камню.

Если хотели получить другой цвет, то кости, преимущественно ребра, кипятили в воде несколько часов, в результате чего они становились белоснежными и слегка размягченными. Обычно кость шлифовалась и полировалась мелким песком, что создавало эффектный блеск. При этом края этих деталей обтачивались куском стекла, благодаря чему они становились гладкими и слегка закругленными, после чего на кость наносился узор.

Если дерево обладало природной красотой текстуры, то оно лишь шлифовалось и слегка тонировалось. Далее деревообработчики разрабатывали пластические ходы, для чего размещали инкрустации в разрядку в том или ином порядке на лицевой части деревянного изделия. Когда был готов окончательный вариант декоративной композиции, все костяные детали обводили мылом для нанесения контррельефной резьбы. После этого в заготовленные углубления размещали инкрустации, закрепляя их гвоздями с декоративными серебристыми шляпками. Оставшееся свободное пространство дополнительно декорировали контурной резьбой или росписью. Каждое изобразительное поле акцентировалось обводкой из узких прямоугольных металлических, костяных пластин, служащих

замыкающими декор рамами. Под сквозной узор костяных деталей, бывало, помещали бархат красного, черного или синего цветов, дополняли декор также вставками из серебра и перламутра. Вся фактура костяных аппликаций оживлялась определенным узором, выполненным сквозной резьбой, чеканкой или выжиганием.

При этом, если одни орнаментальные мотивы обозначались более выразительно, то другие, оттиснутые элементы, производили впечатление легкой ажурности. В целом, все пластины, вычленяемые по контуру прямыми линиями для усиления выразительности, в совокупности работали на образование целостной композиции с общим характером ритмических членений. Сквозной узор металла, а также серебристые шляпки гвоздей усиливали эффектность художественного образа.

В целом, красота самих материалов: фактура и цветовой тон дерева, кость с глубиной разных оттенков (от белого до бежевого, золотистого цвета), а также их сочетание вкупе с орнаментальным решением образуют необыкновенный художественный эффект. Наряду с инкрустацией, мастера иногда применяли сплошную облицовку резной костью, что придавало предмету, в сочетании с серебристыми металлическими накладками, драгоценный облик.

Эффектность и яркое своеобразие художественно-образного решения рассмотренных произведений возводит их на уровень шедевров казахского косторезного искусства XIX в. Можно сказать, что такого рода изделия выполняют роль этнического художественного знака. Эти ценности, несущие национальную нагрузку, являются важнейшими константами этно-идентичности, что препятствует растворению этнической культуры в мировом потоке нового времени. В сущности, в искусстве каждого народа запечатлено уникальное осмысление мира и художественное его отображение, утрата чего может привести к обеднению красок в планетарном масштабе.

Источники и литература:

1. Алпамыс – батыр. Пер. Ю. Новикова, Л. Тарковского // Казахский эпос. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958. С. 17-22.
2. Валиханов Ч.Ч. Тенгри (бог) // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: АН Каз ССР, 1961. С. 112-120.
3. Зайберт В. Ботай у истоков степной цивилизации. Алматы: Балауса, 2011. 475 с.
4. Иванов С.В., Махова Е.И. Художественная обработка металла // Народное декоративно-прикладное искусство. М.: Наука, 1968. С. 96-122.
5. История КазССР с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Алма-Ата, 1977. Т. 1. 477 с.
6. Маргулан А.Х. Казахское народное прикладное искусство. Т. 1. Алматы: Өнер, 1986. 274 с.
7. Масанов Э. Кузнечные и ювелирные ремесла в казахском ауле (2-я пол. XIX-нач. XX вв.) // ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1961. Т. 12. С. 148-170.
8. Черкасова Н.В. Резьба по дереву // Народное декоративно-прикладное искусство киргизов. М.: Наука, 1968. С. 132-138.

Б.А. Тынысов

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия*

**ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МЕЛКИХ КАЗАХСКИХ АУЛОВ И ДИНАМИКА
ЧИСЛЕННОСТИ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.**

В данной статье рассматривается процесс и причины количественного сокращения небольших казахских аулов путем слияния во второй половине XX в. Прослеживается динамика численности, рассматриваются внутренние миграционные процессы, в ходе которых происходит увеличение доли городских казахов.

Ключевые слова: Казахи Омского Прииртышья, административно-территориальное устройство, миграция, численность.

В.А. Tynysov

*DostoevskyOmskStateUniversity,
Omsk, Russia*

**THE DISAPPEARANCE OF THE SMALL KAZAKH VILLAGES AND
POPULATION DYNAMICS OF THE KAZAKHS OF OMSK IRTYSH REGION
IN THE SECOND HALF OF THE XX-TH CENTURY**

The article is dedicated to the integration process and causes of a quantitative reduction of small Kazakh villages in the second half of the 20th century. Population dynamics is observed; internal migration processes are considered in which there is an increase in the proportion of urban Kazakhs.

Keywords: Kazakhs of Omsk Priirtyshje (Irtysh region), administrative-territorial system, migration, population.

Изменения в расселении казахов во второй половине XX в. начинаются с 1950-х гг. Это связано, прежде всего, с начавшимся освоением целинных земель. Новый мощный приток переселенцев на этом этапе привел к формированию современного национального состава на территории Омской области. На расселение казахов в новых условиях заметное влияние оказали мероприятия партии и правительства по укрупнению мелких колхозов и реорганизации машинно-тракторных станций в 1950-х гг. На рубеже 1940-1950-х гг., начиная с 1947 г., в соответствии с курсом на концентрацию колхозно-совхозного производства было проведено укрупнение мелких колхозов. С 1950 по 1953 гг. число мелких колхозов уменьшилось с 255 тыс. до 94 тыс. [2, с. 132; 15, с. 246].

Рассмотрим процесс исчезновения мелких казахских аулов немного поподробнее. После проведения районирования и работ по укрупнению волостей и созданию районов Омской губернии в 1924 г., был образован 31 район, в последствие то добавлялись, то убирались еще несколько [13, с. 14]. Основная территория проживания казахов находилась преимущественно в юго-западных районах Омской области. В основном это районы прежнего Омского уезда – Борисовский (Щербакульский), Исилькульский, Москаленский, Ново-Уральский,

Одесский, Павлоградский, Полтавский, Сосновский (территория современного Азовского р-на), Таврический.

В этих районах в 1925 г. имелось около 280 однонациональных казахских аулов, с населением примерно от 20 до 150 чел., за исключением некоторых аулов, численность которых превышало 250-300 человек [9, л. 88-101]. Наибольшее количество аулов располагалось в Борисовском (примерно 96), Полтавском (около 60), Таврическом (примерно 30) и Москаленском (около 30).

К 1950 гг. сохранилась большая часть этих населенных пунктов, за исключением некоторых аулов, которые были слишком малы (примерно 4-20 чел.) и присоединились к более крупным. С этого времени начинается процесс укрупнения хозяйств, или ликвидация мелких бесперспективных деревень. Так, по данным переписи 1979 г. было ликвидировано более 70 мелких казахских населенных пунктов, учтенных переписью 1970 г. (преимущественно от 4 до 60 чел.), население которых разъехалось по населенным пунктам с основным населением других национальностей, по крупным казахским аулам или переехало в город Омск.

В конце XX в. в юго-западных районах картина однонациональных казахских селений выглядит совершенно иначе, чем в 1970-е гг. и тем более в 1930-е гг. По данным Статического бюллетеня о сельских населенных пунктах Омской области, в котором содержатся сведения о числе постоянных хозяйств, численности постоянного населения, преобладающей национальности по всем сельским населенным пунктам во всех перечисленных выше районах казахских аулов осталось примерно 42, не считая тех, где имеется население других национальностей [12, с. 5-85].

В Азовском национальном р-не (ранее Сосновский р-н), в современном виде, образованном из части Омского и Шербакульского р-нов, из прежних почти 50 аулов осталось лишь 4, из которых в 3-х проживает население других национальностей. В Исилькульском р-не, из прежних более 20 аулов осталось около 5, среди которых имеются крупные например, аул Каскат. Еще в 1930-е гг. на территории Москаленского р-на находилось около 30 аулов, сейчас их не более 7. На территории Павлоградского, Таврического, Шербакульского (бывший Борисовский) р-нов в 1930-х гг. имелось наибольшее количество казахских аулов – более 100. В нынешнее время на территории этих районов чуть более 10 казахских аулов [12, с. 5-85; 9, л. 88-101].

Такое положение было вызвано не только политикой правительства, но и переездом сельского казахского населения в г. Омск или другие крупные близлежащие населенные пункты. В результате этих движений происходит пополнение городского населения за счет прибывших из села, и в сельской местности происходит укрупнение некоторых населенных пунктов.

Как известно, миграционное движение относится к числу факторов, постоянно воздействующих на демографическое развитие населения, его численность, половозрастной состав и воспроизводство. Интенсивность миграционных процессов, в ходе которых деревня отдает часть своих людских ресурсов городу, формирует особенности динамики населения деревни и города. Во многих районах, благодаря именно перемещениям сельского населения в направлении города, население растет и происходит обновление самого сельского населения.

Вторая половина XX в. характеризуется усилением миграционного движения из деревни в город. Процесс урбанизации постоянно нарастал, особенно в 1960-е – 1970-е гг. Этот промежуток времени относят к той стадии урбанизации, когда продолжается концентрация населения: перемещение его из села в город. Происходит и повышение урбанизации самого села, происходит изменение ценностных ориентаций сельских жителей, когда их традиционный уклад жизни для большинства перестает быть привлекательным.

По переписи 1959 г. численность казахов Омского Прииртышья составила свыше 44 тысяч человек, по сравнению с данными переписей 1937 и 1939 гг., несмотря на то, что данные обеих переписей не совсем точны, а если говорить о переписи 1939 г., то довольно таки завышены, заметны значительные изменения (см. табл.). За этот период более чем в 2 раза происходит увеличение численности городского населения казахов: по переписи 1939 г. доля городских казахов – 2 423 человек, по переписи 1959 г. – 5696 человек [4, с. 64; 10, с. 13].

Во второй половине XX в. было проведено четыре Всесоюзных переписей населения – это переписи 1959-го, 1970-го, 1979-го и 1989-го гг. Данные переписей наглядно показывают рост численности казахского населения.

Таблица 1.

**Изменение численности казахского населения Омской области
в 1959 – 1989 гг. ***

Год переписи	1959		1970		1979		1989	
	Числ-ть	%	Числ-ть	%	Числ-ть	%	Числ-ть	%
Всего населения	1644638	100	1823831	100	1956799	100	2141909	100
Казахи	44876	2,8	52703	2,9	61157	3,1	74991	3,5

* Составлено по: Национальный состав населения Омской области. Омск, 1990. С. 13. 14.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973. С. 108.; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. М., 1989. С. 292-295.

Заметно изменилось соотношение сельских и городских казахов: увеличилась доля городских. По переписи 1959 г. доля городских казахов составляла – 5 696 чел., сельских – 39 180 чел., по переписи 1989 г. городских – 32 843 чел., сельских – 42 148 чел.[4, с. 64; 10, с. 13]. Наряду с тем, что происходило довольно интенсивное пополнение рядов городских казахов за счет села (численность городских казахов за 30 лет увеличилась более чем в 5 раз), в сельской местности численность казахского населения не уменьшалось, а наоборот увеличивалась.

Если по данным переписи 1959 г. казахи занимали третье место по численности населения (первое место – русские; второе – украинцы), то по данным переписей 1970 и 1979 гг. казахи занимают четвертое место. По итогам переписи 1989 г. ситуация оставалась прежней: русские – 80% населения, немцы – 6,3%, украинцы – 4,9% и казахи – 3,5%. В дальнейшем происходят заметные изменения численности казахов и немцев, причем увеличение первых было обеспечено за счет естественного прироста, а убыль вторых – за счет эмиграций.

В результате изменяется структура населения Омской области по национальному составу: немцы со 2-го места передвигаются на 4-е место, а казахи с 4-го – на 2-е. Так, по данным переписи населения 2002 г. численность казахского населения составила 81 618 (3,9%) чел., русские – 84%; украинцы – 3,8%; немцы – 3,6% [11, с. 178].

Такие изменения связаны со многими причинами – это и внутренний прирост казахского населения, уменьшение численности немецкого населения в результате довольно интенсивной эмиграции в период примерно с 1989 по 1998 гг., уменьшение численности украинского населения, что обусловлено изменением этнического самосознания большинства украинцев, особенно в смешанных русско-украинских семьях.

В качестве примера приведена таблица, где показаны изменения численности казахского и немецкого населения Омской области.

Таблица 2.

Миграционный и естественный прирост казахов и немцев в Омской области в 1989-1998 гг., чел. *

Год	Прирост			
	естественный	миграционный	естественный	миграционный
	немцы		казахи	
1899	1797	- 2521	1502	973
1990	1589	- 4342	1520	141
1991	1099	- 5387	1483	- 134
1992	883	- 7813	1278	- 1293
1993	369	- 9655	978	- 1511
1994	399	- 7760	797	- 623
1995	402	- 10569	874	- 2
1996	308	- 7167	848	669
1997	358	- 4806	687	938
Итого	7204	- 60020	9973	- 842
Справочно-общая численность 1989	134200		75000	
1998	81383		84122	

* Источник: Флоринская Ю.Ф. Проблемы нового российского приграничья (на примере Омского участка российско-казахстанской границы) // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 116.

Данная таблица наглядно показывает масштабы сокращения немецкого населения и прирост казахского, то есть действительно мы видим, что за счет эмиграции значительной части немецкого населения произошло выдвигание казахского населения на третье, а затем второе место по численности населения.

По данным административно-территориального деления Омской области приводятся сведения о численно преобладающих национальностях по данным Всероссийской переписи населения 2002 г. В этом сборнике для каждого района (административной единицы) выделены пять наиболее многочисленных национальностей.

Казахи, как численно преобладающая национальность, выделены в большинстве районов Омской области: Азовском, Исилькульском, Марьяновском, Москаленском, Называевском, Нововаршавском, Одесском, Оконешниковском, Павлоградском, Русско-Полянском, Таврическом, Черлакском, Шербакульском р-нах. В них численность казахского населения составляет от 5,2% до 18,9% населения этих районов. В остальных - Большереченском, Горьковском, Калачинском, Колосовском, Кормиловском, Крутинском, Любинском, Нижнеомском, Омском, Полтавском, Саргатском, Тюкалинском – численность казахского населения колеблется от 1% до 3,4% населения районов[1, с. 28-150].

Источники и литература:

1. Административно-территориальное деление Омской области на 01.01.2005 года: Стат. сб. / Омскстат. Омск, 2005. 192 с.
2. Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1938-2002. М., 2003. 540 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991.
4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М.: Статистика, 1973.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. IV. М., 1989.
8. Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 года по Омской губернии. Вып. 1. Омск: Губстатбюро, 1922.
9. Исполнительный комитет Омского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов //КУ Иса. Ф. 27.
10. Национальный состав населения Омской области. Омск, 1990.
11. Национальный состав населения Омской области по данным Всероссийской переписи населения 2002 года. Омск, 2005.
12. Сельские населенные пункты Омской области: Стат. бюл. / Омскоблкомстат. Омск, 2000. 86 с.
13. Справка об изменениях в административно-территориальном делении Омского Прииртышья (1917-1984 года) // Государственный архив Омской области и его филиал в г. Таре. (Путеводитель часть вторая). Омск, 1987. С. 10-19.
14. Флоринская Ю.Ф. Проблемы нового российского приграничья (на примере омского участка российско-казахстанской границы) // Социологические исследования. 2003. №4. С. 116.
15. Щетинов Ю.А. История России. XX век. М., 1998. С. 246.

В.В. Ушницкий
*Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

КЕРЕИТЫ – ЗАГАДОЧНЫЙ НАРОД ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена проблеме этнической принадлежности керейтов, кочевого племени на территории Северной Монголии в XI-XII вв. Историки, лингвисты, этнографы до сих пор спорят о тюркских и монгольских этнических корнях керейтов. Керейты и керей активно участвовали в этногенезе казахов, как и других народов Золотой Орды.

Ключевые слова: этнонимы, этногенез, кочевые племена, народы Центральной Азии.

V.V. Ushnitsky
*Institute of humanitarian researches and problems of
small peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of
Science,
Yakutsk, Russia*

KERAYIT - CENTRAL ASIAN MISTERIOUS PEOPLE

This paper deals with the problem of ethnicity Kerayit, a nomadic tribe in Northern Mongolia in XI-XII centuries. Historians, linguists, anthropologists are still arguing about the Turkic and Mongolian ethnic roots Kerayit. Kerayit Kurei and actively participated in the ethnogenesis of the Kazakhs, like other peoples of the Golden Horde.

Keywords: ethnonyms, ethnogenesis, nomadic tribes of Central Asia nations.

Керейты и найманы были самыми влиятельными племенами Монголии до возвышения Чингисхана. Центр владений керейтов находился вдоль верховий р. Орхон; на востоке их территории ограничивались р. Тула, а на юге – р. Онгин. По проблеме происхождения керейтов, а также найманов и меркитов домонгольской эпохи существуют в основном две точки зрения. Большинство исследователей, опираясь на достоверные монгольские, персидские и китайские источники, признают их монгольское происхождение, другие же считают их тюрками на том лишь основании, что керейты, найманы и меркиты не включены Рашид-ад-дином в число «коренных» монгольских племен XI-XII в.

В начале X в. к северу от киданьского государства складываются предпосылки для образования одного из первых монгольских государств – союзов племен, представлявших большую потенциальную опасность для Ляо. В основном источнике по истории Киданьского государства – Ляо ши – по отношению к этим племенам применяется собирательное название *цзубу*. В киданьских письменных источниках (Ляо ши, Цидань го чжи) четко различаются термины *цзубу* и *шивэй*, т.е. татары.

Л.Л. Викторова отождествляла тюрков-шато, название которых с китайского переводится как «ворон», с кереитами, название которых также происходит от монгольского *кэрэ* – ворон [3, с. 197]. Следовательно, в древности ворон был предком-тотемом некоторых предков саха, как и кереитов. В то же время нельзя не заметить, что Е.И. Кычанов кереитов, как и найман, относит к племенам «кыргызского великодержавия».

Л.Л. Викторовой была высказана гипотеза о том, что кидани называли различные тюркоязычные племена, генетически связанные с тюрками и уйгурами, собирательным словом «цзубу» [3, с. 197]. Прежде всего, в состав «цзубу» входили кереиты (центральная группа) найманы (северо-западная группа), меркиты (северная группа). Киданское слово – иероглиф «цзубу» принято выводить от тибетского «*сог-по*». Весьма любопытно, что под этим названием тибетские источники обозначали сначала согдийцев, затем монголов [3, с. 80].

В то же время есть мнение, выводящее этноним кереит от слова крест – *кириэс*, постольку кереиты, восприняв несторианское христианство, присягнули кресту и массово приняли крещение. В языке саха, возможно, сохранились реликты той древней эпохи. Слово *кэриэс* обозначает память об ушедшем из жизни, о предках.

Рашид-ад-дин, которому нельзя отказать в объективности при освещении событий XIII в., прямо говорит о кереитах: «Они представляют собой род монголов; их обиталища есть по рекам Онону и Керулену, земля монголов» [12, с. 127]. В другом месте «Сборника летописей» Рашид-ад-дин вновь отмечает: «Они (кереиты – *А.Г.*) были славны многочисленным племенем, войсками и древними государями, имели сходство с монгольскими племенами, и их обычаи, нравы, наречия и словарный состав (лугат) – близки друг другу» [12, с. 108]. Однако эти замечания персидского историка некоторыми исследователями опускаются, а приводятся также примеры из контекста, где термину «тюркские племена» Рашид-ад-дин придавал расширительное, политическое значение, но не этническое.

В эпоху владычества монголоязычных киданей в Центральной Азии после уйгурского господства упоминается группировка цзубу, в которую входили кереиты, найманы и меркиты. Центральную группу цзубу исследователи отождествляют именно с кереитами, во главе которых известен вождь Мо-ко-сы, т.е. Маркус или Меркуз, Хурчаус, Буюрук-хан монгольских и персидских источников. Этот Меркуз или Буюрук-хан доводился дедом Тогорил (Тоорил) – хану или же Ван-хану кереитскому. После разгрома Киданьской империи (Да Ляо) чжурчженями в 30-х гг. XII в. ведущая роль в Центральной Азии перешла к кереитам. Кереитское ханство охватывало земли от верховьев р. Селенги на севере до излучины р. Хуанхэ на юге, от Хангайских гор на западе до земель унгиратов и татар в районе Буир-Нора и Халхин-гола на востоке. Это пограничное состояние кереитского племени диктовало условие постоянной военной готовности против возможных набегов соседей. Кереиты и монголы Трехречья, занимавшие северную часть Монголии, были естественными союзниками против найманов Монгольского Алтая и меркитов Забайкалья и татар на юге Монголии [1, с. 104].

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял считает, что кереиты были ветвью татар – племени тунгусского происхождения. «Татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком [13, с. 90].

В сочинении Карпини и Рубрука вместо керейтов упоминаются караниты. Вероятно, в этом можно увидеть тождество этнонима «керейт» и «кара-ит», по Абульгази этноним «керейт» происходит от слова «кара ит» – «черная собака».

Также любопытно, что Пелльо и Пейтнер видели в упоминаемых Марком Поло меркитах кераитов. В. Рубрук, излагая историю Унка брата пресвитера Иоанна, утверждает, что он правил народом, именовавшимся крит и меркит. Отсюда делается вывод, что народ крит (меркрит) есть керейты [16, с. 159-160].

Г.А. Авляев утверждает, что сам термин «керейт» (*кэрэит*, *кэрээд* и т.п.) объясняется только с монгольских языков и в переводе с ойратского (западно-монгольского) и калмыцкого языков означает «вороны». Термин этот происходит от ойрат-калмыцкого слова «кэрэ» в значении «ворон», которое во множественном числе оформляется как *керейт*, *кэрэй т*, (на халха-монгольском – *хэрэит*) [1, с. 103].

Считается, что после ухода основной массы огузо-уйгурского населения на запад территорию Монголии с X–XI вв. постепенно заселяли монголы, вышедшие из своей прародины – Большого Хингана и верховий Амура. Продвижение монголов на запад «сопровождалось вытеснением и ассимиляцией местных тюркоязычных объединений и группировок» [8, с. 171]. Как полагает китайский исследователь Илинчжэнь, керейты и найманы были все-таки монголами, но управлялись христианизированной тюркоязычной знатью [9, с. 178].

Имеется также гипотеза, что кераиты были тюрками, произошли от тюркских канглы и огузов, и их язык был тюркским. Относительно их монголоязычия, Пауль Ратчневски предполагает, что часть киданей осталась и была ассимилирована кераитами. Пауль Ратчневский подчеркивает дружественные отношения между кераитами и западными киданями, что иллюстрируется тем фактом, что хан керейтов Тогрул находит убежище в Западной Ляо. Пауль Ратчневский упоминает, что кераиты приняли несторианскую веру, и что дед и отец Тогрула имели латинские имена Маркуз и Кириакис.

Найманы и керейты прослеживаются в китайских источниках и до киданьского государства. Китайцы рассматривают их, а также онгутов как потомков разных уйгурских родов. Точнее, все правящие рода восходят к уйгурам, а остальная родовая композиция была разной, хотя и близкой по составу. Онгуты, найманы и керейты китайцами рассматривались как части татар, известных по киданьским источникам как цзубу.

Тюркское происхождение керейтов Грумм-Гржимайло считал сомнительным, так как не удалось установить их преемственной связи с современными киреями в составе тюркских этносов. Так остатки керейтов, части той тысячи, которая, по приказанию Чингисхана, была из них собрана, вступили в XIV в. в узбекский, а затем и в казахский союз с именем керейт, а не кирей, а роды, носившие оба эти названия, существовали в этом союзе одновременно. Некоторое сомнение в их тюркизме возбуждает также и указание «Юань-чао-ми-ши» на их родство с монголами. Наконец, не отождествляет кераитов с киреями и «Цзинь Ляо Юань сань-ши-юй-цзэ» – «Словарь исправлений туземных названий, встречающихся в историях Цзиньской, Ляоской и Юаньской династий», изданный ученым комитетом, учрежденным императором Цянь-луном, который называет киреев – цюй-линь, а кераитов – кэ-лэ (*хэрэ*) [4]. Таким образом, в документах юаньской эпохи фигурируют два разных народа/эля - кэрэиты (ке-ле) и керей (целе).

Кереитское ханство XII в., как найманское и меркитское, нужно отнести к типу раннефеодальных ханств, в которых еще были живучи родоплеменные пережитки. Рашид-ад-дин утверждал, что первоначально родными землями кереитов были Иртыш и Алтай, на основе китайских источников выдвигается версия об их происхождении от канглы и огузов. Известно о тесной, а возможно, и генетической связи канглов с кераитским улусом Тогрул-хана. Представители канглийской знати, например, упомянутый в «Юань-ши» Кайранбай, служили при дворе кераитских ханов, а китайское сочинение «Менуэр-шицзы» прямо пишет об их родстве: «Кераиты были предками канглы. Западные именовались канглы, восточные кераитами» [7, с. 35-36].

Имена и титулы кереитских правителей являются тюркскими. Тогрул – это монголизированная форма тюркского имени Тогрил. Отец и дед Тогрула носили тюркский титул «*буйрук*» («командир»), титул кереитской принцессы, Докузхатун – тюркский, так же как титул «Желтый Хан» под которым один из кереитских лидеров был известен. Указание Рашид-ад-Дина, что первоначально родными землями для кереитов были Иртыш и Алтай, намекает на происхождение кереитов от распавшегося Кимакского каганата. Эти территории были заселены киргизами до того, как их оттуда вытеснили найманы. Поэтому не исключается возможность того, что часть киргизов двинулась на восток из-за атак найманов, хотя основная часть племени была отброшена назад на Енисей [17].

П.М. Мелиоранский считал, что *бююруками* назывались «подчиненные хану начальники отдельных отрядов, которым давались иногда и самостоятельные поручения, наместники хана и тому подобные лица. Выражение «*внутренние бююруки*» встречающееся в памятниках рунической письменности, он интерпретировал как означающее «адъютанты, состоящие при особе самого хана». В то же время, он допускал, что «значение бююруков было большое», так как им приписывали мудрость и понимание нужд государства и народа и «мужество» [10, с. 99].

В то же время есть мнение Г. Дерффера, что человек с титулом *бююрук* стоял на вершине «общегосударственного правительственного кабинета» и применялся к должности – премьер-министр, великий визирь, рейхсканцлер. Однако он считал, что *бююрук*, кроме того, «обозначал в общем плане всех членов министерской коллегии». В середине VIII в. в Уйгурском каганате было девять «великих бююруков», во главе которых стоял Ынанчу-бага-тархан. Девять бююруков участвовали в интронизации Элетмиш Бильге-кагана. Бююруком в известном памятнике из Суджи назван обладатель титулов тархан, ога и ярган. По китайским источникам, бююруки командовали войском кагана, поэтому пользовались очень большим влиянием, оттесняли каганов и даже захватывали престол [14, с. 96].

Первые сведения о кереитах дает арабский историк Абуль Фарадж, который пишет о том, что царь кереитского народа обратился в 1007 г. к несторианскому митрополиту Ебед-Иещу в г. Мерве (одном из городов Хоросана) с просьбой принять его в христианскую веру вместе с народом, насчитывавшем 200 тыс. человек. В XII в. члены кереитской королевской семьи продолжали носить христианские имена. Этот факт на Западе явился источником легенды о пресвитере Иоанне. За два поколения до эры Чингисхана их хан, который называл себя Маргуз (т.е. Маркус, Марк) Буйрук, по-видимому, стремился к гегемонии над восточной Гоби, как и татары и короли Цзинь Пекина. Но, побежденный

татарами, он был доставлен ими в руки Цзинь, и приколотен гвоздями к деревянному ослу [5, с. 204].

Одним из самых крупных этнополитических образований в Западной Сибири было объединение тюркоязычных племен на территории Среднего Иртыша, Тобола, Ишима и Туры, в котором главенствующую роль играли керейты. Это отмечает и один из исследователей родоплеменного состава казахов Среднего жуза М.С. Муканов: «В начале XIII в. керей бежали в степи Северного Казахстана под ударами Чингисхана ..., жестокость монголов вызвала бегство некоторой части кереев со старых кочевий. Многочисленные роды кереев двинулись вниз по Иртышу, от его истоков вплоть до реки Оми, оседая в различных местах долины Иртыша, а также на запад, вплоть до кочевий племени аргын и кипчак...» [11].

В начале XIII в. часть кереев (т.е. кереев) родов Аксары и Күрсары, преследуемая войсками Чингизхана, отошла в северные степи и остановилась в низовьях реки Ишим. Во главе ишимских кереев находился Тайбуга, сын керейского Ван-хана. С именем Тайбуги сибирские летописи связывают постройку древнего города на реке Туре-Тюмени. В XVI в. ишимские керей (Тайбугинские, Сибирские) входили в состав Сибирского ханства, а после распада ханства часть их присоединилась к барабинцам и башкирам, но основная масса, вошедшая в состав казахской народности, осталась в Северном Казахстане [2]. О том, что предки казахских родов керей и уак начали заселять юг Западной Сибири еще в начале XIII в., свидетельствуют и некоторые памятники устного народного творчества казахов Омской области [6].

По одной из версий «Алтан Тобчи», в состав древнеиранского союза, видимо, входили и керейты (в тексте – *«керед-гуд»*). По данным Рашид-ад-дина, керейты имели в своем составе следующие племена: керейт, джиркин, конкаит (тунгкаит, донгхаит), сакаит (сахайт), тумат, албат (элиат, альмат). Таким образом, керейтский племенной союз включал в себя шесть племен, из которых лишь одно сохраняло собственно имя *«кереит»*, и оно же дало название всему союзу. К ним следует добавить и род хиркун, причисляемый в монгольских летописях к керейтскому племени. Следовательно, керейты еще в «домонгольский» период имели смешанный разнородный состав, в котором собственно керейты играли доминирующую роль, определив этнический облик керейтского союза в целом.

По сведениям «Сокровенного сказания» и «Сборника летописей» Рашид-ад-дина видно, что остатки кереев, меркитов и найманов приняли активное участие в формировании гвардейского корпуса тургаут-кешиктен. Наименования керейтских племен по списку Рашид-ад-дина, видимо, можно сопоставить с уже известными нам племенами предмонгольского времени. Так, племя тумат из Керейтского ханства напоминает племя тумат XII в. и хори-тумат из «Сокровенного сказания», обитавшее в Восьмирье (Сегиз-мурен), откуда они, по нашему мнению, были оттеснены пришлыми дербен-ойратами. Название племени сакаит, сахайт созвучно тюркскому этнониму *«саха»* или *«сахалар»*. Среди донских калмыков в станице (аймаке) Зюнгарской имелся *ясун сохад*. Термин *«албат»* или *«альмат»* весьма напоминает этноним калмыцкий *«альмат»* и казахский *«албан»*.

Керейты становятся нам известными в начале XII в., хотя, возможно, они уже задолго перед тем занимали покинутую уйгурами центральную часть Халхи.

Первый их государь, попавший на страницы истории, носил имя Мэргуз Буюрукхана. Он был схвачен татарами, выдан цзиньцам и замучен последними [15].

Считается, что торгоуты и хошауты образовались из воинских частей Чингисхана – охраны, гвардии, отборных частей, которые были сформированы из кереев после разгрома Керейтского ханства Тогрула. Здесь один в один имеет место обычная история происхождения народа из войска или из обособленной группы.

Кераиты были частью истреблены, частью распределены между сподвижниками Чингиз-хана – мера, которая должна была бы повести к гибели племени, если бы некоторой его части не удалось спастись бегством; впоследствии эти остатки племени приняли даже участие в коалиции 1204 г. против Чингиса[5, с. 105].

Имеются роды керейт и среди кундровских татар и алтайцев, а также кость хирейд у урянхайцев; с другой стороны, однако, среди бурят имеется род убуркирей, который перекочевал из Халхи в Забайкалье в начале XVIII в. [15].

Этнонимы керейт, меркит, найман широко распространены в составе ойратов, калмыков-торгоутов и монголов Ордоса. Обобщая сказанное выше, можно предположить следующий состав Керейтского племенного союза домонгольской эпохи: монгольские элементы – керейт, хиркун (?), альмад или албат, дунгхоит; тюрко-уйгурские – джиркин (?), сакаит, самодийские – тумат (потомки дубо).

Таким образом, керейты появляются в истории Центральной Азии в татарский период – в X в. Они выделяются вместе с найманами из состава племен цзубу-татар. Керейты активно участвовали в происхождении торгоутов – предков калмыков и кереев, вошедших в состав крымских татар, ногайцев и казахов, узбеков и башкир. Керейты также обнаруживаются в истории Сибирского ханства и в этническом составе хакасов – енисейских кыргызов.

Источники и литература:

1. Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
2. Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения. А.Х. Алма-Ата: Наука, 1986. 420 с.
3. Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1960. 224 с.
4. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926. 523 с.
5. Груссе Рене. Империя степей. История Центральной Азии. Перевод с французского Вилла Мирзаянова // [Электронный ресурс]. Za Nezavisimost Tatar. AZAT TATARSTAN SVOBODNIJ TATARSTAN. URL: <http://www.mirzayanov.com/1048108410871077108810801103108910901077108710771081.html> (дата обращения: 15.08.2016).
6. Кабульдинов З.Е. Фольклор казахов Западной Сибири как исторический источник // Исторический ежегодник. Омск, 2001. С. 158-163.
7. Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. Алма-Ата: Гылым, 1990. 158 с.
8. Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975. С. 170-178.

9. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Изд. фирма «Вост. литер» РАН, 1997. 320 с.
10. Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль Тегина. СПб., 1899. 144 с.
11. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего Жуза. Алма-Ата, 1974. 200 с.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. I. М.-Л.: Наука, 1952. 221 с.
13. Сайшиял. Сказание о Чингисхане. Перевод со старомонгольского Норпола Очирова. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2006. 576 с.
14. Угдыжеков С.А. Социальная структура раннесредневековых кыргызов. Абакан: Изд-во Хакасского госуд. ун-та имени Н.Ф. Катанова, 2003. 168 с.
15. Хартог Лео. Чингисхан. Завоеватель мира. М.: Олимп: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. 285 с.
16. Юрченко А.Г. Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.
17. Paul Ratchnevsky «Genghis Khan - His Life and Legacy», translated and edited by Thomas Nivison Haining, Blackwell, Oxford UK & Cambridge, Massachusetts, USA, 1999 (Cinggis-Khan: Sein Leben und Wirken, Franz Steiner Verlag GMBH, 1983).

УДК 7

Ж.Н. Шайгозова, М.Э. Султанова
Казахский национальный педагогический университет им. Абая,
Алматы, Казахстан

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СБЛИЖЕНИЯ КУЛЬТУР: ПУТИ И ПОИСКИ

Казахстанцы прикладывают значительные усилия для сохранения своего главного достояния – мира, межнационального и межконфессионального согласия, основанного на идее мира, достижимой через сближение культур. Думается, что эти ценности, их созидающий конструкт, обогащаясь новыми смыслами, находят достойное отражение в искусстве Казахстана XXI в. Раскрыты и охарактеризованы пути и поиски современного искусства Казахстана в контексте сближения культур. Осознавая всю масштабность современного искусства Казахстана, поле исследования ограничено последними десятью годами (2006-2016 гг.).

Ключевые слова: современное искусство, Казахстан, сближение культур, идея мира.

Zh.N. Shajgozova, M.E. Sultanova
Abay Kazakh National Pedagogical University,
Almaty, Kazakhstan

THE MODERN ART OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF RAPPROCHEMENT OF CULTURES: WAYS AND SEARCHES

Kazakhstan citizens make considerable efforts for preserving their main property – peace, the interethnic and interfaith concord based on the idea of peace achievable through the

rapprochement of cultures. It is thought, its values and creating construct, being enriched with new meanings, find worthy reflection in the art of Kazakhstan of the 21st century.

Authors intend to reveal and characterize ways and searches of the modern art of Kazakhstan in the context of rapprochement of cultures. Realizing the vast scale of searches in the modern art of Kazakhstan, we set limits of our research field within the last decade, the 2006-2016.

Keywords: modern art, Kazakhstan, rapprochement of cultures, idea of peace.

Современное искусство Казахстана настолько разнообразно, разнопланово и противоречиво, что порой трудно отследить какую-то его главную тенденцию. Сейчас оно узнаваемо и признаваемо не только в ареале арт-рынка ближнего зарубежья, но и далеко за его пределами, благодаря усилиям как самих художников, арт-кураторов, так и всеобщего повышения уровня эстетики современной жизни. Расширение и укрепление порой чересчур динамичных связей в мировом пространстве, несомненно, влияет на создание широкого разнообразия альтернативных ценностей в культурном поле, в поле искусства.

На наш взгляд, в этой ситуации новое поколение вообще, и новое поколение творческой когорты Казахстана в частности, сталкивается с необходимостью морального обновления современных цивилизационных синтезов, что требует высвобождения духовной энергии, активизации творческих возможностей, и поиска новых смыслов культурных ценностей, обусловленных не только традициями, но и потребностями времени, и условиями, в которых развивается культура. Ярким подтверждением тому является современное искусство Казахстана, ведь творческие люди уже давно ведут активный поиск взаимообогащения креативного потенциала друг друга в мировом культурном пространстве, поиск катализатора дальнейшего развития искусства и своего рода фундаментальной основы «программной» самоидентификации культурных процессов, происходящих в современной реальности. Художник есть человек, который пропускает современную ситуацию в обществе через себя и создает некий художественный образ современности. Ведь не зря говорят: художник диагностирует настоящее и прогнозирует будущее.

Такой образ, соединивший несоединимые половины: Запад и Восток, черное и белое, разрушение и созидание, статичность и движение, прагматичность и созерцательность, прошлое и настоящее – мы видим в творчестве нашего современника, известного казахстанского художника Владимира Гвоздева, чей творческий псевдоним «Шеге» в переводе с казахского означает «гвоздь».

Псевдоним художника метафорично говорит о гвозде как соединяющем начале, о синтезе двух начал в его творчестве: западного и восточного. При этом символическое назначение Гвоздя (Шеге) может нести и функцию обязанности надзора и обеспечения защиты, что в переносном смысле означает укрепление духа в эпоху универсальной культуры в недрах хрупкого мира традиционной культуры. Его оружием для защиты Гармонии и Мира стал язык древней тюркской орнаментики.

В этом отношении примечательна картина Шеге «Поле тюльпанов» (2009). Думается, прообразом картины стала весенняя степь, в начале мая практически полностью до горизонта покрываемая желтыми, красными, фиолетовыми и белыми тюльпанами Шренка. Так, все поле картины художника усыпано раскрывающимися тюльпанами, расположенными вертикально и горизонтально

вокруг Мирового Дерева – древнейшего символа евразийской культуры, олицетворяя собой особый гармоничный мир степи, простое человеческое счастье – жить в мире и согласии. В целом, мотив Мирового Дерева присутствует во многих работах художника - «Птицы на дереве» (2009) и «Аура дерева» (2010). На первой картине на дереве, четко централизованном по композиции, сидят шесть разноцветных птиц – символов и посланников Неба. Само число шесть есть число, характеризующее чувство привязанности к Дому, Семье, умение жить в Гармонии. Возможно, поэтому наиболее распространенная казахская юрта – шестиканатная.

На желтом фоне степи и белых облаков второй картины художника мы видим организованный в виде треугольника Космос – символ Мировой Горы, или Тумара, архаичных оберегов в степной культуре, туда же вписано сакральное Мировое Древо с богатой кроной и могучим стволом. Сам по себе треугольник – это распространенная, классическая, форма, связывающаяся с идеей созидательной божественной силы, с активным мужским началом и потенцией.

Работы Шеге очень похожи на традиционные казахские ковры-алаша и красочные лоскутные одеяла – *курак көрпе*, которые тоже являются земными, вещными аналогами мировой гармонии. Здесь цветовые контрасты и различные геометрические фигуры творят древний евразийский космогонический миф. Вообще, цвет *ала/пестрый* в тюркской среде был наиболее почитаемым после белого, говоря нам о своем высоком семантическом статусе. Это такие работы художника как «Три рыбака» (2014), «Колесо-солнце» (2009) и многие другие.

В целом, у казахов до сих пор сохранились представления о традиционном искусстве *курак көрпе* как образе Вселенной, космосе в миниатюре, проекции звездного неба. Некогда казахские мастерицы, сшивая разноцветные лоскутки, воплощали в материале сакральную связь с Богом Тенгри, который из разных объектов: солнца, луны, радуги, облаков, дождя на заре жизни соткал полотно жизни. Так и Шеге на своих картинах воссоздает из разных геометрических фигур, цвета и символов идеализированный мир, мир прекрасной евразийской культуры. А алаша – это музыка степей, вернее, ее ноты, которые соединяясь, создают Целостность и Гармонию.

Мотив лоскутного одеяла прекрасно обыгран в композиции «Әжемнің таңы» (2008) другого казахстанского художника Дужана Магзумова, где оно находится в руках у пожилой женщины. Работа посвящена обыденному и при этом глубоко сакральному процессу - подготовке утренней трапезы *Әже*. На фоне мощного дерева – земного воплощения Мирового Древа-Байтерека, белой кобылицы и *күбі* (посуды для взбивания кумыса) *Әже*, согнувшись топит *самаурын*. Яркие тканевые лоскутки в едином полотне *көрпе* означают Акт Творения Мира, где каждый раз Великим Тенгри создается солнце, луна, радуга, дождь, облака, цветы и все вокруг. Так и *Әже* начинает свой день с акта творения. Она каждое утро осуществляет обыкновенное волшебство, соединяя лоскутки сиюминутных событий в жизненное полотно. Тем *Әже* хранит жизнь и быт родного *Көкше*, а вместе с ним и Вселенную казахской культуры в целом.

Практически все пространство картины на фоне сиреневого неба и оранжевого солнца занимает *курак көрпе* у Мейржана Нургожина в одноименной работе (2015), которое по сюжету висит на заборе. На нем восседает мальчик, играющий на *сыбызгы* (тростниковая флейта) – музыкальном инструменте пастухов, с помощью которого они управляли стадом, вели его с одного места

выпаса на другое. При этом игра на *сыбызгы* восходит к культуре священных тотемных животных и магическим функциям музыки. Так, в картине через *сыбызгы* и мальчика, играющего на нем, которого мы рассматриваем как Вечно молодого Тенгри, через прекрасную магическую музыку и образ *курак көрпе* визуальными средствами передается голос великой степи, ее чарующая мелодия и вечная гармония.

Поэтичное изображение казахского обряда «*Жеты шелпек*» (Семь лепешек) мы видим в одноименной работе замечательного казахстанского художника Досбола Касымова. Интересен ракурс работы: вид сверху, словно ангелы – *аруахи*, духи наших предков наблюдают и охраняют маленькую девочку, которая заснула у стола с лепешками, кусочками рафинада, баурсаками, конфетами и яблоками. Композиция выполнена в реалистичной манере, большую часть холста занимает традиционный круглый стол казахов. Сам обряд «*Жеты шелпек*» восходит к доисламскому периоду казахов, символизируя собой семь слоев неба или семь небес и предназначен для умиловления Духов-предков. Представление о том, что духи питаются запахами от этих жаренных лепешек, живет в сознании казахов до сих пор, являя собой синтез прошлого и настоящего Казахстана. В работах Досбола Касымова умело и специфично смыкается европейская традиция и национальный колорит.

В когорту топовых художников Казахстана, на наш взгляд входит и Нурлан Килибаев – один из самобытных художников современности, которого искусствоведы поэтично называют «казахстанским Климтом». Творчество Н. Килибаева, как и художественный язык Густава Климта, наполнено символикой и многомерными образами, необычными декоративными эффектами и постоянным стремлением к экспериментам, синтезу изобразительных техник, как традиционных, так и суперсовременных.

В одних работах Н. Килибаева традиционный казахский орнамент как бы стремится объять фигуры главных героев, в других «работает» в качестве «связующего» элемента всей композиции. Образный язык художника опирается на многие художественные традиции: особенности казахского ювелирного искусства и традиционного орнамента, академической школы реалистического изображения, яркого модерна, символизма, искусства фотографии и импрессионизма. Пожалуй, одной из вдохновляющих тем для художника выступает Девушка, Женщина, Мать. Степная традиция издавна возносит земную Женщину на престол Богини Умай. Так, на полотнах Н. Килибаева прекрасные степные женщины буквально «одеты» в традиционные степные и восточные украшения. Его работы «Казына» (2008), «Калындык» (2008), «Диуана (Колдунья)» (2009) и многие другие языком орнамента и украшений развертывают повествование о душе и мечтаньях их владельцев.

Каждое украшение – знак статуса, назначения, символ избранности его хозяйки, подчеркивающий ее специфичный статус на каждом возрастном этапе. Художник мастерски обыгрывает замысловатые орнаментальные формы древних евразийских культур, скифо-сакской и традиционной казахской. При этом натуралистическая трактовка образов степных красавиц, тщательная передача деталей фигуры, одежды, частей тела акцентируют внимание на материальном мире как мире одухотворенном Тенгри. Мастер передает это через цвет, свет и особое композиционное решение. Если одна его героиня художника словно утопает в лунном свете, то другая сама светится как палящее степное солнце, сочетая в себе солнечную и лунную энергию в женском образе.

Еще одной важной характеристикой творчества художника является умелое использование симметрии: его полотна сознательно симметрично komponуются, что придает им особую устойчивость, монолитность и целостность. Каждая из этих характеристик словно сама собой устойчивость, монолитность и целостность степной, казахской культуры. На наш взгляд, увлечение прикладным искусством, и, в частности, казахским орнаментом способствовало формированию оригинального стиля картин Нурлана Килибаева, стиля евразийского по духу и манере исполнения, благодаря которому их невозможно перепутать с произведениями других художников – поклонников Г. Климта.

Для нас живопись Н. Килибаева – это креативный мультикультурный микс, основанный на ценностях Идеала, Целостности и Гармонии. Этот синтез позволил художнику обогатить современное изобразительное искусство Казахстана не только содержательно, но и технически, привлекая выразительность европейской изобразительной традиции.

Поражают своим оригинальным решением и композицией картины Нелли Витальевны Бубэ, которые имеют своеобразные формы: овальные, круглые, квадратные, ромбические. В них все зависит от сюжета. Часто бывает так, что сюжетная линия картин разделена на несколько основных частей. Это серии огромных диптихов, триптихов, полиптихов, а также широкие панорамы, что, безусловно, напоминает зрителю творчество Иеронима Босха. Но, в отличие от него, картины Н. Бубэ полны умиротворения и гармонии, что подчеркивают нежные и гармоничные тона фона полотен.

Известный в Казахстане культуролог Г.К. Шалабаева отмечает, что в творчестве Н. Бубэ: «...прослеживается особенное влияние тюркского и скифского искусства. Работы художницы чаще всего имеют формы восточной архитектуры, придавая тем самым сакральность и важность ее основной идеи, которая воспеваает древнюю культуру, ее жизнь и философию, монументальные картины в полной мере отображают атмосферу древнего Востока, все его основные элементы такие как: петроглифы, руны, тамга, казахские узоры, восточная архитектура» [4, с. 130].

Особой отличительной особенностью ее картин является колорит, вернее, ее «фирменный» цвет – золотисто-коричневый, в котором мы усматриваем не только эффектность, но и особую символичность. Золото любили и почитали степные народы, а коричневый (*қоныр*) – казахи, считая его сакральным.

«*Қоныр*» в казахской культуре – понятие многозначное. Считается, что коричневый пробуждает дух, символизирует казахскую землю, цвет и мелодии музыкальных инструментов, чарующий голос и т.д. Например, у казахов существуют выражения: «*қоңыр дауыс*» (чарующий голос), «*домбыраның қоңыр үні*» (прекрасный звук домбры); «*қоңыр қаз*» (летающий в небе лебедь), «*қоңыр дала*» (бесконечная степь) и многое другое. Также понятие «*қоныр*» может характеризовать эмоциональное состояние человека: «*қоңыр қалыптағы күй*» (спокойствие, в переносном смысле гармоничное спокойствие). Но, в творчестве художницы скорее всего золотисто-коричневый, соединяясь, символизирует Золотую Древность, древность хранящую кладезь степной мудрости.

Выставки Н. Бубэ последних лет носят такие же символические названия, как и сами работы: «Женщины-кочевницы», «Материнство», «Наурыз», «Номады и культура», «Праздник, который всегда со мной», «Казахские арабески». Они всегда удивляют зрителей и открывают новые грани ее творчества, в котором

прослеживается единая сквозная тема, тема Мира, Согласия и Гармонии, а художница словно говорит нам: «Я хочу объединить народы Евразии на просторах искусства».

Поиск синтеза нового изобразительного языка и техники мы наблюдаем в серии «Казахская хроника» Сауле Сулейменовой, развиваемой художницей с 2005 г. Серия основана на архивных фотографиях и выполнена в технике граттографии. Ее многочисленные работы «Кокпар» (2008), «Найман» (2008), «Аргыны» (2008), «Бабушка» (2008), «Дамир» (2009), «Три невесты» (2009), «Апалар» (2009), «Невеста» (2009) и многие другие, есть результат погружения в архивные снимки, которые показывают казахов такими, какими они действительно были еще век назад. Зыбкие, полупрозрачные фигуры из архивных фотографий, словно духи-предков *Аруахи*, ведут нас в новой реальности, ненавязчиво напоминая нам о том, чтобы мы не забывали, кто мы и откуда.

Ее герои – обладатели грубых, рабочих ладоней и обветренных лиц, но они чрезвычайно красивы и зрелы духовно, они сильные, гордые и справедливые люди, любящие свою землю. «Казахская хроника» ознаменовала момент взросления художницы, именно с нее начинается поиск ответа на вопрос: что такое Казахстан и какова его национальная идея?

В этой художественной серии работ часто встречается образ невесты, под которым автор картины подразумевает столкновение времен: это и бабушка, и мать, и дочь в одном лице. Сейчас в современном мире, где происходит девальвация настоящих ценностей, такая простая интерпретация Невесты в реальной исторической трактовке (в противовес современным невестам, будто сошедшим с конвейера), невесты как воплощения природного и родового начала, воплощает в себе национальный идеал Невесты, чистый и непосредственный, без шаблонов современного мира.

Творчество Сауле Сулейменовой можно рассматривать как синтез самых смелых экспериментов с архивными фото, газетами, акрилом, винилом и живописью. Это поле ее личных экспериментов, ее личных переживаний за будущее – будущее казахов в глобальном мире. Ее искусство спорно, противоречиво, но откровенно, символично и глубоко гармонично. В нем преобладает интеллектуальное начало, сочетаясь одновременно с детской чувствительностью.

Другая, не заметная фигура в казахстанском и европейском искусстве – это Алмагуль Менлибаева. Она видеоартист, художник-постановщик кино, автор перформансов и инсталляций. Ее работы хранятся в частных коллекциях и выставлены во многих ведущих европейских галереях. Они поднимают вопросы глобализации и стремления казахстанского мира слиться с общемировыми художественными течениями. Сама художница, уже давно проживающая в Германии, определяет свой жанр как панкромантический шаманизм, «где древние традиции и мистические законы казахского искусства совмещаются с раскованными поисками трансавангардистов» [3, с. 52].

Рожденная и воспитанная на открытых степных пространствах, исключаяющих постоянную привязанность к традиции и мифу, А. Менлибаева получила возможность по-новому сочетать архаику и некий футуристический космизм, придавая древним евразийским архетипам вневременное звучание.

Такова трактовка аллегоричных образов Тенгри и Умай (2008), где тюркский Бог Тенгри представлен в образе казахского мальчика-подростка в

трико китайского производства «Adidas» с голым торсом, а на руках у него лежит ягненок. Этот простой мальчик из современного казахского аула нежно обнимает ягненка, уподобляясь Творцу. Умай – это молодая девушка в простом белом платье. Так просто и одухотворенно художница воплощает образы вечно молодых богов неба и земли: Тенгри и Умай.

Видеоработы А. Менлибаевой «Бабочки Айша Биби» и «Джихад», снятые на фоне Туркестана, мавзолеев Ходжи Ахмета Яссауи и Айша-Биби, демонстрируют пересечение культурных влияний, которым подвержен современный Казахстан. Влияние различных древних религий на мировоззрение казахов представлено зороастрийским обычаем очищения невесты огнем, который и по сей день существует в Казахстане, а также элементами тенгрианства, позднего мусульманства и отголосками влияния советской эпохи. Прекрасны работы художницы «Айша биби» (2010), «Мадонна Великих степей» (2010). Мадонна представлена в виде рогатой девушки, также с ягненком на руках. Здесь ягненок – символ кочевничества, вечно круговорота, вечно цикла рождения и смерти.

«Движение навстречу» – так называлась выставка современного казахстанского скульптора и керамиста Эдуарда Казаряна, прошедшая в 2012 г. в Женеве. Его творчество смело можно обозначить как истинно евразийское. Армянин по происхождению, он живет и работает в Казахстане, с глубоким уважением и любовью относясь к своей второй Родине. Название выставки «Движение навстречу» говорит о стремлении творчества художника поймать попутный ветер, найти точку соприкосновения двух вроде бы полярных культур: Востока и Запада, Степи и Моря.

На первый взгляд, скульптура Э. Казаряна словно не имеет веса и объема, превращаясь в сложно сплетенные бронзовые композиции и символические иероглифы. Таковы «Семья и птица» (2008), «С сыном» (2008). Бронза – один из любимых художественных материалов творца, выбор которого не случаен. Возможно, именно продолжая и развивая в своем творчестве художественную традицию древних ариев Евразии, Э. Казарян показывает, насколько генетически предопределено искусство современного Казахстана.

Его керамика, представленная, как правило, в виде кашпо, покидая свойственные глине масштабы камерности, становится природными объектами, подобно горе, дереву или животному. По мнению Э.Р. Ахметовой, идея целого в композиционном подходе Казаряна разделяется на три основные формы, в каждой своя структурная специфика и базисный концепт, содержащий разные понятия времени. Это: пирамида и близкая ей по пластической философии вертикаль, круг и также графически близкая ему спираль [1, с. 96]. Так, мастерски Э. Казарян обыгрывает вертикаль, круг, спираль – известные архетипы евразийской культуры. Ведь вертикаль – созидательная мощь восхождения или нисхождения духовной энергии, или самого духа, от Небес к третьему миру, и наоборот; круг – это весь космос в целом, окружность священна, она олицетворяет небесное единство, солярные циклы, всякое цикличное движение, динамизм и бесконечное движение; а вечный бесконечный путь-движение по спирали-кругу есть основа представлений кочевников о мире.

Рамки настоящей статьи не позволяют более подробно остановиться на творчестве современных казахстанских художников Саида Атабекова, Сергея Маслова, Ербосына Мельдибинова, Галима Маданова, Зауреш Терекбай и многих

других, которые в своем творчестве по-новому экспроприируют извечную тему Восток-Запад, тему сближения культур на просторах современного искусства Казахстана. Последние в экспликации к своему произведению «Дефрагментация истории» (2010 г.) проиллюстрировали сущность современного актуального искусства независимого Казахстана следующим образом: «...летающие в потоке времени осколки нашей культуры мы стараемся собрать воедино для того, чтобы наши потомки смогли увидеть в них свое отражение» [2, с. 135].

Права Э.Р. Ахметова, утверждая, что «при столкновении разных типов культур, а в Казахстане произошла «Встреча» противоположных по сути форм человеческой цивилизации – оседлой и кочевой, их взаимодействие может развиваться в трех направлениях: первое – ассимиляция, второе – агрессивное противостояние, третье – «взаимопроникновение, взаимообмен культурным опытом, вырабатывающие новую, сильную и яркую культурную модель. Последний путь стал наиболее приемлемым для Казахстана» [1, с. 95].

Таким образом, сложное нелинейное развитие современного искусства Казахстана, мозаика мнений, предлагаемых решений и рассуждений столь разноплановыми художниками, использующими в своем творчестве самые различные техники, их сочетание, порой несочетаемое, сопоставляемое по аналогии, то на контрастах, создают подвижную, изменчивую атмосферу казахстанского арт-пространства. При этом главными философскими категориями выступают традиционное понимание Идеала, Целостности и Гармонии. Поэтому мы смело можем заявить: сейчас, на этом этапе, мы являемся свидетелями практически феерического выхода на мировую авансцену казахстанских художников, в творчестве которых сосредоточен весь тысячелетний культурно-исторический опыт не только Казахстана, и даже Евразии, но и всего мира. Это демонстрирует нам творчество всех перечисленных нами художников современного Казахстана, чьи произведения не покидают залы популярных художественных галерей мира. Думается, Запад давно устал от массовой культуры, которая заполонила все и вся, и ему так необходим «свежий ветер» степных просторов.

Источники и литература:

1. Ахметова Э.Р. Основные направления развития скульптуры Казахстана второй половины XX века - начала XXI века: дисс.. канд. иск. СПб., 2015. 252 с.
2. Николенко Н.Н. К вопросу о философской сущности актуального искусства Казахстана//Вестник КазНУ им. Аль-фараби. 2012. №1 (38). С.135 – 139.
3. Труспекова Х.Х. Авангардные идеи XX века в живописи и актуальном искусстве Казахстана. Алматы: ИД «CREDOS», 2011. 376 с.
4. Шалабаева Г.К. Евразийство сквозь призму изобразительного искусства Казахстана. Алматы: Ою галереясы, 2010. 251 с.

З.Д. Шаймарданова

*Казахский университет международных отношений и
мировых языков им. Абылай хана,
Алматы, Казахстан*

КАЗАХСТАН В ЕВРОПЕЙСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКО-ИСТОРИКО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Казахстанской исторической науке известна американская и французская пресса XIX – первой трети XX вв. и опубликованные в них материалы на казахстанскую тематику. Предлагаемые в настоящей статье материалы по истории и этнографии Казахстана в швейцарской периодике (*Gazette de Lausanne, Journal de Genève*) впервые подвергаются научному анализу. Вводятся в научный оборот новые имена исследователей: Ж. Брошрель, Ш. Боргезе и др.

Ключевые слова: казахская степь, номадизм, швейцарские газеты, Женева, Мустафа Чокай, пантуранизм.

Z.D. Shaimardanova

*Kazakh Abylaikhan University of International
Relations and World Languages,
Almaty, Kazakhstan*

KAZAKHSTAN IN THE EUROPEAN GEOPOLITICAL HISTORICAL AND COMMUNICATIVE SPACE

The American and French newspapers of XIX - early XX century on the Kazakh themes are known to Kazakhstan historical science and published materials. Proposed in this paper materials on the history and ethnography of Kazakhstan in the Swiss periodical (*Gazette de Lausanne, Journal de Genève*) was first experience of scientific analysis. For the first time we introduce into scientific use the new names of researchers: J. Brocherel, Sh. Borgeze etc.

Keywords: Kazakh steppe, nomadism, Swiss newspaper, Mustafa Tchokai, Geneva, panturanism.

В область переосмысления казахстанской исторической науки входит комплекс вопросов истории Казахстана, изучение которых в парадигме выявления новых зарубежных источников и научного анализа «взгляда со стороны» представляет существенную составляющую изучения истории страны. Эффективность воздействия исторической науки на общественное сознание, в частности, на формирование национальной идеи и казахстанского патриотизма в целях единения народа, уменьшения протестных настроений в казахстанском обществе, формирование и укрепление системы ценностей, прежде всего духовных, без которых всякая модернизация не стоит ничего, во многом зависит от источников, в которых нашли отражение важнейшие события судьбы казахского народа.

Центральная Азия как стратегически важный и экономически выгодный регион в конце XIX – начале XX вв. являлась предметом пристального изучения зарубежных исследователей, которые планомерно готовили почву для

возможного в будущем прорыва на эту территорию, прибегая к различным методам. Не последнее место отводилось различным путешествиям по Центральной Азии с «познавательными» целями, научным экспедициям, поездкам и коммерческой деятельности зарубежных предпринимателей и купцов. Европейские газеты и журналы были основным источником информации по итогам этих экспедиций. Казахской исторической науке известна американская и французская пресса XIX – первой трети XX вв. и опубликованные в ней материалы на казахскую тематику. Предлагаемые в настоящей статье материалы по истории и этнографии Казахстана впервые подвергаются научному анализу, водятся в научный оборот новые имена исследователей.

«Женевская газета» была основана в 1826 г. и выходила ежедневно вплоть до 1998 г. Это была либеральная газета глубоко гуманного направления, выступающая за свободу прессы.

«Лозаннская газета» начала издаваться в 1798 г. и претерпела множество изменений названий: «Bulletin Officiel», «Bulletin Helvétique», «Journal Suisse», «Journal Helvétique».

В указанных изданиях было выявлено около 95 статей о Казахстане. Тематику их можно классифицировать следующим образом:

- путешествия в казахские степи и Туркестан;
- история и этнография казахской степи;
- политическая ситуация в казахской степи и Туркестане;
- строительство железной дороги;
- национальный вопрос;
- материалы о Мустафе Чокае.

Одна из статей, тему которой мы не выявили во французской периодике и других европейских газетах, это статья о восстании адайских киргизов в Оренбурге из-за отказа принимать реформы, которые, как считает издание, были составлены с учетом уважения традиций и нравов местного населения. Как пишет газета, эти реформы должны были сделать местное население цивилизованным. Но назначенная для реализации реформ комиссия подверглась преследованию со стороны местного населения [8, р. 3].

Жюль Брошрель – итальянский этнолог, фотограф, журналист и путешественник, который в 1900 г. вместе с Шипионе Боргезе, итальянским принцем, совершил путешествие на Тянь-Шань. Переводчиком при них был Маттиа Цюрбригген. Ж.Брошрель более известен как основатель этнографии Аостской долины. Во время тянь-шаньского путешествия исследователь собрал топографические данные, создал точную карту массива долины Иньльчек Северного Тянь-Шаня, ежедневно измерял температуру и атмосферное давление, составил лексический словарь киргизского языка, собрал около 1000 видов растений и зерновых [4, р. 3].

Отдельно стоит остановиться на такой фигуре, как Шипионе Луиджи Маркантонио Франческо Рудольфо Боргезе (1871-1927 гг.), итальянском принце, более известном как победитель ралли 1907 г. «Пекин-Париж». Шипионе Боргезе – потомок итальянской княжеской фамилии кардинала К. Боргезе, который был папой римским в XVII в. (1605-1621 гг.). Шипионе Боргезе располагал средствами для организации и проведения научных экспедиций. Он путешествовал со своей женой Анной Марией, тоже знатного происхождения (из рода дюков Феррар). Следует отметить, что научно-исследовательские

экспедиции, если они не финансировались государством, могли совершать только достаточно богатые исследователи. Обладая темпераментом неутомимого путешественника и независимого исследователя, Шипионе Боргезе пересек Азию от Персидского залива до Тихого океана, посетив неисследованные регионы Персии и Туркестана, на лошадях или верблюдах, иногда даже пешком. Летом 1900 г. он организовал путешествие к Небесным Горам, сделал много фотографий. И хотя подлинное авторство полученных в путешествии фотографий не установлено, фотоаппарат принадлежал Боргезе [2, p. 7]. Сам Шипионе Боргезе не публиковал свои впечатления от путешествия (в настоящее время они хранятся в архиве *Fondazione Donna Santa Borghese Principessa Hercolani*). Зато Ж. Бушрель опубликовал свои впечатления в «Женевской газете», а также в «*Bollettinodellarealesocietageograficaitaliana*», «*Emporium*», «*TheScottishgeographicalmagazine*», «*LeJournaldeGenève*».

«Наука еще не сказала своего последнего слова о разнородных племенах Центральной Азии, которых обсуждают. Только путешественники полагают, что они разрешили этот актуальный вопрос», - так начинается первая из серии статей Ж. Бушреля. «Пока еще не известна этимология слова «киргиз». С тюркского языка это означает «всадник полей». Другие считают, что смысл кроется в идиомах кочевников – 40 девушек – *KarrKeuz*» [4, p.12]. Однако исследователь считает, что необходимо обратиться к сведениям китайцев для получения точной этимологии и приводит несколько примеров из китайских источников о происхождении слова «киргиз»: *Ki-zi-li-tze- Kirzki-tze* [4, p. 12].

Описание киргизов, населяющих долины Тянь-Шаня, у Ж. Бушреля очень подробное и правильное: «Киргизы хорошо сложены и очень сильные. У них расплюснутый нос, черные глаза, выступающие скулы. Киргиз всегда одет в кожаные штаны из овечьей кожи или мутона красного или коричневого цвета. Сапоги до колен, с высоким каблуком до 10 см. и изящную шапочку, скрывающую лысую голову.

В холодное время года он одевает чапан, нечто похожее на стеганую верхнюю одежду, скрывающую его всего.

Женщины одеваются так же, как и мужчины, только одежда изящнее. Обувь изящнее, со шнуровкой и более высоким каблуком.

Что отличает их от мужчин – это головной убор цилиндрической формы, высотой 30 см., два конца его шлейфа опускаются за спину. Волосы прячут под этим головным убором. Головной убор служит одновременно карманом, в который она складывает все нужные ей предметы. Волосы заплетены в 2-3 косы, на конце которых висят украшения из меди, которые ниспадают до каблуков, да таким образом, что при малейшем движении слышно железное их позвякивание» [4, p. 8].

Как мы отметили выше, Ж. Брошрель составил небольшой словарь киргизского языка и казахского языка. Вот некоторые примеры из него (первая колонка – киргизский язык, вторая – казахский):

Kirghize – Kasak

Bougou – Naourouss

Kouldja – Kokok

Tekke – Mamer

Vachona – Maouzom [4, p.10].

Как видно из нескольких приведенных примеров, большая часть слов представляет названия месяцев. При этом Ж. Бушрель подметил одну особенность: киргиз Тянь-Шаня и казах Семипалатинска не поймут друг друга.

Несомненно, изучение наследия Ж. Брошереля должно быть продолжено.

Перейдем к характеристике следующего цикла статей. Статья доктора Ж. Жако-Гийярмо «Степи старого мира» посвящена подробному описанию казахской степи, традициям, обычаям населяющих ее жителей: «Первая характеристика степи – отсутствие древовидной растительности, в основном, растет трава.

Вторая характеристика – бесконечный растительный ковер, в зависимости от стороны света.

Третья характеристика – растительность ксерофильная, т.е. обладающая свойством сопротивления внешней температуры, особенно жаре». Чему не могут сопротивляться домашние животные: «В 1827 г. из-за песчаных бурь киргизы потеряли 1 500 верблюдов, 280 500 лошадей, 30 840 крупного рогатого скота, 1 012 000 овец» [7, р. 2].

Как и все исследователи, он выделяет нomaдизм казахов, характеризуя его как примитивную и характерную форму организации человеческой жизни в степи. Однако никто из исследователей не написал так о богатстве кочевников: «Их богатство – не земли, они только кочуют по ней, их богатство – стада с разнообразными видами скота. Король степей, фаворит кочевника – лошадь. То друг, с которым играют дети, за которым ухаживают женщины, которого хозяин никогда не бьет». Интересны заключительные слова этой большой статьи: «большой интерес к этому региону степей, таких необъятных и малоизвестных» [7, р. 2].

В январе 1942 г. в «Journal de Genève» был опубликован некролог по поводу смерти М. Чокая. Некролог никем не подписан. В нем дана краткая характеристика общественно-политической деятельности М. Чокая. Факт публикации некролога в швейцарской газете свидетельствует о популярности М. Чокая в Европе. Эта небольшая статья напоминает нам еще раз о необходимости объективной казахстанской оценки его деятельности, особенно в контексте Туркестанского легиона [9, р. 3].

Перекликается с тематикой Туркестанского легиона статья А. Гаспара «Пробуждение пантюркизма» [6, р. 1]. Автор статьи полагает, что в течение второй мировой войны доктрину пантюркизма активно использовали, с одной стороны, Оттоманская империя и австро-немецкие союзники против Антанты. А патурианизм активно пользовалась Германия как средство пропаганды по отношению к тюркам Российской Азии и Анатолии. Использование этой политики стало одним из инструментов формирования Туркестанского легиона. Кроме того, политика пантюркизма была нацелена против укрепления власти большевиков в Центральной Азии. Мы можем спроецировать подобные технологии применительно к нашему времени.

Известный французский путешественник Гийом Капю, стоявший во главе французской научной миссии в Центральной Азии по поручению своего правительства в конце XIX в. в книге «Крыша мира» написал такие слова: «Крик моей души: «Путешественники Европы и рабы цивилизации, вы не знаете шарма юрты, ни мелодии до-мажор чайника, ни казана для плова, ни завываний бури и всей поэзии кочевой жизни, яркие воспоминания о которых оставляют у меня

всегда сожаление о прошлом, которое никогда не сможет быть будущим» [5, p. 96]. Эти глубоко проникновенные слова французского исследователя передают дух не только казаха-номада, но и дух современной казахской души и казахской степи: «Все номады, живущие под большим небом, в высшей степени божественные существа, свободные в своей свободе, дети равнин, где ни взгляд, ни движение, ни мысль не встречают препятствий. Легкий ветер качает волнами серебристую траву степи (ковыль – *З.Ш.*) и камыши Балхаша, ветер поднимает столбики пыли, зимой степь покрывается легкой корочкой льда. Таковы киргизы, скачущие рысью в степи под мелодии их инструментов, таковы были гунны и всадники Чингиз хана, надвигающиеся как буря на народы Запада» [5, p. 130].

Зарубежный опыт исследователей казахской степи и опубликованные ими книги, статьи, дневники и т.д. представляют важный инструмент изучения истории Казахстана, патриотического воспитания и формирования казахстанского патриотизма. В условиях усиливающегося терроризма, особенно со стороны исламского фундаментализма, Иван Бло, бывший главный инспектор Министерства внутренних дел Франции, являющийся советником Никола Саркози по политическим вопросам и проблемам безопасности, считает, что в первую очередь для успешной борьбы с исламской угрозой необходимо «восстановить патриотическое воспитание и изучение французской истории для всех без исключения граждан начиная со школьной скамьи» [1]. До конца XX в. история играла важную роль во французском обществе. Никто не предполагал, что может произойти такой цивилизационный слом, как массовая миграция народов Ближнего Востока и Северной Африки в Европу. Для восстановления патриотического воспитания и изучения французской истории требуется разработка определенной программы, утвержденной и финансируемой государством, т.е. государственной программы. Это то, что в период СССР западные исследователи подвергали критике – наличие планов разного рода (в политике и экономике), к тому же контролируемые государством в лице Компартии. Однако современные события сегодня свидетельствуют о необходимости принятия на государственном уровне в любой стране комплекса мероприятий не только по борьбе с исламским терроризмом, но и на уровне экономического развития.

В новом пространственно-временном континууме реконструкция истории, этнографии и культуры казахского народа находит отражение в швейцарских газетах. Они представляли социокультурные характеристики и особенности развития казахов-кочевников, за которыми скрывался геостратегический интерес европейцев к Центрально-Азиатскому региону и необъятным казахским степям с полезными ископаемыми. Материалы о казахах-кочевниках, их образе жизни, традициях и обычаях становились коммуникативным инструментом информирования европейцев о казахской степи, бывшей колониальной окраине, которая в наши дни стала местом проведения международной выставки «Экспо-2017».

Источники и литература:

1. «Нельзя разделять проблемы миграции и терроризма»// [Электронный ресурс]. Lenta.Ru. 29 июля 2016 г. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/07/29/blotinterview/> (дата обращения: 20/09/2016).
2. Borghese Sc. De Pékin à Paris: la moitié du monde vue d'une automobile en 60 jours, relations du voyage par son compagnon de route Louis Barzini. Paris: Hachette, 1908. 128 p.
3. Brocherel J. // Journal de Genève. 1901. Sep 2. P. 1.
4. Brocherel J. En Asie Centrale. Les kirghizes. Les monts célestes. Paris: E. Mazo (Bibliothèque spécial de la protection. Conférence pour protections. №113), 1902. 26 p.
5. Capus G. Le toit du monde (Pamir). Paris: Hachette, 1890. 312 p.
6. Gaspard A. Reveil du panturkisme // Gazette de Lausanne. 1944. Août 8.P.1.
7. Jacot-Guillarmod J., Dr. Steppes de l'ancien monde // Gazette de Lausanne. 1912. Fév 25. P.2
8. Russie // Gazette de Lausanne. 1869. Mai 5. P.3.
9. Tchokai Oghly Moustafa // Journal de Genève. 1942. Jan 16. P. 3.

УДК 94(=512.122)(571.15)

Г.И. Шаймерден

*Костанайский государственный педагогический институт,
Костанай, Казахстан*

МАТРИЦА ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Данная статья посвящена вопросам национальной и религиозной идентичности казахского народа. В статье анализируются некоторые проблемы идентичности казахской нации. Автор выделяет несколько этапов становления казахского этнического и религиозного кода.

Ключевые слова: идентичность, нация, этнос, религия, ислам, диаспора, ирредента.

G.I. Shajmerden

*Kostanay State Pedagogical Institute,
Kostanay, Kazakhstan*

IDENTITY MATRIX: FORMULATION OF THE PROBLEM

This article deals with the issues of national and religious identity of the Kazakh people. The article analyzes some of the problems of identity of the Kazakh nation. The authors identified several stages of formation of the Kazakh ethnic and religious code.

Keywords: identity, nationality, ethnicity, religion, islam, diaspora, irredenta.

Проблема национальной идентичности для казахской нации и казахской ирреденты в настоящее время является особенно острой. Как отмечает Н.А. Назарбаев, «для казахских гуманитариев нет сегодня задачи более актуальной, нежели проложить дорогу в колоссальном поле взаимодействия национальной идентичности и динамичных императивов времени. Для достижения новых рубежей общественного сознания, адекватного вызовам современности, необходимо его изменение. Для начала радикального обновления нам надо обновить все наше мышление – понятия, категории, теории, схемы, концепты мышления и термины, обозначающие факты и явления нового мира» [1, с. 13]. То есть, залогом успешной модернизации должна стать модернизация сознания.

Сложность проблемы не освобождает от обязанности стремиться к продуктивной научной рефлексии, хотя бы в плане постановки и обсуждения возможных гипотез и версий. В этой связи, попытка наметить некоторые контуры теоретической системы координат, позволяющей рассмотреть разнообразие интерпретаций казахской идентичности в проекции геокультурных парадигм, может оказаться вполне оправданной. Тем более, что существует настоятельная необходимость оценить их на соответствие интересам страны.

Человек с древнейших времен искал ответы на вопросы о смысле своего существования, о себе и своем месте в мире. Его идентичность на протяжении веков в значительной мере определялась его этнической и религиозной составляющей. Религиозная и этническая идентичность были и остаются в настоящее время одними из основополагающих видов идентичности. Особенно в реалиях современного мирового общества, поглощенного такими процессами, как глобализация, индивидуализация, либерализация и т.д. [2, с. 4].

Как справедливо считает М. Шайкемелев, глобальные политические и идеологические изменения, произошедшие в мире за последние четверть века, трансформировали пространство мировой политики из биполярного в многополюсное, полицивилизационное. Геополитические процессы выводят на мировую арену новых глобальных игроков – региональные союзы, военно-политические блоки и транснациональные корпорации (ТНК) [3, с. 4]. Вместе с тем, в современной науке уже давно констатируется тот факт, что чем более мир превращается в единое целое, тем более множатся различия и в первую очередь этнического и конфессионального свойства. Как пишет С. Хантингтон, «в мире после холодной войны наиболее важными между людьми стали уже не идеологические, политические или экономические различия, а культурные. Народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос: кто мы есть. И они отвечают традиционным образом – обратившись к понятиям, имеющим для них наибольшую важность. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности, обычаи и общественные институты. Они идентифицируют себя с культурными группами: племенами, этническими группами, религиозными общинами, нациями и – на самом широком уровне – цивилизациями. Не определившись со своей идентичностью, люди не могут использовать политику для преследования собственных интересов. Мы узнаем, кем являемся, только после того, как нам становится известно, кем мы не являемся, и только затем мы узнаем, против кого мы» [4, с. 15].

В настоящее время процесс национальной идентичности казахской нации испытывает воздействие ряда объективных факторов. На протяжении

исторического времени казахский архетип подвергся нескольким различным трансформациям. Следует выделить несколько этапов формирования казахского цивилизационного кода.

Этап тюрко-мусульманский.

Органичное вхождение и развитие в составе степного суперэтноса и монгольской империи впоследствии было нарушено принятием ислама, являющимся порождением городской, земледельческой арабской культуры. Тюркский архетип стал впитывать в себя иные паттерны, т.е., виды мышления и действия, которые формируют национальный характер или стереотип поведения. У казахов и у других представителей тюркского мира достаточно специфическое отношение к исламу. Номады стали хорошими ретрансляторами ислама, но сами кочевники подлинными мусульманами, в арабском духе, не стали. Объясняется это тем, что в степи не мог распространиться ортодоксальный ислам шиитского направления, поскольку отсутствовала развитая городская структура. Именно по этой причине в евразийских степях получил распространение суннизм ханафитского толка, догматы которого не так строги и допускают сосуществование теософии ислама с тенгрианством, шариата и адата одновременно. Казахам всегда были чужды политизация ислама, противостояние светской власти и духовенства, а также ценности теократического общества. Казахи не захотели или не смогли заимствовать ислам в полной мере, потому что это было обусловлено кочевым образом жизни. В земледельческих оазисах, к примеру в Узбекистане, ислам более строг и радикален. Степень религиозности всегда была наибольшей у оседлых народов и наименьшей у кочевников. Поэтому очевидно, что два государства Центральной Азии – Узбекистан и Таджикистан – испытывают сегодня серьезные трудности в связи с политизацией населения на конфессиональной основе. Помимо этого, тюрки-номады в своей боевой мощи не уступали арабам, поэтому наши предки приняли ислам добровольно. Как отмечают многие исследователи, феномен принятия ислама объясняется внутренним архетипичным выбором номадов. Догматика ислама, требующая от человека активного образа жизни, не вошла в противоречие с менталитетом кочевников. Поэтому, «нет ничего удивительного в том, что кочевники-воины приняли веру не в мирного проповедника, безропотно давшего себя распять, даже желавшего этой казни ради спасения человечества и искупления его грехов, а в лихого наездника и воина, саблей насаждавшего свою веру. Пророк-победитель оказался более симпатичен, чем покорный высшей воле бог-неудачник» [5, с. 155]. Это был мировоззренческий выбор, в результате которого в казахском религиозном сознании каноны ислама переплелись с тенгрианскими взглядами.

В этом заключается специфика цивилизационного развития казахского этноса. Ислам стал частью нового синтезированного архетипа казахов. Как отмечают некоторые исследователи, в своем историческом прошлом мы не стали ни буддистами, ни христианами, ни иудаистами, ни мусульманами, потому что наше пространство – это срединное пространство между цивилизациями и культурами. В этом наша специфика, в этом наша особенность, в этом наше, если хотите преимущество. Наше богатство заключается именно в том, что мы испытали на себе влияние всех культур и всех цивилизаций [6, с. 122].

Этап русификации.

Дальнейший процесс этнополитогенеза казахов подвергся влиянию другого, так называемого европейского, точнее российского пассионарного

толчка XIII-XIV вв., который характеризуется возвышением Московского государства и началом российской экспансии на восток, в Сибирь и в Евразийскую Степь. Казахский цивилизационный код подвергся новой трансформации. Архетип и стереотип поведения казахского этноса стали впитывать в себя элементы европейского сознания.

Последовавший после присоединения Казахстана к России процесс колониальной политики, который объективно, с одной стороны, способствовал развитию на окраине буржуазных общественных отношений, с другой, проводимый царизмом курс русификации оказывал негативное влияние на процесс внутренней консолидации казахов как этноса.

Советский период характеризуется дальнейшим усилением и углублением процесса русификации, обусловленными проводимой национальной политикой, подъемом целинных земель, массовым переселением европейского населения России на территорию Казахстана, привел к сложению политэтнического состава страны и, в тоже время, мало сказался на ускорении развития нации и национального самосознания собственно казахского народа.

Самосознание казахского народа приобрело такие черты, которые в природно-историческом смысле ей не свойственны. Главное, пожалуй, состоит в том, что под влиянием русификации, достигшей апогея в советское время, этническое сознание казахов раскололось, оно стало двойственным. Определенная часть казахов, в основном сельская, сохранила традиционные казахские ценности, что побудило некоторых современных исследователей, в частности Ж. Жакупова, классифицировать их как - «нағыз қазақ». Казахи с русифицированным сознанием, составляющие почти половину казахского населения, преимущественно – городское население, стали называться «шала қазақ» [7, с. 10-11]. Шала казахи стали составлять субэтнос в рамках казахского этноса. Это утверждение Ж. Жакупова относится к этническому ядру, но в той же мере оно справедливо и для ирреденты.

Феномен данной этнической подгруппы известен давно. Так, Ж. Артыкбаев, ссылаясь на источники, отмечает появление этой довольно многочисленной группы в казахском этносе в начале XIX в. Ее появление стало результатом смешанных браков. Эти метисы, не чистокровные казахи, которые, как свидетельствуют источники, занимались торговлей, ремеслами, скотоводством и обучением детей грамоте [8, с. 61-62].

На современном этапе казахская идентичность состоит из трех оснований: тюркская, мусульманская и европейская. Советский период, который характеризовался навязыванием казахскому этносу «советской идентичности», подавлением этнонациональных духовных запросов, закончился забвением родного языка и традиционных ценностей. После крушения советской империи начался период идеологического вакуума, который стал заполняться чуждыми для казахской нации ценностями и идеями. Как правильно отмечает М. Шайкемелев, казахская идентичность как самосознание открытой, синкретичной и толерантной культуры, обладающей древними цивилизационными основаниями, находится в стадии определения, становления и преодоления внутренней неопределенности. Это отражается и в состоянии неопределенности в выборе стратегии и сценариев мировоззренческой и идеологической ориентации, определяющих долгосрочные планы модернизации страны [3, с. 6]. К этому следует добавить отсутствие национальной идеи и полиэтничный состав населения, который осложняет задачу формирования единой казахстанской гражданской, точнее политической нации.

Очевидно, что казахская идентичность должна развиваться в русле тюрко-мусульманской ориентации, не отрицая европейские идеи либерализма и рыночной экономики. Современный мир, и Казахстан не исключение, ориентируется на западные ценности. Не только в плане уровня жизни и материальных благ, но и в смысле демократических ценностей. Только такой путь позволяет развиваться стране. Без западной модернизации страна обречена влачить роль сырьевого придатка супердержав.

С другой стороны в настоящее время мы наблюдаем реакцию казахского этноса на западный модерн и сопровождающую его вестернизацию, в виде растущей исламизации населения, особенно молодежи на юге и западе страны. По мнению С. Хантингтона, это закономерный процесс. Наступает эпоха религиозного ренессанса. Поэтому основными тенденциями в эволюции современного и будущего миропорядка будут модерн, контрмодерн и постмодерн [4, с. 41].

Фактор исламизации характеризуется в настоящий момент явным конфликтом между религиозной и национальной самоидентификацией.

На заре становления ислама принцип общности мусульман на основе веры оправдывал консолидацию этнически разрозненных групп населения. Поэтому национализм как идеология, утверждающая в качестве фундамента государственности национальное единство и рассматривающая религиозную общность не как приоритетную, а лишь наряду с общностью языковой, территориальной, экономической, культурной и т.д. кажется несовместимым с исламом.

Ислам и национализм теоретически прямо противоположны друг другу, конечная цель ислама – мировое государство, в котором будут ликвидированы расовые и национальные предрассудки и всё человечество образует единую культурную и политическую систему. С точки зрения ислама национализм – групповая солидарность, сравнимая с лояльностью исключительно по отношению к своему племени, и пророк Мухаммед осудил этот принцип: «Тот, кто обращается к асабийя-национализму, не принадлежит к нашей общине». Современные исламские идеологи бросились из одной крайности в другую, от полного отрицания идеи «нации» они перешли к отождествлению её с религиозной общностью. Чем это чревато? На наш взгляд, подменой национальной идентичности, утратой собственных традиций, корней, своей системы ценностей, своей истории и заменой их сугубо религиозным, в данном случае, исламским содержанием. Причем, исторически не присущим казахскому этносу, принявшему ислам в ханафитском варианте.

Источники и литература:

1. Назарбаев Н.А. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999. 296 с.
2. Канай А.К. Исламский радикализм – фактор общественной угрозы и нестабильности. Костанай, 2013. 128 с.
3. Шайкемелев М.С. Казахская идентичность. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2013. 272 с.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007. 576 с.
5. Бисенбаев А.К. Другая Центральная Азия. Алматы: «Аркас», 2003. 300 с.

6. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.

7. Жакупов Ж. Шала Қазақ: прошлое, настоящее, будущее. Алматы, 2009. 150 с.

8. Артыкбаев Ж.О. Казахское общество в XIX веке: традиции и инновации. Караганда: «Полиграфия», 1993. 330 с.

УДК 069.158-054=1.517.3

А.Б. Шалманова

*Актюбинский областной историко-краеведческий музей,
Актобе, Казахстан*

ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ МОНГКЭ-2013: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлены итоги экспедиции МонгКЭ-2013 по численности этнической группы казахов в Монголии, их расселению на территории страны, языковой ситуации, религиозной идентичности.

Ключевые слова: казахи Монголии, расселение, язык, религия.

A.B. Shalmanova

*Aktobe Regional Museum of Local Lore and History,
Aktobe, Kazakhstan*

RESULTS OF THE EXPEDITION MONGKE 2013: ETHNOSOCIAL ASPECT

The article presents the results of the expedition MongKE 2013 largest ethnic group of Kazakhs in Mongolia, their resettlement in the country, the language situation, religious identity.

Keywords: Kazakhs in Mongolia, resettlement, language, religion.

В августе 2013 года отделом этнологии и антропологии Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК под руководством д.и.н., проф. С.Е. Ажигали была проведена Монгольская комплексная этнографо-этноархеологическая экспедиция (МонгКЭ-2013) в северной, центральной, восточной, западной частях Монголии, в которой автор принимала непосредственное участие. В статье использованы материалы, собранные в экспедициях МонгКЭ-2007, 2008, 2013. Автором был проведен опрос среди казахов и монголов. Из жителей сумонов были выбраны представители неквалифицированного физического труда, низкоквалифицированные группы людей, занятых традиционным хозяйством, и работники умственного труда более высокой квалификацией. В связи с преобладанием в сельской местности лиц физического труда над интеллигенцией отбор социально-профессиональных групп был непропорциональным.

По данным переписи 2010 г. численность населения Монголии составила 2 647 545 чел., из них 101 526 чел. - казахи. В городах живут 42 949 казахов, в сельской местности – 58 577 [8, с. 194-196]. Подавляющее большинство казахов проживает в Западном регионе страны, особенно в Баян-Ольгий аймаке – 75,6%, Ховд – 8,9%, в других же аймаках их сравнительно мало: Улан-Батор – 9,7%, Дархан-Уул – 2,4%, Тов – 0,9%, Хэнтий – 0,5% и т.д. [8, с. 56].

В обследованных нами населенных пунктах этническая группа казахов составляет меньшинство. По полевым данным в Хонгоре (Дархан-Уул аймак) проживают около 30 казахских семей, Шарынголе (Дархан-Уул аймак) – 300, Бэрхе (Хэнтий аймак) – 28, Налайхе – более 1400, Шандыгыне (Хэнтий аймак) – 25, Угтаалцайдам (Тов аймак) – около 43 [6]. В середине 1950–1960 гг., в связи с сооружением шахты по добыче флюорита в г. Бэрх, эксплуатации угольного разреза в г. Шарынгол, Шандыгын, угольной шахты в г. Налайх, некоторые казахи Баян-Ольгийского аймака переселились в эти регионы, устраивались по трудовым договорам на работу на предприятиях и в сельском хозяйстве. В настоящее время востребованными на рынке труда, по мнению опрошенных, считаются работники с техническим образованием.

В этноконфессиональном отношении 53% населения Монголии исповедуют буддизм, 3% – ислам, 2,9% – шаманизм, 2,2 % – христианство [8, с. 61]. «Важнейшую компоненту этничности местных казахов, по их представлениям, составляет религиозная идентичность. Казахи Монголии относят себя к мусульманам суннитского толка и считают этот факт главным своим отличием от соседей-монголов», – отмечает Н. Байгабатова [1, с. 62]. При опросе казахского населения Баян-Ольгий и Ховд аймаков в 2007–2008 гг. на вопрос «По Вашему мнению, для того чтобы считаться казахом, необходимо быть мусульманином?» 59% респондентов ответили «да», 5% – «нет», 33% – «нужно знать основы ислама», 6% – «затрудняюсь ответить». В населенных пунктах Хэнтий, Тов, Дархан-Уул аймаков, г. Налайх большинство респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

На территории Монголии получило распространение исламское течение «Таблиги жамагат» [6; 3, с. 59]. В Монголии налажена связь с арабскими странами, строятся мечети, медресе, намазхана, финансируется совершение хаджа. Казахская молодежь Монголии учатся в религиозных школах Турции, Саудовской Аравии, Пакистана, Египта, Малайзии, Объединенных Арабских Эмиратов и др. стран. Религиозная литература завозится из Киргизстана, Турции, Казахстана [6].

В перечень отмечаемых казахами праздников, наряду с такими, как Наурыз мейрамы – день весеннего равноденствия, Курбан айт, Ораза айт, отнесли Международный женский день – 8 марта, государственные праздники, а некоторые респонденты включили также День Святого Валентина и Рождество (Merry Christmas).

Мероприятия, связанные с праздником Наурыз, проходят в виде театрализованного представления, поскольку суровые климатические условия не дают возможности посадить деревце, очистить родник. Но в обязательном порядке готовится специальное угощение – *наурыз коже*. Устраиваются праздничный концерт, интеллектуальные игры, поются казахские песни на караоке.

На вопрос: «Какие нравственные качества вы цените в казахах?» монголы ответили «трудолюбие, честность». По мнению казахов, главной положительной чертой характера монголов является великодушие. Дорводов и урианхайцев, проживающих в Баян-Ольгийском аймаке, халха называют казахами, поскольку они, приехав в центральную Монголию, говорят на казахском языке [6].

«Новый импульс к пробуждению национально-политического самосознания Баян-Ольгийского населения (казахов – *А.Б.Ш.*) дало декабрьское восстание в Алматы. Гласность, которая появилась в монгольской печати, дала отпор цензуре, подняла флаг свободы мысли» [4, с. 109]. Вместе с этим начинается религиозное пробуждение. Также этому способствовало приобретение Казахстаном независимости. После 1990 г., когда Казахстан стал суверенным государством, связь казахов Монголии с исторической родиной стал шире. Появилась возможность просмотра телепередач на казахском языке по казахстанских телеканалам. Было налажено воздушное сообщение с Казахстаном.

Нужно отметить, что и до объявления независимости казахи Монголии поддерживали связь с КазССР. С 1941 г. начала выпускаться местная газета на казахском языке «Өркендеу». В 1957 г. она была переименована в «Жаңа өмір». В 1990-е гг., в связи с экономическими трудностями, происходившими в стране, газета перестала выпускаться. Литературный альманах «Жаңа талап», первый номер которого вышел в 1958 г., в 1979 г. начал выпускаться под названием «Шұғыла». На казахском языке стали выходить в свет литературные, научные, публицистические, политические и др. книги. На ряду с литературными произведениями, итогами научно-исследовательских работ и др. трудов казахов Монголии издавались переводы на казахском языке трудов монгольских поэтов, писателей [5, с. 201–207].

«Являясь основным средством общения людей, язык обслуживает все сферы человеческой деятельности... В этом отношении он как бы олицетворяет всеобъемлющий характер культуры в целом, обеспечивая фиксацию, хранение и передачу соответствующей информации. В силу таких свойств язык в пределах каждой этнической общности, с одной стороны, выступает главным фактором культурной интеграции этноса, с другой – важнейшим средством осуществления межпоколенной культурной преемственности в его рамках» [2, с. 53-54].

«Самым устойчивым признаком «казахскости», по мнению информаторов, – пишет Н. Байгабатова, – является язык, что подтверждается его использованием практически во многих сферах жизни, но только в пределах Баян-Ольгийского аймака» [1, с. 63]. Филолог А. Удербает полагает, что несмотря на фонетические, лексические, морфологические различия говора казахский язык не отличается от языка основного этнического массива. Это связано с совпадением переселения казахов в Монголию с периодом расцвета литературного казахского языка. С точки зрения диалектологии языковая особенность казахов Монголии начиная 1980-х гг. называется Баян-Ольгийский говор и входит в восточные говоры казахского языка [7, с. 9]. Монгольским языком владеют казахи, живущие за пределами Баян-Ольгийского аймака, где проживают монголы, студенты вузов или ссузов. Казахи-скотоводы Баян-Ольгийского аймака, во многих случаях с неоконченным средним образованием, не знают монгольского языка [6].

Казахи Хэнтий, Дархан-Уул, Тов аймаков, гг. Налайх, Улан-Батор разговаривают на родном казахском языке, в основном, дома. Поскольку в дошкольных организациях, в школе воспитание и обучение производится на государственном монгольском языке, казахские дети свободно владеют

монгольским. Монгольский язык как государственный язык используется в делопроизводстве государственных учреждений и других организаций, СМИ, трудовых отношениях. Таким образом применение казахского языка ограничивается бытовой сферой. На второй план выходит иностранный язык – английский или французский.

По сравнению с Баян-Ольгийским и Ховд аймаками в этих регионах нет возможности просмотра казахстанских, в некоторых сумонах и синьцзянских телеканалов на казахском языке в местном телевидении. Через спутниковые антенны, кроме телеканала «Балапан», популярного среди детей, казахстанские телеканалы не транслируются.

Хорошее владение казахским языком отмечается среди старшего и среднего поколений Хэнтий, Дархан-Уул, Тов аймаков. Они, родившиеся в Баян-Ольгийском аймаке, закончили там общеобразовательные школы на родном казахском языке. По словам информаторов, молодежь не читает книги, увлечена Интернетом, казахский язык среди подрастающего поколения вышеназванных аймаков забывается. Местные представители этнической группы казахов создают кружки казахского языка и литературы, тем самым способствуя сохранению казахского языка, культуры, традиции [6].

Мы согласны с мнением А. Удербаева, что многие люди из современного поколения вынуждены переходить на двуязычие, наряду с родным языком использовать монгольский. Это влечет за собой полное овладение вторым языком и забвению родного [7, с. 10]. В лексике этнической группы казахов Монголии есть заимствования с монгольского языка в названии учреждений, продуктов питания, названия предметов, а также слова, которые являются дословным/наполовину дословным переводом монгольского слова. Например, «*магатжоқ*» по-монгольски «*магадгүй*» в переводе на русский означает «может быть, возможно».

Владение русским языком отмечается у старшего и среднего поколений казахов и монголов. Этому способствовало их обучение в ссузах и вузах бывшего Советского Союза.

В начальных и, частично, средних классах казахских школ Баян-Ольгий аймака преподавание предметов осуществляется на казахском языке, в 6–12 классах - на монгольском. В старшем звене малокомплектные казахские классы присоединяют к монгольским.

Среди казахов Монголии межнациональные браки не приветствуются. Но некоторые опрошенные казахи не против женитьбы сына на девушке монгольской национальности, с условием принятия ею ислама. Дочь за человека монгольской или другой национальности выдавать замуж не хотят.

В ходе обследования на территории Монголии нами были зафиксированы иностранные организации, целью работы которых является повышение благосостояния населения Монголии. Эти организации осуществляют свои программы в нескольких направлениях. Например, есть проект по развитию земледельчества, других видов хозяйства для получения доходов и повышению жизненного уровня скотоводов, которые финансируется Министерством сельского хозяйства США и осуществляется организацией «World Vision Mongolia». Проект охватывает вместе с другими аймаками сумоны Баяннуур, Булгын, Дэлуун, Цэнгэл Баян-Ольгийского аймака. В рамках программы отбираются по утвержденным критериям несколько семей из желающих заняться земледельчеством или скотоводством. В сумонном центре открывается филиал

иностранной организации, там организуются тренинги, курсы; участникам проекта выдаются учебно-методические материалы, семена, орудия труда, техника для занятия земледелием; строятся теплицы. Предполагается, что обучавшиеся, получив необходимые теоретические знания и навыки, после окончания курсов применят их в земледелии, перейдут к интенсивному скотоводству. Семьи, обратно мигрировавшие из Казахстана в Монголию, участники проекта «Дэлхийн зуун», удачно применяют навыки выращивания овощей. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, каменистость почвы, они каждый год очищают землю от камней, направляют, выгораживая камнями, русло реки вырытым арыком для полива. Из видов овощей, в частности, выращивается картофель, морковь, капуста, а в теплицах помидоры, огурцы, болгарский перец и другие овощи [6].

По Указу Президента Республики Казахстан «О государственной программе поддержки соотечественников, проживающих за рубежом» от 31 декабря 1996 года, в 2001 г. был открыт филиал Восточно-Казахстанского Университета (ВКГУ) имени С. Аманжолова в городе Баян-Ольгий.

В пожеланиях, выраженных казахами Монголии, было возобновление авиарейсов в Казахстан, открытие в г. Ольгий казахского культурного центра.

Итоги экспедиции МонгКЭ-2013 показали, что дисперсное расселение казахов, отсутствие казахских школ, теле и радиовещания на родном языке в северной, восточной, центральной частях Монголии являются главными факторами частичной монголизации казахов в этих регионах. Компактное проживание казахов в Баян-Ольгийском и Ховд аймаках позволило им сохранить родной язык. Вдали от основного этнического массива они продолжают сохранять этническую идентичность в инокультурной среде.

Источники и литература:

1. Байгабатова Н.К. Этнические маркеры казахов Монголии // Казахстан и зарубежные казахи: Мат-лы Междунар. научн.-практ. конф. «Репатриация этнических казахов в Казахстан как составная часть государственной миграционной политики: достижения, проблемы и пути решения», посвященной 20-летию Всемирной Ассоциации казахов (г. Алматы, 12 октября 2012 г.) / Сост. К.Н. Балтабаева, К.М. Кобырбаева. Алматы: Атажұрт, 2012. 376 с. С. 60-63.

2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 284 с.

3. Имандылық қайнары / Құраст. Р. Зұрғанбайұлы. Өлгей-Ұланбатыр: КИТАБ, 2010. 200 б.

4. Құрманбайұлы Ү., Рахметұлы Ш. Моңғолиядағы қазақ халқы. Баян-Өлгий: АДМОН, 2007. 264 б.

5. Мухамадиұлы, Хурметхан. Моңғолиядағы қазақ субэтностының қалыптасуы мен дамуы. (Тарихи-этнологиялық зерттеу). Алматы-Улаанбаатар: Чойжал, 1997. 221 б.

6. Полевые материалы автора. МонгКЭ–2007, 2008, МонгКЭ–2013.

7. Үдербаев А.Ж. Моңғолиядағы қазақ диаспорасының тіліндегі фонетикалық ареал құбылыстарды салыстырмалы зерттеу. Филология ғыл. канд. ... дисс. автореф.: 10.02.02 / ҚР БҒМ А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты. Алматы, 2002. 29 б.

8. Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллого. Улаанбаатар: ВСІ, 2011. 274 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алдашева А.Б., Телебаев Г.Т.</i> КАЗАХИ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	5
<i>Алимбаева Б.Б.</i> КАЗАХСКИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОРЕНБУРЖЬЯ (ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ)	8
<i>Аллыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н.</i> ОМСК КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЦЕНТР В БОРЬБЕ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ СОВЕТОВ В АКМОЛИНСКОМ КРАЕ	14
<i>Аманжолова Д.А.</i> ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА И А.Н. БУКЕЙХАНОВ	21
<i>Ауанасова А.М., Ауанасова Б.М.</i> АССАМБЛЕЯ НАРОДА КАЗАХСТАНА – КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, МИРА И СОГЛАСИЯ	29
<i>Ахметова Ш.К.</i> ПРОЩАЙ АЛАША: К ПРОБЛЕМЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ КОВРОТКАЧЕСТВА У КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	33
<i>Ахметова Ш.К., Толпеко И.В.</i> ЖИВАЯ ПАМЯТЬ (О РАЗВИТИИ ТРАДИЦИИ УСТАНОВКИ ПАМЯТНЫХ ЗНАКОВ У КАЗАХОВ АЗОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ И КЫЗЫЛ-АСКЕРОВСКОМ СЕЛЬСОВЕТЕ)	42
<i>Балтабаева К.Н.</i> КАЗАХИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 2010 ГОДА)	50
<i>Балтабаева К.Н.</i> НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХОВ СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОГО АВТОНОМНОГО РАЙОНА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ	58
<i>Балыкова А.М.</i> О ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1959-1989 гг.	68
<i>Габдулина А. Ж.</i> КАЗАХСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАЧАЛА ХХ в. (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЗИМБАЯ ЛЕКЕРОВА)	74
<i>Далаева Т.Т.</i> УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ОМСКА В ПОДГОТОВКЕ КАЗАХСКИХ ЧИНОВНИКОВ ДЛЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ (XIX в.)....	79
<i>Джумагалиева К.В.</i> КАЗАХИ НА СОЛЯНЫХ И РЫБНЫХ ПРОМЫСЛАХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ ХХ ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ)	87
<i>Диянова А.М., Сексембаева Ш.И.</i> РОЛЬ ЦЕНТРА ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ «БАЙТЕРЕК» В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НОВОВАРШАВСКОГО РАЙОНА	95
<i>Ергалиева Д.С., Аллысбес М.А.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ШАРГ» И ЕЕ РОЛЬ В ПОВСТАНЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИНЬЦЗЯНА	100
<i>Ермекбай Ж.А.</i> ИЗ ИСТОРИИ КАЗАХСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ НА РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЫСТАВКАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - НАЧАЛА ХХ ВВ.	104
<i>Жаманкозова А.Т.</i> А.Н. БУКЕЙХАНОВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ	111
<i>Ильина А.А., Жунусова А.Х.</i> ОМСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СИБИРСКИЙ ЦЕНТР КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ «МӨЛДІР»: ГРАНИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	115

Илюшин А.М. КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ ДЕШТ-И КЫПЧАК (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК НА ТОРОПОВО-7).....	124
Калшабаева Б.К., Бейсегулова А.К., Рахимов Е.К. ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КАЗАХОВ В ГОРНЫЙ АЛТАЙ.....	130
Картаева Т.Е. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО БЕТАШАРА: РИТУАЛЫ И ТРАДИЦИИ.....	137
Керейбаева А.С. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ И МЕЦЕНАТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ СТЕПНОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	143
Кожя М.Б., Жандарбек З.З. НАВЕРШИЕ ЗНАМЕНИ И РУКОПИСЬ ХАНА АЛИАКБАРА.....	150
Ксенжик Г.Н. ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВО КАЗАХОВ МОНГОЛИИ.....	154
Кунанбаева Ш.Б. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ В ТРУДАХ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ КОНЦА XIX в.	163
Мажитов С.Ф. АЛИХАН БУКЕЙХАНОВ И КОНЦЕПЦИЯ КАЗАХСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	166
Мамытова С.Н. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СОГЛАСИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПАВЛОДАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ.....	174
Мизимбаев Т.С. БОРЬБА ЛИДЕРА АЛАШ-ОРДЫ А. БУКЕЙХАНОВА ЗА РАВНОПРАВИЕ КАЗАХОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в. (В ВОПРОСЕ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ).....	179
Моргунов К.А. УЧАСТИЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРЖЬЯ В СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В 1920-1930-е гг.	184
Мусагажинова А.А. ЖОҚТАУ В ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КАЗАХОВ ПАВЛОДАРСКОГО ПРИРТЫШЬЯ.....	196
Нурахметова Г.Б. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХОВ В СОБРАНИИ ОБЛАСТНОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ г. ПАВЛОДАРА .	200
Нурбаев К.Ж. КНЯЗЬ ТАЙБУГА И ЕГО СИБИРСКИЙ УЛУС	205
Озерова О.А. ПРЕСЕЧЕНИЕ ЗАПСИБКРАЙКОМОМ ВКП(б) ПРОЯВЛЕНИЙ ВЕЛИКОДЕРЖАВНОГО РУССКОГО ШОВИНИЗМА ИНАЦИОНАЛИЗМА СРЕДИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ (1930-1936 гг.).....	213
Оттепова Г.Е. ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА ОМСКА В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА.....	218
Рогожинский А.Е. КАЗАХСКИЕ ТАМГИ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОТКРЫТИЯ.....	223
Сулейменов М.А. А.Н. БУКЕЙХАНОВ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ... ..	236
Султанова М.Э., Шайгозова Ж.Н. «СВИНЦОВЫЙ» БАҚСЫЛЫК И ЦЕЛИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ В КАЗАХСТАНЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	240
Толеубаева К.М. ПОЛОЖЕНИЕ И МЕСТО ЖЕНЩИНЫ В БОЛЬШОЙ И ОТДЕЛЬНОЙ НЕБОЛЬШОЙ СЕМЬЕ.....	249
Томилов Н.А. ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПРОЕКТ ПЕРИОДИЗАЦИИ (К 40-ЛЕТИЮ ИССЛЕДОВАНИЙ ОМСКИХ КАЗАХОВЕДОВ)	256

Тохтабаева Ш.Ж. ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕКОРА КАЗАХСКОЙ МЕБЕЛИ XIX-XX вв.	262
Тынысов Б.А. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МЕЛКИХ КАЗАХСКИХ АУЛОВ И ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КАЗАХОВ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.	271
Ушницкий В.В. КЕРЕИТЫ – ЗАГАДОЧНЫЙ НАРОД ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	276
Шайгозова Ж.Н., Султанова М.Э. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СБЛИЖЕНИЯ КУЛЬТУР: ПУТИ И ПОИСКИ.....	282
Шаймарданова З.Д. КАЗАХСТАН В ЕВРОПЕЙСКОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ИСТОРИКО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	290
Шаймерден Г.И. МАТРИЦА ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	295
Шалманова А.Б. ИТОГИ ЭКСПЕДИЦИИ МОНГКЭ-2013: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	300

CONTENT

<i>Aldasheva A.B., Telebayev G.T.</i> KAZAKHS IN KYRGYZSTAN: HISTORY AND MODERNITY.....	5
<i>Alimbaeva B.B.</i> KAZAKH NATIONAL-CULTURAL PUBLIC ORGANIZATIONS OF THE ORENBURG REGION (THE HISTORY OF).....	8
<i>Alpyspayeva G.A., Sayakhimova Sh. N.</i> OMSK AS ORGANIZATIONAL CENTER IN THE STRUGGLE FOR SOVIET POWER ESTABLISHMENT IN AKMOLA REGION.....	14
<i>Amanzholova D.A.</i> THE 1916 YEAR REVOLT AND ALIKHAN N. BUKEYKHANOV	21
<i>Auanassova A.M., Auanassova B.M.</i> KAZAKHSTAN PEOPLE ASSEMBLY - MODEL OF INTERNATIONAL COLLABORATION, PEACE AND HARMONY	29
<i>Akhmetova Sh.K.</i> FAREWELL WITH ALASHA: OVER PROBLEM OF DISAPPEARANCE CARPET WEAVING OF WESTERN SIBERIAN KAZAKHS	34
<i>Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V.</i> THE LIVING MEMORY (OF DEVELOPMENT TRADITIONS MEMORIAL SIGNS OF KAZAKHS FROM AZOVSKY DISTRICT OF OMSK REGION AND ABOUT THE KYZYL-ASKEROVSKY VILLAGE HALL).....	43
<i>Baltabayeva K.N.</i> KAZAKH PEOPLE OF ORENBURG PROVINCE (ACCORDING TO CENSUS 2010).....	50
<i>Baltabayeva K.N.</i> INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE KAZAKHS OF XINJIANG AUTONOMOUS REGION OF PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA ..	58
<i>Balykova A.M.</i> THE 1959-1989 YEARS POPULATION OF KAZAKHSTAN ACCORDING TO CENSUS	68
<i>Gabdulina A.Zh.</i> THE BEGINNING OF THE XX CENTURY KAZAKH INTELLIGENCIA (ON THE EXAMPLE OF AZIMBAY LEKEROV)	75
<i>Dalayeva T.T.</i> EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE OMSK IN PREPARING OF KAZAKH OFFICIALS FOR LOCAL CONTROL (XIX C.)	80
<i>Dzhumagalieva K. V.</i> KAZAKHS DURING THE SALT-EXTRACTION AND FISHERING ON ARCHIVES MATERIALS (END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURIES)	87
<i>Diyanova A.M., Seksembaeva Sh.I.</i> THE ROLE OF THE CENTER OF KAZAKH LANGUAGE AND CULTURE «BAITEREK» IN THE KAZAKH STUDENTS NATIONAL IDENTITY FORMATION (NOVOVARSHAVSKY REGION, OMSK OBLAST)	95
<i>Yergaliyeva D.S., Alpysbes M.A.</i> «SHARG» CLANDESTINE ORGANIZATION AND ITS ROLE IN THE REBEL MOVEMENT OF MUSLIM TURCIC PEOPLES OF XINJIANG.....	100
<i>Ermekbay Z.A.</i> TO THE HISTORY OF KAZAKH COLLECTIONS ON THE RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXHIBITIONS (SECOND HALF OF THE XIX-th - BEGINNING OF THE XX-th CENTURIES).....	105
<i>Zhamankozova A.T.</i> ALIKHAN BUKEYKHANOV – THE FOUNDER OF THE LITERATURE THEORY	112

Ilina A.A., Zhunusova A.H. OMSK REGIONAL PUBLIC ORGANIZATION «SIBERIAN CENTER OF THE KAZAKH CULTURE «MÖLDIR»»: FACES OF ACTIVITY, ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS	116
Ilyushin A.M. CULTURE OF NOMADS OF DESHT-I OF KYPCHAK (ON MATERIALS OF EXCAVATION ON TOROPOVO-7).....	124
Kalshabayeva B.K., Beysegulova A.K., Rakhimov Ye.K. FROM THE HISTORY OF MIGRATION KAZAKHS IN THE ALTAI MOUNTAINS	130
Kartaeva T.E. «BETASHAR» LOCAL FEATURES: RITUALS AND TRADITIONS.....	137
Kereibayeva A.S. THE PHILANTHROPIC ACTIVITY OF STEPNOY KRAY BUSINESSMEN IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN STATE POLICY: HISTORIOGRAPHIC ASPECT (SECOND HALF OF THE XIX-th - BEGINNING OF THE XX-th CENTURY)	143
Kozha M.B., Zhadarbek Z.Z. THE BANNER FINIAL AND ALIAKBAR-KHAN MANUSCRIPT	150
Xenzhik G.N. HISTORY, CULTURE AND ECONOMY OF THE MONGOLIAN KAZAKHS	155
Kunanbayeva S.B. ILLUSTRATIVE MATERIALS ON TRADITIONAL CULTURE OF KAZAKHS IN WORKS POLISH SCIENTISTS (THE END OF THE XIX-th CENTURY)	163
Mazhitov S.F. ALIKHAN BUKEIKHANOV AND THE CONCEPT OF KAZAKH STATE.....	167
Mamytova S. N. RESULTS ON ACTIVITY ON STRENGTHENING OF THE INTERETHNIC CONSENT AND TOLERANCE IN THE PAVLODAR REGION	174
Mizimbaev T.S. THE LEADER ALASH ORDA BUKEIKHANOV STRUGGLE FOR EQUALITY OF KAZAKHS OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE QUESTION OF MILITARY SERVICE (BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY).....	179
Morgunov K.A. ORENBURG KAZAKH POPULATION IN THE SOVIET CONSTRUCTION (1920-1930).....	184
Musagazhinova A.A. ZHOKTAU IN THE FUNERAL-RITES OF REMEMBRANCE KAZAKHS PAVLODAR REGION	197
Nurakhmetova G.B. CREATIVE HERITAGE MEETING KAZAKHS REGIONAL HISTORY MUSEUM IN PAVLODAR.....	200
Nurbayev K.Zh. THE DUKE TAIBUGA AND HIS SIBERIAN ULYS.....	206
Ozerova O.A. SUPPRESSION OF WESTERN SIBERIAN COMMUNIST PARTY DISPLAYS OF GREAT-POWER RUSSIAN CHAUVINISM AND NATIONALISM AMONG TURKIC PEOPLE (1930-1936).....	213
Otepova G.E. THE IMPORTANCE OF OMSK CITY IN THE KAZAKHSTAN HISTORY	218
Rogozhinskiy A.E. KAZAKH TAMGAS: NEW RESEARCH AND DISCOVERIES.....	223
Suleymenov M.A. BUKEYKHANOV AS A HISTORICAL PERSONAGE	236
Sultanova M.E., Shajgozova Zh.N. «LEAD» BAKSYLYK AND HEALING PRACTICES IN KAZAKHSTAN: TRADITIONS AND MODERNITY	241
Toleubayeva K.M. THE POSITION AND THE PLACE OF WOMAN IN A LARGE AND A SEPARATE A LITTLE FAMILY	249

Tomilov N.A. STUDY ETHNOGRAPHY OF THE KAZAKHS OF WESTERN SIBERIA: PROJECT PERIODS (THE 40TH ANNIVERSARY OF OMSK KAZAHOVEDOV RESEARCH).....	256
Tokhtabayeva S.J. ETHNIC DECORATION FEATURES OF KAZAKH FURNITURE IN XIX-XX.....	262
Tynysov B.A. THE DISAPPEARANCE OF THE SMALL KAZAKH VILLAGES AND POPULATION DYNAMICS OF THE KAZAKHS OF OMSK IRTYSH REGION IN THE SECOND HALF OF THE XX-TH CENTURY	271
Ushnitsky V.V. KERAYIT – CENTRAL ASIAN MISTERIOUS PEOPLE	276
Shajgozova Zh.N., Sultanova M.E. THE MODERN ART OF KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF RAPPROCHEMENT OF CULTURES: WAYS AND SEARCHES	282
Shaimardanova Z.D. KAZAKHSTAN IN THE EUROPEAN GEOPOLITICAL HISTORICAL AND COMMUNICATIVE SPACE.....	290
Shajmerden G.I. IDENTITY MATRIX: FORMULATION OF THE PROBLEM.....	295
Shalmanova A.B. RESULTS OF THE EXPEDITION MONGKE 2013: ETHNOSOCIAL ASPECT	300

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
АИ – Акты исторические
Акмол. обл. ведомости – Акмолинские областные ведомости
АН СССР – Академия наук СССР
АНК – Ассамблея народов Казахстана
АП РК – архив Президента Республики Казахстан
АССР – Автономная Социалистическая Советская Республика
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БОАК – Бүкілодақтық орталық атқару комитеті
ВКП (б) – Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
Военревкомитет – Военный революционный Комитет
Волисполком – волостной исполнительный комитет
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАОО – государственный архив Оренбургской области
ГАРФ – государственный архив Российской Федерации
ГАСКО – государственный архив Северо-Казахстанской области
ГАСО – государственный архив Саратовской области
ГКУ АО «ГАОО» – Государственный архив Астраханской области
ГНА РК – государственный архив Республики Казахстан
Госплан – государственный план
ГУ – государственное учреждение
Губизбирком – губернская избирательная комиссия
Губисполком – губернский исполнительный комитет
Губоно – губернский отдел народного образования
ЗАГС – запись актов гражданского состояния
Запсибкрайком – Западно-Сибирский краевой комитет
Земгор – Главный по снабжению армии комитет Всероссийского земского и городского союзов
ЗСО ИРГО – Западно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИИЭ – Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
Казкрайком – Казахстанский Краевой комитет
КазНУ – Казахский Национальный университет имени Аль-Фараби
Казрайком – Казахский районный комитет
Кирнаркомпрос – народный комиссариат просвещения Киргизской Автономной Социалистической Советской Республики
Киробком РКП(б) – Киргизский областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков)
Кирсовпартшкола – Киргизская советско-партийная школа
КирЦИК – Киргизский Центральный Исполнительный Комитет
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ККОВ – Крестьянский комитет общественной взаимопомощи

КН МОН РК – Комитет науки министерства образования и науки Республики Казахстан
 КНР – Китайская Народная Республика
 ҚР ПМ – Қазақстан Республикасы Президентінің мұрағаты (Архив Президента Республики Казахстан)
 КУ ИСА – казенное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»
 МАЭ РАН – Музей археологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук
 МБОУ – муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
 МВД – Министерство внутренних дел
 НАРК – Национальный архив Республики Казахстан
 Нарком – народный комиссар
 НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел
 НКН – нематериальное культурное наследие
 НОУ – научное общество учащихся
 Облсполком – областной исполнительный комитет
 Облоно – областной отдел народного образования
 Обком – областной комитет
 ОГКУ ГАТО – Областное государственное казенное учреждение «Государственный архив Томской области»
 ОК ВКП(б) – Окружной Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
 Окрисполком – окружной исполнительный комитет
 Окружком – окружной комитет
 ОмГУ – Омский государственный университетим. Ф.М. Достоевского
 ООН – Организация Объединенных Наций
 ООШ – основная общеобразовательная школа
 ОРО ИРГО – Оренбургский отдел императорского русского географического общества
 ОФ ИАЭТ – Омский филиал Института археологии и этнографии
 ПМА – полевые материалы автора
 ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи
 Рабочком – рабочий комитет
 Рабфак – рабочий факультет
 Райсполком – районный исполнительный комитет
 Райком – районный комитет
 РАН – Российская академия наук
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов
 РГАЭ – Российский государственный архив экономики
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 Ревком – Революционный Комитет
 РИК – районный исполнительный комитет
 РК – Республика Казахстан
 РК ВКП(б) – Районный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
 РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая
Республика
РФ – Российская Федерация
СГА ВКО РК – Семипалатинский государственный архив Восточно-
Казахстанской области Республики Казахстан
Сиббюро – Сибирское бюро
Сибревком – Сибирский революционный комитет
СМИ – средства массовой информации
СНГ – Содружество Независимых Государств
СНК – Совет Народных комиссаров
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
ССР – Советская Социалистическая Республика
СССР – Союз Советских Социалистических республик
СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной
Республики
США – Соединенные Штаты Америки
ТИАЭ АН Каз. ССР – Труды института истории, археологии и
этнографии академии наук Казахской Советской Социалистической республики
ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей
ТүркОАК – Түрікмен орталық атқару Комитеті
Уисполком – уездный исполнительный комитет
УНХУ – Управление народнохозяйственного учета
ХКК – Халық Комиссарлар Кеңесіне
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГМ РК – Центральный Государственный музей Республики Казахстан
ЦДННАО – Центр документации новейшей истории Оренбургской области
ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет
ЦК ВКП (б) – Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической
партии (большевиков)
ЦСУ Госкомстата – Центральное статистическое управление
Государственного комитета статистики
ЦХАФ АК – Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ШКМ – школа коммунистической молодежи
ЮКГУ – Южно-Казахстанский государственный университет им. М.О.
Ауэзова

Научное издание

КАЗАХИ ЕВРАЗИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

KAZAKHS OF EURASIA: HISTORY AND CULTURE

COLLECTION OF SCIENTIFIC PAPERS

Компьютерде беттеген: Н.Т. Кудайбергенова
Корректорлар: С.Б. Абдуалиева

Подписано в печать 26.10.2016 г.
Формат 29,7 x 421/4 бумага книжно-журнальная.
Объем 20,1 усл.печ.л. Тираж 300 экз. (1-й з-д – 1-100)
Заказ № 1015

Научно-издательский центр
Павлодарского государственного педагогического института
140002, г. Павлодар, ул. Мира, 60

Издательство
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а
тел.: 8 (3812) 67-32-55, 64-30-61, 64-13-07